

Русская литература

№ 4

Историко-литературный журнал

2011

Издаётся с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Г. А. Тиме. «Святой отец Яков Бемен» (рецепция наследия немецкого мистика в России)	3
С. А. Фомичев. Похвала басне	28

К 145-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

С. Д. Титаренко. Из ранней прозы Вячеслава Иванова 1887 года (к проблеме истоков «Интеллектуального дневника» 1888—1890-х годов)	38
Приложение. Вячеслав Иванов. «Прозаические этюды»	45
С. В. Федотова. Неизвестные переложения псалмов Вячеслава Иванова	51
Роберт Бёрд (США). К творческой истории статьи Вячеслава Иванова «Древний ужас»	57
Майкл Вахтель (США). Дополнения к «Лире Новалиса» Вячеслава Иванова	61
Приложение. Вячеслав Иванов. Переводы из Новалиса (подготовка текста Майкла Вахтеля и [Д. В. Иванова]).	65
К. Ю. Лаппо-Данилевский. О преподавании Вячеслава Иванова на курсах Н. П. Раева	66
Пятая строфа второй канцоны «Пиршества» Данте в переводе Вячеслава Иванова (публикация Андрея Шишкина (Италия))	80
Е. А. Бусыгина. О переводе Вячеслава Иванова из Анни Виванти	81
Э. К. Александрова. «Одинокая вершина» Яна Райнуса в переводе Вячеслава Иванова	88
Переписка Вячеслава Иванова с С. М. Алянским (1918—1923) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. С. Александрова)	92
Приложение. «Проект Собрания сочинений Лидии Дм. Зиновьевой-Аннибал»	106
Н. А. Богомолов. Об одном стихотворении на случай	107
А. Л. Топорков. «Повесть о Светомире царевиче» Вячеслава Иванова и «Сказание о Мамаевом побоище»	111
Переписка Вячеслава Иванова с Л. Пачини-Савой (публикация Бьянки Сульпассо (Италия))	117

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«НАУКА»

Андрей Шишкин (<i>Италия</i>), Ричард Дэвис (<i>Великобритания</i>). Эпистолярный Вячеслава Иванова и И. А. Бунина 1937 года	133
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Н. В. Семенова. Идея Империи в России XVIII — начала XX века: образ Петра I . . .	138
Л. И. Черемисинова. Неизвестная статья А. А. Фета	143
Приложение. Ф. [А. А. Фет]. Смоленский Скапен (из Мценска) (публикация Н. П. Генераловой)	148
Д. Э. Левин. Дар террориста Императорской Публичной библиотеке.	150
Ильдико Мария Рац (<i>Венгрия</i>). Элементы иррационального в рассказе И. А. Бунина «Грамматика любви»	155
Ю. М. Лотман, З. Г. Минц — Б. Ф. Егоров. Переписка 1960—1961 годов (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Б. Ф. Егорова, Т. Д. Кузовкиной и Н. В. Поселягина)	162

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. О. Дёмин. Новое итальянское исследование о В. К. Кюхельбекере	199
Р. Ю. Данилевский. Первый сборник стихотворений Н. А. Клюева в переводе на немец- кий язык	201
Д. В. Токарев. Книга о Д. Хармсе и Р. Домале	203
М. М. Павлова. Памятник фальсификату	205
А. М. Грачева. «Я просто хочу вспомнить человека...»	208

ХРОНИКА

А. Ю. Соловьев. К 250-летию И. И. Дмитриева	210
А. К. Михайлова. Международные научные чтения памяти Вадима Эразмовича Вацуро (к 75-летию со дня рождения)	213
Э. К. Гумерова. Научно-художественный вечер, посвященный 145-летию со дня рожде- ния Вячеслава Иванова	219
Александр Рубашкин. Свой голос. Вспоминая Алексея Павловского	224
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Русская литература» в 2011 году	227

Журнал издается под руководством Отделения
историко-филологических наук РАН

Главный редактор В. Е. БАГНО

Редакционная коллегия:

Е. В. АНИСИМОВ, Д. М. БУЛАНИН, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН,
Г. Я. ГАЛАГАН (зам. главного редактора), А. А. ГОРЕЛОВ, В. Я. ГРЕЧНЕВ,
И. Ф. ДАНИЛОВА (отв. секретарь редакции), Н. Н. КАЗАНСКИЙ,
В. А. КОТЕЛЬНИКОВ, Н. Д. КОЧЕТКОВА, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН,
С. И. НИКОЛАЕВ, Ю. М. ПРОЗОРОВ, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ,
С. А. ФОМИЧЕВ, Т. С. ЦАРЬКОВА

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01
e-mail: rusliter@mail.ru

«СВЯТОЙ ОТЕЦ ЯКОВ БЕМЕН»

(РЕЦЕПЦИЯ НАСЛЕДИЯ НЕМЕЦКОГО МИСТИКА В РОССИИ)

В истории русской литературы и культуры немецкий мистик, теософ и визионер Яков Бёме (1575—1624) по сей день остается своего рода знакомым незнакомцем. С одной стороны, его имя и основные положения учения знакомы каждому компетентному исследователю, в особенности тому, кто занимается древнерусской литературой и литературой XVIII века, сектантством или масонством в России. Без Бёме невозможно представить себе изучение русского барокко и русского символизма.

С другой стороны, сам феномен Бёме в России в его временном, пространственном и идейном движении, развитии и оформлении, продолжающемся уже не одну сотню лет, ускользает. Поэтому задачей предлагаемой читателю статьи является не столько увеличение конкретных знаний о Бёме в узких областях изучения, и тем более не решение поставленной проблемы в целом (это под силу даже не всякому монографическому исследованию), а обозначение наследия немецкого мистика как феномена, влияние которого не ослабевает и в наши дни. Это влечет за собой конкретизацию научной проблемы, выявление ее важнейших и наиболее актуальных аспектов и тенденций, которые еще ждут своих исследователей.

Путь Якова Бёме в Россию сложен, а порой даже трагичен. Но когда в начале XVIII века его сочинение «Christosophia, oder der Weg zu Christo» («Путь ко Христу») было переведено на церковно-славянский язык, автора назвали на русский лад «святым отцом нашим Яковом Беменом», в такой степени рукописный перевод создавал впечатление оригинального текста. Некоторое время его автором считался Г. Сковорода.

Первой книгой немецкого мистика, изданной в России на русском языке, стал сборник с тем же названием: «Christosophia, или Путь ко Христу, в девяти книгах, творение Иакова Бема, прозванногого тевтоническим философом» (Санкт-Петербург, 1815). В него вошли отдельные сочинения, с приложением четырех символических картин, заимствованных из издания И. Гихтеля (Амстердам, 1682). Сборник был составлен и переведен на русский язык А. Ф. Лабзиным, который предварил его предисловием, где перечислил все известные переводы Бёме на иностранные языки. Отдельные тексты появлялись в сборниках философских сочинений.¹ К концу XVIII века в России уже существовал рукописный перевод всех сочинений немецкого мистика.²

¹ См.: С. П.-в. Русские переводы Якова Бема // Библиографические записки. 1858. Т. 1. С. 129—137.

² См. «Полное собрание творений Якова Беме в 22-х томах в переводе С. И. Гамалея (1743—1822), выполненное по амстердамскому изданию 1682 г.» (Бурцев А. Е. Библиографическое обозрение древнеславянской и русской письменности от XIV до начала XX века. СПб., 1904. С. 16—20. № 1662). Полный перечень всех рукописных переводов см.: Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II / Под ред. М. В. Рейзина и А. И. Серкова. СПб., 1999. См. также каталог выставки «500 лет гнозиса в Европе. Гностическая традиция в печатных и рукописных книгах» (Амстердам, 1993).

Однако, в связи с преследованием почитавшего Бёме масонства, официальным запретом тайных обществ в России в 1822 году, а также постановлением Святого Синода 1827 года о запрещении и конфискации его писаний как «еретических», сочинения немецкого мистика в XIX столетии печатались тайно, нередко в неполном виде и сохранялись в частных, по преимуществу масонских коллекциях.

Сама судьба этого философа и его наследия кажется мистической. Всю свою жизнь Якоб Бёме проработал сапожником в маленьком городке Гёрлице, однако этого скромного сапожника, усердно читавшего Библию и любые духовные сочинения, попадавшие ему в руки, посещали божественные видения и образы. Они слегались в его воображении в грандиозную, исполненную мистического значения картину творения мира. Даже рассказать о них кому-либо, кроме местного пастора Мартина Моллера, Бёме не решался.

В 1612 году, в течение пяти месяцев, он пишет свой первый и самый знаменитый трактат «Aurora oder Morgenröte im Aufgang...» («Утренняя заря в восхождении...»), более известный затем как «Аврора». Уже в самом полном названии сочинения, очень длинном по обычаю того времени, обнаружилось стремление автора изобразить «зарю» как «мать философии, астрологии и теологии», постичь истоки зарождения самой природы: «как всё было и откуда пошло». «Мой дух, как молния, блеснул и проник в глубину всего сущего, — рассказывал Бёме. — ⟨...⟩ Я рассматривал космос и человека, видел, что в нем есть добро и зло: всем этим я б(ыл) глубоко огорчен, и ничто не могло утешить меня. Но когда дух мой вознесся к Богу, тогда Бог просветил меня своим Духом. Чувство, мысли и воля осветились; дух мой пробил ворота ада и достиг до сокровенной жизни божественной. Ни с чем нельзя сравнить это состояние духа, как разве с воскресением из мертвых; во всякой траве и былинке я видел Бога. В этом свете выросло у меня желание описать Божество».³

Первое сочинение Бёме очень типично для него: с одной стороны, автора нельзя было конкретно упрекнуть в противостоянии Библии, но с другой — сам дух этого произведения проникнут необыкновенно чувственным, мистическим мироощущением. Это произведение явно не было конфессиональным по отношению к христианской церкви, и лютеранский пастор Грегор Рихтер, сменивший Моллера, стал преследовать автора. Он на время оставил перо, однако именно в этот период познакомился с врачом Тобиасом Кобером, знатоком Парацельса и сочинений алхимиков, оказавшим на него сильное влияние.

С 1619 по 1624 год Бёме начал писать книгу за книгой, и среди них такие известные впоследствии трактаты, как «De tribus principis, oder Beschreibung der drei Prinzipien göttlichen Wesens» («О трех принципах божественной сущности», 1619), «De triplici vita hominis, oder Vom dreifachen Leben des Menschen» («О тройственной жизни человека», 1620), «De incarnatione verbi, oder Von der Menschwerdung Jesu Christi» («О вочеловечивании Иисуса Христа», 1620), «De Signatura Rerum, oder Von der Geburt und Bezeichnung aller Wesen» («О рождении и обозначении всех существ», 1622), «Misterium magnum, oder Erklärung über das erste Buch Mosis» («Толкование Первой книги Моисея», более известное как «Великое таинство» и содержавшее 900 рукописных страниц, 1623) и, наконец, «Christosophia, или Путь ко Христу» (1624).⁴ В связи с этим в 1619 году он вынужден был

³ Цит. по: Веселовский А. Н. [Парацельс, Вейгель, Бёме] / Публ. Сост. Р. Ю. Данилевского // Веселовский А. Н. Избр. труды и письма. СПб., 1999. С. 198.

⁴ Далее в тексте названия произведений Бёме будут даваться сокращенно: по-латыни и в русском переводе.

оставить ремесло сапожника, и только друзья оказывали ему и его семье материальную поддержку.

В сочинениях Бёме история мироздания предстала как божественная драма, длящаяся в вечности, в которой сам Бог реализуется из Божественного Ничто, Беспричины, Бездны (Ungrund);⁵ это Бог Троичный и Он творит мир. Позднее многое было рационализировано и перетолковано немецкой метафизикой, но изначально мистика Бёме очень христоцентрична. «Лишь во Христе Бог существует как личность» («Gott ist keine Person als nur in Christo»), — писал он, утверждая в «De Signatura Rerum», что «Бог должен стать человеком, человек — Богом...».⁶

Лишь в год смерти автора только последнее его сочинение «Путь ко Христу» увидело свет, но рукописи находили читателя, идеи быстро распространялись. Незадолго до смерти он решился на публичную отповедь пастору Рихтеру, которого, впрочем, считал «орудием Божьим», способствовавшим его известности. И действительно, во многом благодаря донесениям Рихтера о Бёме узнали в Дрездене. Его сочинения были рассмотрены в магистрате и отнюдь не признаны вредными. Более того, Бёме получил приглашение посетить Дрезден (вероятно, это было самое значительное событие в его «внешней» жизни), куда и съездил в 1624 году, уже перед самой смертью. Надежды Бёме встретить там единомышленников оправдались лишь отчасти. По возвращении в Гёрлиц сорокадевятилетний Бёме почувствовал себя совсем больным и вскоре скончался.

С этого времени, по сути дела, и началась истинная, полная большого и подчас таинственного значения жизнь Якоба Бёме — жизнь его духа, которому было дано прозреть грандиозные космические миры, их рождения, катастрофы и катаклизмы. Сочинения Бёме стали издаваться, причем не только в виде отдельных трактатов. Как упоминалось, уже в 1682 году в Амстердаме было напечатано собрание его сочинений в 15-ти томах.

В Германии интерес к Бёме переживал разные времена, но практически не угасал никогда. Сам Гегель в «Лекциях об истории философии» назвал его первым немецким философом, пафосом которого стало стремление охватить мыслью весь мир, все сущее в абсолютном Божественном единстве и в единении всех противоречий.⁷

Бёме был объявлен первым философом Нового времени и при этом Philosophus Teutonicus («тевтон(иче)ским философом»). Его «абсолютное Божественное единство» предшествовало гегелевскому Абсолюту, его мистика стала отправной точкой для *откровения* Шеллинга, явления *страдающей воли* (природы) у Шопенгауэра⁸ и предопределила *бессознательное* Э. Гартмана и К. Юнга как экзистенциальную категорию.

И хотя путь Бёме в Россию был сложен, его идеи пришли туда вовремя, когда страна была готова к их восприятию. Конец XVII—начало XVIII ве-

⁵ Ungrund буквально переводится с немецкого языка как «пропасть», «пучина», «бездна». Русские мыслители, как правило, пользовались понятием «бездна», часто ассоциируя ее с хаосом, хотя в словарях перевод «бездна» обычно помечен как «устаревший». Другое, более современное значение этого слова: «безосновательность», «беспочвенность» суждения (ср. Беспричина) — закономерно возникало в текстовых анализах. Так, уже на языковом уровне давали о себе знать трудности бёмевского воплощения визуального в дескриптивное.

⁶ *Böhme J. De Signatura Rerum, или О Рождении и обозначении всех существ // Jakob Böhmes sämtliche Schriften / Hg. K. W. Schiebler. 1841. Bd 3. S. 133—134.*

⁷ «Die Grundidee (Böhmes) ist das Streben alles in einer absoluten Einheit zu erhalten — die absolute göttliche Einheit und die Vereinigung aller Gegensätze in Gott... Ein Hauptgedanke Böhmes ist, daß das Universum *ein* göttliches Leben und Offenbaren Gottes in allen Dingen ist...» (*Hegel G. W. F. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Leipzig, 1982. Bd 3. S. 141.*)

⁸ Упоминание в связи с Бёме А. Шопенгауэра может базироваться на его утверждении *безосновности воли* (природы). За это замечание приношу благодарность А. А. Грякалову.

ка — нелегкий период русской духовной жизни. Религиозный раскол, попытки европеизировать гражданские институты, а затем реформы Петра I порождали эсхатологические настроения, тенденции к сектантству. Но реформы облегчили проникновение в Россию западной литературы, а религиозный кризис обратил духовные искания русских к мистическому мировосприятию.

Первыми распространителями идей Бёме в России были в основном «русские немцы». Когда мистик Квирин Кульман весной 1689 года приехал в Москву, то именно в Немецкой слободе он встретил Конрада Нордермана. Оба были почитателями Бёме, в Слободе образовался даже небольшой кружок «бёмеистов». Но все это продолжалось недолго и, как известно, кончилось трагически: последовало донесение протестантского пастора московскому патриарху, который потребовал смертной казни для распространителей «ереси». Молодой Петр, занятый совсем другими делами и далекий от проблем церковной жизни, подписал приговор. И осенью того же 1689 года Кульман и Нордерман были сожжены на костре.

Вполне вероятно, что многими русскими современниками это событие было воспринято как расправа над чужаками иностранцами, пострадавшими за проповедь еретических и к тому же бредовых идей. Во всяком случае, в романе А. Н. Толстого «Петр I» Кульман и его единомышленники представлены в ироническом свете. Однако на самом деле именно после этой трагедии последовало глубокое проникновение идей Бёме в русское сознание.

В народной среде мистические идеи ушли в трудно проницаемую для исследователя область сектантства, хотя непосредственная связь проповедей «бёмеиста» Нордермана с возникновением «хлыстовства» («христовства», «христовщины») подвергается сомнению в современной науке.⁹

Вместе с тем нельзя не заметить, что представители этих сект — «духовные христиане» по своему мироощущению в известной мере близки Бёме. По их разумению, каждый человек может стать Христом, ибо каждый человек по своей первоначальной природе — Христос. Женщин, снискавших такую Божественную благодать, называли богородицами.¹⁰ А ведь, по Бёме, мистический Бог — Ничто и одновременно Всё — является воплощением всего в мире и потому изначально грешен. Вместе с тем непрекращающееся рождение и воплощение Бога и мира *происходит в каждом отдельном человеке*. То есть Бог не только «живет» в человеке, Он приравнивается к человеку, переживающему эту вечную мистерию, ибо среди всех существ мира, включая ангелов, только человек «с его душой и разумным духом стоит посреди (inne) (находится *внутри*. — Г. Т.) вечного дыхания Божественной силы и раздельности вечного Слова Божия».¹¹ Поэтому, как упоминалось, Бог может и должен стать человеком, а человек — Богом.

Важно, что Бёме сближает Христа и Адама («Абсолютного человека»)¹² «Адамический человек, которому предстояло стать апостолом или Христом,

⁹ А. А. Панченко в своей книге «Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект» (М., 2002) утверждает, что «учение силезца (Нордермана. — Г. Т.) не имело заметного влияния на религиозные настроения москвичей; да и первые известия о движениях, близких к христовщине, появляются еще за двадцать лет до его приезда в Россию» (с. 104).

¹⁰ Подробно см.: Мистицизм в русском религиозном сектантстве // <http://www.jnana.ru/science/torch49.html>.

¹¹ Цит. по: Шаулов С. М. Мистицизм поэзии и поэзия мистики. Якоб Бёме и рождение немецкой поэзии: концепция мира и человека. Уфа, 2007. С. 190.

¹² Это сближает учение Бёме с Кабалой, где также присутствует «Небесный Адам», что было отмечено уже исследователем масонства А. Н. Пыпиным: «Идеально-фантастическая философия, вроде Бёме, шла рядом с кабалистикой и алхимией...» (Пыпин А. Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века. Пг., 1916. С. 210). Н. Бердяев полагал, что кабалисти-

был рожден уже до того, как Христос в нем страдал; но сперва Христос должен был в нем воскреснуть...».¹³ Сектанты-«христы» (хлысты), по сути дела, и ставили перед собой задачу «воскресить» в себе Христа, хотя вряд ли могли четко сформулировать свое учение. Следует добавить, что бёмовский Адам, как, впрочем, и сам Бог, был андрогинен, в нем уже присутствовало Небесное женское начало, и он не нуждался в общении с иным полом.

В сектантской среде «духовное христианство», связанное с «борьбой с плотью», было присуще скопцам, хотя точные доказательства их связи именно с идеями Бёме практически отсутствуют. Тем более что идея андрогинности, как известно, присутствовала в Кабале и у Платона, а скопчество упоминается в Евангелии от Матфея (19:12).

По всей видимости, миропонимание сект хлыстов и скопцов действительно отражало определенные аспекты «народной религии», противостоящей официальному православию, и ее исследователям часто приходится иметь дело с «мифами сект» и «мифами о сектах».¹⁴ Вместе с тем секты явно базировались на глубоких и важных для народной среды верованиях; эти религиозные сообщества, несмотря на преследования властей, оказались долговечными. Сектанты постоянно страдали за свою веру при самых разных властях: так, первый суд над скопцами состоялся в 1772 году, а последний, особенно громкий процесс — в 1929.

Однако, даже признавая национальные, изначально православные истоки этих явлений, нельзя игнорировать и влияние немецкой мистики, которое в России начала XVIII века было достаточно велико. Распространение рукописных сочинений «святого отца Якова» и других мистиков началось уже в XVII веке и даже значительно раньше,¹⁵ в том числе в народной среде, в которой оно, скорее всего, происходило по преимуществу в устной форме. Это усложняет задачу исследователя; остается предположить, что здесь мы имеем дело, пользуясь известным определением А. Веселовского, с международным феноменом не только «странствующих сюжетов», но и странствующих идей, а также со «встречным течением» со стороны России, готовой в этот период к их восприятию.

Так или иначе, но сектантская тема нашла отражение в романе Андрея Белого «Серебряный голубь» (1910) в 1900-е годы, когда особенно усилился интерес русских символистов к Бёме. «Белыми голубями» называли себя скопцы, в отличие от «серых голубей» — хлыстов. Важно, что тема русского мистического сектантства возникла у Белого именно в связи с проблемой народ—интеллигенция, отражавшей противостояние «почвы» и культуры. Новое хождение в народ筹划ется для героя романа гибелью от «голубей»-сектантов, тайна которых остается непостижимой.

Н. Бердяев в статье «Русский соблазн» отметил по поводу романа «Серебряный голубь», что Белому удалось «проникнуть в душу России».¹⁶ Сам

ческие идеи могли быть усвоены Бёме благодаря Парацельсу (Бердяев Н. А. *Философия свободы. Смысл творчества*. М., 1989. С. 578).

¹³ Böhme J. *Mysterium magnum, или Великое таинство* // Jakob Böhmes sämtliche Schriften. Bd 5. S. 133—134.

¹⁴ См.: Панченко А. А. *Указ. соч.* С. 421.

¹⁵ Подробнее см.: Čiževskij D. *Deutsche Mystik in Rußland* // Čiževskij D. *Aus zwei Welten. Beiträge zur Geschichte der slavisch-westlichen literarischen Beziehungen*. 's-Gravenhage, 1956. S. 179—196. Чижевский считает, что первые рукописи мистического содержания проникли в Россию уже в XII веке (S. 179—180). Что касается «бёмеиста» К. Нордермана, то и он задолго до приезда в Москву (около 1665 года) познакомился в Архангельске с неким человеком, который впоследствии завещал ему свою библиотеку, содержащую мистические сочинения, в том числе значительное количество произведений Бёме (см.: Иванов Вяч. *Вс. Россия и гнозис*. С. 13 // <http://www.ec-dejavu.net/g-2/Gnosis.html>).

¹⁶ Русская мысль. 1910. № 2. Отд. II. С. 104.

Бердяев несколько лет прожил в одной из деревень Харьковской губернии, неподалеку от духовного центра «Яма», где собирались сектанты: толстовцы, склонявшиеся к мистике, духовные христиане и другие «свободные искатели божьей правды». Бердяева поразило то, в какой степени мысли некоторых сектантов были близки писаниям Бёме.¹⁷

О восприятии его идей в образованной интеллигентской среде можно говорить с большей уверенностью. Во всяком случае, несомненно, что они органично восполнили мировоззрение русских масонов, появление которых в России связывается уже с петровским временем. Однако наиболее ярко масонское движение проявилось позднее, в царствование Екатерины II, когда в России возникло большое количество переводной литературы, в том числе и переводов из Бёме.

Главный переводчик Бёме С. Гамалея, человек образованный, выпускник Киевской духовной академии и Петербургского университета, был масоном и одним из наиболее активных членов кружка Н. И. Новикова. Причем Гамалея не только перевел на русский язык собрание сочинений немецкого мистика, но и в реальной жизни являлся образцом нравственного идеала, выработанного масонами во многом под воздействием его идей. По данным Г. В. Вернадского, в библиотеке кружка Новикова, наряду с другими мистическими сочинениями, хранилось «громадное число трудов» Бёме.¹⁸

В начале 1770-х годов была установлена связь московских масонов с немецкими розенкрейцерами; этому способствовало посещение Германии московским профессором философии И. Е. Шварцем (1751—1784). Шварц был убежденным проповедником немецкого мистицизма, читал на дому лекции о Бёме для всех желающих. Именно его мистическое мироощущение было наиболее близко розенкрейцерам: «Сосредоточившись внутрь себя, истинный мудрец розенкрейцер приближается к заветной своей цели — общению души своей с Божеством {...}. При такой молитве исчезает все тленное, весь „внешний человек“; открывается „внутренний человек“ — бьет источник мистического познания в сердце. „Итак, старайся быть собственным Бёмом; ибо каждый истинный брат должен быть таков“».¹⁹

В 1784 году члены московского кружка образовали Типографическую компанию, куда, кроме самого Н. И. Новикова и его брата А. И. Новикова, вошли С. И. Гамалея, И. П. Тургенев, князя Н. Н. и Ю. Н. Трубецкие и мн. др. Следует подчеркнуть, что это сообщество только распространяло, но не печатало произведений Бёме, которые переписывались и передавались из рук в руки. Он был автором для «посвященных».

В 1792 году Н. И. Новиков стал издавать связанный с масонскими кружками журнал «Вечерняя заря», который также пропагандировал идеи Бёме. Однако Типографическая компания просуществовала лишь до 1791 года. Она была закрыта по указанию Екатерины II, подозревавшей масонов в политической неблагонадежности. Журнал Новикова прекратил свое существование, а его издатель в 1792 году был арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость. Пришедший к власти Павел I в 1796 году освободил Новикова, который, однако, более не вернулся к активной деятельности.

Масонство в России переживало разные времена, однако почти всегда вызывало недоверие властей. Если при императрице Елизавете оно было общественной модой и его идеи вначале шли в ногу с Просвещением, то позд-

¹⁷ См. об этом: Эткинд А. Хлыст. Секты, литература и революция. М., 1998. С. 232—233.

¹⁸ Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 126. За ценные советы, касающиеся русского масонства в XVIII веке, приношу свою благодарность Н. Д. Кочетковой.

¹⁹ Там же. С. 148. Курсив мой. — Г. Т.

нее пафосом движения постепенно стал сам человек и общие основы человеческой жизни, истолкованные в мистическом смысле. Это была своего рода реакция на западный рационализм.

Интерес к Бёме — положительный или отрицательный — несомненно связан и с немецкими корнями русских царственных особ. Наиболее притягательны идеи немецкого мистика были в царствование Александра I, что в известной мере можно связать с настроениями тревоги и мистического страха перед жизнью и смертью накануне и во время войны с Наполеоном. Новое формальное разрешение масонских обществ относится уже к 1810 году. Обществам вменялась задача «остановить увеличение испорченности нравов, устанавливая добрую нравственность, утвержденную на прочном основании религии».²⁰

В это время выписки из сочинений Якова Бёме в большом количестве встречаются в сборниках масонских речей розенкрейцерского направления, а «Воеhmi-ческое просвещение» считается в дворянской среде высшей оценкой образованности.²¹

Однако после запрещения тайных обществ в 1822 году и сочинений Бёме в 1827 масоны переживали не лучшие времена. Уже в 1826 году по указу Николая I все члены масонских обществ должны были давать подписку, что более к ним не принадлежат. И в тот период, когда Л. Толстой описывал русское масонство времен Александра I в романе «Война и мир», оно в значительной мере уже потеряло былое влияние и притягательность. Но сам феномен масонства не исчез,²² хотя его проявления в XX веке, в том числе и в Советской России, часто принимали неожиданные, подчас далекие от истоков формы.²³

Вместе с тем влияние немецкого идеализма, и не в последнюю очередь мистицизма, в России трудно переоценить. «Из всех влияний, которые испытало на себе русское мышление, ни одно так сильно, глубоко и плодотворно не воздействовало на русский дух, как мистика, метафизика и философская поэзия», — писал позднее С. Франк по поводу «отношений между немецким и русским духом».²⁴

В середине XIX века в России остро встал вопрос об отношении религии и философии. И здесь особую роль сыграл последователь Бёме Франц фон Баадер, с именем которого был связан новый всплеск интереса к немецкому мистику в самой Германии. Импульсом послужило сочинение французского теософа Луи де Сен-Мартена «О заблуждениях и истине».²⁵ Знакомство с этим произведением перевело мировоззрение Баадера, который ощутил в нем нечто, воплощающее в себе «завещание» Бёме. И это неудивительно: Сен-Мартен был первым переводчиком «тевтонского философа» на французский язык, а в России поддерживал связь с Н. И. Новиковым. Особое впечатление произвело на Баадера предсказание Сен-Мартеном нового духовно-

²⁰ Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 382.

²¹ Иванов Вяч. Вс. Указ. соч. С. 15.

²² См.: Серков А. И. Русское масонство. 1731—2000. М., 2001.

²³ См. об этом: Грачев В. Окультисты советской эпохи. Русские масоны XX века. М., 2007. Эта книга интересна тем, что она написана по материалам архивов ФСБ РФ, однако ориентирована на изучение не только политических, но и оккультно-мистических аспектов советского «масонства».

²⁴ Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 195.

²⁵ См.: Viatte A. Les sources occultes du romantisme: illuminisme — théosophie. Paris, 1928. Vol. 1—2 (Reprint 1965—1969); Susini E. Franz Baader et le romantisme mystique. Paris, 1942. В России труд Сен-Мартена получил не столь однозначную оценку; порой в нем отмечались явные «нелепости». Ср.: Батулин П. С. Исследование книги «О заблуждениях и истине». Сочинено особливим обществом одного губернского города». Тула, 1790 // Сводный каталог русских книг XVIII века. 1725—1800. М., 1962. С. 79.

го возрождения мира, а также понимание эротического, в котором любовь и красота рассматривались как элементы божественного.²⁶

Личность и сочинения Баадера привлекли внимание одного из русских Любомудров кружка В. Одоевского — С. Шевырева, который в 1840 году, незадолго до смерти немецкого философа, приехал в Мюнхен специально для беседы с ним. Шевырев был близок к славянофильским кругам, являлся одним из создателей журнала «Москвитянин». В 1841 году он напечатал в этом журнале большую статью «Христианская философия. Беседы Баадера», где изложил свои впечатления и выводы, связанные с этой встречей.²⁷

Шевырев очень высоко отозвался о Баадере, назвав его истинным последователем «тевтонского философа» и мыслителем, понимающим сущность восточного христианства. «Хотя Гегель и соглашается в том с И. Бёмом, что признает идею чем-то от начала природы искони отличным (...), но с самого первого шага он в том уже отходит от философа Тевтонского, что начало природы является у него не простым началом и побуждением к природе, но самую природою, уже готовою, довершеною, созданием, происшедшим через какое-то грешное отпадение идеи от самой себя», — писал Шевырев. Он полагал, что для Гегеля невозможно «разумение Христианства», ибо он, в отличие от Бёме, «истинного Основателя Германской Философии и Теософии», «смешал начало природы с самою природою», от чего «дал предохранение И. Бём, доказав, что откровение или осуществление идеи, как бытия для себя, обуславливается через бытие начала природы не для себя».²⁸

Примирение «идеи» и природы возможно только в слове (Логосе) — этот вывод Шевырева из беседы с Баадером отразил важнейшую особенность русского религиозного мышления. Отсюда следовало, что «материальная» природа есть лишь символ или копия природы духовной; эта ее «внутренняя» форма («иероглиф») может быть выражена только через внешнюю, а «примирение» человека и Бога возможно только в Сыне Божиим.²⁹

Существенное значение для распространения «сверхконфессионально» (Н. Бердяев) учения Бёме в России имели ментальные предпосылки, особенности русского мироощущения как такового. «Русские философы доверяют интеллектуальной интуиции, нравственному и эстетическому опытам, раскрывающим нам высочайшие ценности, но прежде всего они доверяют мистическому религиозному опыту, который устанавливает связь человека с Богом и его царством», — писал позднее Н. Лосский в работе «Характерные черты русской философии».³⁰

Как и учение Бёме, философия такого рода базировалась на религиозном переживании (Erlebnis). Русское мышление более исходит именно из переживания и интуиции, нежели из логического посыла; для него характерны бессистемность и антирационализм. Переживание и интуиция, наряду с воображением и воодушевлением, были основой мироощущения Якоба Бёме. Он тяготел к Платону,³¹ который обычно противопоставляется Ари-

²⁶ См.: Wehr G. Jakob Böhme. Reinbek bei Hamburg, 1971. S. 129—130.

²⁷ Шевырев С. Христианская философия. Беседы Баадера // Москвитянин. 1841. Ч. 3 (№ 6). С. 378—437.

²⁸ Там же. С. 394—395.

²⁹ В немецком языке это заключение базируется и на многозначительной игре слов: *Versöhnung* (примирение) и *Sohn* (сын).

³⁰ Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 472.

³¹ По мнению Д. Чижевского, Платон стал известен в Древней Руси практически одновременно с Бёме. В XV—XVI веках знания об античности пришли из латинских писаний украинских и белорусских ученых, черпавших их из оригинальных источников. В Россию многое приходило и опосредованно — через византийскую литературу, что не могло дать целостного знания, а только отдельные мысли и термины, которые переиначивались на русский лад. См. об этом: Čiževskij D. Plato im alten Rußland // Čiževskij D. Aus zwei Welten. S. 45—65.

стотелю для демонстрации противоположных истоков соответственно русского и западноевропейского типов мышления.

Постигая суть «русской идеи», Н. Бердяев и С. Франк обращались именно к бёмевскому понятию *Ungrund*, толкуемому как *бездна* и одновременно как *хаос*, предшествовавший Божественному Творению. Ведь *Ungrund*, по Бёме, это и «откровение Бога», стихия доисторическая, не знающая добра и зла. Он считал двойственной сущность самого Бога, который должен был сначала сотворить из Ничто самого себя и только потом *из самого себя* — человека. Первое «падение» Божества свершилось еще *до* сотворения мира и *во имя* его сотворения. Поэтому Бог, как и весь мир, у Бёме греховен и свят, добр и зол одновременно. Характерно, что «двуликость» Бога-демиурга, доброго и злого одновременно, со временем стала восприниматься немцами как свойство именно «русского» Бога, грозящего гибелью рациональному Западу.³²

Русская философская мысль возвратилась к Бёме, осмысливая немецкий идеализм и основы романтизма. Именно от Бёме к Шеллингу перешло мистическое восприятие природы, а также ощущение двойственности всех ее проявлений. Как известно, философия «откровения» Шеллинга на долгие годы завладела умами многих русских мыслителей, в особенности В. Одоевского и кружка Любомудров. Характерно, что собрания Любомудров напоминали масонские: как правило, они проходили втайне, при входе в помещение «посвященные» также видели человеческий череп, но не Библию с латинским девизом «помни о смерти», а «Натурфилософию» Шеллинга с призывом «держай знать».

Особая роль в «западническом» толковании Шеллинга и Гегеля в России именно в связи с Бёме принадлежит А. Герцену. В дневниковых записях и в «Письмах об изучении природы», также относящихся к первой половине 1840-х годов, Герцен подробно обращается к учению Бёме, выявляя в нем диалектическую основу, напоминающую гегелевскую. Однако Герцен видит у Бёме не столько противостояние неких «тезисов», сколько диалектику добра и зла: зло предстает как «одно из условий феноменального бытия», как «ограниченность» и «эгоистическое отторжение от единства». Вместе с тем зло является «необходимым моментом в жизни», оно «источник энергии, огненный двигатель».³³

Обращаясь к Шеллингу, который «одевался у Бёме» и «вышел вверх ногами поставленный Бём», Герцен подчеркивает, что, в отличие от последнего, создатель «философии откровения» двигался не от мистического созерцания к глубокому философскому воззрению, а, напротив, «сделал опыт от глубокого наукообразного воззрения спуститься к мистическому сомнамбулизму — мысль заделать в *иероглиф*».³⁴ Такое обозначение мысли, появив-

³² Ср. философское эссе Г. Гессе «Братья Карамазовы, или Закат Европы» (1919), где автор, вопреки О. Шпенглеру, видит причину «заката Европы» именно в агрессивности русского иррационализма и хаоса. О неизбежности сходства «новейших» и древних мистиков писал еще А. Н. Пыпин: «Мистические фантазии неподвижны и долговечны, в противоположность развивающемуся движению науки. (...) мистики, разделенные многими веками научных открытий, могли, однако, совершенно сходиться в своих воззрениях» (Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 209).

³³ Герцен А. И. Письма об изучении природы // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 3. С. 239—240.

³⁴ Там же. С. 117—118. Курсив мой. — Г. Т. Обращает на себя внимание, что Герцен, давший гегелевскому учению определение «алгебра революции», которым активно пользовались впоследствии марксисты, словно не заметившие примечания автора, что она «дурно сформулирована» (подробнее см.: Тиме Г. А. Алгебра революции, или О русском осмыслении «формулы» немецкого рационализма // Русская судьба крылатых слов. СПб., 2010), предложил и еще один образец философской характеристики: Шеллинг — «вверх ногами поставленный» Бёме (ср. в

шеся в разных контекстах у Шевырева и Герцена, еще привлечет наше внимание.

Герцен сделал еще два важных замечания относительно рецепции Бёме. Во-первых, он отметил «зеркальное» свойство мысли Бёме, образы которого могут быть понимаемы по-разному. «Они, как зеркало, разуму отражают разум, а чувственности — чувственность, — писал Герцен, — легкие и одухотворенные иероглифы в грубых руках чувственных мистиков возвращаются к материализму изуверством, делаются дивящими призраками; дух, их одушевлявший, религиозная мысль их отлетает...».³⁵

Во-вторых, несмотря на критику «откровения» Шеллинга, Герцен сравнил его с Вергилием, указывающим дорогу, так как в нем есть «что-то родное Платону и Якову Бёму»: ³⁶ в их ведении — тайна гения, а не науки, подобно художнику, они не могут передать тайну акта творчества. Таким образом, Герцен признал Шеллинга только в художественно-творческом смысле, вне научного знания. Позднее Н. Бердяев словно завершил эту характеристику Шеллинга, увидев его «величие» по преимуществу в том, что он *«философски возродил немецкую мистику»*.³⁷

В XIX веке интерес к Бёме отчасти становится собирательским; начинают создаваться частные собрания его рукописных сочинений. Таким образом, они постепенно изымаются из обывательской среды, становясь достоянием ученых, как правило, связанных с масонскими кругами. Наиболее известны собрания И. Д. Елагина, А. Л. Лихачева, М. Ю. Виельгорского, С. С. Ланского, до сегодняшнего дня хранящиеся в рукописных отделах российских библиотек.³⁸

И лишь в конце XIX—начале XX века на первый план снова выступит мистическое содержание его мировоззрения, представлявшего собой, с точки зрения психоанализа, не столько учение, сколько своеобразное воплощение Бессознательного, или словесную реализацию духовных видений.³⁹ Характерно, что Бёме начинают называть «ясновидцем». Кстати, именно так называл Д. Мережковский двух великих выразителей «русской идеи» — Л. Толстого и Ф. Достоевского, а Н. Бердяев, заявивший в книге «Самопознание» об особом пристрастии к Бёме, «всегда припоминал его в своих молитвах наряду с Достоевским».⁴⁰

Русское восприятие идей Бёме, осуществлявшееся в основном через немецкий романтизм и философию Шеллинга, а также Гегеля, Гете, чаще всего было опосредованным.

В. Жирмунский в книге «Немецкий романтизм и современная мистика» (1914) характеризовал немецкий романтизм как «форму развития мистического сознания», а «любимым учителем» романтиков назвал Якоба Бёме. По наблюдениям Жирмунского, мистицизм конца XIX—начала XX века унаследовал от Бёме через посредство немецкого романтизма «интеллектуальную интуицию», т. е. восприятие Божества через «опьянение Богом», а также равное упоение жизнью, любовью и смертью как единым процессом, вневременным и вечным. Всему этому сопутствовало прозрение хаоса сквозь пелену конкретных явлений жизни. Это нашло непосредствен-

«Философских тетрадь» Ленина: диалектика Гегеля была бы верна, если бы ее с головы поставить на ноги).

³⁵ Герцен А. И. Письма об изучении природы. С. 237.

³⁶ Там же. С. 115.

³⁷ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. С. 543. Курсив мой. — Г. Т.

³⁸ См. уже упоминавшийся каталог выставки «500 лет гнозиса в Европе. Гностическая традиция в печатных и рукописных книгах».

³⁹ Wehr G. Op. cit. S. 28.

⁴⁰ Бердяев Н. А. Самопознание. Л., 1991. С. 179.

ное отражение в творчестве Вяч. Иванова,⁴¹ на которое, в свою очередь, оказала большое влияние поэзия Новалиса.

Влияние немецкого романтического идеализма на русское мировоззрение было столь велико, что Федор Степун в статье 1910 года «Немецкий романтизм и русское славянофильство» назвал русских славянофилов «статистами» немецкого романтизма. С одной стороны, русская мысль тяготела к Бёме по самому типу восприятия мира, с другой — во многом совпадала с Бёме в образно-философском представлении о мире.

При всей ясности большого и глубокого влияния Бёме на русскую мысль, оно редко выявляется напрямую. Именно опосредованность (да к тому же и «зеркальность») этого влияния и представляет наибольшую трудность для исследователя, что отмечал Д. Чижевский, написавший более полувека назад, насколько мне известно, первую и единственную, но до сих пор не утратившую актуальность статью «Бёме в России».⁴²

Говоря о литературно-философском восприятии Бёме в России, нельзя обойти вниманием по меньшей мере два феномена: русский гностицизм и русское барокко. Гностицизм важен здесь в связи с притягательностью для русского религиозного мышления элементов язычества, а барокко в связи с тем, что в отличие от Европы в России не было ренессанса. Русское литературное барокко пришло в Россию через Болгарию, Польшу, Украину и Белоруссию, вследствие чего сохранило много общего с Просвещением и одновременно с культурой средневековья.

На особую роль барокко в русском историческом развитии указывал Д. С. Лихачев. Он писал: «Отсутствие ренессанса поставило русское барокко в иное отношение к средневековью, чем в европейских странах, где барокко явилось на смену ренессанса и знаменовало собой частичное возвращение к средневековым принципам в стиле и мировоззрении. Русское барокко не возвратилось к средневековым традициям, а подхватило их, укрепило на этих традициях. (...) Переход барокко в Россию из Украины и Белоруссии был облегчен этим обстоятельством, но это же обстоятельство совершенно изменило историко-литературную роль барокко (...) барокко взяло на себя в историческом плане многие из функций ренессанса».⁴³

Яков Бёме был мистиком гностического типа: его учение, претендующее на «истинное» знание о Боге и тайнах мироздания, выражалось не в попаниях, а в мифах и символах.⁴⁴ Идеи Бёме пришли в Россию не только в период духовного и обществено-исторического перелома, но и во время становления русского барокко (до XVII века в русской литературе течения и направления не были ярко выражены). Наиболее важными его представителями были Симеон Полоцкий, Карион Истомина, Сильвестр Медведев. Как писал Д. С. Лихачев, в типичных произведениях в стиле барокко человек определяется «орнаментальными линиями сюжета»; он «введен в строгие

⁴¹ В частности, это касалось «нисхождения в хаотическое».

⁴² *Čiževskij D. Jacob Boehme in Rußland // Čiževskij D. Aus zwei Welten. S. 197—219; впервые: Evangelium und Osten. 1935. Н. 10. S. 175—184; Н. 11. S. 200—205.* В статье Чижевского коротко прослеживается восприятие Бёме в России с XVII до конца XIX века.

⁴³ *Лихачев Д. С. Социально-исторические корни отличий русского барокко от барокко других стран // Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973. С. 204—205.*

⁴⁴ С точки зрения «русского немца» К. Нётцеля, переводчика Л. Толстого и Достоевского, автора книг о «русской духовности», русское мышление также было феноменом, который вернее было бы назвать душой (Seele), включавшей в себя и мысль, и чувство, и мечтание: «великий народ (...) все еще мыслит образами, т. е. все еще мыслит душой» (*Nötzel K. Die Grundlagen des geistigen Rußlands: Versuch einer Psychologie des russischen Geisteslebens. Jena, 1917. S. 56—58*).

формы идейного и художественного замысла, нравоучения и просвещения, сообщения сведений о мире, о человеке».⁴⁵

Истоки мифологического мышления также восходят к романтической традиции, к натурфилософии Я. Бёме, которая гармонично сочетала полноту земного существования с метафизическим началом, даже с самим Божеством. Миф выступает здесь как экзегеза символа, изображения событий жизни в свете религиозного верования. По сути дела, сам Бог у Бёме эмблематичен, в нем всё — знак (*pinctura*) и воля к воплощению. Мистическая тайна барокко — это «тайна автономии человека, поскольку он в силу духовно-телесной амбивалентности всегда остается (...) важнейшим участником синэргийного космоустройства».⁴⁶

В этой связи важным представляется наблюдение С. М. Шаулова, современного исследователя учения Бёме, его влияния на немецкий романтизм и эстетику барокко. Шаулов увидел в «*Signatura*» Бёме нечто вроде учения о языке в метафорическом смысле — это язык природы, на котором Бог обращается к человеку. Так внутреннее Слово не только порождает свое обозначение во внешнем, но и включается в «процесс порождения смысла». *Внутреннюю* противоречивость классическо-барочной поэтологии ученый объясняет «несогласием Платона и Аристотеля»: «Решительному разделению поэтики на „классицизм“ и „барокко“ препятствует их ренессансная контаминация: идеализация изображаемого объекта в учении Аристотеля остается лазейкой для платоновского эйдети́зма. (...) Классицистская художественность призвана *повторить* природу, пусть и идеально, — пафос барокко — не в *изображении* видимого, а в *выражении* сокровенного; цель поэтики — универсальный язык *истолкования* природы, явления которой фигуративны...».⁴⁷

Сочетание русского мистического гнозиса с особым типом барокко в России, соединившим традиции средневековья и ренессанса, опора на немецкий мистицизм и романтизм предлагают широкий и невероятно сложный спектр толкований этого феномена и позволяют расширить круг русских мыслителей и писателей, которых гипотетически можно связать с наследием Бёме. Среди них И. Тургенев, И. Гончаров, Л. Толстой, В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Андрей Белый, А. Блок, Б. Пастернак и др.

Русская классика наиболее близко соприкоснулась с идеями немецкого идеализма и романтизма. Здесь выразителен пример И. Тургенева, в творчестве которого отразились глубокое знание и осмысление философии Германии, попытки разрешить противоречия между конечным и бесконечным,⁴⁸ переживание «эгоистического отторжения» человека от единства Природы. Об этом, собственно, и писал Герцен в «Письмах об изучении природы», характеризуя «нравственную диалектику» учения Бёме. Эти проблемы, хотя и ориентированные, в первую очередь, на Гегеля, занимали Тургенева на протяжении всей жизни, однако первый его роман «Рудин» можно назвать романом-эмблемой. Ведь в нем образ Рудина сравнивается с яблоней, сломавшейся под тяжестью своих плодов. Эмблема явно была взята из книги «*Symbola et Emblemata*» (Амстердам, 1705), которую автор еще в детстве с увлечением читал в библиотеке родительского поместья. Это «фигуратив-

⁴⁵ См.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 147 и сл.

⁴⁶ Гильманов В. Х. Симон Дах и тайна барокко. Калининград, 2007. С. 58.

⁴⁷ Шаулов С. М. Истоки национального своеобразия немецкой поэзии: реформа Мартина Опица и философия Якоба Бёме. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. С. 18. Курсив мой. — Г. Т.

⁴⁸ Подробнее см.: Тиме Г. А. Немецкая литературно-философская мысль XVIII—XIX веков в контексте творчества И. С. Тургенева (генетические и типологические аспекты). München, 1997 (Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik. Bd 31; Hg. von P. Thiergen).

ное» обобщение смысла романа определенно барочного свойства, да и взято оно из соответствующего источника.

Особенно любопытно, что лирические герои почти всех последующих романов Тургенева, вопреки Гёте, но вслед за Шиллером и Шопенгауэром, неизменно бунтуют против бесконечного, т. е. самого Божества, предстающего в виде Природы, которая «не делает различия» между мухой, ничтожным насекомым, и своим высшим созданием — человеком. Своего рода апогея эти ощущения достигают в середине 1860-х годов в повести «Призраки», где словно предстает художественно воплощенный мир Шопенгауэра. В основном это относится к той картине мира, которую видит с птичьего полета человек, вознесенный таинственным женским существом — Эллис.

Что представляет собой это существо, до сих пор остается загадкой. И неудивительно — ведь сам Тургенев не мог ответить на этот вопрос, признаваясь, что Эллис отражает «переходное и действительно тяжелое и темное состояние»⁴⁹ его собственного Я. Однако здесь примечательны два обстоятельства, выявляющиеся при общении Эллис с лирическим героем «Призраков».

Во-первых, полное, часто подчеркиваемое равнодушие Эллис: «Ее глаза обратились на меня: взгляд их выражал не скорбь и не радость, а какое-то безжизненное внимание»; «Я ничего не люблю <...> А меня? — Да... тебя! — отвечает она равнодушно». И второе — ее реакция на упоминание о Боге: «...ты, может быть, преступная, осужденная душа? <...> Я тебя не понимаю», — отвечает Эллис и вдруг отстраняется при имени Бога. Если при этом вспомнить, как выглядят люди с высоты полета Эллис: «мухи, в тысячу раз ничтожнее мух»,⁵⁰ а также сцену прощания Эллис из черновых записей: «Прощай, *моя муха*»,⁵¹ то в контексте предыдущих тургеневских произведений все это ассоциируется с Природой как беспощадной всеобщей матерью, которая не делает различия между мухой и человеком с его не смирившимся сознанием. Тогда Природа в «Призраках» предстает как метафизическая бесконечная идея себя самой, которая захотела воплотиться в конечное, но не смогла, ибо это означает смерть. Эллис может быть воспринята как своеобразное пантеистическое и мистическое божество — поэтому и отстраняется при имени Бога иного. Конечно же, это также одно из предположений, но логически связанное с общим направлением тургеневской мысли.

Позицию Тургенева можно назвать, скорее, «антибёмовской» (как, впрочем, и антигегелевской). Однако искания писателя остаются в рамках мистического мироощущения, а сам тургеневский герой, его «отпавшее» вследствие рефлексии страдающее Я, неизменно стремится (причем при помощи религиозного чувства) к единству с целым — с Природой («бытию не для себя»), с самим Божеством.

Одной из центральных мировоззренческих проблем всего творчества И. Гончарова также явилась проблема *цельности* или «целости», как говорит его герой Обломов, человеческой личности.

Познания Гончарова в области немецкой литературы и эстетики нельзя ограничить только названными им в «Автобиографии» (1858) авторами: Гете, Шиллер, Винкельман. В любом случае, список должен быть дополнен именами, которые были особенно важны для С. П. Шевырева, чьи лекции молодой Гончаров слушал в Московском университете. Жан-Поль, Гердер, Вакенродер, Баадер и особенно братья Шлегели, в первую очередь — Фрид-

⁴⁹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Л., 1964. Т. 7. С. 480.

⁵⁰ Там же. С. 193, 213, 198, 216.

⁵¹ Тургеневский сборник. М., 1969. Вып. 5. С. 145.

рих Шлегель — вот источники идей и вдохновения Шевырева, почитателя Бёме и любимого учителя Гончарова-студента.⁵² Это обстоятельство представляется весьма значительным, поскольку оно в какой-то мере объясняет почти буквальные смысловые и даже текстуальные совпадения, которые можно наблюдать, читая роман «Обломов» и один из фрагментов повести «Люцинда» Фр. Шлегеля с характерным названием «Идиллия праздности» (*Idylle der Müßiggang*).

Повесть «Люцинда» (*Lucinde*, 1799) была «программным» произведением йенской школы немецкого романтизма. Крайняя фрагментарность этой повести, порой доходящая почти до полной деструкции художественной формы, практически была возведена в эстетический принцип, который не предусматривал строгой границы между искусством и самой жизнью. Однако новый художественный принцип «Люцинды» нашел свое развитие в литературе XIX и XX столетий, в эпоху утверждения «философии жизни».

Романтическая ирония «Идиллии праздности» не противоречит взгляду Гончарова на «богоподобного» Обломова, которого он живописал с неподражаемой любовной иронией. В романе Гончарова сон героя возвращает его в Обломовку, кажущуюся подобием утерянного рая. Именно обитатели Обломовки после каждого дня, наполненного ничегонеделанием, вкушением яств и сладким сном, «хочут долго, дружно, *несказанно*, как олимпийские боги».⁵³

Эти предварительные наблюдения были бы только любопытны — не более, если бы в «Идиллии праздности» все завершилось привычным противопоставлением Запада и Востока как активности и пассивности жизненной позиции. Однако у Шлегеля речь идет не столько о восточных людях, сколько об истинных поэтах и мудрецах, восхваляющих «вечный досуг и покой», и об их возможности сохранить *целость* собственного Я.

Если обратиться к рассуждениям Обломова и его репликам в беседах со Штольцем, то их созвучность «Идиллии праздности» несомненно привлечет к себе более серьезное внимание.

«Вечная беготня взапуски. (...) Где же тут человек? Где его *целость*?» (172—173) — рассуждает Обломов и приходит к выводу: назначение его существования, «горизонт его деятельности и житья-бытья кроется в нем самом» (63). В ответ на это Штольц, который, как правило, не находит достаточно убедительных возражений на доводы Обломова, восклицает: «Ты философ, Илья!» (174); «Да ты поэт, Илья!» (177) или: «Это все старое (...) Ты рассуждаешь, точно древний» (173—174).

Но идейная или даже текстуальная близость названных произведений Фр. Шлегеля и И. Гончарова более интересна с точки зрения осмысления роли немецкого романтизма в русском мироощущении, нежели только в качестве еще одного факта, свидетельствующего о немецких познаниях Гончарова.

Федор Степун в статье «Немецкий романтизм и русское славянофильство» отмечал, что роль немецкого романтизма для России была сходна с ролью греческого искусства для Германии: превознесение чужого идеала,

⁵² *Udolph Ludger*. Stepan Petrovič Ševyrev. 1820—1836. Ein Beitrag zur Entstehung der Romantik in Rußland. Köln, 1986. S. 360—361. (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven. Bd 26).

⁵³ *Гончаров И. А.* Обломов // Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1998. Т. IV. С. 130. Далее ссылки на это издание даются в тексте. Немецкие цитаты восходят к изданию: *Schlegel F.* *Lucinde* / Hg. P. Kluckhohn. Leipzig, 1931 (Deutsche Literatur. Sammlung literarischer Kunst- und Kulturdenkmäler. Reihe Romantik. Bd 4), ссылки на них также приводятся в тексте.

его постепенное искажение и уничтожение.⁵⁴ Но если, стремясь к единству и цельности сознания, немецкие романтики желали возвратиться в «древность» — в Элладу, в средневековье, наконец, просто хотели вернуться из протестантизма в католичество, то русские славянофилы жили в духовной цельности. Подобные, во многом воображаемые единство и цельность существования могли возникнуть лишь на религиозной основе, не лишенной и определенной мистической составляющей. При этом рациональный Запад противопоставлялся *романтической* России, как римско-католическая церковь — православной.

Вряд ли Гончаров сознательно следовал и тем более отстаивал в своем творчестве какие-либо принципы — будь то славянофильство, взявшее на вооружение идеи немецкого романтизма, или же западнические воззрения. Вместе с тем он существовал в определенную эпоху и в определенном мире идей, которые становились предметом осмысления в его творчестве. И в этом отношении можно утверждать, что идеи немецкого романтизма не только присутствуют в романе «Обломов», но во многом проясняют его философский смысл. Более того, трагедия «поэта в жизни» Обломова имеет нечто общее с трагедией жизни и творчества Фр. Шлегеля, опосредованно отразившейся и в его повести «Люцинда».

Особый интерес к творчеству Фр. Шлегеля проявлял университетский учитель Гончарова С. П. Шевырев, которому особенно импонировали мысль о *типичном* вкладе каждого народа в мировое творчество и понятие «мыслящей истории», где каждый народ может быть понят только «из самого себя». В поэзии Фр. Шлегеля Шевырев отмечал «католический мистицизм» и возвышенное чувство любви, однако подчеркивал при этом отсутствие «единства мысли».⁵⁵ Последнее замечание довольно важно для заявленной темы.

Характерно, что Федор Степун, представитель иной, экзистенциальной эпохи, в своих работах о немецком романтизме также уделял особое внимание именно творчеству Фр. Шлегеля и даже посвятил ему статью с говорящим названием: «Трагедия творчества». Достигнутое Шлегелем «бесконечное единство» жизни обернулось «страшным дуализмом» жизни и творчества: в ироническом упоении «богоподобной» ленью скрывалась, по признанию самого поэта, «страшная печаль (его. — Г. Т.) души». В неосознанном стремлении Шлегеля «слить воедино стихию жизни и мысли» тайлась, как полагал Степун, возможность *философии жизни* как «трансцендентного учения о ценностях переживания или ценностях состояния как таковых».⁵⁶ И действительно, в «Люцинде» Шлегель писал: «Все, что мы зовем жизнью, для вечного бессмертного совокупного является лишь *отдельной мыслью, одним нераздельным чувством*» (123—124; курсив мой. — Г. Т.).

Трагедию романтика Шлегеля Степун видел прежде всего в том, что он «сделал единство жизни критерием творчества».⁵⁷ Нельзя не заметить, что по этой логике герой Гончарова Обломов, поэт и романтик «в жизни», сохраняет полную «целость» и ощущается им самим как «норма жизни» и «завет предков» (122). Возможно, как об этом писал, например, В. Кошмал, целость эта остается воображаемой и подчиняется сказочным или ми-

⁵⁴ Степун Ф. А. Немецкий романтизм и русское славянофильство // Степун Ф. А. Сочинения. М., 2000. С. 46—47.

⁵⁵ *Udolph Ludger*. Op. cit. S. 352.

⁵⁶ Степун Ф. А. Трагедия творчества (Фридрих Шлегель) // Степун Ф. А. Сочинения. С. 72, 62.

⁵⁷ Там же. С. 64.

фологическим законом,⁵⁸ но ведь и жизнь на обломовском «олимпе» определяется циклическим движением самой природы.

Бесконечность полемики об Обломове и Штольце как выражении национальных характеров (в первую очередь, в виде противопоставления цельного человека человеку-дробу) отчасти объясняется безуспешными попытками разгадать «иероглиф жизни». Ведь оказывается, что он не столько несет в себе выражение национальной идеи, сколько отражает особенности человеческого мировосприятия на определенном этапе «мыслящей истории». Если, говоря словами Фр. Шиллера, древние греки «посрамляли» немецких романтиков целостной простотой своего мировоззрения,⁵⁹ то русские мыслители, восприняв идею цельности через немецкое влияние, развивали и воплощали ее как принцип всеединства — уже в качестве основополагающего принципа национальной философии. Вероятно, поэтому Обломов обычно и воспринимается в первую очередь как русский национальный тип.

Так или иначе, но немецкий романтизм, являясь «религиозным искусством» с глубоким мистическим содержанием,⁶⁰ соприкоснулся здесь с русским религиозным философствованием, чувствительным к мистицизму.

Обломов, рассмотренный вопреки известным стереотипам, вполне может предстать как истинный поэт и мыслитель, своего рода «человек барокко», пытающийся сохранить цельность своего Я в распадающемся мире. Федор Степун, посвятивший Шлегелю статью «Трагедия мистического сознания», обозначил подобное мироощущение как «ценность состояния» и даже «иероглиф жизни».⁶¹

Иного рода «фигуративность», гипотетически или даже непосредственно связанную с Бёме, можно наблюдать соответственно у Ф. Достоевского и Л. Толстого.

Достоевский, по всей видимости, не читал Бёме, во всяком случае, как свидетельствует справочный аппарат Полного собрания его сочинений, не обращался к нему в своем творчестве. Однако он проявлял интерес к почитателю Бёме Б. Паскалю. Это позволяет рассмотреть в типологическом ключе обозначенную в романе «Братья Карамазовы» неразрывную связь нравственного принципа с человеческим стремлением к бессмертию (ср. стихотворение Бёме «Вечность как время и время как вечность»), а также восприятие реального времени в качестве безвременья.⁶² Последнее, в духе Бёме, можно перевести как *Unzeit*, подобно понятию *Ungrund*, толкуемому в России как бездна и хаос.

Заслуживает особого внимания интерес современной науки к «средневековому комплексу» в творчестве Достоевского, обусловившему, в частности, «исключительный *христоцентризм*» его религиозно-этических воззрений, что связывается «не с богословски разработанной христологией, а с особой выдвинутой фигурой Иисуса в западной средневековой религиозности».⁶³

⁵⁸ Koschmal Walter. Oblomov als imaginäre Totalität (Eine psychopoetische Beschreibung) // Ivan A. Gončarov: Leben, Werk und Wirkung. Beiträge der I. Internationalen Gončarov-Konferenz. Bamberg, 8.—10. Oktober 1991 / Hg. von Peter Thiergen. Köln, 1994. S. 260f.

⁵⁹ Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека // Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. М., 1957. Т. VI. С. 263—264.

⁶⁰ Rank Bernhard. Romantische Poesie als religiöse Kunst. Studien zu ihrer Theorie bei Friedrich Schlegel und Novalis. Tübingen, 1971. S. 13—80.

⁶¹ Подробно см.: Тиме Г. А. «Идиллия праздности», или еще один немецкий штрих к портрету Обломова? // *Tusculum slavicum. Festschrift für Peter Thiergen* / Hg. von E. von Erdmann u. a. Zürich, 2005. С. 563.

⁶² Ср.: Борисова В. В., Шаулов С. М. Достоевский и барокко (типологические аспекты мира и человека) // Концепции человека в русской литературе. Воронеж, 1982. С. 79—85.

⁶³ Котельников В. А. Средневековье Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2001. Вып. 16. С. 25.

С этой точки зрения закономерно, что именно у земного Христа («идиота» Мышкина) обнаруживается барочный «принцип эмблематического мышления», а сам роман предстает как «сюжетно и психологически развернутая эмблема».⁶⁴

Вместе с тем Достоевскому удается проникнуть в бёмевскую Бездну, исполненную бесконечной свободой духа, ибо, по тонкому наблюдению С. Франка, человеческая душа у Достоевского «имеет бесконечные глубины, которыми укореняется в последних безднах бытия и непосредственно связывается с самим Богом — или же с Сатаной, — и в мгновении истинной страсти затопляется общими метафизическими силами бытия как такового».⁶⁵

Совершенно иная связь с Бёме обнаруживается у Л. Толстого. В конце 1900 года Н. М. Трегубов прислал ему для ознакомления рукопись брошюры Бёме «Есть ли жизнь и общение после смерти?» («Gibt es ein Weiterleben und Wiedersehen nach dem Tode?»), не в последнюю очередь мотивируя свой поступок тем, что миропонимание немецкого мистика якобы близко Толстому. Не исключено, что одним из оснований для такого утверждения послужил известный постулат Толстого «Царство Божие внутри вас», действительно важный и для Бёме, однако немецкий мистик вкладывал в это утверждение свой смысл.

В ответном письме Трегубову Толстой высказал свое неодобрение присланного сочинения, где, по его мнению, присутствуют «вера и не вера, а желание верить в таинственное». «...Всякие попытки выведать или вообразить, что мы знаем и можем знать то, чего Он хотел, чтобы мы не знали, есть великий грех, — писал Толстой и заклучал: — В карме существенно только то, что наша добрая или дурная жизнь не безразлична, а важна, важнее всего для нас».⁶⁶

Для Бёме, который, напротив, ощущал себя избранником, призванным изображать и толковать Божественное начало мира, Бог предстал не только как творящий, но и *творимый*, вбирающий в себя весь материальный мир, т. е. и добро, и зло. Это не единый и самодостаточный Бог Платона, но Бог «болеющий» и «тоскующий» по воплощению и свету. По Бёме, сам Бог подобен Бездне (Ungrund), где нет ни света, ни тьмы: «Он всему дает силу и злону, и доброду, всякому по его вожделению» («Gott gibet allem Leben kraft / es sey böß oder gut / einem jeden nach seiner Begierde...»)⁶⁷

Именно в этом смысле Царство Божие, как и его непрекращающееся творение, оказывалось, по Бёме, «внутри» каждого отдельного человека, безотносительно к «доброй или дурной жизни» человеческого сообщества на земле. Однако Бёме, даже чувствуя ересь в иных своих утверждениях, находил оправдание в том, что он лишь «транслирует» божественное откровение. Толстой же усматривал здесь не только «желание верить в таинственное», но и большой грех.

И все-таки Толстой снова обратился к Бёме в своей дневниковой записи 1905 года. Характерно, что в ней он процитировал упомянутое выше стихотворение немецкого мистика,⁶⁸ в котором автор приравнивал время к веч-

⁶⁴ Борисова В. В. Эмблематический строй романа Достоевского «Идиот» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2005. Вып. 17. С. 103—104.

⁶⁵ Франк С. Л. Указ. соч. С. 175.

⁶⁶ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1933. Т. 72. С. 538. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

⁶⁷ Böhme J. De Signatura Rerum // Böhme J. Werke / Hg. von Ferdinand van Ingen. Frankfurt am Main, 1997. Bd 6. S. 616. (Bibliothek der frühen Neuzeit.)

⁶⁸ «Wem Zeit ist wie Ewigkeit / Und Ewigkeit wie die Zeit, / Der ist befreit / Von allem Streit» («Для кого время подобно вечности, а вечность времени, — тот пребывает в мире»).

ности и связывал это со свободой от всех возможных споров и распрей. Небольшие неточности, допущенные Толстым в этой цитате, свидетельствуют о том, что он знал стихотворение наизусть, что, в свою очередь, косвенно подтверждает пусть критический, но сохранявшийся у него интерес к Бёме.

Толстой спорил с ним относительно восприятия времени, считая временем процесс духовного зрения, понимания себя в жизни: «...перед моим духовным взором раскрываюсь и я сам, и другие существа. То, что я называю свободой воли, это мое сознание своей духовности, *неподвижности*» (55, 164. Курсив мой. — Г. Т.).

В отличие от Бёме, Толстой более интересовался земными, нежели «небесными» сущностями, и, в первую очередь, связывал понятие о Боге с добродетелью, считая ее, вслед за Сократом, тождественной знанию. Однако, парадоксальным образом, Толстой полагал это тождество восходящим к Платону, ибо под «знанием» подразумевал разум.⁶⁹ Именно разум (рационализм), наряду с «неподвижностью» духовной свободы, станет наиболее существенным для восприятия самого Толстого как мифологического феномена.⁷⁰ В. Зеньковский замечал, что «мистические запросы» проявлялись если не в чувствах Толстого, то в его уме,⁷¹ а Бердяев в самом конце критической по отношению к нему статьи «Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого» подметил его тяготение к мистицизму.⁷²

В частности, это касалось отношения Толстого к Христу, за которое он был порицаем многими русскими мыслителями, например Н. Бердяевым, считавшим его «буддистом». «Буддизм есть религия самоспасения, как и религия Толстого, — утверждал Бердяев. — Буддизм не знает личности Бога, личности Спасителя и личности спасаемого».⁷³ Толстой «хотел исполнить волю Отца не через Сына», полагая, что «он сам, сам исполнит волю Отца, сам может». Сын же «мешает ему выполнить собственными силами закон Отца».⁷⁴

И действительно, Толстой не раз приходил к мысли, что он может взять роль Спасителя на себя. «О Христе же, о его личности, пожалуйста, не думайте и не ищите разрешения в европ(ейских) университетах. Чем ближе мы будем следовать Его учению любви, тем яснее и несомненное нам будет ответ на вопрос: кто Он? — писал Толстой и завершал: — *Он то, чем я хочу и могу быть и буду счастлив, если буду*» (72, 539. Курсив мой. — Г. Т.).

И раньше, еще в трактате «В чем моя вера?», Толстой, вопреки учению церкви о слабости человека, утверждал, что его «разум и опыт» подсказывали: только человек и может исполнить призвание Христа (23, 309).

Нельзя не заметить, что по самоощущению Толстой близок «адамическому человеку», которому, по Бёме, и предстояло стать апостолом или Христом. За такое «сектантство» писатель был отлучен от церкви. Как упоминалось, в описанном Н. Бердяевым духовном центре сектантов «Яма» склонные к мистике толстовцы по своему мировоззрению сближались с учением Бёме.

⁶⁹ См. об этом: Галаган Г. Я. Л. Н. Толстой. Художественно-этические искания. Л., 1981. С. 31.

⁷⁰ Ср.: Тиме Г. А. Мифообраз Льва Толстого в контексте русско-немецкого диалога XIX—XX веков // Русская литература. 2010. № 4. С. 88—100.

⁷¹ Зеньковский В. Проблема бессмертия у Л. Н. Толстого // О религии Льва Толстого. М., 1912. С. 29.

⁷² Бердяев Н. А. Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого // О религии Льва Толстого. С. 195.

⁷³ Там же. С. 179.

⁷⁴ Там же. С. 178.

В первые десятилетия XX века началась новая эпоха русской рецепции идей немецкого мистика. «Яков Бёме — один из величайших гениев человечества, но гениев мало доступных, остающихся в тени. Читают его лишь немногие, и целые эпохи забывают о нем. Духовная атмосфера ныне начинающейся эпохи благоприятна для возрождения интереса к Бёме», — так писал о немецком мистике Н. А. Бердяев в 1925 году.⁷⁵

В России начала века идеи Бёме были особенно востребованы в размышлениях о свободе. Н. Бердяев, посвятивший ему и немецкому мистицизму вторую главу своего труда «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (1916), писал: «Только в мистической и оккультной философии, которой философы официальные и общеобязательные все еще не хотят знать, раскрывалось истинное учение о человеке как микрокосме, посвящался человек в тайну о самом себе. В мистике освобождается человек от подавленности природным миром. Самая сильная сторона большей части оккультных учений — это учение о космичности человека, это познание большого человека». ⁷⁶ По мнению Бердяева, для учения Бёме, как для любого мистического учения, характерен «духовный материализм», позволяющий человеку, «частному явлению природы», стать «верховным центром бытия». ⁷⁷

Бердяев спорил со своим «любимым Бёме» лишь там, где последний ассоциировал «первоначальную свободу» с Богом. Бердяев же только связывал ее с *присутствием Бога в самом человеке*, который благодаря этому обретал свое «достоинство как духовное существо». Философ признавался в «любви» к гностикам уже потому, что они в центре всего видели проблему человека. С. Франк ощутил в «Смысле творчества» Бердяева влияние Фейербаха и Ницше, которое, по его мнению, явилось причиной превращения идеи богочеловечества в антроподицею: «человек с его добытийственной свободой и спонтанным творчеством обладает божественностью наряду с Богом». ⁷⁸

Франк воспринимал русскую философию как *поэтическое мировоззрение*, в основе которого лежали два принципа: «несказанная бездна» (=хаос=Ungrund) души и инстинктивная потребность в такой свободе, которая могла бы реализовать для человека глубокую иррациональную суть его природы. «Певцом» этого мировоззрения Франк считал Ф. Тютчева, философская лирика которого, по его мнению, «может считаться поэтическим переложением теософии Бёме». ⁷⁹

В первые годы XX века романтическая традиция переживала в России «барокко» нового времени: полное разочарование в рационализме, «обезбоживание» человека и мира, поиски нового бога, жизнетворчество поэтов и мифологизация гениев.

Совершенно особое значение мистические идеи Бёме имели для русского символизма и, в первую очередь, «символизма как *миропонимания*». Именно так озаглавил свой труд 1904 года теоретик символизма Андрей Белый, видевший в нем не только образ мышления, но и образ жизни. Опираясь в основном на философию Шопенгауэра и Ницше, Белый в своих рассуждениях невольно возвращался к идеям Бёме, легшим в основу немецкого романтизма: к «сокровенности» мистического видения Лика Христа и Лика Сверхчеловека. Художник для Белого (для Бёме — каждый человек) — демиург, создающий миры, цель его — создание нового человека.

⁷⁵ Бердяев Н. А. Новые книги о Якове Бёме // Путь: Орган русской религиозной мысли. I—VI. М., 1992. Кн. 1. С. 631.

⁷⁶ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. С. 298—299.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Франк С. Л. Указ. соч. С. 158—159.

⁷⁹ Там же. С. 195.

В 1914 году, почти через триста лет после написания, первое и самое известное сочинение Бёме «Аврора» было издано символистским книгоиздательством «Мусагет» в новом русском переводе. Бёме сам «мыслил символами» и уже в «Авроре» употребил мифологему *Gleichniß* (подобие, символ) для обозначения и демонстрации *воплощений* единого сущего, из которого произошли все сущие. Он вошел в круг авторов, переиздание которых определяло издательскую стратегию «Мусагета», призванную возродить дух гениев прошлого.

«Да! Мы идем от лиц, как живых носителей идеи, а не от отвлеченной идеи; мы идем от лиц, образующих наш мусагетский кружок, и от великих умерших, являющихся как бы патронами этого кружка; Гете, Данте, Ницше, Пушкин, Гоголь, Владимир Соловьев, Фет, Новалис, Бёме, Гераклит, Вагнер, Мейстер Эккарт, Винчи, Бетховен, Бах, Моцарт, Врубель, Кант, Шлегель, Шеллинг; лучи мысли, идущие от этих великих мертвецов, проходят через живых: Андрея Белого, Эллиса, Вячеслава Иванова, Садовского, Нилендера, Вольфинга, Петровского, Блока, Сабашникову, Яковенко, Степуна и т. д.», — писал основатель «Мусагета» Э. Метнер.⁸⁰ В этом списке кроме самого Бёме названы и многие немецкие последователи немецкого мистика, и его приверженцы в России.

Учение Бёме, немецкий романтизм как наследующий ему феномен мистического сознания, его отражение в русском символизме — отдельная и слишком большая тема, чтобы обратиться к ней подробно в обзорно-аналитической статье. Здесь представляется возможным лишь обозначить отдельные и наиболее важные, знаковые имена, образы и проблемы, связанные с основными аспектами учения Бёме. Оно, несомненно, было важной составляющей литературной среды, к которой принадлежали символисты, и в целом, как сказал бы В. Беньямин, самой «ауры» символизма. Кроме того, практически все его немецкие предшественники, упомянутые в списке «Мусагета»: Шеллинг, Фр. Шлегель, Гете, — так или иначе берут начало в немецкой мистике, и в особенности в философии Бёме, изложение которой можно без преувеличения назвать не только художественным, но даже лирическим. Это тоже было существенно для русского символизма. Но если у Бёме внутреннее Слово не только порождало свое обозначение во внешнем, но и включалось в «процесс порождения смысла», то, по Вяч. Иванову, именно символизм способен соединить две «раздельные речи: речь об эмпирических вещах и отношениях и речь о предметах и отношениях иного порядка, открывающегося во внутреннем опыте, — иератическую речь пророчествования».⁸¹

Центральный образ в учении Вл. Соловьева, главного философа «младших» символистов, — Божественная София как женская ипостась божества — наиболее известен и узнаваем из всех, говоря условно, «бёмовских» образов. Поэма «Три свидания» изображает троекратное видение «той, которую Соловьев опознал как Софию древних гностиков и Якоба Бёме».⁸²

⁸⁰ Цит. по: *Тостых Г. А.* Издательство «Мусагет» // Книга. Исследования и материалы. М., 1988. Сб. LVI. С. 122. Курсив мой. — Г. Т.

⁸¹ *Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. 2. С. 594.

⁸² См. об этом: *Бонеецкая Н. К.* Русская софиология и антропософия // Вопросы философии. 1995. № 7. С. 79. Следует, однако, заметить, что в русской религиозной философии София нередко ассоциировалась с «Матерью-Землей» и противопоставлялась, как, например, у С. Булгакова, «безликой и имперсональной Jungfrau Sophia» немецких мистиков. (Подробнее см.: *Бальбуров Э. А.* Мифологема Софии в художественном сознании Серебряного века (В. Соловьев, А. Блок, А. Белый) // Бальбуров Э. А. Русская философская проза. Вопросы поэтики. М., 2010. С. 90.) Вместе с тем характерно стилизованное «оригинальное гностическое сочинение» Л. Карсавина «София земная и горняя» (1922), где автор «сознательно (...) пытался показать, насколько гностическая мысль приближалась к христианской и как она в нее перерождалась»

Явление Софии во многом определило русский символистский «миф о мире», вернее о двоемирии, где сосуществуют земное (временное) и высокое (вечное), а человек выступает как связующее звено между Божеством и Природой. Образ Вечной Женственности не покидал символистов: «Соловьевым таинственно мы крещены» (Вяч. Иванов — А. Блоку, 1912 год).

Особенно явно этот образ представлен у А. Блока, что позволяет обозначить в его творчестве мистическую триаду: Прекрасная дама (Божественная София), затем Незнакомка (Мировая душа — София «падшая») и, наконец, святая грешница, объединяющая их и ассоциирующаяся с самой Россией. В лирике Андрея Белого София также связывается с Россией, ее новым бытием, что уводит его в сторону от гностической традиции. Поэт чувствует в Софии «культуру коллектива»: «Под „Софией” я разумею не традиционно-гностическое представление, а символический знак культуры быта новой жизни, ритмизируемой Символом, или Логосом».⁸³

Как «софиологическая триада» толкуется в современной немецкой науке творчество Б. Пастернака, непосредственно не принадлежавшего к стану символистов: София — божественный Абсолют (ранний период), София — версия «падшей женщины» (зрелый период); единение или «синтез» Софии и «падшей женщины», Мария Магдалина (поздний период).⁸⁴ И хотя Блок и Пастернак знали о Бёме не понаслышке: издание «Авроры» 1914 года сохранилось в личной библиотеке Блока, а в университетских конспектах молодого Пастернака Бёме упоминается наряду с Платоном и Соловьевым, — представляется, что ограничивать все творчество Пастернака только «софиологической триадой» было бы пусть выверенным логически, но все-таки упрощением, особенно в русском религиозном контексте.⁸⁵

Учение Соловьева органично восприняло идею андрогинности «адамического человека» и самого Бога, воплощенную немецким мистиком в образе муже-девы (männliche Jungfrau). По Соловьеву, Божественная андрогинность предполагала бессмертие, «половая раздельность» мостила дорогу к смерти.

Это отразилось в *жизнетворчестве* символистов: в частности в заключении «духовных» или «нереализованных» браков (Блок—Менделеева, Мережковский—Гиппиус; Сологуб—Чеботаревская и др.). А. Эткинд даже видит в этом своеобразную традицию русской культуры, следующей за «идеями русских сект, скрещенных с Якобом Бёме и Владимиром Соловьевым».⁸⁶

Влияние Бёме, в учении которого А. Герцен в свое время отметил диалектическое единство добра и зла (зло как необходимый «момент жизни»: «источник энергии», «огненный двигатель»), заметно и в *миро-*, и в *само-*

(Назаров В. Н. «Каждый из нас в глубине своей есть София». (Предисловие к публикации) // Вопросы философии. 1991. № 9. С. 172. Публикация текста Карсавина «София земная и горная» — С. 175—186).

⁸³ Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 440.

⁸⁴ Ср.: Uhlig A. Die Dimension des Weiblichen im Schaffen Boris Leonidovič Pasternaks. Inspirationsquelle, Erscheinungsformen und Sinnkonzeptionen. Pasternak-Studien II. München, 2001. (Marburger Abhandlungen zur Geschichte und Kultur Osteuropas. Bd 39). О софиологии Я. Бёме — С. 25—28.

⁸⁵ См. рецензию на книгу А. Улиг: Тиме Г. А. Диалектика Вечно-Женственного в творчестве Б. Л. Пастернака // Русская литература. 2002. № 4. С. 211—214.

⁸⁶ Эткинд А. Указ. соч. С. 242. Замечание не лишено основания, но, на мой взгляд, несколько прямолинейное и категоричное. Следует, однако, заметить, что русские религиозные философы иногда придерживались другой крайней позиции, вовсе не чувствуя у Вл. Соловьева, А. Блока, А. Белого и др. даже намека на «брезгливость» к полу и эротизму (ср.: Булгаков С. Свет невечерний. М., 1994. С. 234).

ощущении символистов. Многим из них свойствен интерес к «силам зла», к Люциферу.⁸⁷ Особенно характерно это проявилось в творчестве Ф. Сологуба, почитавшего Люцифера в качестве Бога.

Как упоминалось, Бог Бёме подобен Бездне, где нет ни света, ни тьмы: «Он всему дает силу и злону, и добруму, всякому по его вожделению».⁸⁸ Такой Бог, говоря современным языком, не несет ответственности за мировое зло, ибо он двойственен изначально. Так понимали его и русские мыслители. Например, Н. Бердяев писал о своем «любимом» и «сверхконфессиональном» философе: «Для величайшего из мистиков Якова Бёме зло было в Боге и зло было отпадением от Бога, в Боге был темный исток, и Бог не был ответствен за зло».⁸⁹

Для русского, даже не ортодоксального восприятия более внятно *противопоставление* Бога и Дьявола; и, как правило, чуждо отношение к этой проблеме даже Гете, гениального последователя Бёме, игравшего далеко не последнюю роль в мироощущении символистов и названного Метнером первым в перечислении их «патронов».

Хрестоматийный пример, хотя и иного уровня: гетевский Мефистофель, прежде чем начать искушение Фауста, идет за разрешением к самому Богу и возвращается удовлетворенным: «старик» с чертом весьма любезен. Прямым наследником такого восприятия Бога и Дьявола можно считать разве что М. Булгакова, сначала назвавшего свой главный роман «Фауст и Маргарита» и снабдившего его известным эпиграфом из Гете о Дьяволе, который «творит добро, всему желая зла».

Что касается Сологуба, у которого Дьявол оказался на месте Бога, то Дьявол для него тоже далеко не всегда является только воплощением зла. Напротив, для поэта он «всеблагий», ему присуще «пламенное дыхание свободы», он даже «Отец» и спаситель. Если рассматривать это с точки зрения катаров, с верованиями которых С. Слободнюк сравнивает воззрения Сологуба, здесь несомненно противоречие,⁹⁰ однако в явлении мистического Бога это противоречие снимается. Ведь сам Бог, являющийся воплощением всего в мире (по Бёме, Он Ничто и одновременно Всё), потому изначально грешен, а Люцифер не может окончательно «отпасть», выйти из Царствия Божия, так как он лишь усиление одного из его «качеств», сопровождающееся возгоранием «темного огня».

Вообще, огненная стихия, столь важная для поэзии Сологуба, присутствует у Бёме во всех трех Принципах Творения: Исток — вечно творящая огненная душа, магический огненный мир как центр природы (*magische Feuer-Welt als Zentrum der Natur*), где становится явным и «темный огонь», наконец, мир «внешнего рождения» — своеобразный «тезариус подобий». Однако вне природы Бог лишь *Мистерия* или *Ничто*, Глаз вечности, зрящий в бездне («*ausser der Natur ist Gott ein Misterium, versteht in dem Nichts / dann ausser der Natur ist das Nichts / das ist ein Auge der Ewigkeit / ein vngrundlich Auge / das in nichts stehet oder sihet / dann es ist der vngrund*».)⁹¹

⁸⁷ Подробное см.: Слободнюк С. Л. «Дьяволы» «Серебряного» века. Древний гностицизм и русская литература 1890—1930-х годов. СПб., 1998.

⁸⁸ В статье «Я. Книга совершенного самоутверждения» Сологуб, в частности, писал: «*Всякий грех — Мой грех*, ибо все и во всем Я и только Я... (...) Моя... сила — *создать и то, что Я хочу, и то, чего Я не хочу*. (...) Бытие Мое несомненно, — и вне Меня — бездна небытия, непостижимая тайна Моя...» (Сологуб Ф. Я. Книга совершенного самоутверждения // Сологуб Ф. Творимая легенда. М., 1991. Ч. 2. С. 150—152; курсив мой. — Г. Т.).

⁸⁹ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. С. 43.

⁹⁰ Ср.: Слободнюк С. Л. Указ. соч. С. 176.

⁹¹ *Böhme J. De Signatura Rerum*. S. 531.

По Бёме, только человек находится *внутри* «вечного дыхания Божественной силы и раздельности вечного Слова Божия». ⁹² «Всё — Я, / И всё, что есть, — то Я», — писал Сологуб в «Литургии — мне». ⁹³

Адамический человек («мужеская дева») изначально един, и только потом в нем различаются женское начало как «матка роженицы» и мужское как «огненное качество». Вместе с тем образ Божий был «разбит» в человеке после того, как «огонь души Адама дьявольским ядом отравил его волящий дух и через свойство Змея ввел (его. — Г. Т.) в земное смертное удовольствие (Lust)». ⁹⁴ Несколько темная по обыкновению мысль Бёме все-таки позволяет предположить, что, по его мнению, причиной случившегося с Адамом явился не только Люцифер в образе Змея, но и его «зараженная» (т. е. заболевшая) «огненная душа».

В трактате Бёме «Misterium Magnum» есть и описание возможности новых рождений человека, столь занимавшей Сологуба. По Бёме, непременным условием возрождения (Wiedergeburt) являлось новое воплощение (Umwandlung), а оно было невозможно без горения в огне (Feuer-Brennen) любви и божественного гнева.

Мистическая неразделимость Бога и Дьявола (сюда относится и человек) в равной степени позволяет считать любого из них то добрым, то злым, не различать их, а также сочинять «литургию» себе самому. Сжигающая огненная стихия одновременно является рождающей, оплодотворяющей, а также возрождающей к новой жизни. В шестой книге стихов «Змий» Сологуб исходит из Священного Писания: медный Змий как идол, спасающий от укусов змей в пустыне; далее Золотой Змий (Телец?), «тиранящий мир»: «О жизнь моя, безжалостно-скупая (...) Последний яд, усмешка Духа Злого» («дьявольский яд», поразивший Адама?).

Вместе с тем Сологуб различает два Солнца: светлый Гелиос и огненного Змия («Дракон пожирающий, дикий»), далее «столкновение бешеных воль», желание убить Дракона и примиряющий конец — утешение в ночных ласках любимой при постоянно ощущаемом присутствии Огненного Змия («в огне жестоком кровь») — по Бёме, «огненное качество» оплодотворяющей мужской плоти. Даже видение нового прекрасного мира сопровождается у Сологуба огненной стихией: «...в восторге яркого самозабвения сгорали тяжелые бремена тяжелого земного времени. И сгорали острые, быстрые миги, из их пепла строился новый мир — наш мир. Мир, пламенеющий в молодом экстазе...» ⁹⁵

Мир, вечно пламенеющий в рождении, гибели, в оплодотворяющей плотской любви, в новых рождениях человека, — один из главнейших мистических концептов творчества Сологуба, а в немецкой мистике Бог, Дьявол и человек лишь «качества» одной божественной (огненной) материи, хотя и обреченные на противоборство, но не имеющие возможности разделиться. Это одно из возможных толкований неразрешимых сологубовских «антиномий». ⁹⁶

⁹² Ср.: Шаулов С. М. Мистицизм поэзии и поэзия мистики. Яков Бёме и рождение немецкой поэзии: концепция мира и человека. С. 190. В этой книге учение Бёме рассматривается в связи с литературой барокко, особенно творчеством П. Флеминга. Насколько мне известно, это первое современное и пока единственное подробное исследование на русском языке, поставившее своей целью продемонстрировать «родство» мистического учения Бёме и романтической поэзии.

⁹³ Сологуб Ф. Литургия — мне. М., 1907. С. 20.

⁹⁴ *Böhmte J. Signatura Rerum.* S. 586—587.

⁹⁵ Сологуб Ф. Театр одной воли // Сологуб Ф. Собр. соч.: В 12 т. СПб., 1910. Т. 10. С. 136.

⁹⁶ Подробнее см.: Тиме Г. А. Федор Сологуб и немецкая мистика. Заметки к теме // Федор Сологуб. Биография. Творчество. Интерпретации. СПб., 2010.

Таким образом, Сологуб не только оказался в поле притяжения немецкого мистицизма и романтизма, но, подобно другим символистам (В. Брюсову, Андрею Белому, А. Блоку и др.), сам включился в процесс переосмысления и перевоссоздания его идей и образов, а тем самым в процесс европейского «культурного трансфера».

У знатоков Бёме мы наблюдаем наиболее глубокое вживание в мир его идей. Так, герой романа Б. Поплавского (1903—1935) «Домой с небес» переживает как одно из «позитивных отключений сознания» видение Бездны, ощущение той иррациональной свободы, которая у Бёме предшествовала «актуальности Бога».⁹⁷

Однако привлекают внимание и «созвучия» с Бёме у поэтов и писателей, так или иначе соприкоснувшихся с идеями немецкого мистика. Здесь может быть упомянута М. Цветаева, подписавшая 9-й том сочинений Бёме: «Марина И. Цветаева. Москва. Зима 1919 г.» и описавшая в «Поэме воздуха» «несколько воздушных», а также «святую семерку» (heilige Sieben), что необязательно свидетельствовало о ее знакомстве с мистической нумерологией именно через Бёме, но все-таки указывает и на него.⁹⁸ Известно изречение отца Д. Хармса: «не понял ни *бе*, ни *ме*», как реакция на бёмевскую «Аврору», которое сегодня рассматривается в качестве «предобэриутовской звуковой игры».⁹⁹

В современных исследованиях типологическое сходство с мистическими («барочными») образами в духе Бёме усматривается в творчестве поэтов русского авангарда. По мнению Л. Сазоновой, барокко предшествовало ему по самой «типологии принципов конструирования художественного мира», что позволяет ей осуществить убедительное типологическое сопоставление «риторических моделей» творчества С. Полоцкого и В. Хлебникова.¹⁰⁰

В подобном ключе порой рассматривается поэзия В. Маяковского и даже В. Высоцкого. Эти не всегда бесспорные утверждения базируются на идеях двоemiрия и бинарности личности, которые несомненно связывают Высоцкого с важными тенденциями русской литературы. «Топос *такой* противоречивости заложен в смысловой сфере русской культуры (как и немецкой) усвоением и переживанием библейского человека, активизирован в ней многократно и разнообразно переводной литературой, начиная с XVIII века, когда в читательский обиход входила, в частности, и поэзия барокко, — пишет С. М. Шаулов и подчеркивает: — Среди самых востребованных объектов издательской и переводческой деятельности здесь оказываются Ангелус Силезиус и Якоб Бёме».¹⁰¹

Несмотря на дискуссионный характер таких обобщений, сам факт обращения к Бёме в XXI веке заслуживает внимания. Здесь следует повторить, что в России тяготение к его мистическому учению изначально было обусловлено не только историческими, но и ментальными причинами, особенностями русского мироощущения, склонного не столько к философии,

⁹⁷ Токарев Д. «Между Индией и Гегелем». Творчество Бориса Поплавского в компаративной перспективе. М., 2011. С. 205.

⁹⁸ См.: Иванов В. Вяч. Россия и гнозис. С. 13.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Сазонова Л. И. Барокко—авангард: типология принципов конструирования художественного мира // Теоретико-литературные итоги XX века. Художественный текст и подтекст. М., 2003. С. 26—52. Еще в конце 1970-х годов И. Смирнов обозначил причины типологического схождения барокко и авангарда в качестве общего «системообразующего парадокса», основанного на «смешении вещей и знаков» (Смирнов И. II. Барокко и опыт поэтической культуры XX в. // Славянское барокко: Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979. С. 337).

¹⁰¹ См.: Шаулов С. М. Барокко, экспрессионизм и Высоцкий // Владимир Высоцкий: взгляд из XXI века. Материалы Третьей Международной научной конференции. М., 2003. С. 43.

сколько к поэтическому мирозерцанию, в основе которого находились переживание, воображение, интуиция. Понятия Ungrund (как бездна, хаос) и Unzeit (как безвремяе) становились своего рода константами русской идентичности в самые разные времена. В этом смысле некий «бёмевский» и, условно говоря, «барочный» элемент, возможно, и теперь остается ее неизменной составляющей.

Несомненно и то, что в последнее время интерес к Бёме в России заметно возрос: печатаются на русском языке его трактаты, пишутся работы, посвященные их современному толкованию,¹⁰² однако проблема «Наследие Бёме в России» по-прежнему остается на периферии научных разысканий.

Разумеется, в одной статье невозможно не только рассмотреть, но даже обозначить все стороны этой поистине необозримой научной проблемы. Поэтому, обозначив наследие немецкого мистика как феномен, я поставила перед собой задачу напомнить об известном и отметить возможное, высветив важнейшие и наиболее актуальные аспекты и тенденции, которые, на мой взгляд, нуждаются в дальнейшем изучении.

¹⁰² См.: Аврора, или Утренняя заря в восхождении. М.: Гуманис, 1990; Аврора, или Утренняя заря в восхождении. М.: Амфора, 2008; Christosophia, или Путь ко Христу. СПб.: Амфора, 1994; Теософия. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000; Истинная психология, или Сорок вопросов о душе. СПб.: Алетейя, 1999; Истинная психология, или Сорок вопросов о душе. М.: София, 2004; О тройственной жизни человека. СПб.: Мир, 2007. См. также: Носов Н. Психология ангелов по Якову Бёме // Человек. 1994. № 6; Резвых П. Яков Бёме: язык тела и тело языка // Новое литературное обозрение. 2003. № 63 (2); Фокин И. Л. 1) Феноменология теогонической души в учении Якоба Бёме // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2008. № 1 (10); 2) Проблема свободы в первоначальном учении о «божественных качествах» // Там же. № 3 (14); Шаулов С. М. Всемирный семиозис Якоба Бёме и основания эстетики барокко // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 3 (7), и др.

ПОХВАЛА БАСНЕ

Из всех жанров мировой литературы, пожалуй, наиболее исследована, учитывая ее почтенный возраст, басня. Однако в современных представлениях о ней содержится немало непроясненных положений. Проблематична уже сама проблема зарождения жанра басни. «Наряду с мифом, — обмолвился как-то М. Л. Гаспаров, — басня была одной из древнейших форм мышления и одним из древнейших жанров словесного искусства».¹ Нельзя с этим согласиться потому, что уже в эзоповских баснях мифологические персонажи появляются изредка, а главное — не как полновесные боги и герои, а в качестве условных литературных персонажей. Достаточно вспомнить в этой связи классический басенный сюжет «Лягушки, просящие царя», где Юпитер наделен качеством любителя черного юмора.

Более достоверной представляется версия происхождения басни, изложенная В. А. Жуковским: «Вероятно, что прежде она была собственностью не стихотворца, а оратора и философа (...) В истории басни можно заметить три главные эпохи: первая — когда она была не что иное, как простой риторический способ, пример, сравнение; вторая — когда получила бытие отдельное и сделалась одним из действительнейших способов предложения моральной истины для оратора и философа нравственного, — таковы басни, известные нам под именем Эзоповых, Федровы и в наше время Лессинговы; третья — когда из области красноречия перешла она в область поэзии, то есть получила ту форму, которой обязана в настоящее время Лафонтену и его подражателям, а в древности Горацию».²

Следует, однако, сразу же уточнить содержащееся здесь противопоставление «риторических» и поэтических басен.³ На первый взгляд, хронологическая дистанция между Эзопом и Федром, а особенно между Федром и Лафонтеном и в самом деле — огромна. Однако представление о позднем (по сравнению с Эзопом) происхождении поэтической басни — ошибочно.

Впервые стихотворное переложение басни зарегистрировано в составе поэмы Гесиода «Труды и дни» (притча о соловье и ястребе), в комической поэме «Война мышей и лягушек» (притча о льве и мышонке), в ямбах Архилоха (притча об орле и лисице), т. е. задолго до Эзопа. Как самостоятельный стихотворный жанр басня действительно вполне оформилась лишь в творчестве Федре и Бабрия на заре новой эры. Но едва ли не первым автором, посягнувшим на самостоятельное поэтическое переложение эзоповских басен, согласно свидетельству Платона (диалог «Федон»), стал младший современник Эзопа, Сократ, который в своих риторических занятиях постоянно прибегал к басенным сюжетам. И вместе с тем «сказывали, что (он) занимался в темнице сочинением стихов, переложил в стихи несколько Эзопо

¹ Гаспаров М. Л. Басни Эзопа // Басни Эзопа. М., 1968. С. 241.

² Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 183—184.

³ Проблема эта была развита в книге Л. С. Выготского: *Выготский Л. С. Психология искусства*. М., 1968. С. 154—186.

вых басен».⁴ Диоген Лаэртский (2 век н. э.) приводит две строчки одной из них:

Некогда молвил Эдип обитателям города Коринфа:
Кто добродетелен, тот выше земного суда.⁵

Исходными для складывающегося литературного жанра оказались динамические сравнения отрицательного свойства («не так, а вот как надо поступать») — ср., например, в «Молении Даниила Заточника» (XII—XIII век): «не сей на межах сита, ни мудрости в сердцах глухых {...} Как в дырявые меха лить, так и глупого учить; ибо псам и свиньям не нужно ни золота, ни серебра, а глупым — мудрых слов; мертвеца не рассмешишь, а глупца не научишь. Коли пожрет синица орла, если поплывет камень по воде и коли начнет свинья на белку лаять, тогда и глупый уму научится».⁶ Именно первая часть чисто риторического приема развилась в самостоятельную сценку.

Таким образом, изначально определились два главных качества басенного рассказа: в его основе всегда бестолковое происшествие, которое от противного предполагает некую нравственную истину. Именно такая басенная ситуация послужила основой для поэтической обработки, преимущественно смеховой (забавной, юмористической, сатирической), подразумевающей, однако, разумную оппозицию. Недаром действующими лицами в басне зачастую становились звери, животные — ведь не так, как они, должен поступать человек.⁷

Сходство персонажей напрямую уподобляло басню сказочному животному эпосу. На самом деле басня возникла уже в контексте развитой культуры, в отличие от сказок о зверях. Скорее, однако, сказки о животных в своем развитии насыщались басенными мотивами. Будучи наиболее древним фольклорным жанром, сказка о животных использовала нередко неторопливую кумулятивную композицию, поэтизировала обман как необходимое средство выживания. В басне же торжествовало стремительное развитие сюжета, а звери аллегорически воплощали отдельные человеческие качества.⁸

⁴ В предисловии к изданию своих басен Лафонтен замечал: «Как только басни, приписываемые Эзопу, увидели свет, так Сократ нашел нужным одеть их в одежды муз... Сократ был не единственным, кто рассматривал поэзию и басню как сестер. Федр заявлял, что он придерживался того же самого мнения» (цит. по: *Выготский Л. С.* Указ. соч. С. 136).

⁵ *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях великих философов. М., 1986. С. 105—106. Вероятно, здесь содержится ошибка в адресате басни: не сохранилось никаких свидетельств о пребывании Эзопа в Коринфе. Скорее всего, философ имел в виду дельфийцев, приговоривших по ложному доносу баснописца к казни, — и тем самым сравнивал собственную судьбу с его участью. В предсмертной речи, согласно Платону, Сократ заявил согражданам: «Ведь если вы меня казните, вам нелегко будет найти такого человека, который попросту — смешно сказать — поставлен богом к нашему городу, как к коню большому и благородному, но обленившемуся от тучности и нуждающемуся в том, чтобы его погонял какой-нибудь овод. Вот, по-моему, бог послал меня в этот город, чтобы я, носясь повсюду, каждого из вас будил, уговаривал, упрекал беспрестанно» (*Платон.* Апология Сократа // Платон. Диалоги. Харьков, 1999. С. 21).

⁶ Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 395.

⁷ Впрочем, и сам человек многое почерпнул у своих меньших братьев. Еще Демокрит замечал: «От животных мы путем подражания научились важнейшим делам: [а именно, мы — ученики] паука в ткацком и портняжном ремеслах, [ученики] ласточки в построении жилищ и [ученики] певчих птиц, лебедя и соловья в пении» (Памятники мировой эстетической мысли. М., 1962. Т. 1. С. 86).

⁸ Анализируя народные сказки о животных, В. Я. Пропп замечал: «Они могут быть использованы в целях сатиры, как могут быть использованы и сказки других видов, но они не являются ни моралистическими, ни сатирическими по существу» (*Пропп В. Я.* Русская сказка. Л., 1984. С. 303).

Жанр басни начал менять свою социальную функцию уже в античном мире. «После того, — отмечал М. Л. Гаспаров, — как борьба между знатью и народом закончилась победой народа, басня перестала быть орудием борьбы. Боевой пафос басенной морали потускнел, иносказательность полемической аргументации стала ненужной (...) Басню по-прежнему любят, но уже не относятся к ней серьезно. Это — средство развлечения толпы, не достойное серьезного оратора (...) Из „высокой“ литературы для взрослых граждан она опускается в литературу учебную, предназначенную для детей. Это происходит на рубеже классической и эллинистической эпох (...) В такой школе басня пришлась как нельзя более к месту: младшие впитывали из нее народную мудрость. Старшие пользовались ею как материалом для риторических упражнений. И школа надолго остается основным питомником басни...»⁹

Так закрепилось издавна, — в сущности, неверное — представление о басне как материале исключительно для детского чтения. С этим — в целях противоцензурного маневра — склонны были соглашаться и выдающиеся баснописцы. Недаром первое издание своих басен (в шести книгах) Лафонтен посвятил шестилетнему дофину, наследнику королевского престола. Не в последнюю очередь с той же целью рядился под простака и «дедушка Крылов».

В каждой из национальных культур басня имела свою судьбу. Особенно был востребован этот жанр в России в XVIII—начале XIX века. Несть числа баснописцам того времени, и даже самые замечательные русские писатели постоянно обращались к басенному жанру: Фонвизин, Державин, Карамзин, Жуковский... Низкий в системе господствующего классицизма жанр оказался готовым для воспроизведения повседневного быта, аллегорический же смысл позволял касаться рискованных политических и социальных тем. Именно двойная природа басни («простой» рассказ и «высокая» мораль) определила и здесь сложную эволюцию жанра.

По формальным признакам басня — один из самых консервативных литературных жанров. Она зачастую использует традиционный, подчеркнута неправдоподобный, условный сюжет. Его обработка является предметом соревнования для многих писателей, каждый из которых мог учитывать опыт предшественников. Но в лучших образцах поэтический басенный рассказ обогащался в дальнейшем иными жанровыми формами. Недаром замечательными баснописцами стали во Франции — Лафонтен, а в России — Крылов, обратившиеся к басне после того, как накопили свою творческую силу в различных жанрах. Реалистическая точность в передаче примет русского быта, драматическое мастерство в обрисовке характеров басенных персонажей у Крылова неузнаваемо преобразовывали традиционную фабулу. «Это наша крепкая русская голова, — писал о нем Н. В. Гоголь, — тот самый ум, который сродни уму наших пословиц, тот самый ум, которым крепок русский человек, ум выводов, так называемый задний ум. Пословица не есть какое-нибудь вперед поданное мнение или предположение о деле, но уже подведенный итог делу, отсед, отстой уже перебродивших и кончившихся событий, окончательное извлечение силы дела из всех сторон его, а не из одной. Это выражается в поговорке: „Одна речь не пословица...“ Сверх полноты мыслей, уже в самом образе выраженья, в них отразилось много народных свойств наших; в них все есть: издевка, насмешка, попрек — словом — все, шевелящее и задирающее за живое: как стоглазый Аргус глядит из них каждая на человека (...) Отсюда-то ведет свое происхождение Крылов».¹⁰

⁹ Гаспаров М. Л. Указ. соч. С. 252—253.

¹⁰ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. [М.; Л.], 1952. Т. 8. С. 392. Кровное родство крыловской басни с пословицей впоследствии было обосновано А. А. Потебней. См.: Потебня А. А.

Важнейшим качеством пословичного фонда, между прочим, служит и незаикленность народных представлений непременно на одной и той же истине, а умение применительно к конкретной жизненной ситуации мудро сформулировать и диаметрально противоположное суждение. Ср., например, антонимические пары: «Делу время — потехе час» и «Молодо-зелено, погулять велено». Вспомним, что Крылова и по сию пору часто упрекают в «непоследовательности», когда он аналогичные басенные сюжеты обрабатывал и в сатирическом ключе, и будто бы в благонамеренном смысле.

Откликаясь на творчество Крылова, Белинский скажет: «Басня как нравоучительный род литературы — в наше время — действительно ложный род... Но басня, как *сатира*, есть истинный род поэзии».¹¹

Сатирический смысл многих басен Крылова не выцветает с годами. Такова, например, притча «Крестьяне и река» с итоговым народным сегованием:

На младших не найдешь себе управы там,
Где делятся они со старшим пополам.

По поводу басни «Овцы и Собаки» В. А. Архипов отмечает: «Басня, направленная против разбухшей махины крепостнического государства, против целой системы фиктивных должностей и синекур, резка и однозначна и поэтому не требует пояснений».¹² «Трудно придумать, — трактует басню «Рыбья пляска» Н. Л. Степанов, — более злую и едкую сатиру на монарха. Крылов наглядно показал, как бесстыдно царя обманывают лица, которым доверено управление государством, и как сам царь позволяет себя обманывать».¹³ Упоминания «махины крепостнического государства» и «монарха» явно ограничивают хронологические рамки изображенного зла, доньше ощущаемого с небывалой силой.

Басни Крылова до сих пор то и дело приходят на ум. Продолжая многовековую литературную традицию, баснописец Крылов остается писателем нового времени.

Упомянем в этой связи издание басен Крылова (СПб., 1864) с иллюстрациями академика Трутовского, в которых выявлен — только на первый взгляд неожиданный — актуальный смысл нестареющих анекдотов, прямо аукнувшийся в эпоху реформ Александра II. Было бы любопытно повторить подобное издание сейчас, сопроводив его современными фотографиями, — вплоть до последней крыловской басни «Вельможа».

Но расценивать басенное творчество Крылова исключительно по ведомству сатиры также, в общем-то, неверно. «Тришкин кафтан», «Раздел», «Демьянова уха», «Охотник», «Мельник» «Два мужика», «Три мужика» и т. п. — вовсе не сатиры, а юморески. Таков, например, герой басни «Кот и Повар». Басню эту впоследствии даже связывали с событиями Отечественной войны 1812 года (на самом деле она была разрешена цензурой к печати еще до начала военных действий). В сущности же, здесь передан забавный монолог захмелевшего в меру человека, который, может быть, стрезва и выдрал бы провинившегося кота. Но сейчас он пребывает в благодушном на-

Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. 3-е изд. Харьков, 1930. Ср.: «Господствующий дух русских пословиц, — замечал В. К. Кюхельбекер, — ирония. Очень мало таких, которые то, что хотят сказать, говорят прямо, — большая часть выражаются обиняками. Некоторые — истинные апологи в двух-трех словах» (Дневник В. К. Кюхельбекера. Л., 1929. С. 53).

¹¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. VIII. С. 575.

¹² Архипов В. Крылов: Поэзия народной мудрости. М., 1974. С. 141.

¹³ Степанов Н. Басни Крылова. М., 1969. С. 42.

строении, в трактире почему-то не наговорился и теперь хочет наверстать упущенное.

Считается, что уже во второй половине XIX века «классический басенный жанр как бы кончает самоубийством через автопародию».¹⁴ Тем более что некоторые, особо популярные басенные сюжеты могут показаться морально ущербными. Так, дети обычно жалеют Стрекозу, прослушав басню «Стрекоза и Муравей», — должную доказать, по мысли воспитателя, что бездельничать аморально. В своем романе «Эмиль, или О воспитании» Ж.-Ж. Руссо, анализируя традиционные басенные сюжеты, замечал, в частности: «А между тем, какой ужасный урок для детей! Самым ненавистным из всех чудовищ был бы жадный и жестокий ребенок, который знал бы цену того, что у него просят и в чем он отказывает. Муравей делает больше: он научает ребенка издеваться при рассказе».¹⁵ Любопытно и то, что, выслушав на острове Св. Елены басню «Волк и Ягненок», Наполеон считал, что «в ней слишком много иронии, почему она не может быть доступна пониманию детей; сверх того она грешит в своем принципе и в нравоучении (...) Несправедливо, когда сила подавляет наилучшее (que la raison du plus fort fût toujours la meilleure), и если так случается на самом деле, то это зло, говорил он, злоупотребление, достойное порицания. Волк должен был подавиться, пожирая ягненка».¹⁶

Казалось бы, что баснописец Крылов продолжает жить в нашей культуре только массой оставленных им «крылатых выражений». Так ли это?

Последняя, девятая, книга басен Крылова открывалась шестью миниатюрами, напечатанными в альманахе «Новоселье» (1833), наряду с «Домиком в Коломне» Пушкина, где басни Крылова постоянно вспоминаются и прямо цитируются. Собственно, анекдотическое происшествие, описанное в поэме, сродни басенной жанровой картинке типа «Разборчивой невесты», но Пушкин иронизирует в финале над басенной моралью, что можно, конечно, расценить как приговор массовому басенному жанру. Однако басенные мотивы постоянно живут в художественной ткани пушкинских произведений.

Приведем тому лишь несколько примеров. Пушкинская эпиграмма на царя:

Оригинал похож на бюст:
Он также холоден и пуст —

восходит к басне Лафонтена «Лисица и Бюст», в которой героиня, увидев в саду бюст славного героя, восклицает:

Как благороден лик! Какая красота!
Одно лишь жаль, что голова пуста!

Далее следует мораль:

Тут к слову бы сказать, что многие вельможи
Во всем на этот Бюст похожи.¹⁷

Описание творческих мук горюхинского Белкина, замыслившего эпическую поэму о Рюрике, но разразившегося лишь надписью к портрету, так же восходит к классическому басенному сюжету о горе, родившей мышь, — ср. соответствующую мораль у Лафонтена:

¹⁴ Классическая басня. М., 1981. С. 343.

¹⁵ Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. М., 1981. Т. 1. С. 124.

¹⁶ См.: Кеневич В. Примечания к басням Крылова. 2-е изд. СПб., 1878. С. 41.

¹⁷ Лафонтен Ж. Басни. М., 2000. С. 170.

Но это старая, все знают, побасёнка;
А вот я быль скажу: один поэт писал
 Не день, не два, а целый месяц сряду,
 Чернил себя, крестил, марал;
Потом, друзей созвав, пред ними прочитал...
 Шараду.¹⁸

Нет необходимости перечислять крыловские реминисценции в творчестве Пушкина; ограничимся общеизвестным: зачином его романа в стихах: «Мой дядя самых честных правил» (ср. в басне Крылова «Осел и Мужик»: «Осел был самых честных правил»).

Но, конечно же, дело не ограничивается одними реминисценциями.

Только на первый взгляд может показаться верным попутное замечание Н. А. Добролюбова: «Крылов ограничил свою деятельность одним родом литературных произведений — баснею и потому мало имел влияния на развитие литературы...»¹⁹

Сравним с этим признанную оценку наследия французского баснописца: «„Басни“ Лафонтена отличаются прежде всего исключительной широтой в охвате современной ему французской действительности. Вся Франция второй половины XVII века, начиная от крестьянина-бедняка, добывающего себе пропитание сбором хвороста, и кончая монархом и его аристократическим окружением, проходит перед глазами читателя в произведениях Лафонтена. Этот размах поэтического кругозора Лафонтена, так же как и значение писателя в процессе становления национальной литературы, позволили одному из критиков назвать его „французским Гомером“. Сам Лафонтен писал о своих баснях, что это „пространная стоактная комедия, разыгрываемая на мировой сцене“». ²⁰ Разве не то же мы вправе сказать и о баснях Крылова?

Здесь уместно упомянуть о том, что в 1825 году Крылов передал в альманахах «Северные цветы» пять басен. Одна из них («Лев состарившийся») — довольно точный перевод басни Лафонтена «Лев в старости». Но та же коллизия развита Крыловым и в басне «Лисица и Осел», где происшествие поведано не в скорбном рассказе одряхлевшего царя зверей, а в наглой похвальбе Осла. Не случайна здесь и Лисица, которая своими хитрыми вопросами подталкивает собеседника предельно обнажить его агрессивную глупость. Помещенные в одном альманахе две басни на один и тот же сюжет можно расценить как реакцию баснописца на надоевшие ему в отечественной критике — якобы комплиментарные — определения его как «русского Лафонтена». Вполне очевидно, что вторая басня доказывала то, что Крылово было по силам соперничество со всемирно признанным мастером.

Уроки художественного мастерства Крылова были полезны для многих писателей. Присмотримся хотя бы к развернутым сравнениям в «Мертвых душах». Вспомним уподобление мелких чиновников мухам или лай собак в имени Коробочки, напоминающий разноголосый певческий ансамбль. Или такое попутное сравнение, особо восхитившее В. В. Набокова: «Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло-серого цвета, какой бывает только на старых мундирах гарнизонных солдат, этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням». Нам представляется, что образность таких пассажей

¹⁸ Там же. С. 204.

¹⁹ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1950. Т. 1. С. 317.

²⁰ Виллер Ю. Б., Самарин Р. М. Курс лекций по истории зарубежных литератур XVII века. М., 1954. С. 563.

восходит к «подробностям» басенного рассказа у Крылова.²¹ Не вспоминали ли баснописца автор «Мертвых душ» и выявляя животные черты у небокопителей?

Работая над романом «Война и мир», Л. Н. Толстой внимательно читал не только документы и репортажи об Отечественной войне, но и басни Крылова, который лучше всех своих современников отразил народный характер Отечественной войны. «Стон этого раненого зверя французской армии, — пишет романист, вспоминая басню «Волк на псарне», — обличитель ее гибели, была присылка Лористона в лагерь Кутузова с просьбой о мире».²² Воспользовался автор эпопеи и образом, почерпнутым в басне «Ворона и Курица»: «Она (Москва) была пуста, как пуст бывает домирающий, обезматовивший улей».²³

Можно было бы посчитать случайностью басенную огласовку имени-фамилии главного героя романа Ф. М. Достоевского «Идиот» (Лев Мышкин), но нельзя не заметить, что в сложной структуре этого произведения басня то и дело вспоминается. Вспомним реакцию Рогожина на обиду, нанесенную князю: «И будет каяться! — закричал Рогожин, — будешь стыдиться, Ганька, что такую... овцу (он не мог приискать другого слова) оскорбил!»²⁴ В одной из кульминационных сцен этого романа прямо будет обозначен мотив басни «Лев составрившийся» во взаимоотношениях генерала Епанчина и Фердыщенко.

В басне Крылова «Стрекоза и Муравей», в сущности, было развенчано прекраснородное представление о том, что народ всегда добр. А. И. Куприн в рассказе «Попрыгунья-стрекоза» на пороге грозных потрясений русской истории начала XX века пребывает в русле крыловской морали — трезвого представления о народе. Писатель рассказывает, как художник, поэт-символист и музыкант попадают на новогодний праздник в сельскую школу и слушают нелепо разыгранную детьми басню «Стрекоза и Муравей».

«Мне вовсе, — вспоминает рассказчик, — нетрудно сознаться в том, что в это время у меня волосы стали дыбом, как стеклянные трубки, и мне казалось, что глаза этой детворы и глаза всех набившихся битком в школу мужиков и баб устремлены только на меня, и даже больше, — что глаза полтора миллиона глядят на меня, точно повторяя эту проклятую фразу: „Ты все пела, это — дело, так поди же попляши. Так поди же попляши“ (...). В страшный день ответа что мы скажем этому ребенку и зверю, мудрецу и животному, этому многомиллионному великану? Ничего. Скажем с тоской: „Я все пела“. И он ответит нам с коварной мужичьей улыбкой: „Так поди же попляши“».²⁵

В свою очередь, идиллическое (вполне всерьез!) изображение соловьиного пения в басне «Осел и Соловей» стало, возможно, одним из стимулов сим-

²¹ Показателен спор Белинского и К. Аксакова о развернутых сравнениях у Гоголя. «Если Гомер, — замечает Белинский, — сравнивает теснимого в битве троянами Аякса с ослом, он сравнивает его *простодушно*, без всякого юмора (...) Для Гомера, как и для всех греков его времени, осел был животное почтенное и не возбуждал, как в нас, смеха одним своим появлением или одним своим именем. У Гоголя же, напротив, сравнение, например, франтов, увивающихся около красавицы с мухами, летящими на сахар, все насквозь проникнуто юмором» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1955. Т. VI. С. 419). Аксаков же замечает у Гоголя «не тот юмор, который выдает, выставляет субъект, уничтожая действительность (...), но тот, который связует субъект и действительность, сохраняя и тот и другую, так что не мешает видеть поэту все безделья до малейшей и, сверх того, во всем ничтожном уметь свободно находить живую сторону» (Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 90).

²² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1933. Т. 12. С. 70.

²³ Там же. Т. 11. С. 327.

²⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 8. С. 99.

²⁵ Куприн А. И. Собр. соч.: В 9 т. М., 1964. Т. 5. С. 197—198.

волической системы поэмы Блока «Соловьиный сад», в лирической стихии которой образ басенного антагониста был переосмыслен. Прежде чем возникнет мотив «зова соловьиного», в поэме Блока появится труженик-осел, которому будут посвящены и последние строки поэмы:

А с тропинки, протоптанной мною,
Там, где хижина прежде была,
Стал спускаться рабочий с киркою,
Погоня чужого осла.²⁶

Описывая быт «шарашки», А. И. Солженицын рассказывает забавное поначалу происшествие, закончившееся анекдотически, но отнюдь не весело: «В прошлый воскресный вечер, веселя публику, Рубин экспромтом сочинил пародию на крыловскую „Ворону и Лисицу“, полную лагерных терминов и невозможных для женского уха оборотов, за что его пять раз вызывали на „бис“ и качали, а в понедельник вызвал майор Мышин и допрашивал о развращении нравственности; по этому поводу отобрано было несколько свидетельских показаний, а от Рубина — подлинник басни и объяснительная записка».²⁷

Второй крыловский анекдот интерпретируется в романе предельно трагично: «Превозмогая боль и дурноту, Рубин все так же мерно старался ходить по коридору. Ему припомнилась басня Крылова „Булат“. Басня эта на воле проскользнула мимо его внимания, но в тюрьме поразила:

Булатной сабли острый клинок
Заброшен был в железный хлам;
С ним вместе вынесен на рынок
И мужику задаром продан там.

Мужик же Булатом драл лыки, щепал лучину. <...> И однажды Еж спросил Булата в избе под лавкой, не стыдно ли ему? И Булат ответил Ежу так, как сотни раз отвечал сам Рубин:

Нет, стыдно-то не мне, а стыдно лишь тому,
Кто не умел понять, к чему я годеи!..»²⁸

И развивая традиции Крылова, Солженицын завершает свой роман характерным советским анекдотом-былью, упоминая об иностранном корреспонденте, который отмечает рост благосостояния жителей Москвы, заметив участвовавшее движение по улицам города фургонов с надписью «Мясо» (ему невдомек, что в таких фургонах гэбисты развозят заключенных).

Перелицовка традиционных притчевых ситуаций — яркая примета басенных экспериментов нового времени, которые также несправедливо считать приметой «самоубийства» старого жанра.

Такова, например, перелицовка басни «Дуб и Трость» современного французского поэта Ануя (даем ее в нашем переводе):

Тростинке старый Дуб сказал намеренно:
«Ну всё: довольно эти бредни
Издетства повторять
И старой басенкой пугать.

²⁶ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 245. Ср. сходную апологию осла в романе Достоевского «Идиот» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 48—49).

²⁷ Солженицын А. И. В круге первом. М., 1990. С. 396.

²⁸ Там же. С. 545.

Уж больно вы привыкли, братцы,
 Перегибаться!♦
 В ответ тростинка: «Что и говорить —
 Да, пресмыкаться некрасиво,
 Но ветер, что колышет вашу гриву,
 (Насколько снизу я могу судить)
 Смиряет ведь и вашу прыть.
 Негоже мне, тростинке хилой,
 С могучим меряться своею силой,
 Опасно этак поступать и вам,
 Отважным гордецам♦.
 И надо же — вдруг ураган примчался,
 Взревел, зыграл,
 Обрушился на мир, и дуб сломался —
 Упал.
 Тростинка дубу падшему прошелестела
 (А прежде так она нахальничать не смела):
 ♦Ну вот, дружок — и шмяк! Права я или нет?♦
 Но раненый гигант завистнице в ответ
 Промолвил: «Что ж! иной я доли не желаю:
 Я дубом жил и дубом умираю».²⁹

Еще более радикальную переделку сходной ситуации предлагает в своей известной песне Макаревич:

Не стоит прогибаться под изменчивый мир,
 Пусть лучше он прогнется под нас.

Таково и творчество американского писателя рубежа XIX—XX веков Амброза Бирса, признанного мастера черного юмора, — ср., например, его басню «Стрекоза и муравей»:

«Однажды зимой голодная стрекоза пришла к муравью попросить поест из муравьиных запасов. „Почему же, — спросил ее муравей, — ты сама себе не сделала запасов, а только пела все время?“ „Сделала я запасы, — ответила стрекоза, — но вы, муравьи, пришли и все забрали“».³⁰

Современную обработку того же сюжета мы находим у Дмитрия Быкова:

Да, подлый муравей, пойду и попляшу,
 И больше ни о чем тебя не попрошу.
 На стеклах ледяных играет мерзлый глянец.
 Зима сковала пруд, а вот и снег пошел.
 Смотри, как я пляшу, последний стрекозел,
 Смотри, уродина, на мой последний танец (...)
 Когда-нибудь в раю, где пляшет в вышине
 Веселый рой теней, — ты подползешь ко мне,
 Худой, мозолистый, угрюмый, большеротый, —
 И, с завистью следя воздушный мой прыжок,
 Попросишь: «Стрекоза, пусти меня в кружок!» —
 А я скажу: «Дружок! Пойди-ка поработай!»³¹

²⁹ Басню Ж. Ануя «Дуб и Трость» на французском языке см.: <http://www.etudes-litteraires.com/forum/topic9089-comparaison-le-chene-et-leroseau-de-jean-anouil-la-fontaine.html>.

³⁰ Классическая басня. С. 221.

³¹ Быков Дм. Эвакуатор. М., 2005. С. 325.

В современной культуре басня продолжает жить, иногда мимикрируя под иные жанровые формы. Басенное начало живет в анимационных фильмах (ср. «Пластилиновую ворону» по сценарию Э. Успенского или фильма Ю. Норштейна). Песня Мусоргского о блохе, конечно, также, по сути дела, — басня, как и многие песни Высоцкого (про жирафа, про козла отпущения, про мангустов и пр.), как и песня Б. Окуджавы о черном коте.

Начиная в юности свой литературный путь в качестве сатирика, Крылов был убежден в действенности своих обличений, надеясь на благодетельные социальные перемены. В баснях же, где излагаются «истины вполукрива», этой убежденности — надо признать — уже нет. Недаром Крылов неизменно открывал свои собрания басен притчей, начальные строки которой звучали так:

*Уж столько раз твердили миру,
Что лезть гнусна, вредна, но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.*

Ср. с Окуджавой:

*Надо б лампочку повесить,
Денег всё не соберем.*

Так в чем же тогда значение басни? Наверное, в сходной роли со сказкой, которая подспудно живет в самых изощренных жанрах как неизбежная мечта о счастье, преодолении всех бед. Так и басня, несмотря ни на что, не устает напоминать о должном, по сию пору попоранном.

К 145-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

© С. Д. ТИТАРЕНКО

ИЗ РАННЕЙ ПРОЗЫ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА 1887 ГОДА

(К ПРОБЛЕМЕ ИСТОКОВ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДНЕВНИКА»
1888—1890-х годов)

Ранняя неопубликованная проза Вячеслава Иванова, относящаяся к 1888—началу 1890-х годов и сохранившаяся в его личном архиве в Российской государственной библиотеке в Москве, была введена в научный оборот как отдельные замыслы статей и набросков, а затем существенно дополнена, обобщена и издана Н. В. Котрелевым на основе текстологических исследований как тип единого целого под общим условным названием «Интеллектуальный дневник».¹ Сюда вошли автографы статей, бесед, заметок, «датированные числами наброски мыслей и художественных записей».² Анализируя эти материалы и другие прозаические наброски начинающего поэта, сохранившиеся в личном архиве Вяч. Иванова в РГБ (отрывки о Св. Николае, выписка об апостоле Павле, фрагменты «текстов пирамид», копии писем, записи курсов лекций Э. Хюбнера и др.), исследователь заметил: «И все же я не должен исключать возможности, что обнаружатся дневниковые фрагменты более или менее естественно связанные с теми, что собраны в предлежащей публикации».³

В личном фонде Вячеслава Иванова в Российской государственной библиотеке содержится «Тетрадь стихотворений и прозаических этюдов», датированная 1887 годом⁴ (далее: тетрадь 1887). Она содержит автографы стихотворений и поэм, часть из которых была опубликована самим Ивановым в составе сборников стихов или введена в научный оборот исследователями только в конце XX века. Это материалы замысла о «Русском Фаусте», стихотворное послание А. М. Дмитревскому, фрагмент прозаического этюда «Осенние мысли» и другие, важные для понимания его раннего творчества.⁵

¹ *Иванов Вяч. О типическом* / Публ. М. К. Гидини // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 21—26; *Лаппо-Данилевский К. Ю. Набросок Вяч. Иванова «Евреи и русские»* // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 182—190; *Иванов Вяч. Евреи и русские* / Публ. К. Ю. Лаппо-Данилевского // Там же. С. 191—193; *Иванов Вяч. Интеллектуальный дневник* / Подг. текста Н. В. Котрелева и И. Н. Фрийдмана; Прим. Н. В. Котрелева // Вячеслав Иванов: Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 10—61.

² См. примечания Н. В. Котрелева: *Иванов Вяч. Интеллектуальный дневник*. С. 43.

³ Там же.

⁴ РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 33. В дальнейшем ссылки на эту единицу хранения даются в тексте с указанием номера листа, проставленного архивистами.

⁵ См.: «Русский Фауст» Вячеслава Иванова / Публ. М. Вахтеля // Минувшее. М.; СПб., 1993. Вып. 12. С. 265—273; *Кузнецова О. А. Стихотворные послания Вячеслава Иванова к А. М. Дмитревскому* // Гумилевские чтения: Материалы Международной конф. филологов-славистов. СПб., 1996. С. 239—253. Публикацию фрагмента Вяч. Иванова «Осенние мысли» см. в приложении № 2 к выполненным нами комментариям поэмы Вяч. Иванова «Ars mystica» (*Иванов Вяч. Ars mystica* // Символ: Религиозно-философский журнал. Париж; М., 2008. № 53—54. С. 66—67). См. также о прозаическом наброске «О форме» и других ранних опытах творчества Вяч. Иванова в статье: *Титаренко С. Д. Об одном незавершенном замысле Вячеслава Иванова*

Значительную часть тетради составляют наброски еще не опубликованных прозаических текстов. Проза Вяч. Иванова, рассматриваемая в структуре всей тетради, представляет несомненный интерес для понимания процессов духовного и творческого самоопределения поэта. Она свидетельствует о его религиозно-философских, историософских и художественных исканиях в самый ранний период творчества, в 1886—1890 годах, когда он был студентом Берлинского университета. Этот период в последнее время привлекает все большее внимание в связи с его значимостью для изучения творческой эволюции теоретика русского символизма.⁶ Как нам представляется, ранняя проза в тетради, датированной самим Вяч. Ивановым 1887 годом, является частью более сложного целого, имея с ним несомненную хронологическую связь и идейно-тематические переклички. Мы имеем в виду указанный выше «Интеллектуальный дневник». В этом плане тетрадь представляет безусловный интерес для разговора о датировке и границах «Интеллектуального дневника». Являются ли тексты, оказавшиеся здесь, началом этого дневника или частью другого, уже начатого, целого — проблема, которую можно разрешить на основе лишь последующего исследования личных архивов Иванова. Пока мы выдвигаем предположение, согласно которому тетрадь 1887 года содержит записи, непосредственно предвещающие «Интеллектуальный дневник» и тесно с ним связанные, образуя определенное единство, в связи с чем тетрадь 1887 года является, как и «Интеллектуальный дневник», лабораторией раннего творчества. Именно в этот период идет становление творческого сознания Иванова как историка античности и будущего поэта и продолжающаяся у него на протяжении 1890-х годов, говоря словами Н. А. Богомолова, «трансформация науки в поэзию».⁷

О связи прозы 1887 года с опубликованным «Интеллектуальным дневником» говорит, во-первых, хронологическая последовательность набросков. Тетрадь 1887 года состоит из 24-х листов (23-х в архивной нумерации) в разворот, с полями по левому и правому краю, на которых и проставлялись датировки, за немногими исключениями. Каждый лист содержит по две авторские страницы, которые также имеют нумерацию. В тетради 1887 года пронумеровано, как и в «Интеллектуальном дневнике», сорок пять страниц.⁸ Первый из прозаических текстов — «Sonata pathétique» — обозначен 27 сентября. Далее датировки продолжают. Набросок, имеющий заглавие «Даниил», датируется 10 октября. Набросок «Осенние мысли» состоит из четырех фрагментов, отделенных подчеркиваниями, и имеет две датировки — 14 и 15 октября. Прозаический этюд «Les extrémités se touchent...» помечен датой 19 октября, следующий набросок — «Усталость» — не завершен, поэтому, видимо, не датирован. Непосредственно

(поэма «Ars mystica» в контексте ранних творческих исканий) // Русская литература. 2009. № 1. С. 173.

⁶ См., например: *Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент Берлинского университета // *Cahiers du monde russe*. Paris, 1994. XXXV. № 1—2. P. 353—376; *Бонгард-Левин Г. М.* Вяч. Иванов: «Я пошел к немцам за настоящей наукой» // *Вестник древней истории*. 2001. № 3. С. 150—184; *Аверинцев С. С.* «Скворещник вольных граждан...»: Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2001. С. 33—37; *Богомолов Н. А.* Вяч. Иванов об университетском образовании // *Богомолов Н. А.* Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2011. С. 44—50.

⁷ *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов между Римом и Грецией // *Богомолов Н. А.* Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. С. 19. См. также: *История и поэзия: Переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова* / Изд. текстов, исслед. и комм. Г. М. Бонгард-Левина, Н. В. Котрелева, Е. В. Ляпустиной. М., 2006.

⁸ См. обстоятельную текстологическую справку Н. В. Котрелева, касающуюся анализа «Интеллектуального дневника»: *Иванов Вяч.* Интеллектуальный дневник. С. 41.

примыкающая к нему запись, начинающая новую страницу, — «О благочестии» — помечена 24 ноября. набросок «О форме» идет под двумя датировками: 18 (на поле, в конце) и 25 декабря. Дата 18 декабря проставлена также на поле наброска статьи «Архитектурный стиль будущего». Вторая датировка к наброску «О форме», 25 декабря, указанная выше, возникла, видимо, в результате возвращения к этому тексту после прочтения романа «Война и мир», так как записи размышлений по поводу романа Л. Н. Толстого, озаглавленные «О Толстом», помечены двумя датами: 19 и 25 декабря. Возвращение к наброску произошло, как нам представляется, в связи с осмыслением проблемы формы романа Толстого. Вверху, на поле, на уровне заглавия, Ивановым сделана позднейшая приписка: «Свобода часто содержится в ней; необходимость — форма „Войны и мира“. Эпил. II ч., гл. 10» (л. 16). Продолжающиеся далее записи стихотворных набросков датируются последними числами декабря: с 27-го по 30-е. Также, видимо, позднее был вписан элегический дистих на немецком языке, датированный 30 декабря: «Vieles gab dir der liebende Gott; die übrige Gabe, / Ein vollkommenes Glück, schenke der liebende Mensch» (л. 19 об.).

Записи стихотворного текста «Воспоминания» (Из Леопарди), опубликованного впоследствии поэтом в составе сборника «Прозрачность» (1904), и неопубликованного этюда «Призраки» помечены соответственно датами «окт. 87» и «в сентябре». Они выпадают из хронологической последовательности. Эти, завершающие тетрадь, более ранние тексты, судя по отметкам, могли быть либо записаны по памяти с восстановленными приблизительно датами, либо переписаны с имевшегося черного автографа. Во всяком случае, именно здесь, в самом конце, мы наблюдаем нарушение временной последовательности. Вся тетрадь имеет предваряющую запись на немецком языке из журнала «Летучие листки» («Fliegende Blätter», 1887), помещенную на верхнем поле над заглавием первого наброска «Sonata pathétique», сделанную, видимо, позднее (двустихие, начинающееся словами: «Und mit wohnigem Behagen...»). Таким образом, тетрадь начинается с сентября и завершается записями и набросками 30 декабря 1887 года.

Намеренная последовательность записей, обязательная датировка их на полях, как и в указанной Н. В. Котрелевым подборке «Интеллектуального дневника», начинающейся с 12 февраля 1888 года, использование астерисков, разделяющих некоторые записи, указывают на несомненную связь тетради 1887 года с «Интеллектуальным дневником». Вместе с тем Иванов датирует не только прозаические наброски, носящие автобиографический характер, но и наброски различных стихотворений на русском и немецком языках, черновые автографы поэмы «Чайка», которыми перемежаются прозаические тексты. Поэтому принцип датировки, выявленный Н. В. Котрелевым и взятый за основу объединения различных набросков в единое целое «Интеллектуального дневника», видимо, использовался Вяч. Ивановым постоянно. В связи с этим помещаемые в одну тетрадь прозаические тексты могли быть и самостоятельными замыслами критических статей или художественных произведений, как это справедливо отмечали в своих публикациях М. К. Гидини и К. Ю. Лаппо-Данилевский, публикуя подобные ранние опыты прозы Вяч. Иванова.

При внимательном анализе выявляется другой важнейший принцип объединения прозы в тетради 1887 года и в структуре «Интеллектуального дневника»: явная идейно-тематическая связь и перекличка тем, мотивов, образов. Кроме того, сквозной для всей ранней прозы Иванова является проблема самосознания, духовного роста личности, ее интеграции в символическое пространство мировой культуры. Почти все отрывки объединяются

автобиографической рефлексией. Предмет рефлексии — модели и типы человеческого поведения, религиозные ценности, исторические законы, метафизика сознания. Наличие автобиографической рефлексии и имеющиеся переключки представляют собой наиболее существенные аргументы для того, чтобы выдвинуть гипотезу о тетради 1887 года как возможном начале «Интеллектуального дневника».

Так, например, первый фрагмент «Интеллектуального дневника» от 12 февраля, основанный на размышлениях о мистическом начале в христианстве, переключается с написанными ранее в тетради 1887 года прозаическими этюдами «Sonate pathétique» и «Призраки». Иванова волнует тема божественной теофании, богоявления Христа. Она привлекла его и в других ранних произведениях, например в поэме «Ars mystica». Второй фрагмент «Интеллектуального дневника» — от 13 февраля — содержит развитие мысли об идее и форме, намеченной в наброске «О форме» в указанной ранней тетради. Здесь же автором продолжают размышления о философии истории, начатые в наброске «О Толстом». Рассуждения о типах героев в романе «Война и мир» Толстого продолжают также в «Интеллектуальном дневнике» (запись от 19 февраля). Тема этюда «Les extrémités se touchent...», идущая от философских размышлений Б. Паскаля,⁹ продолжает развиваться в записи «Интеллектуального дневника» от 20 февраля. Весьма важным представляется развитие замысла поэмы об Иуде и Иоанне и в тетради 1887 года, и в «Интеллектуальном дневнике», как и развитие тем и мотивов бетховенской музыки, намеченных в наброске «Sonate pathétique» в 1887 году и во фрагменте от 19 февраля 1888 года, относящемся к «Интеллектуальному дневнику». Комментируя записи, связанные с именем Бетховена, Н. В. Котрелев указывает на увлечение Вяч. Иванова музыкой этого композитора, что подтверждается пометами поэта в его записной книжке 1888—1889 годов, где упоминается «Патетическая соната» Бетховена.¹⁰ Образ Иуды, появляющийся в записях 1887 года, станет, по свидетельству Н. В. Котрелева, сквозной нитью всего «Интеллектуального дневника», как и повторяющиеся и в тетради 1887 года, и в «Интеллектуальном дневнике» лейтмотивные темы и образы «Фауста» Гете и древнеиранской мифологии, например Ормузда и Аримана. Как и фаустовская тема, так и тема двух начал мирового космогонического процесса станут важнейшими для всего последующего творчества Вяч. Иванова. Фаустовская тема на страницах тетради 1887 года, особенно оригинально представленная в замыслах «русского Фауста» и исследованная М. Вахтелем, была чрезвычайно важна для начинающего поэта как символический код, вызывающий проблему становления человеческой индивидуальности. Существенным моментом представляется также очевидная жанровая и стилистическая связь всех прозаических набросков в тетради 1887 года и в «Интеллектуальном дневнике».

Так как тетрадь 1887 года предваряет «Интеллектуальный дневник», рассмотрим, на основе каких возможных источников формируется жанровое своеобразие ранней прозы в этой тетради. Уже по характеру отсылок самого Иванова к творчеству Гете, «Мыслям» Блеза Паскаля, «Мыслям и афоризмам» Козьмы Пруткова существенную роль здесь играет форма философского фрагмента, актуализированного прежде всего немецкими романтиками. Паскаль, чье высказывание Вяч. Иванов использует в начале одного из прозаических набросков («Les extrémités se touchent...»), планировал объединить свои разрозненные философские фрагменты в книгу «Оправдание христианской религии». Он, как известно, дал философскую интерпре-

⁹ См. прим. 1 к публикации этого фрагмента в Приложении.

¹⁰ См. примечания Н. В. Котрелева: *Иванов Вяч. Интеллектуальный дневник*. С. 46.

тацию христианства как одной из величайших религий, размышляя о Христе как посреднике между Богом и людьми. В полемике с ним и на основе его взглядов происходило становление нового религиозного сознания среди представителей русского символизма; его высоко ценили за умение мыслить через синтез противоположностей. Этот принцип он понимал как «нераскрытую Троичность», что привлекало к его взглядам Д. Мережковского.¹¹

Как известно, Паскаль записывал все, что приходило ему в голову, ставя целью познание самого себя. «Нужно знать самого себя, — писал он. — Пусть это не поможет найти истину, но поможет хотя бы правильно устроить свою жизнь, а это самое благое дело»; «Мы познаем истину не только разумом, но и сердцем».¹² Философские взгляды Паскаля, безусловно, определили метафизические идеи некоторых набросков Иванова и прежде всего: «Les extrémités se touchent...», «О благочестии», «Усталость», «Призраки». Цель замысла Паскаля, как известно, — религиозные и философские искания, преодоление рационализма и нигилизма, присущего европейскому человеку. Паскаль для русских символистов был предвестником идеи Вселенской Церкви,¹³ что чрезвычайно важно для формирования религиозно-философских взглядов Вяч. Иванова в самый ранний период его творчества. Кроме того, через его сочинения Иванов мог познакомиться с некоторыми идеями Каббалы, гностических и герметических учений, неоднозначными трактовками Ветхого и Нового Завета, тексты которых Паскаль понимал как шифр для посвященных. На страницах своих «Мыслей» Паскаль часто обращается к истории еврейского народа, что не могло не сказаться на некоторых замыслах Вяч. Иванова, например, появлении наброска «Евреи и русские», вошедшего в «Интеллектуальный дневник». Религиозно-философские искания Иванова отражаются как в набросках тетради 1887 года, так и в «Интеллектуальном дневнике». Намечается отчетливая попытка синтеза религии, философии, историософии, литературы и искусства.

Кроме того, в плане поиска формы объединяющим понятием для начинающего поэта и мыслителя становится «этюдность», присущая Паскалю, а также форма философского фрагмента, характерного для немецких романтиков. На форму этюда Иванов указал в «Интеллектуальном дневнике». Так, в записи от 13 февраля, указывая на необходимость исторических исследований, он пишет, что полезно было бы группы этюдов связывать «между собой отвлеченной схемой».¹⁴ Этюдность записей в тетради 1887 года обозначена и в архивной описи, следовательно, архивисты обратили внимание на это явление. Рассмотрим его подробнее.

Тетрадь 1887 года содержит десять, вернее, четырнадцать прозаических отрывков. Четырнадцать, если учитывать этюдность формы текстов и деление двух из них («Осенние мысли» и «О Толстом») на части не только по хронологическому принципу, но и графически, путем разделения фрагментов чертой. Все тексты четко делятся на два типа: первый составляют замыслы художественной прозы, второй — прозы автобиографической или дневниковой. Дневниковая проза представляет собой, как и записи в «Интеллектуальном дневнике», серию философских и лирико-философских этюдов, философских сентенций, набросков статей. Это чаще всего рассуждения на абстрактные темы, в которые вплетены события личной жизни, мысли и впечатления о прочитанных книгах или сочинениях Отцов Церк-

¹¹ См. об этом во вступительной статье Т. Пахмусс: *Мережковский Д. С. Реформаторы: Лютер, Кальвин, Паскаль*. Томск, 1999. С. 302.

¹² *Паскаль Б. Мысли* / Пер. с фр. Ю. Гинзбург. М., 2008. С. 74, 83.

¹³ См.: *Пахмусс Т.* Указ. соч. С. 316.

¹⁴ *Иванов Вяч.* Интеллектуальный дневник. С. 11.

ви. Некоторые тексты, как и позднейшие статьи Иванова, носят гетерогенный характер, сочетая черты вымысла и реального описания, художественное и автобиографическое. Они тяготеют, как уже писала М. К. Гидини при публикации подобного текста, к серии «заметок для самого себя».¹⁵

Можно предположить, что дневниковая форма возникла из замысла создания образцов художественной прозы, которая предваряет прозу дневникового типа. Так, два первых наброска новеллистического типа, помещенные в тетради и обозначенные названиями «Sonate pathétique» и «Даниил», представляют собой тип повествования, организованного от третьего лица. В дальнейшем используется только форма повествования от первого лица. Их сюжеты различны, но метафизический конфликт героя с судьбой или Богом имеет единую романтическую природу. Первый прозаический этюд основан на конфликте двоимирия, проецирующемся на сознание героя — протестантского священника. «Он говорил, что его протестантизм дает ему великую свободу мысли и сомнений, — пишет Иванов. — Но он старался не колебать своей мыслью престола Божия. Его преследовал призрак зла, и он улавливал черты его в каждой улыбке людского лица, не в одном пороке и преступлении, но в каждой мысли сладострастия, в каждом порыве непосредственного веселья. Он говорил, что не может делиться душой между миром и Богом, что мир должен [из] исчезнуть пред Богом, скопище зла и сладострастия должно раствориться и погибнуть в великом океане небесного света [добра] и чистого добра. И тогда он понял, что должен сам покинуть мир» (л. 1 об.—2). С миром его связывает любовь к крестьянской девушке, чью судьбу он должен решить. Через богоявление Христа в лучах софийного света священник получает просветление: «Сначала молчал он, потом звал Бога на помощь, полный отчаянья. И когда он поднял голову, его поразил яркий свет. Косые вечерние лучи ударили через желтые стекла алтарного разноцветного окна и золотили алтарь, тогда как густая синяя тень покрывала уединенное распятие, возвышавшееся над алтарем. И ему показалось, что тень эта упала на страдание и горе (...) И ему показалось, что это не алтарь золотится в глазах его, а золотится спелая нива, а по ней идет светлый и радостный Христос, окруженный учениками...» (л. 3). Неожиданный случай привел священника к пониманию своего предназначения. Выбор героя, намеченный в развязке произведения, — отрешение от личного счастья, христианское всепрощение, примирение и любовь к людям.

Развязка во втором рассказе «Даниил», основанном на мотиве библейского сюжета из Книги пророка Даниила о пире Валтасара, также носит символический характер. Рассказ написан без влияния сочинений Паскаля, рассуждающего о ветхозаветных пророчествах Даниила на многих страницах своих «Мыслей». Рассказ у Иванова носит характер стилизации, художественное время и пространство условно, библейский сюжет трансформирован. Метафизический бунт героя против несправедливого мира приобретает личный характер и разрешается в апокалипсическом финале всеобщей гибели. Большой интерес для интерпретации конфликта представляет запись, сделанная Ивановым на поле тетради в самом конце наброска: «Т. е. не отчаялся, не поссорился с Богом» (л. 5). Запись указывает на характер осмысления автором изображенного события. Она связывает позицию повествователя с авторской точкой зрения. Автор размышляет над изображенными им событиями, что переводит прозаический набросок из художественного плана в план дневниковый. Сюжет размышления становится важнейшим порождающим принципом структуры дневникового типа прозы.

¹⁵ Иванов Вяч. О типическом. С. 21.

В следующем прозаическом этюде «Осенние мысли» уже нет сюжетного повествования. Это дневниковые записи от первого лица. Они представляют собой лирико-психологические и философские размышления, ведущие к созданию метафизического образа осени. Его символом становится готический храм.¹⁶ Тема готического собора получает романтическую окраску. В духе романтических традиций дается и возникающий в воображении образ идеальной возлюбленной (запись от 13 октября). В другой части этюда «Осенние мысли», отделенной от предшествующей датировкой (14 октября), запись принимает автобиографический характер и отражает события реальной жизни Вяч. Иванова и его жены — Дарьи Михайловны Дмитревской: «Мы живем эту осень так благоприятно, что я имею возможность наблюдать осеннюю природу лучше, нежели в предыдущие годы, когда я был более стеснен стенами домов. Большой сад представляет красивые места, широкие зеленые луговины, обставленные пожелтевшими и побагровевшими деревьями. На широких дорожках лежат кучами сухие, скорченные листья. Когда мы ходили однажды вдвоем по саду, Даша стала поднимать почему-то сухие кленовые листья, а старый фонарщик, примостивший к фонарю лестницу, поднял один липовый и предложил ей — „на память, у фонаря“, — добродушно и коварно улыбаясь и принимая нас за влюбленных, старающихся сохранить подольше впечатление счастливого свидания» (л. 19—19 об.).

Все прозаические наброски объединяет указанная выше форма этюда, широко распространенного в живописи и особенно в романтической музыке, например Листа, Шопена, Шумана. Влиянием музыки объясняется и название первого наброска — «Sonate pathétique», повторяющее название известного произведения Бетховена. «Патетическая соната» (№ 8) Бетховена основана на возвышенном, приподнятом пафосе, утверждающем борьбу и преодоление противоположностей, что, безусловно, определило развитие конфликта в этом произведении Иванова. Как и у Бетховена, напряженность развития двух тем перерастает в кульминацию прозрения, восторга. Финал у Иванова дан в виде картинке сельского праздника, или танца, что в сонатной форме соответствует рондо или менуэту. Увлечение начинающего поэта и писателя музыкой было связано с семьей Дмитревских, так как с матерью жены Дарьи Михайловны и своего друга Алексея Михайловича, Анной Тимофеевной, он, по его свидетельству, постигает Бетховена; с Дарьей Михайловной, с которой он приехал, говоря его словами, «доучиваться» в Берлинский университет, он посещает многочисленные концерты и слушает музыку Шумана и Шуберта в ее исполнении.¹⁷

Прозаические этюды Вяч. Иванова варьируют главную тему на основе лейтмотивного принципа. Поэтому музыкальная составляющая делает эти прозаические этюды потенциальным, т. е. автором не обозначенным, циклом. Циклизация основана на разработке метафизических тем и авторском (личном) их осмыслении, что позволяет говорить о тетради 1887 года как о лаборатории раннего творчества. Влиянием музыкальных переработок знаменитых литературных сюжетов можно объяснить и появление в ряду текстов, помещенных в тетради 1887 года, вариаций на тему «Фауста» Гете. «„Фауст“. Русские варианты общечеловеческой легенды» — так назвал Иванов завершающие тетрадь стихотворные наброски. Можно их рассматривать как одну из вариаций размышлений на метафизическую тему, как, на-

¹⁶ В тетрадь вложена открытка с изображением готического собора (л. 12).

¹⁷ См. об этом: *Иванов Вяч.* Автобиографическое письмо к С. А. Венгеру // *Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. II. С. 18; *Кузнецова О. А.* Стихотворные послания Вячеслава Иванова к А. М. Дмитревскому. С. 240.

пример, «Фауст-симфонию» или «Мефисто-вальс» Листа и другие его произведения. Здесь очевидной является не только установка начинающего писателя на романтическую традицию, но и предсимволистская тенденция к синтезу искусств, иносказательности, формированию важнейшего ивановского принципа «от реального — к реальнейшему». Следует отметить также мистические и мифотворческие искания, выразившиеся в необычной разработке религиозных и философских тем, использовании мифологем Софии в образе нетварного света, Матери сырой земли, образов Аримана и Ормузда.

Ниже нами публикуется семь прозаических этюдов по рукописи Вяч. Иванова, озаглавленной в описи «Стихотворения и прозаические этюды» (РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 33): «Les extrémités se touchent...» (л. 12 об.—14); «Усталость» (л. 14 об.); «О благочестии» (л. 15); «О форме» (л. 16—16 об.); «Архитектурный стиль будущего» (л. 16 об.—17); «О Толстом» (л. 17 об.—18 об.); «Призраки» (л. 22—23). Воспроизводя рукописный текст, мы оставили в квадратных скобках лишь некоторые, наиболее значимые слова и выражения, зачеркнутые автором, оставив без внимания зачеркнутые буквы, союзы и совершенно замазанные чернилами при зачеркивании автором некоторые слова. Старая орфография была заменена на новую, устранены пропуски некоторых слов и пунктуационных знаков.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вячеслав Иванов

〈ПРОЗАИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ〉

Les extrémités se touchent.¹ Это, конечно, слишком ощущаемая истина в этом мире, в котором человек похож на ученика, обязанного продолжать какую-то громадную задачу, где сделана какая-то ошибка и где лишь время от времени всплывают моменты, дающие чудовишные сближения и равняющие нуль с бесконечностью, чтобы снова потеряться в массах крупных и мелких, но нелепых, непоятных, цепляющихся друг за друга и быстро исчезающих величин.

Не перенося что-либо горькое, человек всегда, и как бы в насмешку, получает из этого какую-нибудь, и часто малую, прибыль. Так иногда нищий стоит целый день, протягивая руку и искренне плача, и зарабатывает к вечеру копейку.²

Горькая истина о крайностях дает привилегию строить на ней остроумные сближения. Это легко. Ибо она и принадлежит к большинству явлений жизни, и сама по себе уже представляет остроумное сближение.

Неправда ли, например, что христианство могло бы [быть] истечь из громадной гордости или ума бесконечно честолюбивого?

Действительно, для этого были бы нужны только две причины. Первая причина та, что гордый человек нигде не может найти удовлетворения. Об-

¹ Крайности сходятся (фр.). Сокращенный вариант фразы из сочинения французского философа и писателя Блеза Паскаля (1623—1662) «Мысли, или Мысли о религии и других предметах» («Pensées sur la religion et sur quelques autres sujets») — собрания разрозненных прозаических набросков, относящихся к 1650-м годам и опубликованных после его смерти в 1669 году. Полный текст фразы Паскаля: «Les sciences ont deux extrémités qui se touchent...» («Крайности сходятся и соединяются в силу своего удаления...»). См. современное издание: Паскаль Б. Мысли / Пер. с фр. Ю. Гинзбург. М.; Харьков, 2003. С. 117.

² Возможно, аллюзия на стихотворение М. Ю. Лермонтова «Нищий» («У врат обители святой...»).

щества не выносит он, ибо принужден (видеть) в нем составную только часть;³ и человечество ненавидит он, будучи частью человечества. Порицание и непризнание он презирает, а похвала из уст людей ему представляется непризнанием, и он презирает ее. Оценка оскорбляет его, а сильного обожания он не ценит, ибо жаждет сознательного признания и обожания. Так не может он удовлетвориться и отдельною личностью. Смотря на нее, он оскорбляется уже, ибо видит в ней несовершенства и некрасоту, которая безмолвно объемлет его собственные несовершенства и некрасоту. И он отвергается от мира с лицом недовольным, и недовольное лицо свое обращает к себе самому и чувствует высшее страдание.

Но — и это вторая причина — он не может ненавидеть себя. Да и «никто никогда не ненавидел плоть свою», — говорит апостол.⁴ Лучшее счастье для гордого было бы самоубийство. Но он не может решиться на самоубийство. Когда он недоволен собою, не может потому, что признает этим свое самонедовольствие. Когда же, как это к счастью гордого скоро бывает, недовольство собою теряется, не может снова потому, что слишком сильно говорит в нем его я, его несознаваемый индивидуализм, тот избыток личного сознания, который и рождает его гордость.

Чем крупнее личность, тем крупнее условия, которые ставит она при жизненных компромиссах. Бывают гордые, которые по компромиссу умерщвляют себя или напротив мирятся с частичным поклонением. Но великий гордец не таков.

Отвергнув то и другое, как его не достойное, он начинает поклоняться себе сам; людское непризнание уже не касается его; напротив, чем больше его смирение, тем глубже исполняется та внутренняя гордость. Будучи смиренным, он не может быть ненавистником. Свободный от ненависти, он не мог бы не избавиться от презрения: но от презрения спасает его же гордость, ибо, презирая людей, он чувствует, что разделяет с ними свое же презрение. Зато смирение наполняет мало-помалу любовью его пустынное сердце. Ибо чем больше смирения и добродетели выказывает он к человеку, тем больше хвалит себя внутренне за такое отношение к нему, тем милее становится ему человек, питающий его самодовольство, и вот в конце перелома он начинает любить человечество и себя, отдельного человека, тогда как раньше его гордости казалось удобнее любить человечество, не любя отдельного человека.

Не таков ли был, может быть, Иуда, когда стал учеником Христовым?

19. X. 87

Усталость

Я устал. Полупечальное, полусветлое безучастие почти в сердце. В душе нет звуков, но лишь этот шум, сперва кажущийся тихим, потом по мере напрягаемого внимания звучащий громче и громче, который слышится все отдаленней от большого города и вливает вечерней порой легкую горечь одиночества и какой-то несознаваемой разлуки. Этот шум беспокоит и поднимает душу, но новая волна усталости возвращает ее к сладкому покою. И оживленных красок нет в душе, а только общий фон ровных ясных сумерек, на котором сквозят время от времени бледные образы, как бы написанные жидкими водяными красками.

³ На поле содержится запись: «(нрзб.) я, бывало, стыдился себя и своей роли и досадовал, что она такова же, как и тень других, и презирал и себя, и других» (л. 13).

⁴ Ср.: «Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь» (Еф. 5: 29).

Мне вспоминаются часы такого же чистого покоя, бледные часы ровных ясных сумерек. Тогда небо принимало светлый, изголуба-фиолетовый, еще дневной, цвет, и на нем светлела круглая вечерняя луна. Она касалась невидными лучами куполов высокого белого храма, и золото загоралось в нескольких местах жидким сиянием. Я был тогда тот же, что и теперь, в минуты такого покоя, у подножия храма Христа Спасителя.⁵ Я так же жадно всматривался в красивые очертания сада, в симметричные выступы домов, в реку, уже отразившую желтые газовые огни, и в голубые яркие звезды электрических фонарей, вспыхивавших вокруг. Я также весь уходил во внешнее созерцание, а в душе царило какое-то серьезное благочестие. Оно одно осталось для меня навсегда, ибо тот пламень, который во мне горел, теперь погас. Мне стало вольней и покойней. Мне не за кем идти. Я иду один. Мне нечего требовать, некого обличать. Мне нет причин сердиться. Я простился с моим пророческим гневом. Примирился совершенно разумно, спокойно. М(ожет) б(ыть), слишком (нрзб.) спокойно и разумно...

О благочестии

Есть два рода благочестия. Есть люди благочестивые вследствие веры, есть другие — верующие вследствие благочестия.

Вот почему отцы церкви указывали на деятельную любовь как на средство для приобретения веры.

По моим замыслам, Иуда отвечает первому, Иоанн второму типу.

24 ноября

О форме

Аристотель предчувствовал значение формы. Но форма никогда не была, быть может, оценена по достоинству. Ее старались противопоставлять и представлять подчиненною содержанию. Такое направление рождало аскетизм. Но доведенное до крайних своих последствий, оно приводит к нигилизму. Форма мирит с жизнью. Она указывает человеку его прямой путь.

Средство против анархии — форма.

Форма стоит в тесной и таинственной связи с сущностью вещей. Связь эта бывает отчасти причинною. Такова она, несомненно, в наблюдаемых ботаникою и зоологией случаях приспособления организма к среде.

Связь эта является, с другой стороны, необъясненною или даже необъяснимою. Отчего линии пластических искусств, отчего музыка так приспособлена к сущности их создающего народа и времени, что легко проверить, наблюдая характеристические черты известного момента культуры, например, на литературе и сравнивая эти наблюдения с наблюдениями в области искусства?

Физиогномистика не развита, только благодаря недостаточности наблюдений и малой психологической и формальной чуткости наблюдателей.

Замечания, частые в беллетристических описаниях, как и в обыденных опытах жизни, касающихся гармонического соответствия обстановки лица

⁵ Московский храм Христа Спасителя связан у Вяч. Иванова с воспоминаниями детства. В «Автобиографическом письме» к С. А. Венгеру он отмечал: «Девяти лет я поступил приходящим учеником в подготовительный класс (где мне нечего было делать) московской первой гимназии; выбор гимназии был также обусловлен соображениями эстетическими: она помещалась в красивом старом здании подле тогда еще не открытого храма Христа Спасителя» (с. 12).

с самим лицом, впечатлений часто от самых незначительных предметов, близких лицу, со впечатлением от него самого — замечания эти должны заключать в себе зерно истины, неразгаданной доселе в ее полном объеме.

Чем законченнее, совершеннее и самостоятельнее характер, тем законченнее, совершеннее и самостоятельнее форма. В этом источник стиля в искусстве. Когда я наблюдаю отступление архитектурного и скульптурного стилей нового времени, я уже готов признать это время отступившим и умирающим, но я вспоминаю, что это же время создало музыку, высоко поставило живопись, и не осмеливаюсь отрицать в нем свежих, живучих сил.

18.XII.87.

Архитектурный стиль будущего

Не всегда же люди будут повторять старые формы! Но изобрести новые не зависит от желания, даже от гения! Стили слагались путем влияния материальных причин и практических потребностей. Эта практика и потребность в наш век и в век будущий иная, чем прежде. Одно неизвестно: найдет ли старая культура наша в будущем времени столько свежих сил, чтобы создать новые формы? Ибо последние возникают в эпохи начинающих культур.

При той роли, которую уже играют железные сооружения, так соответствующие новым практическим потребностям, было бы естественно, чтобы они послужили исходной точкой в развитии архитектуры стиля будущего. Они сообщат ему грандиозность, легкость, праздничность и новый мотив арок, которых загиб, вероятно, будет начинаться возможно ниже. Технические особенности железных сооружений определяют направление архитектуры.

Такие мысли приходят лишь, когда я смотрю на колоссальные железные вокзалы, подобные Friedrichstraße,⁶ и на новейшие роли их громадными арками (так!), предназначенными для окон магазинов, подлинными железными перехватами на этажи и заставленными соответственно громадными стеклами.

18.XII.87.

О Толстом

Читаю «Войну и мир». Увы! Уже остается один только том. Толстой и здесь все тот же, что и теперь. Право, личность всегда неизменяема. Если мы говорим о переменах вкусов, чувств, самых мыслей, если мы скорее улавливаем разницу, нежели сходство, это оттого, что мы плохие физиономисты в деле распознавания духовных особенностей столько же, сколько черт лица. «Ищи паче в многообразии единства, нежели в единообразии разделения», — премудро говорит Кузьма Прутков.⁷ Между прочими это правило применимо в истории.

Большую частью, занимаясь историческим развитием, заботятся об изменении формы и игнорируют косность исторической жизни, которая составляет однако главный основной фон картины. Впрочем, я не выразил того, что хотел. Обыкновенно в исторических романах стараются пестро собрать все отличия описываемой эпохи от нашей; у Толстого глаз останавли-

⁶ Вокзал на одноименной улице в Берлине.

⁷ Ср.: «Не в совокупности ищи единства, но более — в единообразии разделения» (цит. по: Прутков К. Плоды раздумья. Мысли и афоризмы. № 81 // Прутков К. Полн. собр. соч. М.; Л., 1965. С. 129 (Библиотека поэта. Большая сер.)).

вается на чертах общественной (так!) эпохи и нашей; отчего та эпоха воскресает вполне так, как она была. Но тайна чудного впечатления живой жизни так и остается для меня неразгаданной в Толстом. Живя и наблюдая жизнь, мы не только наблюдаем, но обыкновенно тотчас же осмысливаем явления, непосредственно произносим внутри себя суждения о них, испытываем от них различные чувства. Толстой, кажется мне, останавливается между двумя крайностями: он не ограничивается настолько внешним изображением жизни, что оно, как это бывает в некоторых произведениях, дает только известные отражения на сетчатой оболочке глаза; с другой стороны, он не изображает обыкновенно психологического механизма, так как он в реальной жизни является закрытым. К первому типу принадлежит Гомер, ко второму Достоевский, который даже в чисто внешних описаниях похож на «пейзаж без воздуха». Толстой наблюдает сам, наблюдая, мыслит — не рефлектирует, не рассуждает, а непосредственно соединяет мысль со внешним впечатлением, и умеет показать, как в зеркале, читателям это состояние своего духа. Эта особенность сглаживает неловкости рефлектирующих отступлений, особенно замечательных историко-философских, о которых, кстати, кажется, Кареев написал целый этюд.⁸ Толстой останавливается на той грани сознательности и тонкости наблюдения, которая свойственна нашим действительным наблюдениям жизни. Видя отражение самого духа автора, читатель получает и впечатление здоровой силы, которая свойственна этому духу.

(...)

19.XII.87.

Призраки

Меня преследуют призраки; они стоят вокруг темного, полного колоссальных образов.⁹ Уйдите, уйдите! Я устал слушать ваши однообразные вздохи, ваши темные песни.

Я знаю: вы всегда обвевали меня. Вы вставали в чаще ветвей, глядели с неба несчетными глазами, прятались в стрельчатых сводах готического храма, смотрели робко даже из-за блестящих мраморных колонн языческих каплиц. Вы учили меня угадывать смысл природы лучше других учителей, ибо вы были та же природа. Вы были мне всех ближе, ибо вы были мой собственный дух, разлитый по небу, земле и морю. Вы говорили мне, подобно тому бесу, спутнику Фауста, «смотри более глубоким взором в обычные явления: в них есть чудо». И я глядел и касался рукой — и из мертвого дерева брызгали потоки живительного вина*.¹⁰

⁸ Кареев Николай Иванович (1850—1931) — русский историк, философ, социолог, находившийся в дружеских отношениях с В. С. Соловьевым, но разошедшийся с ним во взглядах на методологию науки. Имеется в виду работа Н. И. Кареева «Историческая философия гр. Л. Н. Толстого в „Войне и мире“» (СПб., 1888). Эту книгу Вяч. Иванов мог знать по публикации ее в июльском номере «Вестника Европы» за 1887 год. Кареев считал, что роман «Война и мир» «и по форме, и по содержанию может рассматриваться как синтез поэзии, истории и философии, этих трех органов человеческого самопознания» (с. 2).

⁹ Тема призраков могла быть навеяна «Посвящением» трагедии И. В. Гете «Фауст»: «Вы вновь со мной, неясные виденья, что, промелькнув, истаяли давно...» (Гете И. В. Фауст / Пер. Н. А. Холодковского. М., 2010. С. 8).

¹⁰ Речь идет о сцене «Погребок Ауэрбаха в Лейпциге», в которой Мефистофель произносит слова: «В природу вникните верней: Поверьте, чудо скрыто в ней!» (Там же. С. 96). В сноске под звездочкой, сделанной Вяч. Ивановым, приведена эта цитата на немецком языке:

«Ein tiefer Blick in die Natur!
Hier ist ein Wunder, glaubet nur!
Goethe. Faust. Auerbachs Keller» (л. 22 об.).

И когда мысли, надежды и верования ополчались в моей душе в два враждебных стана и бились из-за обладания моим духом и жизнью, вы ополчались вместе с ними и бились вместе. Гигантские битвы, подобные тем, которые пронеслись по темно-синему небу Индостана над серебряными верхами Гималаев и злачными долинами Ганга — в глазах уединенного, измученного созерцанием факира, или которые совершались над желтыми пустынями Ирана, где небесный купол выше и глубже уходит от земли и где внутри него горит сияющий Ормузд, низвергая темного Аримана, преследуя его серебряными полчищами Дивов!¹¹

Но битвы в моей душе замолкнули, в ней воцарилась тишина. Победители пали, подобно побежденным, и на широком поле могил встаете только вы, мои призраки, вы вечные, и грустно киваете головами, и общим хором поете жалобную песнь.

Уйдите же, уйдите! Пусть мертвые погребают мертвецов. Я опять иду в путь. Мне некогда, я устал слушать ваши жалобы.

Не зовите меня в свое темное царство: я пойду к людям и к живой действительности, не преследуйте меня там!

Я потерял много силы. Подобно древнему богатырю, я перестал приходить в прикосновение со своею землею, со своею матерью, и стал бессилён. Я пойду назад, лягу среди колосьев русских пашен и обрету потерянную мощь.

Там я перестану вызывать вас. Колосья споют мне иную песню в утренний час, когда солнце поднимается и золотит задернутой туманом пруд и серые ивы начинают блестеть жидко-зелеными блестками. Колосья будут петь с васильками, пчелы жужжать, полевая мышь юрко проскальзывать подо мною длинным черным тельцем по серой, растрескавшейся и неровной почве.

Тогда придут на жатву с косами и серпами и расскажут на родном языке деревенские новости и несурaziцы... Тогда вы оставите меня в покое? Да и кто из вас последует за мною в жаркий страдальный день на зрелую ниву с ее перебегающими тенями, отражениями радостных былых облаков?

Ты только, ты один последуешь за мною — без призыва. Тебя не избегну я, и не хочу избегать тебя, тебя одного! Ты будешь моим спутником, — ты, которого видел я впервые над тою же нивой, в вечерний час, когда раздавался звон и блестел крест убогого погоста. Ты будешь стоять и теперь надо мною, милостивый, светозарный, с очами, исполненными сострадания. Там твоя любимая сторона; а обходишь ты при озимом и яровом посеве и в черные борозды с семенами хлеба бросаешь семя любви. Тем звучнее, чем где-либо в другом месте, звучит давно сказанное тобой обещание, которое ты, разливая мир и утешение, повторяешь непрерывно: «прийдите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас».¹²

В сентябре

¹¹ Миф об Аримане и Ормузде, имевший древнеиранское происхождение, мог быть известен Вяч. Иванову из такого сочинения А. С. Хомякова о всемирной истории, как «Семирамида». См. современное издание: Хомяков А. С. Работы по историософии. М., 1994. Т. 1. С. 199—200.

¹² Матф. 11: 28.

© С. В. ФЕДОТОВА

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ ПСАЛМОВ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

В фонде Вяч. Иванова в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки сохранились два автографа переложений псалмов 126 (127) и 127 (128). Написаны они были с перерывом чуть больше двух недель (первое — 14/26 апреля, второе — 2/14 мая 1890) и вызваны к жизни, вероятно, каким-то единым импульсом, о котором можно только догадываться.

В автобиографической поэме «Младенчество» (1913—1918) Вяч. Иванов, описывая свое раннее детство, дважды упоминает о таинственной взаимосвязи собственной судьбы с Псалтирью. Первый случай происходит еще до его рождения, когда мать, «беременная, со слезами», молясь по книге псалмов, вдруг услышала — «точно, в ней младенец вскрикнул!»;¹ здесь трудно не расслышать евангельскую реминисценцию: «...взыграл младенец во чреве ее» (Лк. 1:41). Вполне сообразуются с этим и ожидания, которые связывала благочестивая женщина со своим ребенком:

Но я возрос под сенью чар
Ее надежды сокровенной —
На некое благословенный
Святое дело... Может быть,
Творцу всей жизнью послужить...
Быть может, славить славу Божию
В еще неведомых псалмах...

(I, 232)

Второй эпизод легитимизирует пророческое призвание поэта, переводя его из статуса сокровенных надежд в твердую уверенность матери, в очевидность для нее указующего перста судьбы.² Речь идет о новогоднем гадании Александры Димитриевны по Псалтири, когда пятилетний мальчик наугад выбирает строки Давида-царя: «Я был младшим в доме отца моего, мои пальцы настроили Псалтирь». «Так оно есть. Так буди! — сказала мать обрадованная, — станешь поэтом» (I, 7). Этим провиденциальным эпизодом О. Дешарт начала свой первый биографический очерк об Иванове еще при его жизни,³ им же открывается введение к брюссельскому собранию сочинений поэта, им же оно и заканчивается: «В 1948 г. восьмидесятидвухлетний старец получил от Ватикана „духовно-прибыльный“ заказ: написать вступление и составить примечания к Псалтири. Работу эту он закончил за несколько дней до смерти» (I, 227).

Красивая завершенность биографического мифа о божественном избранничестве поэта, его псалмопевческом и пророческом даре («Славить славу Божию всеми отпущенными ему силами, он всю жизнь считал своим

¹ *Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. I. С. 232. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера тома и страницы.

² О сакрализации образа матери и ее провидческой роли в поэтической судьбе сына см.: *Davidson P.* Viacheslav Ivanov's Ideal of the Artist as Prophet: From Theory to Practice // *Europa Orientalis*. 2002 [2004]. XXI. 1. P. 182—184 (материалы VIII Международной конференции «Вячеслав Иванов: между Св. Писанием и поэзией»); *Титаренко С. Д.* «Младенчество»: символический язык автобиографического мифа и его христианские и розенкрейцеровские истоки // *Судьба литературы Серебряного века и русского зарубежья*. СПб., 2010. С. 183—201.

³ *Deschartes O.* Cenni biografici // *Il Convvegno*. 1933. № 8—12 (25. Gennaio). P. 384—408.

долгом и счастьем» — I, 169) подтверждается еще одним фактом. Накануне смерти Вяч. Иванов заново переписал цикл сонетов «De Profundis amavi!»,⁴ созданный летом трагичного 1920 года,⁵ построенный на парафразах покаянного псалма 129 («De profundis clamavi: Domine, Domine...»)⁶.

Заключительные аккорды жизни Вяч. Иванова, напрямую связанные с Псалтирью, сводят воедино творческие усилия поэта по созданию «поражающего масштабом религиозно-художественного проекта»,⁷ в основе которого лежала псалмопевческая интенция *славословия* «не Творцу только, а всем вещам».⁸ Ореол царя Давида веет вокруг ведущих идей Вяч. Иванова о символическом искусстве как пути преображения жизни и возвращения человека к Богу; о поэте-жреце, выводящем народ из плена страстей, открывающем глаза на высокое предназначение богосыновства, помогающее каждому осознать всю глубину падения. С ним связаны все особенности стиля Иванова: его «учительная» позиция;⁹ «густой благовест» его языка (по слову О. Мандельштама), наполненного архаизмами, библеизмами и славянизмами; его теургические идеи и мифопоэтические стратегии.

Воплощение в творчестве Иванова идеала художника-пророка глубоко и всесторонне рассмотрено П. Дэвидсон в контексте пророческих идей русской литературы. Одним из самых ярких и показательных примеров убежденности Иванова в теургической мощи искусства исследовательница, в частности, называет программное стихотворение из «Кормчих звезд» «Творчество», эпиграфом к которому являются легендарные слова Микеланджело к мрамору «Моисей» «Ricordatti che vivi, e sammina!» (I, 536). Заметим попутно, что интерес к образу Моисея, соединяющему в себе мотивы божественно избранничества, пророческой смелости и желания просветить народ божественной правдой присутствует уже в раннем, неопубликованном стихотворении Иванова «Моисей» (1886):

Один он достоин скрижали принять,
Исполниться божим словом;
Один лучезарного лика печать
Смирненным оденет покровом.¹⁰

Не проходит Иванов и мимо микеланджеловского «Давида», видя в нем уникальное соединение библейской пророческой силы и художественного гения, заряженное энергией воздействия на будущие поколения («Il Gigante» — I, 616).¹¹ При этом важно, что псалмопевческая интенция определяла идею теологичности творчества, его религиозного предназначения, вдохновляющей уже русских поэтов XVIII века. Вспомним знаменитое поэтическое состязание Ломоносова, Сумарокова и Тредиаковского по переложению 143 псалма. Одним из важнейших значений этого эксперимента

⁴ Шишкин А. Б. Краткая летопись жизни и творчества Вячеслава Иванова // http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/2010/10/shishkin_kratkaya_letopis_zhizni_ivanova_2011.pdf.

⁵ Об истории создания цикла см. примечания О. Дешарт (III, 847—849).

⁶ В раннем варианте цикла эта фраза из латинского псалма стояла эпиграфом (РГБ Ф. 589. Карт. 12. Ед. хр. 6).

⁷ Лаппо-Данилевский К. Ю. Вячеслав Иванов о наследии Ульриха фон Виламовица-Мёллендорфа // Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А. А. Тахо-Годи. М., 2010. С. 135.

⁸ Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост. и подгот. текстов В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского; вступ. статья и комм. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб. 1995. С. 53. Ср. также упоминание псалмопевца Давида в первом из сонетов Иванова, обращенных к Альтману (Там же. С. 9).

⁹ Аверинцев С. С. Вячеслав Иванов и русская литературная традиция // Аверинцев С. С. Связь времен. Киев, 2005. С. 321.

¹⁰ РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 32. Л. 2. В стихотворении семь строф, приведенная строфа — 5-я.

¹¹ Davidson P. Op. cit. P. 163.

было создание нового жанра — «парафрастической оды», благодаря чему была поставлена «проблема трансляции библейского текста в иную — жанровую, синтаксическую и стилистическую реальность, проблема соотношения церковнославянского языка оригинала и становящегося нового литературного языка».¹²

Такая постановка вопроса была близка Вяч. Иванову, тяготевшему не только к «неоклассицистской метафорике»¹³ и стилистике, но и к высокому пониманию роли художника как духовного учителя. Здесь он действительно преемник Тредиаковского, который при создании «Псалтыри, или Книг псалмов блаженного пророка и царя Давида, переложенных лирическими стихами и умноженных пророческими песнями», притязал на полномочия не только поэта, но и «проповедника и священника (а в каком-то смысле пророка), который вправе обращаться своим поэтическим словом пребывающих в «богоборном неведении»».¹⁴

Начиная со знаменитой стихотворной полемики, парафразисы библейских текстов во многом определяют лицо литературы XVIII века и «постоянно оказываются в центре литературных исканий и литературной полемики».¹⁵ Большое количество парафразисов псалмов у Ломоносова; вслед за Тредиаковским поэтически переложил полную Псалтырь Сумароков, часто к этому жанру обращались Г. Р. Державин, В. В. Капнист, Д. И. Хвостов, Н. М. Языков, Н. М. Шатров, И. А. Крылов, П. И. Голенищев-Кутузов, Ф. Н. Глинка и многие другие поэты. Но со второй половины XIX века переложения псалмов отступают на периферию литературного процесса.

В отечественном литературоведении давно поставлен вопрос о значении Псалтыри для развития русской литературы в жанровом, тематическом и стилистическом отношении. Различные аспекты русской псалмодики становились предметом изучения многих исследователей.¹⁶ Одним из важнейших моментов стал неоднозначный вопрос о соединении индивидуального авторского стиля и каноничности текста Св. Писания, определяемых, по мнению С. С. Аверинцева, противопоставленными — внутрилитературными и внелитературными (культовыми) — критериями,¹⁷ или категориями «авторства» и «авторитета».¹⁸

¹² Шишкин А. Б. Из неопубликованных поэтических трудов В. К. Тредиаковского (стихотворная «Псалтырь») // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1984. Л., 1986. С. 29.

¹³ Аверинцев С. С. Вячеслав Иванов и русская литературная традиция. С. 324.

¹⁴ Шишкин А. Б. Из неопубликованных поэтических трудов В. К. Тредиаковского (стихотворная «Псалтырь»). С. 33. Ср. также: «Переложение Псалтыри несомненно расценивалось Тредиаковским как духовная литература, и это не было лишь претензией поэта, всерьез уверовавшего в божественность своего вдохновения. Оценка Тредиаковского строилась на уверенности в том, что переложение представляет собой „правильную“ версию Псалтыри, сохраняющую мистическое и назидательное значение этой книги» (Живов В. М. К предистории одного переложения псалма в русской литературе XVIII века // *Jews and Slavs. Jerusalem; St. Petersburg, 1993. Vol. 1. P. 151*).

¹⁵ Там же. P. 32—160.

¹⁶ Помимо указанных работ, см. также: *Гуковский Г. А.* К вопросу о русском классицизме. Состязания и переводы // *Поэтика. IV. Временник Отдела словесных искусств Государственного института истории искусств. Л., 1928. С. 126—148*; *Левицкий А.* Литературное значение Псалтыри Тредиаковского // *Trediakovsky V. K. Psalter 1753. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1989. S. XI—LXXVII*; *Верещагин Е. М.* Христианская книжность Древней Руси. М., 1996; *Лотман Ю. М.* Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // *Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 254—265*; *Луцевич Л. Ф.* Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002, и др.

¹⁷ Аверинцев С. С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Аверинцев С. С. *Риторика и истоки литературной традиции. М., 1996. С. 103—104.*

¹⁸ Аверинцев С. С. Авторство и авторитет // *Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 105—125.*

На этом фоне юношеские опыты переложения псалмов Вяч. Ивановым, несмотря на то что он никогда не включал их в свои сборники, могут вызывать определенный интерес. В большей мере они показательны с точки зрения становления его поэтического мышления, его самоопределения в контексте русской литературной традиции, отчетливого на конкретном материале — поэтическом парафразисе стихов Давида.

Вяч. Иванов обращается к переложению псалмов в пору своего берлинского студенчества. В «Автобиографическом письме» он упоминает «о внутреннем переломе, которым сопровождалось переселение за границу», о пробытии мистических исканий, увлечении Вл. Соловьевым, Хомяковым, Достоевским, Гете и Шопенгауэром, а также о большой поэме «*Argis Mystica*» (1889), посвященной «теургической задаче искусства» (I, 18).¹⁹

В этом контексте создаются публикуемые ниже парафразисы псалмов 126 (127) и 127 (128). Они входят в корпус ранних стихотворений, написанных в 1888—1900-е годы, переписанных в тетради, которая хранится в РГБ (Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 27. Л. 48 об.—49 об.). Для понимания замысла автора необходимо более полное представление об этой архивной единице, поэтому упомяну ряд произведений, содержащихся здесь: «Феомахия»,²⁰ «Жертва», «Идеи», «Дидактическая поэзия», «Россия», «Ночь в пустыне», «Неведомому Богу», «Художник и поэт», «Форма и Содержание», «Начало драматического стихотворения „Матери“». Непосредственно перед «Псалмами» идет большой «вступительный монолог» к поэме «Матери», к которой Иванов неоднократно обращался, но которую так и не завершил.²¹ За ними следует «Аскет».²²

Даже неполное перечисление заглавий позволяет увидеть диапазон замыслов, интересующих молодого поэта. В центре его внимания вопросы религиозно-мистического и философского характера, с одной стороны, и назначения поэзии, ее формы — с другой. Объединяет же их, несомненно, фигура поэта-пророка, учителя. Не случайно появление «Дидактической поэзии», которая войдет в «Кормчие звезды» с небольшими изменениями под названием «Гнома»:

¹⁹ Укажу несколько наиболее важных работ, посвященных этому периоду: *Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент Берлинского университета // *Cahiers du Monde russe.* 1994. Vol. XXXV. 1—2. P. 353—376; *Кузнецова О. А.* Стихотворные послания Вяч. Иванова к А. М. Дмитревскому // Гумилевские чтения. Материалы Международной конференции филологов-славистов. СПб., 1996. С. 239—253; *Иванов Вяч.* (Интеллектуальный дневник. 1888—1889 гг.) / Подгот. текста Н. В. Котрелева и И. Н. Фридмана; прим. Н. В. Котрелева; Приложение: *Иванов Вяч.* (Два списка литературных замыслов: Из записной книжки 1888—1889 гг.) / Подгот. текста и прим. Н. В. Котрелева // Вячеслав Иванов: Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 10—61; *Титаренко С. I* Искусство как теургия (неопубликованная поэма-послание Вячеслава Иванова «*Argis Mystica*») // *Символ.* 2008. № 53/54. С. 23—67; 2) Об одном незавершенном замысле Вячеслава Иванова (поэма «*Art Mystica*» в контексте ранних творческих исканий) // *Русская литература.* 2009. № 1. С. 162—184.

²⁰ Публикация и анализ этого стихотворения содержится в моей статье «Теодицея Вяч. Иванова» (готовится к печати).

²¹ В РГБ хранится начало незаконченного произведения, фрагменты его заключительных сцен находятся в фонде Вяч. Иванова в ИРЛИ. Г. В. Обатнин полагает, что они связаны «с замыслом трагедии под условным названием „Матери“, явно соотносимом с Великими Матерями из „Фауста“ Гете»: «В архиве Пушкинского Дома находятся два отрывка этого замысла, по-разному варьирующие сюжет с „покрывалом Изиды“: дерзость героя, посмеявшего поднять покрывало (№ 203, л. 62 об. и след.) и последующий суд Матерей (Изида, Каменная Мать, Водная Мать и др.) над ним (№ 118, л. 106—163 об.)» (*Обатнин Г. В.* Из материалов Вяч. Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год.* СПб., 1994. С. 29—51).

²² На анализе этого стихотворения построена моя статья «Неоднозначность аскетического идеала в творчестве Вяч. Иванова» (*Филологические науки.* 2011. № 3; в печати).

Все поэтам от Муз: и наставничий жезл, и с свирелью
Строгий учительный стих — медная мысли скрижаль.

(I, 640)

По всей видимости, Вяч. Иванов выбирает именно эти два псалма, ибо их смысловое содержание соответствовало его видению учительной роли поэта. В качестве определенного пояснительного материала, на мой взгляд, целесообразно привлечь работу поэта в последний год жизни по подготовке славянско-русской Псалтири для Конгрегации Восточных церквей. Во «Введении» Иванов поместил восьмичленную классификацию псалмов на основе «анализа смыслового содержания» и «предмета песнопений». Псалом 126, среди других, относится к рубрике «избыток благодарности к Богу и восторг славословия». Псалом 127 — к рубрике «созерцание путей добра и зла и участи праведных и неправедных».²³

Однако в примечаниях к отдельным псалмам Иванов приводит краткое содержание несколько иного характера. Так, квинтэссенцией 126 (127) псалма является нравоучительная сентенция: «Напрасны труды и попечение человека без помощи Божией (1—2), Мощные сыны и цветущая семья — наследие и награды от Бога (3—5)».²⁴ К 127 (128) псалму приводится комментарий: «Блажен человек, боящийся Бога, т. е. исполняющий закон Его; он будет вознагражден изобильными плодами труда своего, семейным счастьем, цветущим потомством (1—4); Господь умножит дни его, и Иерусалим при жизни его пребудет в благоденствии и мире».²⁵

Различия в глубине объяснения вызваны, вероятно, тем, что при работе над составлением примечаний к текстам Псалтири на двух языках Иванов воспроизводил уже готовые комментарии: к славянскому тексту — Иринаея, Архиепископа Псковской епархии, из его двухтомного «Толкования на Псалтирь по тексту еврейскому и греческому» (Изд. 9-е. М., 1903); к русскому переводу — «знатока еврейского языка проф. Д. А. Хвольсона» и «заключения новейшей исследовательской работы по восстановлению и истолкованию первоначального текста, произведенной Библейским Институтом в Риме (Liber Psalmorum. Romae, 1945)».²⁶ Из последней книги Вяч. Иванов почерпнул содержание кратких введений к отдельным псалмам, примечания и сжатый комментарий к латинскому переводу псалмов.

Таким образом, при работе с комментариями песен Давида Вяч. Иванов выступал составителем, о чем он сразу же заявил в Предисловии к книге. Поскольку в последнем ничего не сказано об источниках «Введения», можно с некоторой долей осторожности предположить, что эта часть работы носила более самостоятельный характер. В частности, предложенная обобщенно-богословская типология псалмов отличается от сюжетной конкретики кратких введений к отдельным псалмам углублением их символической интерпретации.

Возвращаясь к ранним ивановским опытам переложения псалмов, можно заметить, что в них в основном представлена сюжетная линия с минимальными отступлениями от библейских прототекстов. Автор следует за боговдохновенным авторитетом практически «слово за слово», минимально прибегая к «украшающим» фигурам речи, т. е. использует один из двух типов переложения псалмов, о которых писал уже Симеон Полоцкий.²⁷ Это

²³ [Иванов Вяч. Введение] // Псалтирь: На славянском и русском языках. Рим: Ватиканская типография, 1950. С. VIII.

²⁴ Там же. С. 429.

²⁵ Там же. С. 430.

²⁶ Там же. С. V.

²⁷ Полоцкий Симеон. Избр. соч. М.; Л., 1959. С. 214.

почти перевод, максимально приближенный к первоисточнику, к его сюжету и нравственному поучению. Псалмы Иванова выдержаны в стиле духовной оды, с ее высоким штилем и дидактической интонацией. Однако это какая-то «истончившаяся одичность»,²⁸ построенная на прозрачной образности, использующая в основном «простые и ясные слова», характерные для ранней поэзии Иванова.²⁹ Однако на общем фоне выделяется метафора «хлеб заботой осолен», в которой предчувствуется уже поэтика зрелого Иванова, построенная на антиномическом принципе.³⁰

Возникает впечатление, что автор парафразиса стремится максимально умалиться перед авторитетом библейского текста, послушно и смиренно следуя за его логикой. Однако, как и во всех поэтических переложениях, авторское начало присутствует и здесь — отмечу поэтому два случая отхода от библейских прототекстов. В последней строфе 126 псалма появляется лексема «гордец», противопоставленный людям, надеющимся на Бога, т. е. с явным негативным оттенком, восходящим к христианскому пониманию порока гордости. И при переложении библейского стиха «увидишь благоденствие Иерусалима во все дни жизни твоей» в последней строфе 127 псалма Иванов показательно останавливается на выборе лексемы «гордый» («Сограждан видит он счастливых / И в мире [славном] гордом отчий град»), употребляя ее в отчетливо позитивном значении.

В заключение отметим, что в дальнейшем творчестве поэта среди огромного количества библейских аллюзий, цитат, обыгрывания образов, мотивов, сюжетов и жанров Св. Писания будут встречаться и отсылки к Книге Давида. Однако Иванов уйдет от буквалистского прочтения прототекста, активно варьируя мотив хваления, например в «Псалме солнечном», или покаянные мотивы в «De Profundis» (II, 234) и цикле сонетов «De Profundis amavi!» (III, 574—578). К буквальному парафразису молитвы «Царю небесный» он обратится в эпилоге мелопеи «Человек».

* * *

Переложения псалмов, сделанные Вяч. Ивановым, публикуются по авторграфам, хранящимся в Российской государственной библиотеке (Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 27. Л. 48 об.—49).

ПСАЛОМ 126 (127)

Когда не Бог созиждет дом,
Напрасно трудится строитель;
Когда не Бог — градохранитель,
Напрасно ходит страж кругом.

*

Ваш хлеб заботой осолен;
Ваш труд с зари; вам ночь — тревога.
Меж тем друзей* любимых Бога
Спокойный обнимает сон.

²⁸ *Аверинцев С. С.* Вячеслав Иванов и русская литературная традиция. С. 333.

²⁹ Ср. замечание о стратегии Иванова на усложнение ранних текстов: «простые и ясные слова (...) были заменены мудренными словами», как выражалась первая его жена (История и поэзия: Переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исслед. и комм. Г. М. Бонгард-Левина, Н. В. Котрелева, Е. В. Ляпустиной. М., 2006. С. 279).

³⁰ Этому вопросу посвящена интересная работа: *Гоготишвили Л. А.* Антиномический принцип в поэзии Вяч. Иванова // *Гоготишвили Л. А.* Непрямое говорение. М., 2006. С. 126—133.

*

Им в неге плод наградный дан:
Их сыновья сильны и смелы —
Что витязя калены стрелы!
Блажен, чей полон стрел колчан!

*

Стыд не зальет его лица,
Когда с врагом в воротах града
Заспорит он: сынов ограда
Во прах отбросит гордеца.**

14/26 Апреля 1890

* Было: детей

** Было: Пред ним прогонит

ПСАЛОМ 127 (128)

Блажен, кто Божией дорогой
Богобоязненно течет!
Труд мирный дух ему дает
Благие дни со снедью многой.

*

Не сочным гроздием долин —
Супругой доброй дом украшен;
Сыны — зеленый ряд маслин
Вокруг трапезы, полной брашен.

*

Так он живет! Могуч и млад,*
Он пестует внучат шумливых;**
Сограждан видит он счастливых
И в мире гордом*** отчий град.

2/14 Мая 1890.

* Далее зачеркнуто: Встречает он

** Было: игривых

*** Было: славном

© РОБЕРТ БЁРД (США)

К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СТАТЬИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА «ДРЕВНИЙ УЖАС»

Статья Вяч. Иванова «Древний ужас»¹ впервые была напечатана в 1909 году в журнале «Золотое руно» (№ 4, с. 51—65) и вскоре без значительных изменений вошла в первый сборник статей Иванова «По Звездам».² Позднее автор слегка отредактировал ее для перевода на немецкий язык, выполненного Николаем фон Бубновым и впервые напечатанного в швей-

¹ Варианты начала статьи и материалы к истории текста см.: РНБ. Ф. 304. Ед. хр. 17.

² Иванов Вяч. По Звездам: Статьи и афоризмы. СПб.: Оры, 1909. С. 393—424.

царском журнале «Corona» (1935, Jahr V, h. 2, januar, s. 133—164). Статья получила широкий отклик в многочисленных работах современников. Ее цитирует М. А. Волошин в работе «Архаизм в русской живописи», посвященной отчасти и картине Бакста.³ На нее опирается П. А. Флоренский в своей лекции-статье «Напластования эгейской культуры».⁴ Ее пересказывает А. А. Бакши в англоязычной статье, представляющей космологию Вяч. Иванова для европейского читателя.⁵ Даже в речи Снаута в фильме Андрея Тарковского «Солярис» (1972) можно слышать отзвуки ивановской формулировки о христианстве как царстве Надежды.⁶

«Древний ужас» во многом подводит итоги главным идеям, изложенным Ивановым в его статьях, начиная с 1904 года. В начале — реминисценция из статьи 1905 года «О нисхождении», в самом конце — развитие психологической мифологии из «Ты еси» 1907 года. По времени сочинения это — последняя из статей, собранных в сборник «По Звездам», вышедший из печати в августе 1909 года. Причем ровно через год наступит «кризис символизма», в ходе которого теоретические установки Иванова 1900-х годов претерпят значительные изменения. Как будто в предчувствии этого рубежа, Иванов пользуется картиной Л. Бакста как поводом резюмировать свои главные идеи. При этом стоит отметить, что сама картина была внушена отчасти и идеями Вяч. Иванова. Она была задумана во время путешествия Бакста и Константина Сомова по Греции, перед которым Иванов, видимо, готовил своих друзей к предстоящим откровениям. В недатированном письме к Иванову Бакст писал: «Дорогой друг! Еду. Мыслей определенных никаких, сумбур, „испуг перед настоящей“ Грецией», растерянность — Что скажет Греция? Простите, целую Вас крепко, „собрать по эллинизму“, желаю здоровья Вам и Лидии Дмитриевне. Передайте, милый друг, этот рисунок Кузмину, я забыл его адрес. Издатели на мой зов не явились. Рисунок следует вручать Потемкину, который на днях приезжает из Рима. До свидания!! Ваш Л. Бакст».⁷ Таким образом, Иванов вскрывает в картине идеи, которые он же в нее отчасти и заложил. Во-первых, хотя прямо об этом речь не идет, статья представляет в зерне всю теорию трагического у Вяч. Иванова и апологию трагедии как актуального и нужного жанра в новом искусстве. Как в статье «О нисхождении», трагедия и ее божество Дионис связываются со стихией «родимого хаоса», открывающейся в мировых катаклизмах и в нашем «ужасе судеб».⁸ Именно в этом контексте следует понимать и космологические размышления Иванова, навеянные «Тимеем» и «Критием» Платона. В этом свете статья могла бы по праву носить название «О трагическом искусстве», как и статья Фридриха Шиллера, в которой также приводится место из поэмы Лукреция «О природе вещей» — о наслаждении, испытываемом «наблюдателями тонущих кораблей с безопасного берега».⁹ Во-вторых, в статье «Древний ужас» Иванов продолжает взывать к возрождению

³ Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С. 275.

⁴ Флоренский П. А. Собр. соч.: В 4 т. М., 1994—1998. Т. 2. С. 110—111.

⁵ Bakshy A. Viacheslav Ivanov — a Poet Philosopher of Modern Russia // The Path of the Modern Russian Stage. 1916. P. 99—120. Письма Бакши к Иванову см. в приложении к статье: Бёрд Р. Русский символизм и развитие киноэстетики: наследие Вяч. Иванова у А. Бакши и Адр. Пиотровского // Новое литературное обозрение. 2006. № 81. С. 67—98.

⁶ См.: Bird R. Andrei Tarkovsky: Elements of Cinema. London: Reaktion, 2008. P. 121.

⁷ РГБ. Ф. 109. Карт. 11. Ед. хр. 69. Л. 3. Ср. случай, записанный Ивановым 14 августа 1909 года в дневнике, когда он «заказывал ему, т. е. Баксту (...) египетский суд мертвых, встрече царицы Савской» (Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель, 1971—1987. Т. II. С. 789).

⁸ Иванов Вяч. Собр. соч. Т. III. С. 95.

⁹ Там же. С. 98. См.: Schiller F. Über die tragische Kunst // Neue Thalia. 1792. Jahr 1. H. 2. S. 176—228. См. также русский перевод А. Г. Горнфельда: Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. М., 1957. Т. 6. С. 41—42.

христианства на почве обновленного мистического начала, к чему, по его мнению, и приводит трагическое начало в современном искусстве. Только от страха перед потерей культуры, только при осознании реальной возможности оказаться «нищими музой и безграмотными»¹⁰ человек может утверждать Память. Мистическая природа этого эстетического катарсиса обнаруживается в особом «отрешении», «восстанавливающем личность».¹¹ При этом Иванов настойчиво отграничивает новую христианскую мистику от не-конфессиональной мистики, проповедуемой теософами. Однако в статье обнаруживается интерес Иванова к воззрениям Рудольфа Штейнера.

В фонде Вяч. Иванова в Российской государственной библиотеке сохранился план статьи «Древний ужас», существенный для истории ее замысла.¹² О том, что публикуемый документ — предварительный план статьи, а не конспект, говорит разительный контраст между ним и содержанием самой статьи. Во-первых, статья разбивается не на семь разделов, как план, а на девять. Во-вторых, изложенные в плане пункты соответствуют в основном лишь последним четырем разделам статьи (VI—IX), исключая таким образом всю первую ее часть, в которой даются «эстетические перспективы на творение Бакста» и насыщенные аллюзиями размышления о памяти и культуре в эпоху упадка.¹³ Именно в пятом разделе, например, дается наиболее известная формулировка Иванова, а именно: определение Аполлона как «силы визионарного созерцания в памяти».¹⁴

Очевидно, что основные выводы относительно картины Бакста Иванов сформулировал для себя до того, как он начал в статье подробно анализировать это живописное произведение. Подтверждает данный факт анализ сохранившихся рукописей статьи.¹⁵ Что, однако, отнюдь не умаляет значения этого разбора, который является одним из очень немногих пространных анализов живописи у Вяч. Иванова. Как правило, в произведении живописи Иванов ценил то, что оставалось за пределами полотна. В картинах Леонардо он выделяет «жест указания, подобный протянутому и на что-то за гранью холста указующему пальцу».¹⁶ О полотнах М. Чурлениса Иванов пишет: «Всего любопытнее и убедительнее этот духовидец тогда, когда он ставит себе задачу уже иррациональную для живописи».¹⁷ Задача Чурлениса отражает «эстетическую апорию», в силу которой «внутренний опыт художника внеположен его искусству; но он может ознаменовать его лишь при помощи ознаменовательной силы этого искусства», т. е. безусловное выражается лишь в условном искусстве.¹⁸ Эта противоречивая задача выполнена Чурленисом посредством «немой повести, рассказанной красками», которая передает «безотчетное, смутное волнение» и «магическое действие на душу», характерные для такой картины, как «Мона Лиза» Леонардо. Сюжет здесь не отождествляется с предметом изображения, а касается самого зренья, того, «как увидел и запечатлел на полотне художник это лицо и эту

¹⁰ Иванов Вяч. Собр. соч. Т. III. С. 94.

¹¹ Там же. С. 98. О двойственном, аскетическом и эстетическом значении термина «отрешение» см.: Bird R. *Minding the Gap: The Concept of Detachment in Aleksej Losev's The Dialectic of Myth // Studies in East European Thought*. 2004. Vol. 56. № 2—3. P. 143—160.

¹² Ранее мы приводили его в английском переводе в составе комментариев к изданию: Ivanov V. *Selected Essays / Ed. M. Wachtel; Trans. R. Bird*. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1999. P. 286.

¹³ Иванов Вяч. Собр. соч. Т. III. С. 101.

¹⁴ Там же. С. 100.

¹⁵ См.: ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 133. Ср. также варианты начала статьи: РНБ. Ф. 304. Ед. хр. 17.

¹⁶ Иванов Вяч. Собр. соч. Т. II. С. 86.

¹⁷ Там же. Т. III. С. 149.

¹⁸ Там же. С. 164.

улыбку».¹⁹ Именно этот пункт — то, как картина передает не образ, но способ видения — Иванов развивает в статье «Древний ужас». Картина Бакста «являет действие красоты, но не ее непостижимый, неизобразимый Лик».²⁰ Она одновременно наделяет зрителя чувством власти над мировой катастрофой и подрывает почву под его ногами. Таким образом картина навеивает трагический ужас посредством драматической игры дистанций и перспектив.

Может быть, поэтому Иванов открывает больше в картине Бакста, чем он сам сначала ожидал. Он вынужден вернуться к статье и предпослать своим главным идеям пространный и крайне сложный зачин. В статье картина Бакста играет роль поэтических автоцитат, с которыми Иванов обычно перемежает свои теоретические рассуждения. В случае «Древнего ужаса», помимо цитируемых им собственных стихотворений «Хмель» и «Спор», можно назвать и трагедию «Прометей», которую он заканчивал в конце 1908 года, хотя вышла она в свет лишь в 1915 году.²¹ Однако здесь, как всегда в творчестве Вяч. Иванова, возникает вопрос, вдохновение ли предшествует логике, или же наоборот. Об открытости Иванова вторжениям непредвиденного и стихийного свидетельствует то, что статья в какой-то мере является реакцией на землетрясение, случившееся в Мессине 28 декабря 1908 года. Но и тут Иванов включает это событие в свою установившуюся систему образов. Изменились ли его аргументы благодаря более подробному погружению в картину Бакста и размышлению о ней на фоне катастрофического землетрясения в Мессине?

Вопреки заявленному предпочтению «хаотического» и даже «безграмотного», творческий космос Иванова отличается очень строгой грамматической, логической и образной структурой. Герметичность его творческого мира дала возможность критику Леониду Галичу назвать «По Звездам» «одной из тех прекрасных моделей, которые незаменимы в витрине, под сверкающим музейным стеклом, при блеске электрических дуг. (...) Но она не улетит к небу; не сорвется со своей полки, не сразится с облаками и бурей. Это сделают другие приборы — серые, тяжелые, безобразные, отстроенные в грязных сараях».²² Как бы то ни было, но публикуемый документ дает полезную рабочую модель этой «прекрасной модели» мысли Вяч. Иванова.

* * *

План статьи Вяч. Иванова «Древний ужас» публикуется по автографу М. М. Замятниной, хранящемуся в Российской государственной библиотеке (Ф. 109. Карт. 4. Ед. хр. 35).

Древний Ужас

Картина Л. Бакста «Terror Antiquus», религиозно-историческое и философское толкование и развитие ее идеи.

I. Три идеи, выявленные в картине «Terror Antiquus»:

- a) Идея космической катастрофы;
- b) Идея судьбы;
- c) Идея бессмертной Женственности.

¹⁹ Там же. С. 151.

²⁰ Там же. С. 101.

²¹ См. об этом заметку, напечатанную в разделе «Вести отовсюду»: Золотое руно. 1908. № 11—12. С. 89.

²² Г(али)ч Л. Прекрасная модель // Речь. 1909. 17 авг. № 224. С. 3.

II. Астарта-Афродита и мужское начало. Обреченность мужественного гибели, и бессмертие женственного.

Космическая Жена, как Судьба и Губительница.

III. Связь древнейшего ужаса перед женственностью — с матриархатом.

IV. Реакция мужского начала против женской деспотии. Патриархат. Друиды. Орфей. Аполлонова религия. Женское начало как причина космической вины. Морализация религиозных понятий. *Terror fati* и *Timor Dei*.²³

V. Мужественное богоборчество в союзе с древнейшею идеей бессмертной женственности. Судьба, как изначальная Правда. Человеческий энергетизм как результат сочетания богоборческой с идеею нравственного миропорядка.

VI. Христианская гармонизация мужественных энергий, и христианское откровение женственности.

VII. Мировая Душа и христианский энергетизм. Причинность и типология. Антропологический принцип в современном религиозном сознании и судьба его правого утверждения в будущем.

4 марта 1909 (года)

Вячеслав Иванов.

²³ *Ужас перед роком* и *страх перед богом* (лат.).

© МАЙКЛ ВАХТЕЛЬ (США)

ДОПОЛНЕНИЯ К «ЛИРЕ НОВАЛИСА» ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

К лету 1909 года относится вчувствование Вяч. Иванова в поэтический мир Новалиса — в течение двух месяцев он переводил стихотворения немецкого романтика одно за другим. Судя по его дневнику, работа велась только из душевной потребности, а не по заказу какого-то издателя.¹ Такой внезапный интерес объясняется биографическими обстоятельствами. Трагически переживая кончину Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, Вяч. Иванов был поражен сходством своей судьбы с судьбой немецкого поэта-предшественника, страдавшего много лет от преждевременной смерти возлюбленной. Русский поэт читал все его произведения через призму своего личного горя, меняя язык и образы оригинала, чтобы приблизить их к собственному стилю и мировоззрению.²

Первая публикация переводов из Новалиса (пять стихотворений) состоялась на страницах журнала «Аполлон» в 1910 году.³ В кратком предиде-

¹ Ход работы можно проследить по дневниковым записям 1909 года, где имя Новалиса повторяется 13 раз: *Иванов Вяч. Собр. соч.* Брюссель, 1974. Т. II. С. 773—805. 25 июня (первая запись этого года) Вяч. Иванов писал: «В постели ночью прикасаюсь там и здесь к стихам Новалиса, которые хотел бы перевести». Возможность обнаружения стихов упоминается гораздо позже. 9 августа поэт отметил: «Вспыхнуло желание скорейшего появления моей „Лире Новалиса“». Ср. также статью Н. А. Богомолова «Из предьстории „Лире Новалиса“ Вяч. Иванова», в которой анализируются истоки интереса поэта к Новалису (*Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм.* М., 1999. С. 202—203).

² Подробнее об этом см.: *Wachtel M. Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis, and the Poetics of Vyacheslav Ivanov.* Madison, 1994.

³ Всего при жизни Вяч. Иванова его переводы из Новалиса появлялись в печати трижды. Переложения из Новалиса: «Сказка прядет» («Зову из темных келий...»); «Почует луч загадочного знака...»; «Песнь пилигрима» («Вас любви пролили грозы...»); «Медлю я покинуть

словии Вяч. Иванов утверждал: «Настоящая публикация лишь предваряет появление „Лиры Новалиса” в нашем переложении».⁴ Несмотря на такое предупреждение, русскому читателю пришлось долго ждать «Лиру Новалиса». Когда Вяч. Иванов уезжал из СССР, он взял с собой рукопись все еще не опубликованной книги, которой суждено было увидеть свет лишь в 1987 году в четвертом томе брюссельского издания сочинений поэта.⁵

Может создаться ложное впечатление, что все эти годы переводы пролежали готовыми к печати. Дело же обстояло гораздо сложнее. «Лира Новалиса» не была завершена поэтом. Д. В. Иванов, редактируя и готовя текст к публикации, должен был привести в порядок груды разрозненных бумаг, состоящих из беловых и черновых вариантов, а порою — из фрагментов. Некоторые переводы были лишены самых основных уязвений, например к какому первоисточнику они относятся. Необходимо отметить, что сын поэта был не только прекрасным текстологом и редактором, но и образцовым филологом. Его публикация снабжена обстоятельными комментариями и включает в себе не только тщательно сверенные тексты, но и главные варианты.

Когда в начале 1990-х годов мы вместе с Димитрием Вячеславовичем Ивановым специально занимались этими рукописями, нам удалось найти кое-какие дополнительные материалы. Мы приняли решение, что включим находки во второе издание «Лиры Новалиса» (уже двуязычное), которое пока остается делом будущего. Настоящая, во многом предварительная публикация ставит перед собой куда более скромную цель — ознакомить с неизвестными стихотворными переложениями Вяч. Иванова из Новалиса, в силу чего не будет предпринято ни подробного разбора переводов, ни обсуждения их в широком контексте творчества поэта; комментарий ограничен самыми необходимыми наблюдениями.

Следует напомнить, что Вяч. Иванов переложил почти всю лирику Новалиса. Главные циклы («Гимны к ночи», «Духовные стихи») переведены целиком, а стихи из романа «Генрих фон Офтердинген» — почти полностью.

21 августа 1909 года Вяч. Иванов писал в дневнике: «Перевожу последние стихотворения из „Смешанных”. Испытал слабо род экстаза»,⁶ как будто он уже перевел все остальные стихи из этого раздела. В действительности это не так.

В римском архиве поэта (РАИ) сохранился список всех стихов из романа «Генрих фон Офтердинген», с указанием соответствующих страниц немецкого оригинала — это автограф Вяч. Иванова. По всей видимости, он составил его для того, чтобы проще и быстрее находить нужное стихотворение, а не перелистывать книгу каждый раз. Для нас этот документ имеет огромную ценность, так как он дает недвусмысленную информацию о том, по какому именно изданию поэт читал и переводил Новалиса. Оказывается,

долы...»; «Умирающий гений» («Привет, желанный! Голос твой слышу. Звать...») // Аполлон. 1910. № 7. Апр. С. 46—50 (3-я паг.). Это перевод следующих стихотворений Новалиса: «Erwacht in euren Zellen...», «Es ist dem Stein ein räthselhaftes Zeichen...», «Liebeszähren, Liebesflammen...», «Gern verweil' ich noch im Thale...», Der sterbende Genius («Willkommen, Lieber! Nun und nicht wieder ruft...»). Три стихотворения, а именно: «Сказка прядет»; «Почит луч загадочного знака...» и «Умирающий гений» были републикованы в кн.: Немецкие поэты в русских переводах / Сост. А. Лютер и А. Элиасберг. Leipzig, 1921. С. 51—53. Еще одно стихотворение Новалиса, в переводе озаглавленное «Яков Беме» (название оригинала: «An Tieck»), было помещено в заключение предисловия к кн.: Беме Я. Ауога, или Утренняя заря в восхождении / Пер. с нем. А. Петровского. М.: Изд-во «Мусагет», 1914. С. XIII—XV.

⁴ Аполлон. 1910. № 7. Апр. С. 46.

⁵ Иванов Вяч. Собр. соч. Т. IV. С. 182—251.

⁶ Там же. Т. II. С. 794.

что Вяч. Иванов пользовался трехтомником, подготовленным близким другом немецкого поэта Людвигом Тиком.⁷ С точки зрения сегодняшней науки редакторский подход Тика — произвольный, порою даже комичный, но долгое время это издание считалось вполне авторитетным. Здесь не место перечислять его многочисленные недостатки, что мною уже было однажды сделано.⁸ Куда важнее то, что только опираясь на текст, подготовленный Тиком, — а не на безусловно лучшие издания XX века — можно понять решения переводчика.⁹

В издании Тика лирические стихотворения (то есть те, что не принадлежат к циклам «Гимны к ночи» и «Духовные стихи» и не включены в роман) печатаются в разных томах. Во втором томе есть раздел «Смешанные стихи» («Vermischte Gedichte»), состоящий из шести стихотворений. Из них Вяч. Иванов перевел первые пять. Так что, когда он написал в дневнике, что переводит «последние стихи из „Смешанных“», то имел в виду эту маленькую группу стихотворений. Отметим, что в третьем томе есть еще один раздел «Стихи» («Gedichte»), в котором находится более двадцати стихотворений. По неизвестным причинам они мало представлены в «Лире Новалиса». Возможно, Вяч. Иванов считал их несущественными и подверг строгому отбору. Нельзя также исключить, что переводов оттуда было сделано намного больше и что они просто не сохранились.

В поддержку последней гипотезы говорит тот факт, что мы с Дмитрием Вячеславовичем Ивановым нашли два стихотворения из этого раздела. Правда, в обоих случаях речь идет лишь о трудно читаемых черновиках. И если нам удалось установить окончательный вариант первого, то второй перевод пришлось признать недоконченным.

Третий из публикуемых переводов — самый загадочный. Это — начало длинного стихотворения «Astralis» из романа «Генрих фон Офтердинген». В этом исключительном случае мы имеем дело с машинописью. Кем и при каких обстоятельствах она готовилась, Дмитрий Вячеславович не смог вспомнить, но он не сомневался, что текст достоверный. (Существует и рукопись того же отрывка, но она явно лишь предварительный вариант машинописи.) Трудно поверить, что Вяч. Иванов бросил перевод такого значительного стихотворения после первых строк. Вполне возможно, что он перевел весь текст, но большая часть перевода утрачена и не исключено, что еще будет обнаружена.

Пожалуй, самый интересный из найденных текстов и наиболее нуждающийся в комментариях — «An M. und S.». В обширной литературе о Новалисе нет упоминаний об этом шестистрочном стихотворении.¹⁰ Позднейшие

⁷ На самом деле Тиком помогли соредакторы, но ради простоты это издание обычно называют «изданием Тика», что делаем и мы. *Novalis. Schriften*. 5. Aufl. Berlin: G. Reimer, 1837—1846. Bd 1—3 (тома 1—2 были изданы Людвигом Тиком и Фридрихом Шлегелем в 1837 году; том 3 — Л. Тиком и Эдуардом Бюловом в 1846-м).

⁸ *Wachtel M. Russian Symbolism and Literary Tradition*. P. 113—115.

⁹ Отмечу мимоходом, что упреки Е. Г. Эткинды к Вяч. Иванову как переводчику Новалиса основаны на недоразумении, ибо Эткинд не понял, как резко современные издания Новалиса отличаются от изданий XIX века. См.: *Эткинд Е. Поэзия Новалиса: Мифологический перевод Вячеслава Иванова // Cultura e memoria: Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Viaceslav Ivanov / A cura di F. Malcovati. Firenze, 1988. Vol. 2. P. 171—185* (статья неоднократно перепечатывалась). Установление точного издания иногда объясняет самые странные «вольности» переводов (см.: *Вachtel M. К проблеме перевода размером подлинника у Вячеслава Иванова // Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest, 1996. T. 41. Fasc. 1—4. P. 50*).

¹⁰ Не совсем понятно, имеем ли мы дело с шестистрочным стихотворением или же с тремя разными дистихами на одну тему. В издании Тика — в отличие от новейших изданий — между каждыми двустихиями ставится черта. О роли Вяч. Иванова в эволюции русского дистиха см.: *Wachtel M. The Development of Russian Verse: Meter and its Meanings. Cambridge, 1998. P. 195—199*.

издания печатают его под другим, более логичным названием «M. und S.» (то есть без предлога «An»). А в издании Тика названию стихотворения следует подзаголовок: «Sophie, die Braut des Dichters, und ihre verheiratete Schwester, Frau von M.» («София, невеста поэта, и ее замужняя сестра, госпожа фон М.»¹¹). Таким образом, Тик поясняет биографический контекст стихотворения, прямо указывая на Софи фон Кюн (Sophie von Kühn), возлюбленную поэта. «Софийная» тематика Новалиса была особенно близка сердцу русского поэта, также и в тех случаях, когда она — как и здесь — обнаруживается в мелких произведениях. Особенно любопытно, что стихотворение венчается другой, впоследствии центральной для биографии Вяч. Иванова темой, а именно: отражение матери в облике дочерей.

В издании Тика, по которому Вяч. Иванов переводил, стихотворение «An M. und S.» находится в третьем томе на сто десятой странице. На предыдущей, сто девятой, напечатано два дистиха: «Einem gelang es — er hob den Schleyer der Göttin zu Saïs...» и «Welten bauen genügt dem tiefer dringenden Sinn nicht...», которые он также перевел.¹² А на сто седьмой странице приведен оригинал второго из стихотворений, разные варианты перевода которого имеются в Римском архиве Вяч. Иванова — «Das Gedicht» («Стихотворение»). В метрике оригинала преобладает четырехстопный хорей, но местами он перебивается строками дольника. Легкочитаемые строки перевода написаны без исключения четырехстопным хореем, но возможно, что последние строки (почти нечитаемые и незавершенные) отражают ритмику дольника. В издании Тика стихотворение астрофично, но Вяч. Иванов разбирает его на четверостишия в соответствии с ритмикой.

Стихотворением «Astralis» открывается вторая часть романа «Генрих фон Офтердинген». Оно написано пятистопным ямбом с вольной рифмовкой. Начало стихотворения — белый стих, но Вяч. Иванов вводит рифмы, оставляя нерифмованной лишь пятую строку.

* * *

Поэтические переводы Вяч. Иванова из Новалиса публикуются по ксерокопиям с документов, хранящихся в Римском архиве Вяч. Иванова (для первых двух переводов это автографы; для третьего — машинопись). В результате проводящейся дигитализации архива лишь первый из текстов в настоящий момент доступен на сайте Исследовательского центра Вяч. Иванова в Риме (впрочем, как перевод из Новалиса он не идентифицирован), его шифр: РАИ. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 23. Л. 294 об. Ряд вариантов второго текста, не совпадающих с публикуемым и отражающих более раннюю стадию работы над ним, хранятся в РАИ (Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 18. Л. 214—215 об.).¹³

¹¹ Речь идет о Фредерике фон Мандельсло (Friederike von Mandelsloh).

¹² Опубликовано Д. В. Ивановым (*Иванов Вяч. Собр. соч.* Т. IV. С. 250).

¹³ Выражаю признательность К. Ю. Лаппо-Данилевскому за ряд существенных указаний, сделанных во время подготовки к печати данной публикации.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вячеслав Иванов

ПЕРЕВОДЫ ИЗ НОВАЛИСА

(ПОДГОТОВКА ТЕКСТА МАЙКЛА ВАХТЕЛЯ И Д. В. ИВАНОВА)

1

〈К М. и С.〉

Их сочетала счастливо художница, Матерь-Природа,
Чем ты в одной восхищен, скажешь другой про нее.

Видел обеих, загадку зараз и разгадку ты видел,
Каждая порознь другой вместе загадка и ключ.

Хочешь прекрасную мать лицезреть на заре ее девства?
Почки ль увидеть расцвет? Милых на облик взгляни!

2

〈Стихотворение〉

Рай души в одежде синей
Сокровенный свет струит.
Беглый перст в песке пустыни
Имя милое чертит.

И под сводчатым собором,
В тусклом сумраке лампад,
Дух отдав иным просторам,
Мощи высохшие спят.

Хартий весть из ветхой пыли,
Вдаль уставя взор Сивилл
Прорицает древней были
Оправданье в царстве сил.

Стань в апсиде златотронной
Где над гробом Дух парит:
Чу, из крипты похоронной
Вещий мрамор говорит.

В кубки хмель Любовь струила
(Так в цветах горит роса) —
И завесою таила
От младенцев чудеса.*

* Работа над переводом явно была не окончена; дальнейшие строки трудночитаемы. Многочисленные варианты предполагается учесть в будущем академическом издании сочинений Вяч. Иванова.

3

〈Астралис〉

Раз летним утром я проснулся млад
 И чувствовал биенье жизни в жилах —
 Впервые и по новому был рад, —
 И пламя страсти в юношеских силах;
 Все глубже мной восторг любви владел —
 Все явственней сознание пробуждалось
 Росло желанье, бытия нуждалось
 В объятии неземном за тем пределом,
 В смятении глубоком и всецелом.**

** Продолжение перевода отсутствует.

© К. Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

О ПРЕПОДАВАНИИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА НА КУРСАХ Н. П. РАЕВА

Преподавание на Высших женских историко-литературных и юридических курсах Н. П. Раева — важный и по сей день совершенно не исследованный эпизод биографии Вяч. Иванова, о котором сам поэт лаконично писал в «Автобиографическом письме» к С. А. Венгеру, суммарно характеризуя период своей жизни после смерти 17 октября 1907 года Л. Д. Зиновьевой-Аннибал: «Я посвящал в последующие годы много усилий делу петербургского Религиозно-философского общества, а также делу Общества ревнителей художественного слова, основанного покойным Иннокентием Анненским, С. К. Маковским и мною, и в течение двух лет был преемником Анненского, в качестве преподавателя греческой и римской литературы, на Высших женских курсах Раева».¹ К сожалению, никаких упоминаний этого немаловажного педагогического опыта не находим ни в единственном пока биографическом очерке О. Дешарт о поэте,² ни в наиболее авторитетных справочных изданиях.³

Архивные разыскания, проведенные мною, думаю, дают наконец возможность достаточно подробно осветить этот эпизод в жизни Вяч. Иванова, точка отсчета которого названа им самим, а именно: смерть И. Ф. Анненского 30 ноября 1909 года. Однако когда именно началось преподавание, как скоро один поэт сменил другого на кафедре, достоверно неизвестно. Сам Вяч. Иванов в «Автобиографическом письме» указал лишь, что в 1912 году он «закончил в Риме исследования об отдельных проблемах религии Диониса». Из других источников можно заключить, что он покинул Петербург и отправился в Италию 19 мая 1912 года.⁴

¹ *Иванов Вяч.* Автобиографическое письмо С. А. Венгеру // Русская литература XX века (1890—1910) / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1916 [1917]. Т. 3. Кн. 8. С. 95. О своем преподавании здесь Вяч. Иванов неизменно упоминал и в других, менее пространственных автобиографических текстах.

² *Дешарт О.* Введение // Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. Bruxelles, 1971. Т. I. С. 7—227.

³ См., например: Русские писатели: 1800—1917. М., 1992. Т. 2. С. 372—377; Православная энциклопедия. М., 2009. Т. XX. С. 645—652 (статья Н. В. Котрелева).

⁴ Так, живший на Башне М. А. Кузмин отметил 18 мая 1912 года в дневнике, что «все хлопот об отъезде», а на следующий день записал: «Все насилу вымелись» (*Кузмин М. А.* Дневник. 1908—1915 / Предисл., подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб.,

Наиболее ценные сведения о трудоустройстве поэта и о его преподавательской деятельности обнаружались в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, но не в фонде 52, отдельном фонде Высших женских историко-литературных и юридических курсов Н. П. Раева (здесь аккумулированы по преимуществу сведения о слушательницах, а не об их преподавателях), а в документах Канцелярии попечителя Петроградского учебного округа в том же хранилище, а также в фонде Министерства народного просвещения в Российском государственном историческом архиве в Петербурге. В Институте русской литературы (Пушкинском Доме) сохранились подготовительные материалы к курсам, которые читал Вяч. Иванов (как таковые, впрочем, не идентифицированные). Кое-какие документы отложились и в самом объемном фонде поэта в Российской государственной библиотеке в Москве.

Имеет смысл, видимо, вкратце остановиться на истории курсов Раева по архивным материалам, чтобы дать представление об уровне преподавания здесь и особенностях этого учебного заведения. Как известно, высшее женское образование становится фактом русской жизни лишь в царствование Александра II; в конце 1850-х годов женщины были допущены к посещению лекций в университетах в качестве вольнослушательниц, а в 1869 году были открыты первые специальные курсы для них в Петербурге и в Москве. В последующие годы количество их стремительно росло — и в столицах, и в провинции.

Санкт-Петербургские Высшие Женские историко-литературные курсы Н. П. Раева (таково было официальное название этого учебного заведения) хотя и возникли сравнительно поздно, но оставили заметный след в русской культуре начала XX столетия — главным образом в силу блестящего состава преподавательских сил.⁵ Учреждение курсов действительному статскому советнику Николаю Павловичу Раеву было разрешено высочайшим повелением от 3 декабря 1905 года при соблюдении двух условий: утверждения правил о курсах и привлечения к преподаванию лиц, «обладающих надлежащим научным цензом».⁶ Организационная фаза завершилась к осени 1906 года, когда было начато систематическое обучение слушательниц. В преддверии этих событий Раев обратился 8 августа 1906 года к попечителю Петербургского учебного округа с письменной просьбой об утверждении профессорами курсов «по вольному найму» двенадцати преподавателей (л. 5) и представил текст необходимых правил,⁷ в которых было закреплено

2005. С. 352—353). См. также письмо М. О. Гершензона М. В. Сабашникову из Силламяги от 27 мая 1912 года, в котором сообщается об отъезде Вяч. Иванова за границу как о свершившемся факте (РГБ. Ф. 261. Карт. 3. Ед. хр. 41. Л. 7).

⁵ Из слушательниц курсов пользуется широкой известностью, пожалуй, только одна — Анна Ахматова. О ее обучении, начавшемся здесь, видимо в октябре 1911 года, почти ничего не известно, кроме примерного времени поступления (*Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 70; на основании дела: ЦГИА СПб. Ф. 52. Оп. 1. Д. 21. Л. 37). В позднейшей заметке «В десятом году» А. Ахматова писала также о ряде событий осени 1911 года, в том числе и следующее: «Вяч(еслав) встретил меня на Раевских курсах, где он читал лекции, и пригласил на „Понедельники“ (уже не «Среды»)» (*Ахматова А.* Победа над Судьбой / Сост., подг. текстов, предисл. и прим. Н. Крайневой. М., 2005. Т. I: Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы. С. 57).

⁶ Об открытии Раевым частных высших женских курсов, о преподаваемых предметах и принятии в число слушателей лиц иудейского вероисповедания (нач. 17 марта 1906, оконч. 24 апр. 1917 г.) // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 10526. Л. 1. Далее ссылки на эту архивную единицу даются в тексте с указанием листа.

⁷ Перечислю в первую очередь тех, кто вел занятия на историко-литературном факультете курсов (в скобках указаны предметы на основании других, позднейших документов): К. М. Аггеев (богословие), А. И. Введенский (философия), Н. А. Котляревский (всеобщая литература), В. В. Сиповский (русская литература), С. М. Середонин (русская история), Ф. Ф. Зелинский (ис-

преподавание следующих предметов на историко-литературном факультете курсов: богословие, психология, логика, педагогика, философия, русская литература, всеобщая литература, русская история, всеобщая история, история искусств, латинский язык для желающих (л. 11).⁸

В последующие годы программа обучения на курсах дифференцировалась и совершенствовалась, круг предметов расширялся, с чем было связано приглашение новых преподавателей. Их имена узнаем главным образом из ходатайств Раева перед попечителем учебного округа. По этой причине начало педагогической деятельности на курсах фиксируется довольно точно, тогда как о ее прекращении остается по большей части лишь гадать.

Перед началом следующего учебного года Раев в письме от 1 августа 1907 года просил утвердить профессорами курсов ординариусов Санкт-Петербургского университета правоведов Э. Д. Гримма, М. Я. Пергамента, И. Х. Озерова и преподавателями курсов его приват-доцентов Е. В. Аничкова, В. Н. Сперанского, а также преподавателя Технологического института М. В. Бернадского (л. 34 об.).⁹

Еще почти через год, 12 августа 1908 года, было подано ходатайство об утверждении профессором курсов экстраординариуса И. Д. Андреева, а преподавателями И. Ф. Анненского, В. Б. Ельяшевича, Н. М. Каринского, П. И. Люблинского, П. Б. Струве и Б. М. Фармаковского (л. 40).¹⁰ 9 сентября 1908 года Раев обратился к попечителю округа с просьбой об утверждении профессором курсов доктора славянской филологии А. Л. Погодина, «бывшего ординарного профессора Варшавского университета». 8 ноября 1908 года Раев сообщал о принятом им решении вести на курсах для желающих уроки древнегреческого языка, в связи с чем стремился заручиться разрешением на трудоустройство статского советника С. О. Цыбульского (л. 46). Тем же числом помечено ходатайство об утверждении профессором Ф. А. Брауна (л. 46).

19 февраля 1909 года Раев, подводя итог четырехлетней деятельности курсов, перечислил уже 17 предметов, которые к тому моменту преподавались на его курсах для слушателей историко-филологического отделения (л. 50). При сравнении нового списка с приведенным выше (от 8 августа 1906 года) следует отметить как появление новых дисциплин (русский язык, общее языкознание), так и более специализированное преподавание ряда предметов. Так, античная литература читалась, видимо, поначалу довольно кратко, в составе общего курса, то же можно сказать и об истории Греции, и об истории Рима; теперь они выделены в отдельные позиции. В качестве обязательных для обучающихся фигурируют английский, латинский, немецкий и французский языки и древнегреческий для желающих (Греция), П. П. Митрофанов (история Рима), В. И. Протасов (латинский язык). На юридическом факультете преподавали: Л. К. Дымша, Л. И. Петражицкий, М. А. Рейснер (отец писательницы), В. В. Святловский.

⁸ Уже в первые месяцы работы курсов возникли осложнения с местной полицией, потребовавшей выселения слушательниц еврейского происхождения из столицы. Несмотря на то что по действовавшему законодательству обучение в подобных учебных заведениях не давало права на проживание в крупных городах «лицам иудейского вероисповедания», действительному статскому советнику Раеву удалось добиться оставления в Петербурге «уже принятых слушательниц» (л. 13—24). В этом ему, несомненно, помогли и собственные бюрократические связи, и широкая известность его отца — преосвященного Палладия (в миру Павла Ивановича Раева), с 1892 по 1898 год (до самой смерти) митрополита Санкт-Петербургского и Ладужского.

⁹ Здесь и далее речь идет в подавляющем числе случаев об ученых достаточно известных; о них нетрудно разыскать биографические сведения, которыми поэтому основное изложение не перегружалось.

¹⁰ Со всей очевидностью в связи с сомнениями в их благонадежности возникли некоторые проволочки с утверждением преподавателями П. Б. Струве и В. Б. Ельяшевича (л. 42). Однако уже 12 сентября было принято положительное решение (л. 45).

щих. Главная цель подобного представления заключалась в том, чтобы добиться права для окончивших курсы сдавать экзамены по образцу университетов, что, в свою очередь, должно было означать, что выпускницы будут получать право преподавания в старших классах женских гимназий.

Очевидно, что подобное приравнение курсов Раева к наиболее престижным учебным заведениям России, открывавшее возможности более успешного дальнейшего трудоустройства учащихся, не могло не стать залогом жизнеспособности курсов, способствовать притоку новых платежеспособных слушательниц. К слову сказать, своей цели Раеву удалось добиться только четыре года спустя — как явствует из документов Департамента народного просвещения, лишь 4 сентября 1913 года попечитель Санкт-Петербургского учебного округа был извещен о том, что слушательницы, представившие удостоверение об окончании курсов Раева, «допускаются к экзаменам в испытательных комиссиях на тех же основаниях, что и лица, получившие выпускное от ун-тов свидетельство» (л. 150).¹¹ Отсутствие такой педагогической перспективы у изучавших юриспруденцию на курсах и невостребованность женщин-правоведов в Российской империи были причиной малочисленности юридического факультета, аудитории которого порой пустовали.¹²

Не имея намерения писать подробную историю курсов Раева, бегло перечислю лишь тех, кто преподавал на историко-филологическом факультете в то время, когда с ним был связан Вячеслав Иванов, тем более что с одними из коллег его связывали дружеские отношения, а с другими предстояло еще встретиться на академическом поприще (как, например, с В. В. Сиповским в Бакинском университете).

Из ходатайств Раева узнаем, что летом и ранней осенью 1909 года на курсы были определены преподавателями Н. А. Гредескул,¹³ Н. С. Карцов, Я. Л. Барсков, В. Н. Бенешевич, В. Д. Кузьмин-Караваев, К. Н. Соколов, А. Л. Фрейтаг-Лоринговен, Л. С. Таль (л. 57—61, 66); профессором — А. С. Кривцов (л. 59). Через год в качестве профессоров курсов были утверждены Ф. В. Тарановский (л. 79) и М. А. Таубе (л. 81), преподавателями — П. А. Кулаковский, А. И. Буковицкий, Н. В. Ястребов, руководителем практических занятий — А. В. Попов (л. 81—84). 23 февраля 1911 года Раев хлопотал об утверждении В. В. Сокольского и А. С. Яценко профессорами курсов правоведов (л. 88), а 11 июля — Л. В. Щербы преподавателем общего языкознания. В начале осени 1912 года профессорами были утверждены В. К. Хилинский (по истории Востока), а вскоре и М. Р. Фасмер по кафедре сравнительной грамматики славянских языков (л. 135, 137). Из тех, кто стал читать здесь лекции позже, назову лишь Н. О. Лосского (март 1914; л. 165—166); С. Л. Франка, А. И. Заозерского, А. А. Васильева (сентябрь 1914; л. 179—180); П. Н. Сакулина, Н. П. Оттокара (май 1915; л. 222); А. И. Малеина (февраль 1914; л. 244); В. Н. Перетца (ноябрь 1916; л. 245—247); О. К. Недзведкую (ноябрь 1916; л. 248). Имеет смысл упомянуть, что курсы Раева, по всей видимости, полноценно функционировали до

¹¹ Ср.: Санкт-Петербургские высшие женские историко-литературные и юридические курсы д. с. с. Раева // РГИА. Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 155. Ед. хр. 655. Л. 1.

¹² Так, в своем письме попечителю округа от 27 января 1912 года (л. 109) Раев был вынужден констатировать «отсутствие желающих поступить вновь на юридический факультет» и просил утвердить с 1 сентября 1911 года, т. е. со дня фактического прекращения лекций, увольнение следующих профессоров: М. А. Рейснера (государственное право), Ф. В. Тарановского (русское право), В. Н. Сперанского (история философии права), Р. М. Орженицкого (статистика), В. В. Святловского (политическая экономия), Л. И. Петражицкого (энциклопедия права).

¹³ О нем как об «имеющем предосудительное в политическом отношении прошлое» возникла даже отдельная переписка, частью с грифом «секретно» (л. 53—56 об.).

начала лета 1917 года.¹⁴ В конце мая Н. П. Раев и его жена подписали договоры о передаче своих прав на дальнейшее содержание этого учебного заведения инженеру путей сообщения Вячеславу Александровичу Яцыне,¹⁵ однако необратимые политические изменения привели к тому, что деятельность курсов вскоре прервалась навсегда.

Но вернемся к осени 1909 года: в разгар учебного процесса, 30 ноября скоропостижно скончался И. Ф. Анненский. Он был официально приглашен к преподаванию в марте 1908 года, выбрал темой своих лекций историю античной драмы и имел возможность основательно их подготовить (занятия у Раева, судя по всему, начинались в сентябре—октябре и оканчивались в апреле—мае). Этот курс был прочитан в 1908—1909 годах и опубликован в 1909 году литографическим способом (его комментированное и дополненное переиздание вышло в свет в 2003 году).¹⁶ Осенью 1909 года, по свидетельству Зелинского, он повествовал уже о греческом эпосе. Видимо, параллельно были начаты «Лекции по римской литературе», состоялось всего девять занятий.¹⁷ О том, как они происходили, можно составить представление и по самим литографированным лекциям, и по мемуарному очерку, которым Зелинский почтил Анненского в «Аполлоне» и который прекрасно передает атмосферу, царившую на курсах.¹⁸

Именно Зелинский, видимо, стал инициатором скорейшего приглашения Вячеслава Иванова на курсы после внезапной смерти Анненского. Думается, уже в конце 1909 года Вячеслав Иванов получил неофициальное приглашение занять место собрата по перу на кафедре.¹⁹ Новый status quo настоятельнейшим образом требовал и бюрократической легитимации, поэтому 19 января 1910 года Раев обратился к графу А. А. Мусину-Пушкину, бывшему тогда попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, с официальным письмом. Воспроизведем его по подлиннику (л. 68—68 об.):

С.-Петербургские Высшие Женские
Историко-литературные и Юридические курсы.
19 января 1910
С.-Петербург, Гороховая ул., 20
тел. № 294-81
№ 1211

ЕГО СИЯТЕЛЬНОМУ ГОСПОДИНУ ПОПЕЧИТЕЛЮ СПБ.
учебного округа

Совет профессоров Курсов, озабочиваясь замещением преподавателя по истории античной литературы, постановил просить меня ходатайствовать пред

¹⁴ 24 апреля 1917 года администрация курсов хлопотала перед канцелярией округа о получении талонов на льготный проезд по городу для своих слушательниц (л. 259). На этом обрывается дело о курсах Н. П. Раева в ЦГИА СПб.

¹⁵ РГИА. Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 155. Ед. хр. 655. Л. 41, 42—42 об.

¹⁶ Анненский И. Ф. История античной драмы: Курс лекций / Сост., вступ. статья В. Е. Гитина, подгот. текста В. Е. Гитина при участии В. В. Зельченко, прим. В. В. Зельченко. СПб., 2003. 416 с.

¹⁷ Записи почти всех из этих лекций см.: Там же. С. 283—293.

¹⁸ Зелинский Ф. Иннокентий Федорович Анненский как филолог-классик // Аполлон. 1910. № 4. Отд. 1. Хроника. С. 1—9.

¹⁹ Имеет смысл отметить, что в начале того же года некоторое время посещала курсы Н. П. Раева В. К. Шварсалон. Так, М. М. Замятнина писала Е. П. Иолшиной 31 января 1909 года: «Вера усиленно готовится к аттестату зрелости и ходит пока на Раевские курсы, т(ак) к(ак) никуда без аттестата рус(ского) не приняли» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 55. Л. 2 об.; сообщено А. Л. Соболевым). Сохранилось также письмо канцелярии курсов к В. К. Шварсалон от 5 ноября 1910 года (Там же. Карт. 28. Ед. хр. 43).

Вашим Сиятельством о разрешении допустить временно к чтению лекции (sic) по этому предмету бывшего студента Московского университета писателя Вячеслава Ивановича Иванова, живущего по Таврической улице в д. № 25.²⁰

Принимая во внимание, что г. Иванов изучил античные древности в Берлинском университете под руководством знаменитого профессора Гиршфельд (sic), что г-н Иванов известен своими учеными трудами, из коих «Эллинская религия» выходит уже 2-м изданием, я охотно беру на себя обязанность ходатайствовать перед Вашим Сиятельством о временном допущении г-на Иванова к чтению лекции на Историко-литературных и юридических курсах или же о назначении его ассистентом к профессору древней истории Ф. Ф. Зелинскому.

Насколько мне известно, г-н Иванов уже изготовил научный труд на латинском языке, который намерен представить для получения ученой степени.

Директор курсов Раев

Следующий документ, сохранившийся в том же деле, — это отпуск письма к Раеву от 23 января 1910 года, подписанный правителем канцелярии попечителя. Он содержит всего лишь абзац, отказ при этом никак не аргументируется: «Канцелярия Попечителя СПб. уч. окр., по распоряжению Начальства имеет честь сообщить Вашему Превосходительству, что просьба Ваша о допущении к чтению лекций на Ваших курсах В. Иванова удовлетворена быть не может» (л. 69). Совершенно очевидно, что если для русских литераторов-модернистов Вячеслав Иванов был к этому времени признанным мэтром, для антиковедов — эрудированным коллегой, прошедшим солидную выучку в Германии, этой твердыне классической филологии, то для чиновников он был просто недоучившимся студентом, не обладавшим необходимым дипломом для зачисления даже в ассистенты.

К вопросу о Вячеславе Иванове попечитель учебного округа А. А. Мусин-Пушкин был принужден вернуться почти через два месяца, когда получил от Григория Константиновича Ульянова, товарища министра просвещения, следующее письмо (л. 73—73 об.):

Товарищ министра народного просвещения,
15 марта 1910 г.
№ 7987

Милостивый государь, граф Александр Алексеевич.

В Министерство Народного Просвещения поступило заявление профессора С.-Петербургского университета Ф. Ф. Зелинского о том, что избранный Советом Высших С.-Петербургских историко-литературных и юридических курсов Н. П. Раева для замещения вакантной после смерти И. Ф. Анненского кафедры античной словесности писатель Вячеслав Иванов не утвержден в должности преподавателя названных курсов.

Не располагая сведениями по возбужденному профессором Зелинским вопросу и принимая во внимание, что по положению об означенных курсах утверждение в должности преподавателей курсов зависит от Вашего Сиятельства, имею честь покорнейше просить Вас сообщить, было ли возбуждено пред Вашим Сиятельством ходатайство об утверждении писателя Иванова преподавателем курсов Н. П. Раева и, в утвердительном случае, по

²⁰ Слева на полях около окончания этого абзаца, видимо А. А. Мусиным-Пушкиным, сделана приписка: «Не считаю себя вправе».

каким соображениям было отказано названному лицу в предоставлении упомянутой должности.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Г. К. Ульянов

На л. 73, справа от основного текста письма Ульянова Мусиным-Пушкиным была сделана приписка,²¹ на которую опирались его подчиненные при составлении краткого ответного письма, отпуск которого сохранился здесь же (л. 74). Как выясняется, в середине января 1910 года Мусин-Пушкин лично докладывал Ульянову о затруднениях, возникающих при допущении Вячеслава Иванова к преподаванию. Ульянов либо забыл об этом, либо же, скорее всего, так как вопрос обсуждался устно, захотел получить письменное пояснение для предстоявшего доклада министру просвещения (им был с 25 сентября 1910 года по 26 ноября 1914 года Лев Аристидович Кассо). Приведем текст письма Мусина-Пушкина по отпуску (л. 74):

№ 5583 17/18 марта 1910 г.

Мил(остивый) г(осударь) Гр(игорий) Конст(антинович)

Вследствие письма от 15 марта за № 7987 имею честь сообщить, что я лично докладывал В(ашему) П(ревосходительству) о том, что Совет высших С(анкт-)П(етербургских) историко-лит(ературных) и юрид(ических) курсов Н. П. Раева избрал для замещения вакантной после смерти И. Ф. Анненского кафедры античной словесности писателя Вячеслава Иванова, но так как Иванов в русском учебном заведении не учился вовсе, а в Берлине, хотя и усердно работает, экзамена не держал, а между тем по положению о названных курсах к преподаванию допускаются только лица с высшим образованием, я затруднился утвердить Иванова преподавателем курсов. На этот доклад мой Вашему Превосход(ительству) угодно было выразиться, что и Вы с Вашей стороны не считаете возможным допущение Иванова к преподаванию, вследствие чего я и не удовлетворил ходатайства Совета Курсов.

Пр(имите) ув(ерение и проч.)

По-видимому, лишь в самом начале мая 1910 года Г. К. Ульянов лично доложил все обстоятельства дела министру просвещения Л. А. Кассо, который принял положительное решение. Ульянов известил о нем Мусина-Пушкина письмом от 7 мая 1910 года (л. 77):

Товарищ министра народного просвещения
7 мая 1910 г. № 13421

Милостивый Государь, Граф Александр Алексеевич.

В ответе на письмо от 17 марта за № 5583 имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что в виду засвидетельствованной профессором С.-Петербургского университета Ф. Ф. Зелинским научной подготовки В. Иванова, Г. Министр не усматривает препятствий к допущению его к преподаванию античной словесности на курсах Н. П. Раева.

Примите уверение в глубоком уважении и преданности.

Г. Ульянов

²¹ Приведу ее текст: «Прошу ответить письмом, в котором сказать, что я лично докладывал это дело Г. К. Ульянову у него в кабинете и сей узнав, что Иванов даже не кандидат даже русского ун-та нашел невозможным его допустить к чтению лекции на Раевск(их) курсах» (л. 73).

Этот документ завершает почти пятимесячную переписку по допуску к преподаванию бездипломного поэта на курсах Раева в фонде Петербургского учебного округа. Как кажется, сам Вячеслав Иванов был заинтересован в нем, ибо как раз в эти годы, после смерти в 1907 году его второй жены, перед ним остро встал вопрос собственного общественного статуса, а возвращение к академической деятельности было одной из наиболее очевидных возможностей упрочить свое положение и обрести некоторый заработок. Знакомство, а затем и сближение со столь влиятельными учеными, высоко оценившими познания и таланты Вяч. Иванова, как Ф. Ф. Зелинский и М. И. Ростовцев, казалось бы, создавало благоприятные предпосылки для несколько запоздалой академической карьеры. Не случайно именно в это время Вяч. Иванов интенсивирует подготовку к печати своей латинской диссертации, одобренной в Берлинском университете, но там не защищенной. В этом контексте весьма существенна фраза в приведенном выше письме Н. П. Раева А. А. Мусину-Пушкину от 19 января 1910 года о том, что «г-н Иванов уже изготовил научный труд на латинском языке, который намерен представить для получения ученой степени».

Как явствует из вышеприведенных документов, главную роль при вынесении решения о допуске Вяч. Иванова к преподаванию сыграло письмо Зелинского, направленное министру просвещения. Мне удалось разыскать его в Российском государственном историческом архиве, в деле, объединяющем самые различные документы, касающиеся частных курсов по всей империи и о назначении преподавателей для них.²² Сознвая длительность возможных проволочек, Зелинский уже после того, как был получен отказ от попечителя, датированный 23 января 1910 года, добился встречи с товарищем министра Г. К. Ульяновым (узнаем об этом из публикуемого ниже письма) и по его совету в самом начале февраля 1910 года обратился к министру просвещения с развернутым письмом²³ в поддержку Вячеслава Иванова. Оно вносит яркий штрих в скудную картину наших знаний о раннем периоде знакомства поэта с Зелинским.²⁴ Привожу текст письма по автографу,²⁵ снабдив его необходимыми примечаниями:

Его Высокопревосходительству
Г-ну Министру Народного Просвещения

Два месяца тому назад на Высших Женских Историко-Литературных курсах Н. П. Раева, вследствие скоропостижной смерти И. Ф. Анненского, стала вакантной кафедра античной словесности. Как представитель смежной кафедры античной (греческой) истории и ближайший сподвижник покойного, я счел своим прямым долгом предложить кандидата в заместители

²² Об учреждении частных курсов и переписка о назначении преподавателей. 10 февраля 1910 г.—3 апр. 1911 г. // РГИА. Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 154. Ед. хр. 688.

²³ Письмо поступило в Департамент народного просвещения 4 февраля, именно этим числом датирована помета: «вниманию Его Пр. Г. К. Ульянова»; ниже следует несколько штампов, документирующих движение письма Зелинского на стол товарища министра народного просвещения: 5, 6 и 8 февраля 1910 года.

²⁴ Зелинский не без самоиронии описывает то, как он впервые обратил на себя внимание поэта — во время лекции Вячеслава Иванова в 1905 году под ним сломался стул и он рухнул на землю (Зелинский Ф. Ф. Вячеслав Иванов // Русская литература XX века (1890—1910) / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1916. Т. 3. Кн. 8. С. 100). Далее в этой статье Зелинский все свое внимание обращает на литературное творчество поэта, не касаясь истории своей дружбы с ним. Проанализированы и опубликованы лишь письма Зелинского Вяч. Иванову эмигрантского периода (см.: Тахо-Годи Е. А. Великие и неизвестные: очерки по русской литературе и культуре XIX—XX вв. СПб., 2008. С. 295—393). Письма Вяч. Иванова к Зелинскому погибли вместе со всем архивом последнего в начале Второй мировой войны.

²⁵ РГИА. Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 154. Ед. хр. 688. Л. 7—8 об.

ему. Требовался человек не только знающий, но и занимающийся античностью и в то же время обладающий даром хорошо и увлекательно излагать свои мысли; последнее — в виду особого характера аудитории, молодых девиц очень дружелюбно настроенных к античности, но в то же время не настолько еще окрепших в своем суждении, чтоб сохранить эту любовь и при шероховатом и отпугивающем изложении. После долгих размышлений и переговоров со своими товарищами по университетской кафедре я пришел к убеждению, что единственным возможным кандидатом будет известный в С.-Петербурге писатель Вяч. Ив. Иванов. Совет профессоров в заседании 23-го сего января единогласно избрал г. Иванова лектором античной словесности. В виду спешности дела кандидатура г. Иванова была в ближайший срок через г. Попечителя представлена на утверждение Вашего Высокопревосходительства, но, к сожалению, безуспешно.

В виду важности вопроса для постановки античности вообще на курсах Н. П. Раева я решаюсь вторично после личных переговоров с Его Превосходительством г-ном Товарищем Министра и по его указанию обратиться к Вашему Высокопревосходительству с почтительнейшим ходатайством об утверждении г. Иванова, и имею честь привести в его пользу нижеследующие соображения.

Насколько мне известно, единственной причиной отказа в утверждении г. Иванова было отсутствие у него формального ценза. Действительно, г. Иванов виноват перед самим собою в том, что в дни своей юности, относясь к науке с увлечением пламенного неопита, а не с рассудительностью думающего о своей карьере человека, он пренебрег завершить свое богатое университетское образование (в Москве и в Берлине, где знаменитый Гиршфельд считал его своим лучшим учеником)²⁶ приобретением формального диплома или степени. За это легкомыслие он и был наказан тем, что вот уже 20 лет лишен возможности применить свои обширные знания на ниве родного просвещения. Но если даже Университет имеет право приглашать в состав своей приват-доцентуры лиц, обладающих не формальным, но *реальным* цензом, то тем более это право должно быть признано за частным учебным заведением, каким являются курсы Н. П. Раева.

Реальный же ценз г. Иванова такой, что он с избытком покрывает обусловленный отсутствием формального диплома изъян. Здесь на первом месте должно быть поставлено его глубокое понимание античной поэзии и античности вообще; оно известно его знакомым, имевшим случай говорить с ним на эту тему; оно просвечивает и в его поэтическом творчестве, поскольку оно имело объектом античность (укажу в особенности на его трагедию «Тантал»),²⁷ а равно в ряде его прозаических статей; в нем свидетельствует и ряд его виртуозных переводов из античных поэтов (Пиндара, Вакхилида,

²⁶ Гиршфельд Отто (1843—1922) — немецкий историк; специалист в области истории Рима и эпиграфики; с 1885 года профессор древней истории в Берлинском университете. Хотя обучение у Т. Моммзена, в 1885 году прекратившего преподавать и передавшего кафедру Гиршфельду, является одним из краеугольных камней автобиографического мифа Вяч. Иванова, документально установлено, что именно Гиршфельд был непосредственным научным руководителем поэта в немецкие годы (см. подробнее: *Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент Берлинского университета // *Cahiers du Monde russe*. Paris, 1994. Vol. XXXV. № 1—2. P. 353—376). Этого мнения, как мы видим, придерживался и Зелинский. Ср. также рассказ о «проделках Моммзена» в письме Вяч. Иванова Зиновьевой-Аннибал от 25 декабря 1896 года (6 января 1897 года): *Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия*. Переписка: 1894—1903 / Подгот. текста Д. О. Солодкой и Н. А. Богомолова при участии М. Вахтеля; вступ. статья М. Вахтеля и Н. А. Богомолова; комм. Н. А. Богомолова и М. Вахтеля при участии Д. О. Солодкой. М., 2009. Т. 1. С. 514—518.

²⁷ *Иванов Вяч.* Тантал // Северные цветы ассирийские: альманах IV книгоиздательства «Скорпион». М., 1905. С. 197—245.

Горация).²⁸ Непосредственно ученого содержания обе его крупные работы. Одна на русском языке под заглавием «Религия страдающего бога» (т. е. Диониса), выходящая ныне вторым изданием.²⁹ Это — добросовестное исследование, сделанное, разумеется, по первоисточникам, но и с солидным знанием новейшей специальной литературы, и объединенное оригинальным синтетическим взглядом, о котором гласит заглавие. Другая — на латинском языке с загл(авием) «*de publicanorum societatibus*».³⁰ Будучи прочитана в рукописи известным нашим специалистом М. И. Ростовцевым,³¹ она по его рекомендации печатается в «Известиях Императорского Археологического Общества» и в скором времени должна выйти.³² Я сам читал корректурные листы и могу засвидетельствовать, что по содержанию это действительно (с чем согласен и проф. Ростовцев) лучшая в настоящее время работа в этой области и что она написана, сверх того, очень хорошей и корректной латынью.

Свои лекторские способности г. Иванов проявил в достаточной степени в своих публичных лекциях, которые всегда в большом количестве посещаются публикой; есть таким образом полное основание ожидать, что он и в этом отношении окажется на высоте своего положения. На том заседании Совета профессоров, на котором г. Иванов был избран, его кандидатуру с особым жаром поддержал проф. всеобщей литературы Н. А. Котляревский,³³ указывая на то, что благодаря широкому и всестороннему образованию г. Иванова можно ожидать, что он подымет свой предмет на надлежащую всемирно-историческую высоту.

²⁸ Несложно указать, что за переводы первых двух из названных поэтов имеются в виду: «Первая Пифийская ода» Пиндара, опубликованная в 1899 году в «Журнале Министерства народного просвещения» (Ч. 324. Авг. С. 49—56 (4-я пагинация)); дифирамб Ваххилида «Тезей», включенный автором во вторую книгу лирики «Прозрачность» (М., 1904. С. 167—171). В печати к тому времени появился всего лишь один фрагмент из послания Горация к Квинтию (Epist. I, 16) в переводе поэта в кн.: Греес И. М. Очерки по истории римского землевладения. СПб., 1899. Т. 1. С. 97.

²⁹ Курс лекций Вяч. Иванова, прочитанный в парижской Высшей школе общественных наук в 1903 году, печатался сначала под названием «Эллинская религия страдающего бога» в журнале «Новый путь» в 1904 году (№ 1—3, 5, 8—9), а затем, в 1905 году, под названием «Религия Диониса. Ее происхождение и влияния» в «Вопросах жизни» (№ 1—2). Отдельное издание книги, неоднократно анонсировавшееся в 1910-х годах, в свет не вышло (тираж подготовленного издания погиб — сгорел при пожаре).

³⁰ Об обществах публиканов (лат.).

³¹ Ростовцев Михаил Иванович (1870—1952) — выдающийся историк-антиковед; в 1901—1918 годах — профессор Петербургского университета; в 1925—1944 годах — профессор Йельского университета (Нью-Хейвен). О его научных и дружеских контактах с Вяч. Ивановым см. подробно: Бонгард-Левин Г. М., Вахтель М., Зуев В. Ю. Михаил Иванович Ростовцев и Вячеслав Иванович Иванов (Новые материалы) // Вестник древней истории. 1993. № 4. С. 210—221; републиковано в кн.: Скифский роман / Под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 248—258.

³² Именно Ростовцев был настоящим сторонником публикации диссертации Вяч. Иванова, к чему сам поэт относился не особенно рьяно. В письме к Гиршфельду от 14/1 марта 1906 года он просил о пересылке ему диссертации из Берлина в Петербург, упоминая Ростовцева как инициатора напечатания (*Wachtel M. Op. cit. P. 373*). Как можно убедиться из дневников поэта, переговоры о передаче диссертации в набор велелись в течение 1906 года, а в начале 1907 года существовала ее корректура, которую после настоятельных напоминаний Иванов вычитал в конце 1909 года и в апреле года следующего снабдил разделом «Addenda», после чего диссертация наконец вышла в свет: *Ivanov V. De societatibus vectigalium publicorum populi Romani: Общества государственных откупов в римской республике (Ottoni Hirschfeldio: magistro)*. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. [7]. 132 с. (Записки Классического отд. Русского археологического о-ва. Т. VI).

³³ Котляревский Нестор Александрович (1863—1925) — литературовед; первый директор Пушкинского Дома (с 1910); академик Российской АН (с 1917). Дружеские отношения ученого и его жены, актрисы Александринского театра, с семьей Вяч. Иванова в 1900-е годы установились, видимо, через М. М. Замятнину, с которой Котляревский был знаком еще с начала 1890-х годов (см. его раннюю переписку с Замятниной: РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 60; Карт. 27. Ед. хр. 88).

Если к этому прибавить, что вследствие бедности научных сил, которыми у нас располагает классическая филология, г. Иванов действительно является единственным кандидатом на означенную должность, то его устранение от дела преподавания покажется еще менее соответствующим интересам науки об античности и ее насаждения в России. Г. Иванов ни с кем не конкурирует, никому не стоит поперек дороги: он только заполняет пробел, который кроме него заполнить некому.

Проф. Ф. Зелинский

Как было показано выше, Ф. Ф. Зелинский приложил максимум усилий для того, чтобы Вяч. Иванов возможно скорее включился в преподавание на курсах Раева. И действительно, если бы соответствующее решение было принято хотя бы в течение февраля 1910 года, то Вяч. Иванов имел бы шанс прочесть некоторое число лекций, и курс по античной литературе, начатый Анненским, состоялся бы. Однако бюрократические проволочки и то, что разрешение было дано уже в мае, привели к тому, что выступить в новом качестве Вяч. Иванов смог только осенью 1910 года.

Об условиях, на которых осуществлялось преподавание, можно узнать из следующего официального письма директора курсов к поэту:

22 мая 1910 г.

Милостивый государь Вячеслав Иванович.

Вследствие представления моего и согласно избранию Совета профессоров господин попечитель С.-Петербургского учебного округа утвердил Вас преподавателем учрежденных мною Высших женских историко-литературных и юридических курсов по кафедре античной литературы с 1 сентября сего года.

Сообщая об этом, имею честь уведомить, что по античной литературе положено 2 лекции в неделю, с гонораром по 250 руб. за годовой час.

Для определения времени Ваших лекций, покорнейше прошу Вас пожаловать на Курсы (Гороховая, 20) в один из вторников от 11 до 2 час(ов) дня.

Примите уверение в истинном почтении и преданности.

Н. Раев³⁴

Преподавание Вяч. Иванова на курсах Раева, таким образом, продлилось два учебных года. 19 мая 1912 года поэт в сопровождении В. К. Шварсалон покинул Петербург, а вскоре и Россию — 17 июля 1912 года в городке Невель на французской стороне Женевского озера у них родился сын Димитрий. Примерно через год в Ливорно, в той же греческой церкви, где в 1899 году был заключен брак с Зиновьевой-Аннибал, состоялось венчание поэта с его падчерицей; здесь же был крещен их сын.³⁵

³⁴ РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 42. Л. 1—1об. В следующем письме, от 16 сентября 1910 года, сохранившемся в этом деле, секретарь курсов извещал В. И. Иванова об исполнении просьбы поэта: расписание было изменено и он стал читать лекции не с 10 до 12 часов по понедельникам, как предполагалось сначала, но с 12 до 14 (Там же. Л. 3). Остальные письма здесь касаются времени сдачи текущих экзаменов.

³⁵ В. Блинов датирует брак летом 1913 года в своей летописи жизни поэта (Poet, Critic and Philosopher. Edited by Robert Louis Jackson and Lowry Nelson Jr. New Haven, 1986. P. 448). В том же убеждают дневники и письма Евгении Герцук, отправившейся в Италию в марте 1913 года, чтобы помочь поэту организовать венчание с В. К. Шварсалон и крещение Димитрия (Герцук Е. К. Лики и образы / Под ред., сост. и комм. Т. Н. Жуковской. М., 2007. С. 12, 820 et passim; Сестры Герцук. Письма. СПб.; М., 2002. С. 638). Н. В. Котрелев полагает, что эти события произошли тремя годами ранее: «брак И(ванова) с падчерицей совершился в 1910, также за границей у греч. священника» (Православная энциклопедия. М., 2009. Т. XX. С. 648; ср.: Русские писатели: 1800—1917. М., 1992. Т. 2. С. 374). В действительности, летом 1910 года, во вре-

В силу этих личных обстоятельств Вяч. Иванову предпочтительнее было остаться за границей. И хотя, покидая Петербург в 1912 году, поэт первоначально предполагал вернуться в северную столицу к началу осеннего семестра, представившаяся возможность за неплохой гонорар заняться переводами греческих лириков для антологии В. О. Нилендера, а также Эсхилом, а затем благодаря поддержке М. В. Сабашникова отдать все силы подготовке увлекшего его полного перевода лирики Алкея и Сапфо,³⁶ привела к тому, что Вяч. Иванов до осени 1913 года задержался в Италии, откуда вернулся уже не в Петербург, но в Москву.³⁷

Но вернемся к пласту архивных документов, проливающим свет уже не на трудоустройство, а на то, как происходило преподавание Вяч. Иванова на курсах. В фонде Петербургского учебного округа их крайне мало — так, к письму Н. П. Раева А. А. Мусину-Пушкину от 10 марта 1912 года приложено «Расписание лекций и практических занятий на Санкт-Петербургских историко-литературных и юридических высших женских курсах». Из него явствует, что античной словесности уделялось в общей сложности четыре часа в неделю на первом курсе и столько же на втором. Половина времени приходилась на лекции, половина — на практические занятия. В числе преподавателей указан «по античной литературе Иванов Вячеслав Иванович», православного вероисповедания (в столбце «образовательный ценз» — пропуск; в графе о месте государственной службы — «не состоит»). Сходный документ находится в деле Департамента народного просвещения, посвященного курсам Раева: это брошюра «Обзорение преподавания наук на Историко-литературных Высших Женских Курсах в С. Петербурге. 1913—1914 год»,³⁸ отпечатанная в типографии Ю. А. Мансфельда в Петербурге (ул. Гоголя, 8). Очевидно, что администрация курсов рассчитывала еще на преподавание Вяч. Иванова в этом учебном году, расположив под № 11 на с. 6 следующую информацию об одном из преподававшихся на курсах предметов:

«Античная литература. В. И. Иванов. Греческая литература. Римская литература. 3 часа.

Пособия: Круазе. Руководство по истории греческой литературы. Магаффи. История греческой литературы. Корш. Всеобщая история литературы под редакцией Корша-Кирпичникова. История греческой литературы 2 ч. т. I».³⁹

мя пребывания в Италии, между поэтом и В. К. Шварсалон возникла интимная близость, брак был заключен три года спустя.

³⁶ Об обстоятельствах этого сотрудничества см. прежде всего: *Котрелев Н. В.* Материалы к истории серии «Памятники мировой литературы» издательства М. и С. Сабашниковых (переводы Вяч. Иванова из древнегреческих лириков, Эсхила, Петrarки) // Книга в системе международных культурных связей. М., 1990. С. 127—150.

³⁷ Окончательное прекращение деловых отношений с курсами Раева датируется благодаря письму М. М. Замятинной к Л. В. Ивановой от 3/16 мая 1913 года из Рима: «Вчера Вячеслав написал Раеву о своей отставке с его курсов. Таким образом, вопрос с Петербургом окончательно этим к(а)к бы решен. Отправив письмо Раеву и декану Середонину, Вячеслав свободно вздохнул, а то последние дни все были в нерешительности и обдумывании окончательном» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 52. Л. 44 об.). Выражаю искреннюю признательность А. Л. Соболеву за сообщение этой цитаты.

³⁸ Санкт-Петербургские Высшие женские историко-литературные и юридические курсы д. с. с. Раева // Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 155. Ед. хр. 655. Л. 7—11 об.

³⁹ Об изданиях: *Круазе А. и М.* История греческой литературы. Руководство для учащихся и для самообразования / Пер. с 7-го франц. изд. В. С. Елисейевой; Под ред. и с предисл. С. А. Желелева. СПб., 1912 (в 1907 году в Москве вышла ч. I в переводе С. И. Радцига); *Магаффи Д. П.* История классического периода греческой литературы / Пер. А. Веселовской. М., 1882—1883. Т. 1—2; Всеобщая история литературы: Сост. по источникам и новейшим исследованиям при участии русских ученых и литераторов / Начата под ред. В. Ф. Корша, окончена под ред. проф. А. И. Кирпичникова. СПб., 1881. Т. I. Ч. 2: История греческой литературы. Ср. перечень пособий, рекомендованных Анненским слушательницам курса 1908—1909 годов: *Анненский И. Ф.* История античной драмы: Курс лекций. С. 294.

Находим Вяч. Иванова и в общем списке преподавателей раевских курсов, приведенном в брошюре.⁴⁰

Из фонда 52 (курсов Н. П. Раева) в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга можно почерпнуть весьма мало информации. В любом случае будущие составители подробной летописи жизни поэта не обойдут вниманием его автографы в ведомостях о приеме экзаменов по античной литературе: в 1911 году — 15 января, 2, 11 и 24 мая; а также в следующем 1912 году — 13 и 16 января, 16, 18 и 20 апреля.⁴¹ Пожалуй, имеет смысл отметить, что в 1911 году в ведомостях фигурирует общий предмет «античная литература», а в 1912 году в них поясняется, что именно сдавалось — греческая или римская литература.

На этом фоне скудости источников определенный интерес приобретает следующая письмо к Вяч. Иванову от 31 октября 1911 года от одной из его слушательниц Валентины Васильевны Загоскиной,⁴² из которого узнаем, что поэт умел увлечь своих слушательниц (и в этом отношении вполне оправдал ожидания Зелинского), а кроме того, обильно цитировал в аудитории стихи античных поэтов в собственных переводах:

31 октября

Простите, ради Бога, Вячеслав Иванович, что я осмелилась Вам написать, не будучи с Вами знакома! Я не знаю как Вы отнесетесь к моей, быть может, нелепой просьбе! Я очень люблю поэзию. Сегодня у нас на лекции (я слушательница курсов Раева) Вы читали такие прелестные стихи, что не могу удержаться от искушения попросить Вас дать мне списать эти отрывки или скажите, чей перевод и где его достать. Я буду Вам глубоко благодарна!

Вот как начинается один отрывок:

«Юноши! Стойте вплотную в бою...»,

а в конце есть такая фраза:

«Шагом широким ступив, пусть зубы стиснет!»

⁴⁰ Ввиду редкости брошюры имеет смысл процитировать этот список целиком: 1. Богословие. Проф. свящ. К. М. Аггеев. 2. Философия. Проф. А. И. Введенский. 3. Общее и сравнительное языковедение. Проф. Л. Щерба. 4. Всеобщая литература. Проф. Ф. А. Браун. 5. Всеобщая литература. Проф. Н. А. Котляревский. 6. Русский язык. Проф. Н. М. Каринский. 7. Русская литература. Проф. В. В. Сиповский. 8. Введение в славяноведение. Проф. Н. В. Ястребов. 9. История славянских народов. Проф. Н. В. Ястребов. 10. Литература славян и польский язык. Проф. П. А. Кулаковский. 11. Античная литература. В. И. Иванов. 12. Сравнительная грамматика индо-европейских языков. М. Г. Фасмер. 13. Русская история. Проф. С. М. Середонин. 14. Всеобщая история. Проф. Э. Д. Гримм. 15. История средних веков. Проф. Л. П. Карсавин. 16. История Греции. Проф. Ф. Ф. Зелинский. 17. История Рима. Проф. П. П. Митрофанов. 18. История искусств. Проф. Б. В. Фармаковский. 19. История Византии. Проф. А. И. Дьяконов. 20. История церкви. Проф. И. Д. Андреев. 21. История древнего Востока. Проф. К. В. Хилинский. 22. Методология истории. Проф. Л. П. Карсавин. 23. Методика истории. Я. Л. Барсков. 24. Педагогика. Н. С. Карцев. 25. Методика отечественного языка и словесности. Н. С. Карцев. 26. Латинский язык. В. И. Протасов. 27. Латинский автор. Проф. Зелинский. 28. Греческий язык. С. Цибульский. 29. Английский язык. М. Бёрнес. 30. Немецкий язык. Ф. Ф. Грот. 31. Французский язык. Л. П. Милицына.

⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 52. Оп. 3. Ед. хр. 52. Л. 1; Ед. хр. 6. Л. 1—7; Ед. хр. 8. Л. 52—54. В одном из дел имеется обширное письмо В. И. Иванова администрации курсов от 27 октября 1915 года, удостоверяющее, что весной 1912 года он принял экзамен по греческой литературе у слушательницы С. К. Москвиной. Почти идентичный вариант этого письма сохранился в ИРЛИ (Ф. 607. Ед. хр. 240).

⁴² Биографические данные об этой дочери бедного красноярского чиновника содержатся в ее личном деле: ЦГИА СПб. Ф. 52. Оп. 3. Ед. хр. 29 (по алфавиту учащихся, пагинация отсутствует).

Я успела записать только отдельные фразы.
Начало другого отрывка:

«Что наша жизнь, что наше счастье!»

«Сколько ждет нас в грядущем до смертного часа кручины».

Я хотела Вас лично попросить, чтоб Вы мне одолжили листки с этими отрывками, но не успела за Вами. Быть может, Вы мне ответите по почте. Адрес мой: Здесь. Главный Почтамт. До востребования. Валентине Васильевне Загоскиной.

Или Вы дадите мне в пятницу эти листки. Я спишу и возвращу Вам в целости.

Мне жаль, что не пришлось принять участие в ваших практических занятиях. У нас в эти часы всеобщая литература.

Думаю, на будущий год мне это удастся сделать.

Простите, Вячеслав Иванович, что я Вас беспокою.

В. Загоскина⁴³

Мы знаем, с каким вниманием Вяч. Иванов неизменно относился к своим ученикам, поэтому и в этот раз, думается, он пошел навстречу своей слушательнице и как-то удовлетворил ее пожелания. К сожалению, передача Загоскиной услышанных стихов неточна: из всех фрагментов бесспорной идентификации поддается лишь последний гекзаметр — это стих из элегии Мимнерма, который был опубликован 28 лет спустя.⁴⁴

Предпринятый выше обзор преподавательской деятельности Вяч. Иванова на курсах Н. П. Раева основан главным образом на официальных документах и на свидетельствах других лиц. Однако в архивных фондах поэта — хотя и далеко не полностью — сохранились подготовительные материалы к лекциям в этом учебном заведении. Их рассмотрение — тема отдельной будущей работы.

⁴³ Загоскина В. В. Письмо к В. И. Иванову от 31 октября 1911 г. С.-Петербург // РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 5. Л. 1—3. Известный интерес для характеристики педагогических талантов Вяч. Иванова представляет письмо к нему студентки Лидии Семеновны Иов (Иоф), написанное 2 декабря 1911 года в Доме предварительного заключения на Шпалерной ул. (видимо, за участие в революционной борьбе). Под влиянием беседы с ним ей очень захотелось «познаваться философией, а экон(омические) науки отложить пока на время» (Там же. Карт. 26. Ед. хр. 60. Л. 2). См. также черновое удостоверение о принятии В. И. Ивановым экзамена по греческой словесности у этой студентки (Там же. Карт. 8. Ед. хр. 36). Биографические данные об Л. С. Иов находим в ее деле в фонде курсов: ЦГИА СПб. Ф. 52. Оп. 1. Ед. хр. 32 (по алфавиту учащихся, пагинация отсутствует).

⁴⁴ Мимнерм. К Нанно («Вдруг распускаемся мы, как листва под весенним дыханьем...») // Нилендер В. О. Греческая литература в избранных переводах. М., 1939. С. 91. Первые два отрывка, цитируемые Загоскиной, по всей видимости, «восходят» к Тиртею. Ср. в переводе В. В. Латышева: «Юноши, бейтесь же, стоя рядами, не будьте примером...» и «Так как потомки вы все необорного в битвах Иракла...» (Латышев В. В. На досуге. СПб., 1898. С. 1—3). Второе из стихотворений перепечатано под названием «Увещание» в кн.: Нилендер В. О. Греческая литература... С. 85—86. Третий стих, по-видимому, также принадлежит Мимнерму. По нумерации М. Л. Веста, принятой в издании «Iambi et Elegi Graeci ante Alexandrum cantati» (Ed. M. L. West. Oxonii, 1971—1972. Vol. 1—2; 2nd rev. ed. 1989—1992), это следующие тексты: Tyrtæus: 10 v. 15; 11 v. 22; Mimnermus: 1 v. 1; 2 v. 11. Выражаю благодарность С. А. Завьялову за указания, связанные с идентификацией фрагментов.

ПЯТАЯ СТРОФА ВТОРОЙ КАНЦОНЫ «ПИРШЕСТВА» ДАНТЕ В ПЕРЕВОДЕ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

(ПУБЛИКАЦИЯ ©АНДРЕЯ ШИШКИНА (Италия))

Проект перевода Вяч. Ивановым «Пиршества» Данте относится к 1913—1914 годам. Предполагалось, что три канцоны, с которых начинаются II, III и IV трактаты, переведет Вяч. Иванов, а прозаическую часть — В. Ф. Эрн, печатать полный текст друзья собирались в серии «Памятники мировой литературы» М. и С. Сабашниковых. Начало работы датируется по письму В. Ф. Эрна к Е. Д. Векиловой от 17 мая 1914 года: «Вячеслав вчера начал переводить первую канцону мастерски и удивительно, и мы с ним вполне разобрались в ее тонкостях».¹ Эрн перевел два первых трактата.² Поэтическое переложение первой канцоны ранее издала Памела Дэвидсон,³ а второй канцоны — без последней, пятой строфы — Дим. В. Иванов и А. Б. Шишкин.⁴

В Рукописном отделе Пушкинского Дома (Ф. 94 (Архив В. Н. Княжни-на). № 54) обнаружилось письмо Вяч. Иванова к Эрну от 21 мая 1915 года (в описи оно ошибочно идентифицировано как адресованное Княжнину), которое содержит пятую строфу второй канцоны. Письмо это начинается словами: «Милый Володя, начал я и последнюю канцону, которую пришлю по изготовлении вместе с исправленной первой». Следовательно, не исключено обнаружение и ивановского перевода третьей канцоны «Пиршества».

О Песнь! Другой Ты, мнится, прекословишь,
Сестре своей — той Песни, что надменной
Зовет Жену, Ее же столь смиренной,
Столь кроткою живописала Ты?
Что в том? Ты все ж не ложно славословишь
Лазурный свод, в сиянье неизменный
Хоть в солнце взор и немощный, и пленный
Готов признать источник темноты.
Затмилися небесные черты
Когда ты Песнь женой высокомерной
Обман души недужной отражала.
Зане душа дрожала
Пред ней; и ныне трепет суеверный
В Ее соседстве дух объемлет мой...
Вот, если спросят, твой неллицемерный
Ответ! Иди же с речью к Ней прямой.
«Когда тебе я, Госпожа, по нраву,
Всех совершенств Твоих скажу я славу!»

¹ Цит. по: Кейдан В. По усмотрению искусства: Данте в переводе В. Ф. Эрна и Вяч. Иванова // *Europa Orientalis*. 2003. Vol. XXII. 1. P. 224.

² Теперь они опубликованы В. Кейданом (см.: Там же. P. 233—293).

³ *Oxford Slavonic papers. New Series*. 1982. Vol. 15. P. 128—129.

⁴ *Новое литературное обозрение*. 1994. № 10. С. 13—14.

© Е. А. БУСЫГИНА

О ПЕРЕВОДЕ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА ИЗ АННИ ВИВАНТИ

При просмотре газетных вырезок в фонде Вяч. Иванова в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве мое внимание привлекли объявления об участии поэта в сборнике, посвященном бельгийскому королю Альберту. Идентичный текст поместили в июне 1915 года по крайней мере три российские газеты («Киевская мысль» от 9 июня; «День» от 4 июня; «Южная мысль» от 11 июня): «Вышла в свет в издании книгоиздательства Валентина Португалова нашумевшая в Европе „Книга Короля Альберта“. Издание воспроизведено с соблюдением всех деталей английского — в книге 200 автографов лиц, поместивших свои статьи, и около 80 рисунков на отдельных листах и нот. Стихи в книге в переводах К. Бальмонта, В. Брюсова, Вяч. Иванова, В. Тардова и др.

Издание нумеровано, каждый экземпляр снабжен удостоверением с собственноручной надписью бельгийского консула о получении отчисления в пользу Бельгии».¹

Информация об участии Вяч. Иванова в этой книге отсутствует как в библиографиях, посвященных поэту, так и в картотеке А. Д. Умикян, где учтен основной массив переводов из Анни Виванти — именно ее стихотворение перевел русский поэт для московского издателя Валентина Платоновича Португалова.

Но сначала остановимся на личности короля Альберта I. Бельгийский король Альберт I (Альберт Леопольд Клемент Мари Мейнрад) родился 8 апреля 1875 года в Брюсселе в семье графа Филиппа Фландрского, младшего брата короля Бельгии Леопольда II. Альберт стал королем 23 декабря 1909 года после смерти его дяди Леопольда II, не имевшего потомков мужского пола. Он был очень популярен как монарх с самого начала правления благодаря своим человеческим качествам. Избегал роскоши двора, любил принимать гостей, много путешествовал, пользовался доброй славой как хороший семьянин. Король хорошо зарекомендовал себя в области внутренней политики: в его правление были приняты закон об обязательной военной службе, закон о всеобщем школьном образовании, продолжительность которого была увеличена до 14 лет.

Наибольшую известность Альберт I приобрел во время Первой мировой войны. Как известно, боевые действия на Западном фронте между двумя коалициями европейских держав начались в августе 1914 года вторжением германских войск в Люксембург и Бельгию. Уступая превосходящим силам противника, бельгийский король и его армия были вынуждены отступить и оставить Брюссель. Оказав упорное сопротивление немецким войскам, бельгийцы дали возможность Англии и Франции подготовиться к сражению на Марне; до самого конца войны им удавалось удерживать плацдарм на своей территории.

Для нашего сюжета немаловажно отметить, что 5 сентября 1914 года российский император Николай II пожаловал Альберту I орден св. Георгия 4-й степени, а в ноябре 1914 года — 3-ю степень этого ордена. В конце войны Альберт участвовал в освобождении территории своей страны от оккупантов и вошел в Брюссель как герой.²

¹ РГБ. Ф. 109. Карг. 52. Ед. хр. 1. Л. 141, 147, 154.

² После окончания Первой мировой войны Альберт внес большой вклад в восстановление страны и продолжал считаться национальным героем. Он был страстным альпинистом и погиб

Слава Альберта I — «короля-солдата» и «короля-рыцаря» — во всех странах Антанты, включая Россию, была очень велика. В 1914 году английские писатели и поэты издали сборник «Книга короля Альберта»,³ посвященный королю и народу Бельгии. В предисловии к ней один из составителей, английский писатель Хол Кэн, писал: «⟨...⟩ ближайшая задача издания состоит в том, чтобы дать возможность кругу выдающихся представителей цивилизованного мира непосредственно и от своего имени принести дань восхищения Бельгии, ее героическому и достопамятному участию в войне, от которой конвульсивно содрогается вся Европа, и вместе с тем во всех пробудить симпатии к маленькой рыцарской нации, очутившейся теперь в столь глубоко несчастном положении. В частности, эта „Книга” должна служить выражением симпатии к королю бельгийцев, делившему со своими воинами страдания траншейной жизни, одинаково мужественному и в совещаниях с своими министрами и на полях битв перед неумолимым и превосходящим врагом».⁴

Авторами «Книги» стали: деятели церкви (архиепископ Кентерберийский, архиепископ Йоркский, Лиман Эббот, архиепископ Парижа), науки (Уильям Рамзэй, Гилберт Мэррэй, Уильям Крукс, Оливер Лодж, Джозеф Лармор, Фридрих Гаррисон, Норман Локьер), литературы (Гилберт Паркер, Эдвард Карпентер, Генрик Сенкевич, Уильям Локк, Уинстон Черчилль, Арнольд Беннет, Бенжамен Кидд, Джек Лондон, У. К. Клиффорд, Эллен Кэй, Артур Пинеро, Джон Голсуорси), искусства (У. Б. Ричмонд, Роджинальд Б. Бретт 2-й виконт Эшер, Чарльз Лукас, Эдвард Д. Пойнтер, Игнаций Я. Падеревский, Флоренс Л. Барклай, Джулио Аристиде Сарторио), сцены (Герберт Три, Сара Бернар, Эрmete Новелли, Томмазо Сальвини), политики (Артур Бальфур, Поль Камбон, Джозеф Чозт, Уильям Тафт, Эдуард Грей, Джон Редмонд) и др.

Англия представлена в основном политиками; Франция — знаменитыми писателями (Анатоль Франс, Ромен Роллан и другие). Куда малочисленнее участники из Италии, Испании, Америки. В книге был и русский отдел, в котором выступили: А. И. Куприн, Д. С. Мережковский, проф. Д. Н. Анучин, проф. П. Г. Виноградов, М. И. Туган-Барановский, русский посол в Лондоне граф А. К. Бенкендорф.

Несмотря на связь «Книги короля Альберта» с определенным историческим моментом, эта книга по сей день вызывает интерес, о чем свидетельствуют ее недавние переиздания.⁵

В 1915 году в журнале «Северные записки»⁶ была помещена статья с обзором «Книги короля Альберта», а также выдержки из нее, наиболее любопытные с точки зрения редакции. В их число вошли высказывания Эдуарда

во время восхождения на одну из вершин в Арденнах близ Марш-ле-Дам 17 февраля 1934 года в возрасте 58 лет.

³ Было два издания «Книги короля Альберта» на английском языке: 1) King Albert's book: a tribute to the Belgian king and people from representative men and women throughout the world / [Ed. by] William Dean Howells, Sir Hall Caine. New York: Hearst's International Library Co, 1914. 188 p.; 2) King Albert's book: a tribute to the Belgian king and people from representative men and women throughout the world. London: Daily Telegraph, 1915. 172 p. Также в Англии вышло в свет сокращенное издание на французском языке: Le Livre du Roi Albert: Hommages de reconnaissance au peuple belge et à son roi par l'élite des nations. Extraits. Londres: Daily Telegraph, 1915. 30 s.

⁴ Цит. по: М. Б. Страницы из «Книги короля Альберта» // Северные записки. 1915. № 2. С. 171.

⁵ King Albert's Book: A Tribute to the Belgian King and People from Representative Men and Women Throughout the World. G. K. Chesterton. Pendleton: Orchard Press, 2008. 236 p.; King Albert's Book. 2010. 246 p.

⁶ М. Б. Страницы из «Книги короля Альберта». С. 171—181.

Грея, Дэвида Ллойда Джорджа, Уинстона Черчилля, Уильяма Тафта, Уильяма Рамзэя, Джозефа Оливера Лоджа, Бенжамена Кидда, Эндрю Карнеги, Сиднея Уэбба, Фритьофа Нансена, Джозефа Германа Герца, Ромена Роллана, Анри Бергсона, Роберто Бракко, Джека Лондона.

Общественный интерес и сочувствие к бельгийскому королю и его народу выразились в том, что в 1915 году в России «Книга короля Альберта» вышла в четырех различных изданиях.⁷ Ее вариант, появившийся в издательстве «Труд», был наименьшим по объему и, видимо, восходил к изданию на французском языке. В издательстве «Идея» «Книга» была опубликована дважды: несмотря на несовпадающее количество страниц, содержание их идентично; в качестве переводчиков были привлечены наиболее значительные литераторы. От издательства был включен русский отдел, где помещены статья Л. Андреева и стихотворения И. Северянина, Ф. Сологуба, А. Блока, З. Гиппиус. Поэтический раздел выделен отдельно от прозаического.

В отличие от ранее перечисленных изданий «Книга короля Альберта», вышедшая в свет у В. П. Португалова, — наиболее объемна (в общей сложности 334 страницы) и воспроизводит все особенности английского сборника 1914 года. О причинах, побудивших взяться за столь внушительное предприятие, сообщалось в издательском предисловии: «Цель этой книги выразить от лица всего мира благодарность Бельгии за ее беспримерный героизм и сочувствие в тех страданиях, которым она подверглась, исполняя возвышенный долг защиты нашей общей свободы. Кроме того, книга эта посвящается Королю Бельгийцев, который, с первого до последнего момента героической борьбы Бельгии, своей мудростью в совете и отвагой на поле битвы поддерживал то истинное достоинство монарха, которое создает единение народа и трона. (...) Никогда еще, пожалуй, до сих пор не было собрано в одной книге столько славных имен. Но значение „Книги Короля Альберта“ выше, чем ее содержание. Из бури битв возродился дух братства, призывающий отдельные разбросанные части человечества к объединению одной мыслью, одним чувством, одной целью».⁸

Как указано выше, Вяч. Иванов опубликовал в сборнике Португалова перевод стихотворения Анни Виванти «Роза Бельгии», посвященного королю Альберту. Имеет смысл сказать несколько слов об этой в свое время широко известной писательнице, авторе произведений как на итальянском, так и на английском языке. Анни Виванти (Виванти Шартр) (1868—1942), англо-итальянская писательница, родилась в Лондоне. Ее отец, еврейского происхождения, ощущал себя итальянским патриотом; на родине, в Мантуе, он принимал участие в заговорах и мятежах, за что был приговорен в Австрии к смертной казни и эмигрировал в Англию. Мать Анни Виванти была немкой, сестрой писателей Рудольфа и Пауля Линдау. Она также писала стихи на немецком, на английском языках. Выросшая на чужбине, Виванти, прежде чем выучилась по-итальянски, уже говорила по-английски и

⁷ Книга короля Альберта: Высказывания государственных и общественных деятелей и ученых о Бельгии в связи с войной 1914 г. СПб.: Труд, 1915. 32 с.; Книга короля Альберта: Проза и стихи: Посвящается бельгийскому королю и его народу представителями народов и государственного мира. М.: Идея, 1915. 299 с.; Книга короля Альберта: Проза и стихи: Посвящается бельгийскому королю и его народу представителями народов и государственного мира. М.: Идея, 1915. 308 с.; Книга короля Альберта: Дань королю и народу Бельгии представителей всего мира / Перевод прозаической части сделан А. Васильевой и А. Михеевой; Стихи в переводе К. Бальмонта, В. Брюсова, Ю. Гданского, Вяч. Иванова, Ю. Кузиса, О. Румера и В. Г. Тардова. М.: В. Португалов, 1915. 334 с.

⁸ Книга короля Альберта: Дань королю и народу Бельгии представителей всего мира. С. 9—10.

по-немецки. В возрасте девяти лет она с семьей переехала в Италию. А когда через четыре года скорострительно скончалась ее мать, девочка была отправлена в Швейцарию. Там она оставалась два года, затем попала в Лондон, оттуда — в Нью-Йорк. Тоска по родине заставила ее в 1877 году вернуться в Италию; в 1890 году она выпустила в свет первый сборник лирики.

В Италии Анни Виванти известна главным образом как поэтесса школы Джозуэ Кардуччи. Основная черта как поэзии, так и прозы Виванти — культ любви, наслаждения, бесшабашной цыганской жизни. Для Виванти характерна также склонность к космополитизму и экзотическим темам. Единственный ее сборник стихотворений «*Lirica*», изданный Д. Кардуччи в 1890 году,⁹ не был переведен на русский язык отдельной книгой,¹⁰ но в печати время от времени появлялись отдельные ее стихотворения.¹¹

Анни Виванти — автор более чем десяти романов. Из них на русский язык были переведены следующие: «Шансонетка Марион», «Мария Тарновская», «Цирцея», «Сестра Мессалина», «Кафе-шантанная певица», «По газетному объявлению», «Пожиратели», «Каюсь».¹² В то же время она пробовала свои силы и в другой области: она автор драмы «Голубые розы», а также поэм «Предсказание» и «Свидание».¹³

⁹ Анни Виванти позднее раскаивалась в своих раскованных и страстных стихотворениях; после замужества она перестала вести бродячую жизнь певицы, вступила в строгие рамки общества и, чтобы изгладить свое «ваххическое» прошлое, решила издать свой сборник из продажи. Больше всего она раскаивалась в стихотворении «*Ave, Albion!*», в котором насмеялся над англичанами со свойственным ей южным темпераментом. Судьба распорядилась так, что она вышла замуж как раз за англичанина — за лорда Джона Шартра. Переменив свое мнение никогда более не печатать стихов, в 1899 году она вторично издала свои стихотворения, причем добавила к ним несколько новых, в том числе три на английском. Заклучив брак в Англии в 1892 году, Виванти провела почти двадцать лет в Англии и США. В этот период она писала только по-английски.

¹⁰ Все же именно как художественное целое ее оценила русская критика: «Книжка начинается словами: „У меня нет отчизны, вся земля моя; моя мать немка, мой отец итальянец, моя родина — Англия. Мои лета? Мне близко к двадцати. Моя цель? Она мне неизвестна. Чего я ищущ? Ничего. Я выжидаю свою судьбу; а пока я смеюсь и пою, плачу и влюбляюсь“» ([Б. л.] Итальянская Мирра Лохвицкая (Анни Виванти) // Ежемесячные сочинения. 1900. № 10. С. 178—180).

¹¹ Виванти А. 1) Моргана («На юношу нежного грозно-прекрасная...») / Пер. с ит. // Дело. 1899. С. 376; 2) Я устала («Я так устала с призраком сражаться...») / Пер. с ит. Ник. А[лябьева] // Русская мысль. 1901. Кн. 9. С. 138; 3) Судьба («Он мне сказал: „Как ты переменялась!“») / Пер. с ит. Ник. Алябьева // Там же. 1903. Кн. 4. С. 191—192; 4) Возвращение («Твое лицо залито морем светом...») / Пер. с ит. Ник. Алябьева // Там же. С. 192; 5) Aut-aut («Я хочу лучезарного солнца на ясной лазури...») / Пер. с ит. Ник. А[лябьева] // Русская мысль. 1901. Кн. 7. С. 98; 6) Предчувствие («Он подошел ко мне. Обвил мой стан рукою...») / Пер. с ит. А. Яцута // Вестник иностранной литературы. 1905. Апр. С. 70.

¹² Виванти А. 1) Марион / Пер. с ит. В. Наранович. СПб.: типо-лит. В. В. Комарова, 1902. 60 с.; 2) Марион. Кафе-шантанная певица. Роман / Пер. с нем. СПб.: Новые пути, 1910. 165 с.; 3) Пожиратели. Роман / Пер. с ит. // Вестник иностранной литературы. 1911. Сент. С. 1—32; Окт. С. 33—64; Ноябрь. С. 65—128; Дек. С. 129—194; 4) Роман Марии Тарновской / Пер. с фр. Киев: тип. газ. «Послед. новости», 1912. 159 с.; 5) Роман Марии Тарновской / Пер. О. Д. Гловацкой // Свет. СПб., 1914. Т. 7. 196, 113, 46 с.; 6) Конкурс красоты. (Рассказы) / Пер. с ит. Т. А. Гликмана. М.; Л.: ЗиФ, 1928. 32 с.; 7) По газетному объявлению. Роман / Пер. с ит. Н. Я. Рыковой и Г. В. Рубцовой. Л.: Мысль, 1925. 112 с.

¹³ О творчестве писательницы см. подробнее: *Catanzaro C. Annie Vivanti // La donna italiana nelle scienze, nelle lettere, nelle arti. Firenze, 1899. P. 206—207; Personé L. M. Annie Vivanti // Le belle statueine, volti gesti e atteggiamenti di scrittori contemporanei. Firenze, 1930. P. 349—359; Carducci G. Liriche di Annie Vivanti // Edizione nazionale delle Opere di Giosuè Carducci. Bologna, 1937. Vol. XXII. P. 441—453; Cecchi E. Pancrazi postumo // Letteratura italiana del Novecento / a cura di P. Citati. Milano, 1972. Vol. II. P. 1273—1276; Nozzoli A. La letteratura femminile in Italia tra Ottocento e Novecento // Tabù e coscienza. Firenze, 1978. P. 1—40; Molesini Spada A. Idillio e tragedia: verifica di uno schema // Dame, droga e galline. Romanzo popolare e romanzo di consumo tra Ottocento e Novecento / A cura di A. Arslan. Milano, 1986. P. 241—256; Encyclopedia of Continental Women Writers / Ed. by Katharina M. Wilson. New York, 1991. Vol. 2. P. 321—322 (Garland Reference Library of the Humanities, vol. 698); Caporossi C. Per rileggere Annie Vivanti // Nuova Antologia. 2002. Gennaio-marzo. P. 269—292.*

Популярности Виванти в России в первые десятилетия XX века значительно способствовал перевод критического этюда о ней, написанного Георгом Брандесом. В нем говорилось: «(...) в ее стихах бьется живой пульс. Они исполнены чувства лучезарной радости или тяжелой печали, меланхолического настроения или остроумия и шаловливости, но всегда они носят в высшей степени личный характер. В них живет и дышит молодая женщина, вечно волнуемая страстью, необычайно храбрая и самостоятельная».¹⁴ Выдержки из воспоминаний Анни Виванти о Джозуэ Кардуччи были напечатаны в «Весак» в 1906 году.¹⁵

Следует отметить, что Аделаида Казимировна Герцук, входившая в близкое окружение Вяч. Иванова в середине 1900-х годов, была горячей поклонницей Виванти и написала о ней два очерка.¹⁶ В первом из них Герцук писала: «Анни Виванти — дитя Юга, солнца, смеха, и это жгучее тяготение к свету, к опьяняющим ласкам солнца и любви, к воздуху, свободе и гармонии — один из основных мотивов ее поэзии. Все условные рамки жизни, всякая искусственность угнетают ее и заставляют рваться на волю. И все ее первые поэтические опыты служат выражением негодования ко всему безжизненному, бессолнечному, к спокойному, равнодушному существованию».¹⁷

Обратимся наконец к стихотворению Виванти «Роза Бельгии. Королю Альберту» в переводе Вяч. Иванова. Имеет смысл привести перевод Вяч. Иванова целиком по его единственной публикации:

РОЗА БЕЛЬГИИ. КОРОЛЮ АЛЬБЕРТУ

Застенчив, молчалив и непонятен миру,
Казалось — нехотя ты волочил порфиру;
И в руку юноши, сказали бы, не Рок
Вложил тяжелый скиптр, но прихоть фей — цветок.
Альберта Доброго молва в тебе признала —
И Добрым свысока тебя именovala.

А ныне посреди зияющих могил
Ты стал, и честного меча не опустил,
Когда дробился меч, и не потупил взгляда
Неустрашимого пред лютой злобой ада.
И племена, клонясь под бурей роковой,
Кричат тебе: «Альберт, наш храбрый, наш Герой!»

В потоке крови мир, кренящийся над бездной,
Венчает яростным безумьем век железный.
Но выше зарева, — години лучшей знак, —
Лучится слав твоих незыблемый маяк!
И родина, тобой под ураганом диким
Приосененная, зовет тебя — Великим!..

О Добрый, Доблестный, Великий! Вот, страна,
Врагом растоптана, врагом осквернена,

¹⁴ Брандес Г. Анни Виванти: Статья / Пер. с дат. В. С. // Русская мысль. 1900. Кн. 5. С. 117. Из русских критиков поклонником ее Музы был М. М. Иванов, отмечавший, что Виванти — «поэт наслаждения и эпикуреизма» (Иванов М. М. Очерки современной итальянской литературы. СПб., 1902. С. 302).

¹⁵ Виванти А. Воспоминания о Кардуччи // Весы. 1906. № 8. С. 73—76.

¹⁶ Герцук А. 1) «Lirica» Anni Vivanti // Новый журнал иностранной литературы. 1902. № 5. С. 159—172; 2) Мои романы. Ч. 2 — А. Виванти // Северные записки. 1913. № 2. С. 82—89 (пер. изд.: Герцук А. Из круга женского. Стихотворения. Эссе. М., 2004. С. 394—401).

¹⁷ Герцук А. «Lirica» Anni Vivanti. С. 160.

Лежит у ног твоих подобна розе смятой!..
 День будет: Бельгия родится вновь богатой
 И славной, — Бельгия счастливая... Но той,
 Увядшей на песке, — спасется ль дух живой?

Взгляни! Где с морем твердь в жемчужной млеет встрече,
 Кто в ризе белой, Кто, по лону вод, далеке —
 Грядет?.. Пред Ним летит, с улыбкой милой, Мир...
 Как некогда Его идущим видел мир
 По влаге, плещущей на брег Геннисарета, —
 Грядет опять... И вал истает зыбью света.

Пришлец над розою, замершей на песке,
 Склонится, вознесет ее в Своей руке;
 И на Его груди воскреснет, расцветая,
 Благоуханная страдалица святая.¹⁸

В архивах сохранились различающиеся между собой варианты перевода (в большинстве случаев с поправками и зачеркиваниями).¹⁹ Издательский архив Португалова, в котором могла находиться наборная рукопись, не сохранился. Сопоставление различающихся между собой рукописей приводит к выводу о том, что окончательная редакция представлена как раз в данном издании. Весьма скудны сведения об истории публикации перевода — сохранилось одно краткое письмо-открытка Португалова к Вяч. Иванову от 19 сентября 1914 года, в котором он сообщает о своих фронтовых впечатлениях и передает приветы М. О. Гершензону и Ю. Н. Верховскому.²⁰ В Римском архиве поэта содержится краткая записка Португалова, непосредственно связанная с публикацией перевода (ее следует, очевидно, датировать следующим, 1915 годом):

«Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович, посылаю Вам с мальчиком обещанные двадцать рублей. Очень прошу не задержать выпуска книги, ибо почти все, кроме этого стихотворения, набрано.

Желаю Вам всего доброго.

Ваш Вал. Португалов».²¹

Здесь же находим наклеенную на бумагу дефектную страницу с печатным текстом стихотворения Анни Виванти на английском языке; недостающие фрагменты дописаны карандашом, рукой неустановленного лица.²²

¹⁸ Книга короля Альберта: Дань королю и народу Бельгии представителей всего мира. С. 192—194.

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 105. Л. 1—2 (34 стиха); РАИ. Оп. 1. Карт. 4. Папка 12. Л. 1—2 (34 стиха; первоначальный вариант заключительного четверостишия перечеркнут); РГБ. Ф. 109. Карт. 2. Ед. хр. 15 (только первая строка; в описи содержится неверное указание о том, что это вариант стихотворения, опубликованного в сборнике «Кормчие звезды»).

²⁰ РГБ. Ф. 109. Карт. 33. Ед. хр. 16. Л. 1.

²¹ РАИ. Оп. 1. Карт. 4. Папка 12. Л. 3 об. Упоминаемые в статье рукописи из Римского архива Вяч. Иванова доступны на сайте Исследовательского центра Вяч. Иванова в Риме (URL: <http://www.v-ivanov.it/archiv/op1-k04.htm>).

²² Это, по-видимому, тот самый источник, с которого делался перевод РАИ. Оп. 1. Карт. 4. Папка 12. Л. 3—3 об. Приведем английский оригинал стихотворения «The Broken Rose. To King Albert»:

Shy, youthful, silent — and misunderstood
 In the white glare of Kinghood thou didst stand.
 The sceptre in thy hand
 Seemed but a flower the Fates had tossed to thee,
 And thou wert called, perchance half-scornfully,
 Albert the Good.

Стихотворение Анни Виванти «The Broken Rose. To King Albert» состоит из двух ярко выраженных частей. Первая — из трех шестистроочных строф, имеющих оригинальную метрическую структуру: первый, второй и пятый стихи — пятистопные ямбы, третий — трехстопный ямб, четвертый — шестистопный хорей; пятый — каталектический двустопный дактиль (в этом рефрене трех первых строф варьируются прозвища короля Альберта). Второй и третий стихи в строфах неизменно рифмуются.

Вторую часть составляют шестнадцать стихов с неупорядоченной рифмовкой (это пятистопные ямбы; лишь один стих — ямб шестистопный). Подобный метрический перебой в высшей степени оправдан — тема второй части стихотворения иная; здесь описана воображаемая картина будущего Бельгии и мистического явления Христа, несущего мир и благоденствие этой растоптанной солдатским сапогом стране.

В поэтическом наследии Вяч. Иванова «Роза Бельгии. Королю Альберту» — довольно редкий случай перевода с английского языка. Поэт игнорирует метрическое разнообразие подлинника и избирает шестистопный ямб с парной рифмовкой. Двустопия с женскими клаузулами регулярно сменяются двустопиями с мужскими окончаниями на протяжении всего стихотворения. Стихотворение из 34 стихов разделено на пять шестистиший и заключительный катрен. При этом обильно используется архаическая и поэтическая лексика («скиптр», «твердь», «далече» и проч.), что позволяет рассматривать перевод Вяч. Иванова как реализацию его собственной поэтики прежде всего.

Того не желая, Вяч. Иванов вступил в поэтическое состязание с другой переводчицей того же стихотворения — Верой Михайловной Спасской (1852—1938).²³ При передаче текста Виванти она попыталась хотя бы от-

To-day thou standest on a blackened grave,
Thy broken sword still lifted to the skies.
Thy pure and fearless eyes
Gaze into Death's grim visage unappalled
And by the storm-swept nations thou art called Albert the Brave.

Tossed on a blood-red sea of rage and hate
The frenzied world rolls forward to its doom.
But high above the gloom
Flashes the fulgent beacon of thy fame,
The nations thou hast saved exalt thy name —
Albert the Great!

Albert the good, the brave, the great, thy land
Lies at thy feet, a crushed and morient rose
Trampled and desecrated by thy foes.
One day a greater Belgium will be born,
But what of this dead Belgium wracked and torn?
What of this rose flung out upon the sand?...

Behold! Afar where sky and waters meet
A white-robed Figure walketh on the sea.
(Peace goes before Him and her face is sweet.)
As once He trod the waves of Galilee
He comes again the tumult sinks to rest,
The stormy waters shine beneath His feet.
He sees the dead rose lying in the sand,
He lifts the dead rose in His holy hand
And lays it at His breast.

O broken rose of Belgium, thou art blest!

²³ Спасская приобрела известность в первую очередь как переводчица со скандинавских языков; она автор мемуаров об И. А. Гончарове. О ней см.: Шапыркин Д. М. Русская литература

части воспроизвести строфическое членение подлинника — первая часть стихотворения состоит из трех строф с усеченным шестым стихом.²⁴ За исключением нескольких стихов весь текст написан белым пятистопным ямбом. В целом же перевод Спасской обладает куда меньшими художественными достоинствами, и хотя, быть может, и дает в чем-то лучшее представление об английском подлиннике, но далек от того, чтобы войти в историю русской поэзии.²⁵

В литературном наследии Вяч. Иванова перевод из Анни Виванти занимает хотя и скромное, но органичное место — и как образец его внимания к поэтессе, во многом «созвучной» исканиям русского модернизма и интересовавшей его круг, и как дань сочувствия в России к героизму бельгийцев и их короля в первые дни Первой мировой войны.²⁶

в скандинавских странах. Л., 1975. С. 54—61; *Алексеев М. П.* Переписка Томаса Гарди с его русской переводчицей // Ежегодник Рукоп. Отдела ПД на 1976 год. Л., 1978. С. 85—108.

²⁴ Книга короля Альберта: Проза и стихи... С. 283—284.

²⁵ Не на пользу переводу Спасской идут и опечатки («Гамелеи» вместо «Галилеи»; «брошенной в песок» вместо «брошенной в песок»), в то время как перевод Вяч. Иванова тщательно вычитан, как показывает сопоставление с рукописями.

²⁶ Ряд наблюдений о бельгийской теме в русской литературе в связи с войной 1914 года см. в статье: *Грякалова Н. Ю.* По следам одного путешествия (Бельгийский эпизод в биографии А. Блока) // *Russian Language and Literature*. 2009. Vol. 11/12. С. 646, 649.

© Э. К. АЛЕКСАНДРОВА

«ОДИНОКАЯ ВЕРШИНА» ЯНА РАЙНИСА В ПЕРЕВОДЕ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

В сборнике произведений классика латышской литературы Яна Райниса, опубликованном в 1953 году, наше внимание привлек перевод стихотворения «Одинокая вершина». Хотя имя автора переложения было указано — «Вячеслав Иванов», и распространность фамилии литератора, и тот факт, что ему порой приписывались сочинения коллег,¹ и то, что этот текст «выпал» из поля зрения исследователей русского символизма, и сама дата публикации книги, когда имена писателей-эмигрантов находились под запретом, — все это побудило нас отнестись с осторожностью к этому указанию и предпринять разыскания, которые должны были либо его подтвердить, либо опровергнуть. Приведем текст стихотворения:

ОДИНОКАЯ ВЕРШИНА

Глубок покой долины,
Нет ветерка нигде,
И ни одной морщины
Не видно на воде.

И в ельнике молчанье,
И в соснах тишина.

¹ Так, в антологии Я. Голосовкера «Лирика древней Эллады» (1935) Вяч. Иванову приписаны переводы отрывков из трагедий Софокла «Аякс», «Трахинянки» и «Антигона», в действительности принадлежащие Ф. Ф. Зелинскому. Благодарю за это указание К. Ю. Лаппо-Данилевского.

Тревогой ожиданья
 Природа здесь полна.
 Вершины слышен лепет
 На дереве одном...
 И той вершины трепет
 Обходит лес кругом.²

Известно, что Вяч. Иванов обратился к литературам народов Российской империи, в том числе и к латышской, уже в 1910-е годы. Наиболее вероятным представляется, что перевод предназначался для «Сборника латышской литературы», вышедшего под редакцией В. Брюсова и М. Горького в 1916 году.³ Наши разыскания подтвердили это предположение: в архиве В. Я. Брюсова в Российской Государственной библиотеке в папке с переводами из Яна Райниса, подготовленными для этого сборника, среди присоединенных документов⁴ был обнаружен подстрочный перевод стихотворения Райниса.⁵

Приведем текст подстрочника стихотворения Райниса «Weina galotne», отметив сразу, что Вяч. Иванов проигнорировал размер подлинника, но сохранил схему рифмовки:⁶

² Райнис Я. Избранные произведения / Вступ. статья и прим. К. Краулин; Подгот. текста К. Краулин, М. Кемпе. Л., 1953. С. 98 (Библиотека поэта. Большая сер.). Стихотворение Райниса датировано 1903 годом. Впервые на латышском языке опубликовано в сборнике поэта «Конец и начало» (Gals un sākums. СПб., 1912; под заглавием «Viena galotne»), который составили стихотворения, написанные в период с 1901 по 1912 год. Перевод того же стихотворения, выполненный в ином размере, см.: Райнис Я. Конец и начало / Пер. В. Елизаровой. Рига: Лиесма, 1972. С. 22.

³ Сборник латышской литературы / Под ред. В. Брюсова и М. Горького. Пг.: Книгоиздательство «Парус» А. Н. Тихонова, [1916]. Об истории создания сборника см.: Голубева О. Д. Книгоиздательство «Парус» (1915—1916) // Книга: исследования и материалы. М., 1966. Т. 12. С. 160—193; Вавер В. Незабываемая страница дружбы литератур // Даугава. 1977. № 1. С. 120—122; Тименчик Р. «Чужой восторг»: Ходасевич и Латвия // Там же. 1987. № 2. С. 112—116; Ускова О. Валерий Брюсов и латышская поэзия // Там же. № 5. С. 113; Авдеева О. В. Из истории подготовки сборника латышской литературы в издательстве «Парус» // К 125-летию со дня рождения Юргиса Балтрушайтиса: К 80-летию литовской дипломатии. М., 1999. С. 34—44.

⁴ РГБ. Ф. 386. Карт. 21. Ед. хр. 14. В папке содержатся различные варианты переводов из Яна Райниса для «Сборника латышской литературы» [1916]; автографы переводчиков чернилами и карандашом, машинопись с правкой и без правки (55 л.); подстрочные переводы рукой неустановленного лица (16 л.) и перечень переводов В. Я. Брюсова из Яна Райниса (3 л.).

⁵ Там же. Л. 59 (оригинал на латышском языке), 62 (подстрочный перевод). Перевод стихотворения, по-видимому, выполнен одним из латышских сотрудников «национальной редакции» («комитета») «Сборника», о чем свидетельствует письмо жены П. И. Стучки — Доры Стучки к ее брату Яну Райнису от 8 марта 1916 года: «Через своего сотрудника Тихонова, который знаком с Петером с давних пор, Горький обратился к нему за предложениями и советом. Петер пригласил еще Приедкална и Курция, и так составила небольшая группа, которая взялась разработать план латышского сборника и провести подготовительные работы, выбрать авторов и их произведения, перевести стихотворения — почти дословно, строку за строкой, — как материал для поэта-переводчика» (цит. по: Ускова О. Валерий Брюсов и латышская поэзия. С. 112—120). Кроме названных лиц в редколлегию вошел Я. Янсон-Браун.

⁶ Стихотворение Райниса написано трехиктовым дольником с межиктовым слоговым объемом в пределах одного-двух слогов. Длина строк стихотворения колеблется в пределах 6—8 слогов. Ударные слоги распределяются в первом катрене, к примеру, следующим образом:

Gaiss gu| tik nekustams lejā,
 Nejūt ne vēsmiņas;
 Ezera mierīgā sejā
 Nevienas grumbiņas...

За консультации в связи с оригиналом стихотворения Яна Райниса выражаю признательность проф. Янине Курсите (Латвийский университет в Риге) и Сильвестрасу Гайжюнасу (Институт литовской литературы и фольклора в Вильнюсе).

ОДНА ВЕРХУШКА

Воздух так недвижим в долине,
 Не слышно ветерка;
 На спокойном лице озера
 Ни одной морщинки;

Тишина вокруг темной сосны.
 И опасение (?) в ельнике,
 — Как ожиданье и как угрозы
 На лес налегли.

Только одна верхушка качает
 Ветки и листочки.
 И дрожь от того дерева
 На остальные распространяется.

Для латышской антологии Ивановым было выполнено еще два перевода: из Аусеклиса (М. Кругземиса) — стихотворение «Тримпула» («Льет Стабураг слезы, бушует Двина...»)⁷ и из Аспазии (Э. Розенберг) — «Молитва» («Грусть мне давит грудь...»)⁸. По-видимому, тот факт, что ивановский перевод не был включен в «Сборник», объясняется не столько неудовлетворенностью Брюсова этим переводом,⁹ — сколько задержкой текста самим Ивановым. О том, что с переводами, которые были заказаны Брюсовым, в том числе и Иванову, произошли некоторые заминки, можно заключить из писем А. Н. Тихонова к Брюсову. Например, в письме от 25 февраля 1916 года читаем: «Большое спасибо за письмо и за стихи. Я полагаю, что еще одна „партия” — и с латышским сборником будет покончено. Не хватает только „стариков”: Аусеклиса, Пумпура¹⁰ и „молодых”. Желательно „стариков” получить поскорее, дабы начать верстку сборника».¹¹ О том же идет речь в письме от 5 апреля 1916 года: «Присланные Вами переводы все относятся к сравнительно новым поэтам-латышам, и то таким, которые войдут в основу книги. Теперь же у нас книга остановилась на Вейденбауме, Аспазии и Поруке,¹² а поэтому очень бы просил Вас мобилизовать в первую очередь пере-

⁷ Сборник латышской литературы. С. 38. Рукописные источники текста: БА₁ — белой автограф (ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 100. Л. 1). Чернила, бумага с водяными знаками: «Фабрика А. Гончарова». БА₂ — белой автограф (РГБ. Ф. 386. Карт. 21. Ед. хр. 12. Л. 2). Чернила.

⁸ Сборник латышской литературы. С. 127. Рукописные источники текста: ЧА — черновой автограф (ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 100. Л. 3). Без загл. Карандаш, бумага с водяными знаками «Фабрика А. Гончарова». БА₁ — белой автограф (Там же. Л. 2). Заглавие: «Аспазия. Молитва». Чернила, бумага с водяными знаками «Фабрика А. Гончарова». БА₂ — белой автограф (РГБ. Ф. 386. Карт. 21. Ед. хр. 11. Л. 36). Заглавие: «Аспазия. Молитва». Чернила.

⁹ Как известно, Брюсов отличался повышенной требовательностью к переводам, которые заказывал. Автографы переводчиков латышской поэзии в архиве Брюсова сохранили следы большой редакторской правки (Там же. Ед. хр. 14; Ед. хр. 11—12). Только переводы Вяч. Иванова и А. Блока Брюсов не правил (см. об этом: Ускова О. Валерий Брюсов и латышская поэзия. С. 115).

¹⁰ Помимо перевода Вяч. Иванова, в «Сборник» вошло стихотворение Аусеклиса «Беверинский бард» в переводе С. Шервинского (Сборник латышской литературы. С. 37) и два стихотворения А. Пумпура («Голова на трех мечах», «Иманта») в переводе В. Брюсова (под псевдонимом «В. Спасский») (Там же. С. 40—41).

¹¹ РГБ. Ф. 386. Карт. 105. Ед. хр. 2. Л. 5. Автограф чернилами на бланке книгоиздательства «Парус».

¹² В «Сборник» вошло шесть стихотворений Эд. Вейденбаума: «Когда я молод был...», «Из мира, словно сон, уходят поколения...», «Нет правды на земле...», «Я помню счастливые годы...», «Проснись, проснись, свободный дух...» — в переводе Сырейчиковой и «И дождь над грязью улиц...» — в переводе С. Шервинского (Сборник латышской литературы. С. 124—126); одиннадцать стихотворений Аспазии: «Молитва» — в переводе Иванова, «Сказочка», «Майское

воды именно этих авторов, а если уже исчерпаны, то, просто, сообщить, что больше переводов не предвидится и тогда мы с книгой двинемся дальше, к Блауману, Скальбе и Райнису».¹³ О задержках, тормозивших выход книги в свет, Тихонов писал также 17 апреля 1916 года: «Простите, что надоедаю Вам со своими просьбами, но нам бы очень нужно знать, будут ли от Вас еще переводы Порука и Аспазии. Если нет, — мы отдаем книгу верстать, если да — то придется ждать. Если же ждать надо долго, — то лучше махнуть рукой на розданные Вами стихи Порука и обойтись без них, ибо все-таки Порука и Аспазия представлены в сборнике довольно внушительно. Обстоятельства заставляют нас очень торопиться с выходом сборника. До вашего ответа я не буду пока ничего предпринимать».¹⁴

Первоначально редакцией планировалось поместить в сборнике 30 стихотворений Райниса (письмо А. Н. Тихонова к В. Я. Брюсову от 30 октября 1915 года).¹⁵ Однако это количество впоследствии увеличилось до сорока произведений поэта, которые и были помещены в окончательной редакции. Возможно, увеличение числа райнисовских текстов также стало причиной отказа от ивановского перевода. В письме Тихонова к Брюсову от 3 ноября 1915 года имеется следующее указание: «Посылаю Вам 32 стихотворения Райниса в подстрочных переводах и 4 в готовом виде в переводе Моравской и Кладо».¹⁶ Вместе с имеющимися у Вас 17 стихами это составит 53 произведения. Кроме того, 5 роздано еще здешним поэтам. Итого 58 стих(отворений) Райниса. Из этого количества подстрочников в сборник должно войти не более 25—30 стих(отворений). Со своей стороны нам бы хотелось видеть те стихи Райниса, которые подчеркнуты синим карандашом».¹⁷ На интересующем нас подстрочнике «Одинокой вершины»¹⁸ таких помет нет. В письме Тихонова к Брюсову от 11 декабря 1915 года также перечислены «желательные» для перевода стихи Райниса, среди них снова нет указаний относительно «Одинокой вершины».¹⁹ Наконец, в письме Тихонова от 25 апреля 1916 года: «Из Райниса у нас имеется 38 стихотворений. Цифра, конечно, солидная, но несмотря на это, наш комитет очень просил Вас использовать переводы по прилагаемому списку. Подлинники указанных в списке стих(отворений) у Вас имеются».²⁰

Еще одной причиной того, что перевод Вяч. Иванова не вошел в состав сборника, можно полагать отказ самого «комитета», т. е. «национальной ре-

утро» — В. Брюсова (под псевдонимом «В. Спасский»), «Небытие» — В. Ходасевича, «Наивысшего», «Твоя любовь», «К прошлому», «Лунный свет» — С. Шервинского, «Прощание с молодостью» — К. Липскерова, «Где» — Н. Ашукина, «В лунном свете» — Л. Остроумова; двенадцать стихотворений Я. Порука: «Ты спрашиваешь, что я принес...», «Песня любви», «Весна любви» — в переводе С. Шервинского, «Зимней ночью у окна» — В. Шершеневича, «У целины» — Ю. Верховского, «Я знаю» — В. Аренс, «Осень» — К. Липскерова, «Осенняя песнь», «Твоя душа полна...», «Весна пришла» — В. Брюсова, «Неосуществленный и два Единственных» — Б. Балта, «Нищие на ярмарке» — Я. Страуяна.

¹³ РГБ. Ф. 386. Карт. 105. Ед. хр. 2. Л. 10—10 об. Автограф чернилами на бланке книгоиздательства «Парус».

¹⁴ Там же. Л. 12. Автограф чернилами на бланке книгоиздательства «Парус».

¹⁵ Там же. Ед. хр. 1. Л. 2. Машинопись с припиской и подписью-автографом.

¹⁶ Перевод Моравской в сборнике опубликован не был. В переводе Т. Кладо помещен перевод стихотворения «***» («Бесцельна была эта жизнь...») (Сборник латышской литературы. С. 357).

¹⁷ РГБ. Ф. 386. Карт. 105. Ед. хр. 1. Л. 3. Автограф чернилами.

¹⁸ Там же. Карт. 21. Ед. хр. 14. Л. 59, 62.

¹⁹ Ср.: «По моим запискам для латышского сборника мы уже имеем: {...} Райнис — 28 / 21 — Ваших и несколько здешних: 4 Моравской, 2 Вирзя, 1 Дамберг. Желательно еще 8—10 стихов: латыши хотели бы видеть в переводе стихи „Королевна“, „Мои враги“, „Мои друзья“, „Труд и радость“, „Стань твердой, мысль“, „Мой брат“, „Длинный путь“, „В зеленой тени“, „Успокоившаяся ветка“. Разумеется в том случае, если они Вам понравятся» (Там же. Карт. 105. Ед. хр. 1. Л. 9. Машинопись с подписью-автографом).

²⁰ Там же. Ед. хр. 2. Л. 13. Автограф чернилами на бланке книгоиздательства «Парус».

дакции» сборника, как это произошло с одним из переводов Вяч. Иванова из Аспазии; о нем шла речь в письме Тихонова к Брюсову от 26 мая 1916 года: «Стихи латышского сборника ((2 нрзб.)) и переводы Аспазии (Вяч. Иванова) я получил. То и другое уже включено в сборник. Отсутствие в сборнике перевода В. Иванова²¹ объясняется тем, что перевод этот как Вы и сами признали, сделан весьма неточно; вторая половина стихотв(орения) — является, сказать по правде, измышлением переводчика. Весьма возможно, что от этого стихотворение даже выиграло, но перевод — проиграл. Но если дело обстоит так, как Вы пишете, то, разумеется, перевод должен быть включен».²²

Как мы показали выше, нет оснований сомневаться в том, что перевод стихотворения «Одинокая вершина» выполнен Вяч. Ивановым. Все же в истории публикации его в 1953 году остается много неясного — непонятно, откуда был почерпнут его текст для помещения в книгу и кому принадлежала инициатива этой публикации. В то же время интерес к этому тексту составителей сборника произведений Райниса свидетельствует еще раз о существовании вклада Вяч. Иванова в историю знакомства русского читателя с латышской поэзией.

²¹ К сожалению, неясно, какое из стихотворений имелось в виду.

²² Там же. Л. 16. Автограф чернилами на бланке книгоиздательства «Парус».

ПЕРЕПИСКА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА С С. М. АЛЯНСКИМ (1818—1923)

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© А. С. АЛЕКСАНДРОВА)

Имя Самуила Мироновича Алянского хорошо знакомо историкам литературы. В 1918 году он был одним из организаторов известного петербургского издательства «Алконост»,¹ под маркой которого удалось собрать ярчайших представителей Серебряного века, к тому времени разобщенных по целому ряду причин. Именно этим частным книгоиздательством были выпущены практически все послереволюционные произведения Александра Блока («Соловьиный сад», «Двенадцать» с рисунками Ю. Анненкова, «Россия и интеллигенция», «Ямбы»), а также отдельные произведения Андрея

¹ Об издательстве «Алконост» см.: *Чернов И. А. А. Блок и книгоиздательство «Алконост» // Блоковский сборник: труды научной конференции, посвященной жизни и творчеству А. А. Блока, май 1962 года. Тарту, 1962. С. 530—538; Алянский С. М. Встречи с Александром Блоком. М., 1972. 159 с.; Белов С. В. 1) Мастер книги: очерк жизни и деятельности С. М. Алянского. Л., 1979. 111 с.; 2) Блок и первые послереволюционные издательства («М. и С. Сабашниковых», «Алконост») // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Кн. 4. С. 713—725; 3) К проблеме: Блок и Алянский // А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века: Блоковский сборник VII / Отв. ред. З. Г. Минц; Ред. Л. Н. Киселева. Тарту, 1986. С. 91—98 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 735); *Глейзер М. М.* Издательство «Алконост». 1918—1923: краткий историко-книговедческий очерк: издательский библиографический каталог. Л., 1990. 153 с.; Альбомы из архива С. М. Алянского // Шахматовский вестник: к 75-летию со дня смерти А. А. Блока (1921—1996): из фондов музея-заповедника А. А. Блока: Каталог. Солнечногорск, 1996. Вып. 1. № 6. С. 44—71; Книги с дарственными надписями: из архива С. М. Алянского // Там же. С. 72—87; *Таран Е. Г.* Роль и место издательства «Алконост» и журнала «Записки мечтателей» в истории русского символизма. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 29 с.; *Спивак М. Л.* Издательство «Алконост»: к вопросу о традициях символического книгоиздания // Вестник РГГУ. М., 2008. № 132—137, и др.*

Белого («Христос Воскрес», «Королева и Рыцари», цикл философско-культурологических этюдов «На перевале» и мн. др.), Алексея Ремизова («Сибирский пряник», «Царь Максимилиан», «Заветные сказы» и др.) и проч. К участию в издательских проектах «Алконоста» был привлечен и Вяч. Иванов, для которого это сотрудничество, по мнению исследователей,² было весьма результативным и плодотворным. Сохранившаяся переписка Вяч. Иванова с С. М. Алянским, рассеянная по трем наиболее крупным фондам поэта, привлекала внимание исследователей: фрагменты отдельных писем публиковались в качестве комментариев к архивным публикациям.³ Однако целиком этот эпистолярный диалог еще не был введен в научный оборот. Переписка Вяч. Иванова с С. М. Алянским, публикуемая впервые, позволяет реконструировать интереснейшую историю взаимоотношений издателя и автора, выявить отдельные творческие замыслы Иванова, в том числе и нереализованные, дополнить важнейшими фактами биографию писателя.

Знакомство с Вяч. Ивановым состоялось в июле 1918 года в один из приездов Алянского в Москву. Окрыленный выходом первой книги в его издательстве — поэмы А. Блока «Соловьиный сад» — Алянский намеревался привлечь к сотрудничеству «наиболее близких по духу и творчеству Блоку».⁴ К Вяч. Иванову Алянский направился на следующий день после удачной встречи с Андреем Белым, предоставившим издательству поэму «Христос Воскрес».

О своих впечатлениях от встречи с поэтом Алянский красноречиво написал в воспоминаниях:

«Дверь мне открыл пожилой человек с длинными седыми волосами, в очках, с необыкновенно острыми глазами. На слегка сгорбившиеся плечи был накинут какой-то черный плащ или крылатка. Весь его облик напоминал птицу. (...)

Две стрелы вонзились в меня:

— Вы приехали окрашивать меня в красный цвет?

«...» Я стал излагать свою „идею“ — объединить символистов. Но Вячеслав Иванов смотрел на меня с недоверием. Ему, должно быть, казалось, что я хитрю, что в действительности я посланец дьявола, пришел соблазнить его».⁵

Однако, несмотря на настороженность Вяч. Иванова, эта встреча имела принципиальный и результативный характер. Во-первых, если верить вос-

² Предисловие к повести Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три урода» / Публ., подгот. текста, предисл. и прим. Г. В. Обатнина // *De visu*. М., 1993. № 9. С. 25—29.

³ См.: *Лавров А. В.* Вячеслав Иванов в неосуществленном журнале «Интернационал искусства» // *Лица: биографический альманах*. СПб., 2002. Вып. 9. С. 522—523; *Котрелев Н. В.* Вячеслав Иванов: Эллиническая религия страдающего бога // *Эсхил. Трагедии* в пер. В. Иванова / Изд. подгот. Н. И. Балашов и др. М., 1989. С. 556—558 («Лит. памятники»); Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898—1921) / Вступ. статья Н. В. Котрелева и З. Г. Милиц; Публ. Н. В. Котрелева и Р. Д. Тименчика; Подгот. текста Ю. П. Благоволиной, Ю. Е. Галаниной, Н. В. Котрелева и др.; Комм. Н. В. Котрелева, А. В. Лаврова, Н. В. Лоцинской и др. // *Лит. наследство*. 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 480; *Зубарев Л. Д.* «Мы по-своему каждый свое ясновидели...». К истории «примирения» А. Блока и Вяч. Иванова // *Русская литература*. 2011. № 1. С. 171—182.

⁴ *Алянский С. М.* Встречи с Александром Блоком. С. 48. См. в воспоминаниях Алянского: «В голове у меня прочно засела мысль: вслед за „Соловьиным садом“ издать небольшие книжечки московских поэтов — Андрея Белого и Вячеслава Иванова (...). Александр Александрович предупредил меня, что привлечь Вячеслава Иванова будет очень трудно и вряд ли мне это удастся. (...) Блок (...) рассказал о Вячеславе Иванове перед моим отъездом в Москву только то, что сразу после революции Вячеслав Иванов оказался во враждебном лагере, писал резкие стихи против революции, а после появления в печати поэмы „Двенадцать“ порвал отношения с Блоком» (Там же. С. 47—49).

⁵ Там же. С. 55.

поминаниям Алянского, Иванов скорректировал название издательства, указав, что в слове «Алконост» мягкий знак «употреблять не следует».⁶ Во-вторых, на следующий день он счел возможным предоставить издателю свою поэму «Младенчество».⁷ Так началось плодотворное сотрудничество Иванова с «Алконостом».

8 августа 1918 года Алянский написал официальное письмо Иванову, сообщив еще раз условия издания поэмы «Младенчество». В этом письме обращает на себя внимание предельно официальное обращение издателя к поэту — «Милостивый Государь Вячеслав Иванович».⁸ Но постепенно тон писем становится все более доверительным, и в 1919 году в их эпистолярном диалоге появилось дружелюбное «дорогой».⁹

24 августа 1918 года речь зашла о корректуре «Младенчества», а в сентябре поэма увидела свет, став, таким образом, второй книгой «Алконоста». Летом того же года Иванов задумал подготовить для издательства сборник рассказов Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал (1866—1907). Переговоры на этот счет велись в августе—сентябре 1918 года (см. письма 2, 3) и были ознаменованы выходом сборника «Нет!». Вяч. Иванов выступил в этом издании в качестве редактора и автора предисловия, в котором он сообщил историю создания каждого из рассказов. При этом он значительно откорректировал замысел Зиновьевой-Аннибал, которая под общим заглавием «Нет!» планировала опубликовать рассказы, ранее «уже напечатанные порознь»,¹⁰ — «Помогите Вы!», «Электричество», «Кошка. Отрывок из письма о неблагополучии мироздания» и не публиковавшиеся ранее — «Голова Медузы» и «За решетку». К ним Иванов счел возможным добавить еще два рассказа, по его мнению, отвечающих духу и идее сборника: рассказ «Пасха», а также «Лондон», существовавший в виде отдельных фрагментов (заглавие ему было дано Вяч. Ивановым).

Анонсы «Алконоста», публиковавшиеся в конце вышедших книг, позволяют утверждать, что Иванов планировал опубликовать также сборник Зиновьевой-Аннибал «Лирическое в прозе и стихах» и драму «Певучий осел».

⁶ В книге «Соловьиный сад», презентованной Иванову Алянским, название издательства, обозначенное на титуле, написано с мягким знаком. Бланки издательства «Алконост» с мягким знаком в заглавии, отпечатанные значительным тиражом, предназначавшиеся для внутренней корреспонденции, использовались вплоть до середины 1919 года. См. также: *Сливак М. Л.* Издательство «Алконост»: к вопросу о семантике названия // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2008. Т. 67. № 5. С. 16—28.

⁷ Согласно воспоминаниям Алянского, Вяч. Иванов вручил ему в первый день знакомства «Песни смутного времени» (по выражению Алянского, «злые, контрреволюционные стихи»), вместо которых при следующей встрече, состоявшейся на следующий день, предложил поэму «Младенчество». Очевидно, что в это место воспоминаний вкралась неточность, на которую уже обращали внимание исследователи. Вяч. Иванов отказался от публикации «Песен смутного времени» не при следующей встрече с Алянским, а значительно позже, так как они числились в издательских каталогах «Алконоста». Многие подобные неточности были нарочитыми и связаны с идеологическими и цензурными препятствиями, существовавшими в 60-е годы. См. подробнее: Из переписки Александра Блока с Вяч. Ивановым / Публ. Н. В. Котрелева // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41. № 2. С. 163—164. См.: *Иванов Вяч.* Песни смутного времени // Народоправство. 1918. № 18—19, 23—24.

⁸ См. письмо 1.

⁹ 10 марта 1919 году Вяч. Иванов внес шуточное стихотворение «„Спадает ветоши ко-рость...“» в альбом «Алконоста», заведенный по случаю девятимесячного юбилея издательства, состоявшегося 1 марта того же года (публикацию этого стихотворения см.: *Белов С. В.* К проблеме: Блок и Алянский; Альбомы из архива С. М. Алянского. С. 49). Фотографию автографа этого стихотворения см. в разделе «Фотоальбом Г. Кнорре» в книге: *Кнорре Г. Ф.* Дневные заметки. 1918 год. М., 2010.

¹⁰ *Иванов Вяч.* Предисловие // Зиновьева-Аннибал Л. Д. Нет!: рассказы: посмертное издание под редакцией Вячеслава Иванова. Пб., 1918. С. 5.

В Римском архиве Иванова также сохранился план-проспект собрания сочинений Зиновьевой-Аннибал (см. Приложение). Исследователи творчества Вяч. Иванова уже обращали внимание на этот документ и даже делали предположения о возможной его датировке, относя его ко времени сотрудничества Иванова с Алконостом.¹¹ Однако содержание этого плана говорит, что, скорее всего, этот документ был написан гораздо раньше. Во-первых, обращает на себя внимание то, что названия многих рассказов в сборнике «Нет!» с названиями в проспекте не совпадает.¹² Во-вторых, в план не включены рассказ «Пасха», а также реконструированный Ивановым для сборника рассказ «Лондон». Следовательно, Вяч. Иванов, трепетно готовивший сборник рассказов Зиновьевой-Аннибал «Нет!», вряд ли мог составить план-проспект собрания сочинений писательницы без учета проделанной работы. Во всяком случае, ни сборник «Лирическое в прозе и стихах», ни драма «Певучий осел», анонсированные в издательских объявлениях, ни собрание сочинений Л. Д. Зиновьевой-Аннибал не были реализованы.

Возвращаясь к публикации поэмы Иванова «Младенчество» и сборника Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, необходимо отметить исключительную внимательность и трепетность, с которой относился автор к внешнему виду будущей книги. Так, в письме от 1 сентября 1918 года (см. письмо 4) Иванов сделал важные поправки в верстке книги, позаботился о симметрии и наборе текста, сделал поправки на обложке. Важные указания он сделал и по оформлению сборника «Нет!». В Римском архиве Иванова сохранился автограф предисловия поэта к книге Л. Д. Зиновьевой-Аннибал с карандашным указанием для издателя: «Предисловие следует набрать однородным с книгою шрифтом, но иной мерки. Если нет ничего однородного, кроме корпуса и нонпарели (т. е. нет среднего пегита между шрифтом всего текста и примечаний), то лучше всего, быть может, набрать все Предисловие однородным с книгою курсивом (он красив), не крупным, большими шпонами».¹³

Деятельность молодого издательства быстро набирала обороты. Вслед за изданием целого ряда книг в стане сотрудников в декабре 1918 года возникла идея издания собственного журнала — «Записки мечтателей».¹⁴ В его первых выпусках Вяч. Иванов опубликовал ряд стихотворений и цикл статей. Однако уже в 1918 году издательство встретило серьезные препятствия со стороны властей. Сначала трения возникли с заведующим Петроградским отделением Госиздата И. Ионым по поводу издания третьего тома стихотворений А. Блока.¹⁵ А в 1919 году комиссар печати и пропаганды М. И. Ливовский наложил запрет на шесть книг издательства. Немало усилий для выправления сложной ситуации приложили Андрей Белый и Вяч. Иванов,¹⁶ которые обсуждали проблемы «Алконоста» с Комиссаром Народного Про-

¹¹ См. датировку на сайте Римского архива и предположение Г. В. Обатнина: Предисловие к повести Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три урожая». С. 25—29.

¹² Ср. заглавия рассказов из плана-проспекта собрания сочинений Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, приведенные в Приложении, и названия рассказов из сборника «Нет!», приведенные ниже: «Помогите вы! (Бред красным карандашом)»; «За решетку»; «Кошка. (Отрывок о неблагоприятии мироздания)»; «Электричество»; «Голова Медузы»; «Лондон. (Из бумаг молодого Опалина)»; «Пасха. (Эпилог)».

¹³ Предисловие Вяч. Иванова к книге рассказов Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Нет!» // Римский архив Вяч. Иванова. Оп. 2. Карт. 27. Ед. хр. 1. Л. 1.

¹⁴ Об истории издания см., в частности: Алянский С. М. Встречи с Александром Блоком. С. 88—91; Белов С. В. Мастер книги. С. 43—52; Андрей Белый и С. М. Алянский: переписка / Предисл. и публ. Джона Малмстада // Лица: биографический альманах. СПб., 2002. Вып. 9. С. 77—78 и др.

¹⁵ Реконструкцию этого эпизода см.: Чернов И. А. А. Блок и книгоиздательство «Алконост». С. 530—538.

¹⁶ См. об этом: Витязев П. Частные издательства в Советской России. Пг., 1921. С. 20.

свещения А. В. Луначарским. Содействие издательству оказал также М. Горький, который 19 июля 1919 года обратился к Лисовскому с письмом:

«Товарищ Лисовский!

3-го июля Вы запретили издательству „Алконост” печатать книги:

„Записки мечтателей”, 2 с(борник)а;

„Кризис культуры” Андрея Белого;

„Скрижали”¹⁷ и „Электрон” Алексея Ремизова;

„Цель творчества” Эрберга;

„Прометей” — Иванова.

Позвольте осведомить Вас, что одна книга „Записок мечтателей” уже напечатана, все же остальные — часть или целиком — набраны.

Все эти книги поступают в распоряжение Наркомпроса и Центропечати.

Все они имеют серьезное значение как попытка группы литераторов разобраться в ее отношении к действительности. На бумагу и набор этих книг уже затрачены крупные средства и известное количество рабочей энергии.

Поэтому я бы убедительно просил Вас разрешить эти книги к печати<...>».¹⁸

Благодаря вмешательству Горького издательство смогло продолжить свою деятельность и Иванову удалось выпустить еще одну книгу в «Алконосте», написанную совместно с М. О. Гершензоном, — «Переписку из двух углов» (1921). Однако отъезд поэта летом 1920 года в Кисловодск, а затем переезд с семьей в Баку прервал сотрудничество, начавшееся столь плодотворно. В марте 1923 года Алянский обратился к поэту с письмом, выражая желание возобновить сотрудничество (это письмо в фондах Иванова не обнаружено). Ответное письмо к Алянскому говорит о готовности Вяч. Иванова опубликовать в «Алконосте» ряд своих произведений, в том числе и переданные в другие издательства и не увидевших свет. Однако сотрудничеству с «Алконостом» не суждено было возобновиться, в первую очередь в связи с закрытием издательства в 1923 году.

Письма С. М. Алянского к Вяч. Иванову публикуются по автографам, хранящимся в архиве Вяч. Иванова в Российской государственной библиотеке (письма 3, 5: РГБ. Ф. 109. Карт. 11. Ед. хр. 27) и Рукописном отделе Пушкинского Дома (письма 1, 8: ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 390; письма 6, 7: там же. Ед. хр. 245). Письма Вяч. Иванова к С. М. Алянскому воспроизводятся по автографам, хранящимся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 7).

Письма 1, 3, 5, 6, 7, 8 написаны на бланках издательства «Алконост» («Склад изданий: Колокольная ул., д. № 1, книжная лавка. Тел. 2-24-08»). Из них только письмо 8 написано на новом бланке, где название издательства указано без мягкого знака.

¹⁷ Этот сборник вышел в издательстве под названием «Заветные сказы». Об истории издания сборника см. подробнее в книге: Данилова И. Ф. Литературная сказка А. М. Ремизова (1900—1920-е годы). Helsinki, 2010. P. 199—206.

¹⁸ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2007. Т 13. С. 15—16.

1. С. М. Алянский — Вяч. Иванову

Петербург, 8-го Августа 1918 г.
Вячеславу Ивановичу Иванову.
Москва,
Зубовский бульвар. 25

Милостивый Государь Вячеслав Иванович,

Вследствие выраженного Вами при устных переговорах¹ согласия предоставить нашему издательству Вашу книгу под названием «МЛАДЕНЧЕСТВО» настоящим подтверждаем наши условия издания названной книги:

Весь гонорар Ваш определяется в сумме 2000 р. (две тысячи рублей) и будет Вам выплачен в два приема: 1) 1500 руб. (одна тысяча пятьсот рублей) подлежат уплате в течение одного месяца считая со дня написания сего письма и 2) остаток в размере 500 руб. (пятьсот рублей) будет выплачен Вам по мере расхождения сего издания.

С совершенным почтением
Издательство «АЛКОНОСТ»

С. Алянский.

¹ Подробнее см. об этом в книге: *Алянский С. М. Встречи с А. Блоком*. С. 54—59.

2. Вяч. Иванов — С. М. Алянскому

(Не позднее 23 августа 1918 г.)¹
Москва, Зубовский б. 25

Многоуважаемый Самуил Миронович,

Посылаю Вам с оказией для набора еще два рассказа Л. Зиновьевой-Аннибал («За решетку» и «Голову Медузы»). Третий, мною намеченный («Лондон»), еще не успел склеить, п(отому) ч(то) с получением рукописей было немало хлопот, досад и задержек.² Порядок рассказов. 1) Помогите Вы! 2) За решетку. 3) Письмо о неблагополучии мироздания. 4) Электричество. 5) Голова Медузы. 6) Лондон. Так предполагаю. Есть еще рассказ «Белая ночь», включать ли его в томик, не знаю, колеблюсь. С другой стороны, «Лондон» — довольно длинный рассказ, длиннее (немного) «Медузы».³ Набор покажет, сколько листов потребуется для этих пяти рассказов и что можно еще прибавить. Предисловие мне удобнее составить, обзрев книжку в целом. Жду от Вас вестей и, б(ыть) м(ожет), скорого с Вами свидания?

Сердечный привет.
С искренним уважением

Вяч. Иванов.

Кланяйтесь милому Александру Александровичу.⁴

В. И.

Письмо написано на бланке издательства «Оры». Отправлено с оказией; в фирменном конверте издательства [С.-Петербург. Таврическая 25, кв. 44] надпись: Г(осподин)у Самуилу Мироновичу Алянскому. Колокольная 1, Книжная лавка. *Петроград*.

¹ На конверте слева карандашом, по-видимому рукой Алянского, приписана дата — 24/VIII(19)18 г., — вероятно, дата получения письма.

² Рассказ «Лондон», видимо, существовал в виде отдельных фрагментов. И Иванову предстояло реконструировать рукопись, что следует из предисловия к публикации (см. следующее прим.).

³ Рассказы помещены в сборнике в следующем порядке: Помогите вы! (Бред красным карандашом); За решетку; Кошка. (Отрывок из письма о неблагополучии мироздания); Электричество; Голова Медузы; Лондон. (Из бумаг молодого Опалина); Пасха. (Эпилог).

В Предисловии к сборнику рассказов Иванов сообщил о творческой истории включенных произведений: «В последний год своей жизни (†17 октября 1907 г.) Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал задумала новую книжку рассказов, в число которых должны были войти и три уже напечатанные порознь: „Помогите вы!“, „Электричество“ и „Кошка“, или „Отрывок из письма о неблагополучии мироздания“. Для того же сборника предназначался рассказ „Голова Медузы“, печатающийся ныне впервые, как и монолог „За решетку“, написанный в 1906 г. и положенный под спуд вследствие крайней рискованности затронутой в нем политической темы.

Что же до фрагментов, озаглавленных нами „Лондон“ и составляющих часть небольшой повести, работа над которою (...) была прервана внезапной смертью писательницы, — мы не знаем, была ли бы эта повесть включена, как самостоятельное произведение, в задуманный сборник, или же, как ранний дневник главного действующего лица „Пламенников“, Дмитрия Опалина (...). Под заглавием „Нет!“ покойная писательница соединила, в I книге „Факелов“, три разных произведения, а именно: „Медвежата“ (рассказ, которым открывается изданный в 1907 г. отдельной книгой „Трагический Зверинец“ и эпиграф из которого выставлен нами в начале этой книги), „Помогите вы!“ и тот „эпилог“ («Пасха»), коим заключается и настоящее собрание» (Иванов Вяч. Предисловие. С. 5—6).

⁴ Блоку.

3. С. М. Алянский — Вяч. Иванову

Петербург 24 Августа 1918 г.

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Получил от вас обе рукописи Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, которые вместе с взятыми мною у Вас ранее передал в типографию для набора. В настоящее время трудно определить, какое количество листов получится из указанных рукописей, думаю, что, во всяком случае, листов 5—6 будет, что как раз входит в рамки моих средств. Относительно гонорара за эти 5 рассказов; разрешите оставить вопрос до более точного определения стоимости книги.

Ваше предисловие к рассказам Л. Д. Зиновьевой-Аннибал очень прошу не задержать.

Одновременно с сим посылаю Вам корректуру Вашей книги «Младенчество», которую также очень прошу не задержать и передать ее Георгию Федоровичу Кнорре,¹ который к Вам зайдет.

К сожалению, в новой типографии, в которую отдал «Младенчество», не нашлось ни одного старого шрифта и таким образом приходится удовлетвориться настоящим. Рамка, которую Вам показывал, не подошла к формату книги, и, если Вам корректурная рамка не нравится, укажите. На обложке название «Младенчество» будет отпечатано красными буквами, перед титульным листом будет лист с издательской маркой. Все дефекты очень прошу Вас указать, буду считать обязательным их устранение. Очень прошу также прокорректировать библиографию, т. к. для нас это имеет колоссальное значение.²

С деньгами дело обстоит следующим образом: 500 р., кот(орые) я обязан уплатить Вам в августе, думаю, будут уплачены в срок, в крайнем случае, в первых числах сентября. Финансовый кризис разрешается постепенно и благоприятно, так что мысль о дневнике, о котором говорил Вам, близка к осуществлению. А посему очень просил бы Вас приготовить для первого номера «дневника» небольшую статью или стихи, или что найдете нужным

и интересным.³ Редактировать журнал берет на себя Александр Александрович Блок.⁴ Кстати, предложите название для этого дневника-журнальчика.

Еще раз покорнейшая просьба, Вячеслав Иванович, задержать корректуру не дольше чем 2—3 дня, т. к. для нас это имеет очень важное значение.

В Москву думаю приехать, когда будут готовы две книги: «Младенчество» и «Кризис жизни»,⁵ и если Вы не задержите корректуру, это выйдет через 2 недели. Привезу с собой корректуру рассказов Л. Зиновьевой-Аннибал.

Если у Вас найдутся Ваши книги «Кормчие звезды» экз(емпляров) 5,⁶ очень прошу передать их Георгию Федоровичу, который переправит их в Питер, что же касается книг изд(ательства) «Оры», то о них поговорим с Вами лично.

Извиняюсь за очень многословное и небрежное письмо, тороплюсь воспользоваться любезностью Александры Николаевны Чеботаревской,⁷ согласившейся передать Вам сие письмо и корректуру.

С глубоким уважением и преданностью

С. Алянский.

Р. S. Одновременно с присылкой мне корректуры «Младенчества» укажите, пожалуйста, как на обложке будет название рассказов Л. Д. Зиновьевой-Аннибал — «Рассказы» или по первому рассказу «Помогите вы!»?

С. Алянский

¹ Кнорре Георгий Федорович (1891—1962) в 1918 году в «Алконосте» опубликовал под псевдонимом Алексей Кириллов повесть «Записки Всеволода Николаевича»; был одноклассником (вместе учились в гимназии С. А. Столбцова) и другом Алянского. Переехав в 1917 году в Москву вместе с семьей, Г. Ф. Кнорре стал там представителем «Алконоста» и вел переговоры с московскими авторами: забирал рукописи, доставлял корректуры, выдавал авансы и гонорары за публикации. В недавно опубликованных воспоминаниях Кнорре есть характерная запись о Вяч. Иванове: «Вячеслав Иванов — нигде не витает. Он — выматывает, обессиливает человека, если тот связан с ним денежными расчетами. Десять раз переспросит — не может ли тот его „выручить, так как совершенно неизвестно, как удастся обернуться в эту неделю“. Но это, впрочем, только система, хоть и ужасная система. Он Мулей (С. М. Алянским — А. А.) явно доволен за его аккуратные платежи. Все они ухватились за возможный удачный поворот в Мулиных делах» (*Кнорре Г. Ф. Дневные заметки. 1918 год. М., 2010. С. 45*). О нем см. также: *Сабинин-Кнорре В. Узы и судьбы: (воспоминания о С. М. Алянском) // Наше наследие. 2003. № 66. С. 150—161*; *Лекманов О. Андрей Белый и Вячеслав Иванов в дневнике Георгия Кнорре 1918—1919 годов // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. Вып. 1 / Отв. ред. К. Ю. Лапо-Данилевский, А. В. Шишкин. СПб., 2010. С. 670—677.*

² Подразумевается библиография книг Иванова, вышедших до 1918 года, помещенная в конце издания под заглавием «Книги Вячеслава Иванова».

³ Речь идет о замысле журнала, который первоначально планировалось назвать «Дневники мечтателей», итоговым названием этого журнала стало — «Записки мечтателей».

⁴ Сообщение об Александре Блоке как о редакторе журнала оказалось преждевременным. В декабре 1918 года Алянский просил взять на себя редактирование журнала Андрея Белого (см.: Андрей Белый и С. М. Алянский: переписка. С. 77). «Записки мечтателей» вышли без указания редактора с программной статьей Андрея Белого (см. об этом: Блок в неизданной переписке и дневниках современников. (1898—1921). С. 480).

⁵ Имеется в виду готовившаяся к печати параллельно с «Младенчеством» книга А. Белого «Кризис жизни» из цикла «На перевале». В этом цикле отдельными изданиями помимо «Кризиса жизни» вышли «Кризис мысли» и «Кризис культуры». Первая книга вышла в свет в сентябре 1918 года (*Белый А. На перевале. I. Кризис жизни. Пб.: Алконост, 1918. 116 с.*). Две другие — в январе 1919 (*Белый А. На перевале. II. Кризис мысли. Пб.: Алконост, 1918. 124 с.*) и в первой половине 1920 года (*Белый А. На перевале. III. Кризис культуры. Пб.: Алконост, 1920. 89 с.*).

⁶ Книга «Кормчие звезды» была подарена автором Алянскому. Экземпляр с дарственной надписью («Дорогому Алконосту, Самуилу Мироновичу Алянскому, с любовью. Вяч. Иванов. 1919») находится в архиве Алянского, хранящемся в Музее А. Блока в Шахматове (см.: Книги с дарственными надписями: из архива С. М. Алянского. С. 82).

⁷ Чеботаревская Александра Николаевна (1869—1925), переводчица, журналистка. О взаимоотношениях Чеботаревской с Вяч. Ивановым см.: Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 238—295.

4. Вяч. Иванов — С. М. Алянскому

I. IX. 1918

Многоуважаемый Самуил Миронович,

Если «Лондон» превышает желательное Вам число листов книги, я ничего не буду иметь против невключения его в сборник рассказов. Если же хотите его печатать, прошу набирать немедленно, чтобы я мог в скорейшем времени прочесть его в корректуре (весьма ответственной) вместе с другими рассказами. *Оригинал мне нужен!*

Что касается «Младенчества», — поручаю Вам продержать — и уверен, что Вы это сделаете с тщательностью автора, — заключительные (новые) три строфы и пометы о времени и месте написания поэмы. Не хочу задерживать выход книжки.

Вы, вижу, забыли свое обещание расставить строки (места же есть много) очень широкими шпонами.¹ Мне бы хотелось, чтобы все строки были шире раздвинутое — разумеется, с должною симметрией и тщательностью и так, чтобы набор текста от этого не пострадал.

Вы правильно хотите напечатать на обложке слово «Младенчество» красным. Я бы предложил и внутренний четырехугольник, состоящий из прямых линий, также тиснуть красною краской, оставляя орнамент (кружево) рамки черным (как имя автора и название издательства и дату): думается, это было бы красиво.

Бумага хороша.

Вступление на стр. 3 лучше было бы перенабрать сплошь курсивом. Заголовки, следовательно, наклонными прописными курсива.²

Живой привет! До скорого, надеюсь, свидания!

С искренним уважением.

Вяч. Иванов.

«Рассказы» — если нет в новой типографии елисаветинского шрифта — желал бы видеть набранными также корпусом, но с значительными шпонами.

¹ Шпон — типографский пробельный материал в виде тонких пластинок, используемый при изготовлении печатных форм. Предназначен для увеличения промежутков между строками (интерлиньяжа) при ручном наборе.

² Пожелания Иванова в отношении оформления книги в большинстве своем были выполнены.

5. С. М. Алянский — Вяч. Иванову

Петербург. 20 сентября 1918 г.

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович

Сегодня выслал Вам один из первых экземпляров «Младенчества». Судите нас, но не очень строго, т. к. вместо того, чтобы следить за работой, приходилось заниматься скачками через препятствия, а посему и работа, конечно, пострадала, есть много недочетов. К сожалению, украсить книгу, как того она стоит, не удалось по тем же причинам.

Одновременно с сим посылаю Вам корректуру рассказов Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, которую очень прошу поскорее просмотреть и дать предисловие. Есть причины и причины весьма серьезные, заставляющие меня торопить Вас очень. Дело в том, что в Северной Коммуне существует декрет, по которому все издания, после 1-го сентября сданные, должны быть печатае-

мы по новой орфографии.¹ Рассказы Л. Д. Зиновьевой-Аннибал сданы в печать до 1-го сент(ября), а поэтому они могут выйти и по старой орфографии, но чего не может случиться под луной? Тем более, что декрет в разных инстанциях толкуется по-разному. Поэтому я полагаю, что чем раньше выйдет книга в свет, тем больше она будет застрахована от всяких неприятных возможностей.

Было бы очень хорошо, если бы Вы могли через пару дней по получении коррект(уры) просмотреть ее и, написав предисловие, передать все Георгию Федоровичу,² который к Вам пойдет. Георгия Федоровича я буду просить немедленно переправить все это в Питер.³

Думаю быть в Москве в последних числах этого месяца или в первых следующего, тогда обязательно к Вам заявлюсь, а пока крепко жму руку и с нетерпением жду корректуру.

Уважающий Вас и преданный

Алянский.

Р. С. Оригиналы также прошу Вас прислать одновременно с корректурой, т. к. в случае каких-либо затруднений с последующими корректурами (хочу) иметь возможность справиться с рукописью.

Алянский.

¹ Речь идет о декрете, согласно которому «все правительственные издания, периодические (газеты и журналы) и неперидические (научные труды, сборники и т. п.), все бумаги должны с 15 октября 1918 года печататься согласно (...) новому правописанию» (Декрет «О введении новой орфографии» Народного комиссариата просвещения РСФСР СНК РСФСР от 10 октября 1918 года).

² Г. Ф. Кнорре.

³ Книга вышла осенью 1918 года в старой орфографии.

Б. С. М. Алянский — Вяч. Иванову

Петербург 15 ноября 1918 г.

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Пользуясь случаем приезда в Питер Марка Давидовича Айхенгольца,¹ спешу уведомить Вас, что до сих пор денег от Комиссариата Нар(дного) Просв(ещения) не получил несмотря на то, что договор уже подписан.

Проволочка получилась благодаря бесчисленным канцелярским формальностям: сумма субсидии должна попасть в ассигновку, несколько контролей и т. д., после чего я получу ее на руки.

Обещали выдать окончательно в среду.

Пока же, чтобы окончательно не оставить Вас без денег, посылаю 300 руб. из моего жалованья, полученного сегодня.

Из последней нашей беседы у меня создалось впечатление, что Вы не доверяете мне в денежном вопросе. Правда, Вы имели к тому основание: я второй раз оказываюсь неточным в платеже. К несчастью, не могу себя винить в этом. И если бы Вы знали, какими усилиями мне приходится устраивать денежные дела, Вы не винули бы меня.

Надеюсь в дальнейшем быть более точным, хотя, должен сказать, что по отношению к Вам был более исполнительным, чем к другим (А. Белому за «Кризис жизни» дал до сих пор только 300 р.).²

Еще раз извиняюсь и крепко жму руку.

Искренне уважающий Вас

С. Алянский.

На бланке издательства «Алконост».

¹ Подразумевается Эйхенгольц Марк Давидович (1889—1953), литературовед, переводчик. С 1918 года преподавал поэтику, историю западноевропейской литературы и театра на факультете общественных наук МГУ, в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова, Институте слова и в ряде специальных театральных школ. Секретарь Театрального отдела Наркомпроса (1918—1921).

² Одновременно с гонораром Вяч. Иванову Алянский переслал и А. Белому 500 рублей, что явствует из письма, посланного вместе с письмом к Иванову: «Спешу переслать Вам имеющиеся у меня уже несколько дней 500 руб(лей), которые зачтите за что хотите. До сих пор еще не удавалось продать Комисс(ариату) Народ(ного) Просв(ещения) 1500 экз(эмпляров) „Кризиса жизни“, и, как только удастся, немедленно вышлю Вам еще денег» (Андрей Белый и С. М. Алянский: переписка. С. 75).

7. С. М. Алянский — Вяч. Иванову

Петербург 10 февр(аля) 1919 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Пользуясь случаем поездки в Москву Диксона,¹ посылаю Вам при сем сверстанную корректуру «Прометей»,² которую очень прошу просмотреть по возможности скорей. Также очень прошу не задержать с предисловием, т. к. типография Голике,³ где набран «Прометей», требует освободить скорее шрифт.

Сверстанную корректуру и корректуру в гранках, посылаемые при сем, прошу передать Георгию Фед(оровичу)⁴ после исправления.

Преданный Вам С. Алянский

P. S. Простите за внешность письма, очень тороплюсь.

С. Ал(янский)

¹ Видимо, имеется в виду Диксон Константин Иванович (1871—1942) — театральный критик, режиссер, очеркист, библиограф. Сотрудничал в периодических изданиях: «Журнал для всех», «Мир Божий», «Новое слово», «Солнце России», «Русские ведомости», «Вестник Европы».

² Трагедия «Прометей» была в списке запрещенных к изданию книг «Алконоста»; вышла в 1919 году.

³ Типография Товарищества Р. Голике и А. Вильборга (осн. в 1902) специализировалась на выпуске высокохудожественных изданий и являлась одним из лучших полиграфических предприятий. В 1918 национализирована, став «15-й гос. типографией».

⁴ Г. Ф. Кнорре.

8. С. М. Алянский — Вяч. Иванову

Петербург, 11 августа 1919 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович!

Я несколько раз звонил Вам из Питера по телефону, но от Вас всякий раз отвечают, что трубка не повешена.

Я хотел узнать у Вас, нет ли новостей об «Алконосте», в частности, и как обстоит издательское дело вообще.¹ Вам, вероятно, по долгу службы часто приходится встречаться с А. В. Луначарским.² Не слышали Вы от него, двинулось ли дело с Государственным Издательством.

Это первое.

Второе: я прочел в воскресном номере «Известий»,³ что Вы делали в «Худож(ественных) Коммунах» доклад о коллективном творчестве.⁴ Этот доклад как нельзя лучше подошел бы к сборнику статей на тему о старом и новом искусстве, разрешенному питерскими властями «Алконосту». Сборник этот состоит из статей, заслушанных научно-теоретической секцией ТЕО в Питере, и содержит в себе статьи: К. Эрберга,⁵ Иванова-Разумника,⁶ Штейнберга,⁷ В. Пяста,⁸ В. В. Гиппиуса⁹ и Эйхенбаума,¹⁰ материал крайне интересный, и если бы в этом же сборнике была Ваша статья о коллективном творчестве, большего желать не следовало бы.¹¹

Если перечисленная компания Вас не шокирует и если Вы по-прежнему расположены к «Алконосту» — Вы дадите эту статью именно в этот сборник, который, быть может, будет назван по заглавию первой статьи К. Эрберга «О догматах и ересьях в искусстве».

Если Вам не трудно, ответьте, пожалуйста, ⟨на⟩ мои эти вопросы.

Передал ли Вам Георгий Федорович экземпляр «Записок Мечтателей»? Отдельные оттиски Вашей статьи «Кручи»¹² привезу Вам сам.

Пока крепко жму Вашу руку и приветствую Веру Константиновну и Лидию Вячеславовну.¹³

Преданный Вам С. Алянский.

¹ В 1919 году был наложен запрет на нижеследующие книги «Алконоста»: «Записки мечтателей», книги «Кризис культуры» Андрея Белого, «Скрижали» и «Электрон» Алексея Ремизова, «Цель творчества» Эрберга, «Прометей» Вяч. Иванова. Речь идет о переговорах с участием Вяч. Иванова по поводу возобновления деятельности издательства.

² Подразумевается работа Вяч. Иванова в культурно-просветительских органах советской власти при Наркомпросе, возглавляемых А. В. Луначарским (см.: *Бёрд Р.* Вяч. Иванов и советская власть (1919—1929) // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 305—331).

³ [Б. п.] Коллективное творчество // Известия. 1919. 10 авг. (№ 176). С. 4. Републикацию текста заметки см.: *Лавров А. В.* Вячеслав Иванов в неосуществленном журнале «Интернационал искусства» // Лица: биографический альманах. СПб., 2002. Вып. 9. С. 522.

⁴ Лекция Вяч. Иванова «О коллективном творчестве» состоялась 8 августа в Бюро художественных коммун Наркомпроса (Мертвый пер., 1). См. об этом подробнее: *Литературная жизнь России 1920-х годов: события: отзывы современников: библиография.* М., 2006. Т. I. Ч. I: Москва и Петроград: 1917—1920 гг. С. 432.

⁵ Имеется в виду Константин Александрович Эрберг (наст. фамилия Сюннерберг; 1871—1942), поэт-символист, теоретик искусства.

⁶ Иванов-Разумник (наст. имя Разумник Васильевич Иванов; 1878—1946), критик, публицист, историк русской литературы и общественной мысли.

⁷ Штейнберг Аарон Захарович (1891—1975), философ, литератор, общественный деятель.

⁸ Пяст Владимир Алексеевич (наст. фам. Пестовский, 1886—1940), поэт-символист, прозаик, переводчик, стиховед.

⁹ Гиппиус Василий Васильевич (1890—1942), литературовед, переводчик.

¹⁰ Эйхенбаум Борис Михайлович (1886—1959), литературовед.

¹¹ Искусство старое и новое / Сб. под ред. Конст. Эрберга. Пб., 1921. 189 с. В сборник вошли статьи: *Конст. Эрберг.* О догматах и ересьях в искусстве; *Штейнберг А. З.* Развитие и разложение в современном искусстве; *Иванов-Разумник Р. В.* «Мистерия» или «Буфф»?; *Пяст Вл.* Театр слова и театр движения; *Гиппиус В.* Театр и народ; *Эйхенбаум Б.* Трагедия Шиллера в свете его теории трагического; *Гурлянд-Эльашева Э. З.* Идея творческого сознания в драмах Ибсена.

¹² Статья Иванова «Кручи» вышла в журнале «Записки мечтателей» (№ 1).

¹³ Имеются в виду Вера Константиновна Иванова (урожд. Шварсалон; 1890—1920), дочь Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака, третья жена В. И. Иванова, и Лидия Вячеславовна Иванова (1896—1985), дочь Вяч. Иванова и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал.

9. Вяч. Иванов — С. М. Алянскому

6 окт. 1919

Дорогой Самуил Миронович,

На ходу, через Лидию Ивановну, несколько слов. Что же не едете к нам? Печатаете ли «Прометей»?¹ Хочется видеть его осуществленным и в продаже. «Скрябин» можно печатать и так — без введения. Если печатание «Человека» под сомнением, соблазнительно мне располагать им иначе.² Поклон Блоку, Ремизову, Сюннербергу. Конст(антину) Ал(ексан)др(ови)чу³ скажите, что моя статья о коллективном творчестве давно отдана «Изобразительным» искусствам».⁴

Крепко жму вашу руку.

Вяч. Иванов.

На лицевой стороне надпись — *Алконосту*.

¹ В архиве Алянского, находящемся в Музее А. Блока в Шахматове, сохранился экземпляр «Прометей» с дарственной надписью автора:

«„В добрый час!“

Милому Самуилу Мироновичу, чудотворцу и пастырю Алконостову, привет и любовная стрела:

Пусть Блок сам биограф гражданский,
Широкрыл Алконост
И змеемудрый пусть Алянский
Мнят привязать меня за хвост.
К той колеснице, на которой
Мы титанически летим
Или увязли и стоим,
Как некий земной серафим,
Пред европейскою Пандорой:
Ты в утеснительном узле
Перо единое оставишь,
А сам в иной святой земле
Полет заоблачный направишь

8 марта 1920 Вячеслав Иванов» (цит. по: Книги с дарственными надписями: из архива С. М. Алянского. С. 82).

² Речь идет о мелопее «Человек», которую Иванов планировал опубликовать в издательстве «Полярная звезда». Однако этому замыслу не суждено было осуществиться (см. письмо 9). Из девяти стихотворений четвертой части «Человека» четыре были опубликованы в «Записках мечтателей». Подробнее об истории создания и публикации мелопеи см. примечания О. Дешарт в издании: *Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. III. С. 737—740; *Шишкин А. Б.* К истории мелопеи «Человек»: творческая и издательская судьба // Иванов В. И. *Человек: приложение: статьи и материалы* / Сост. А. Б. Шишкин. М., 2006. С. 17—50.

³ Эрбергу.

⁴ Статья Иванова «О коллективном творчестве», как и многие другие книги и статьи этого периода, так и не была опубликована. Публикацию конспекта этой статьи см.: *Лауров А. В.* Вячеслав Иванов в неосуществленном журнале «Интернационал искусства». С. 523.

10. Вяч. Иванов — С. М. Алянскому

Баку, Гос. Унив.

14 [февр.] марта 1923.

Дорогой Самуил Миронович,

Благодарю Вас за то, что прислали ко мне милого Семена Львовича.¹ Благодарю за письмо и книгу. Рад я был вестям от Вас и о Вас. «Симпатии» мои к Алконосту, о коих Вы спрашиваете, не «пропали» ли они, совершенно

прочны и не менее живучи, чем сам Алконост, — уверяю Вас. Алконосту сообщаю следующее.

а) Стихов я, увы, не пишу со смерти моей жены, но, может быть, еще буду писать.²

б) Неизданную и запроданную в 1919/20 г. издательству «Полярная звезда» поэму (или, вернее, мелопею) «Человек» охотно предложил бы Алконосту, если он переговорит со «Звездой», коли она еще не рассыпалась в космическую пыль, подобно стольким другим сидеральным знакам на нашем литературном небосклоне последних лет.³

в) Издал бы я в «Алконосте» и многие лирические стихотворения, не вошедшие доселе ни в один мой сборник, но я получил в свое время (1920), кажется, 40 000 р. авансом за них от «Странствующего Энтузиаста». ⁴ Где-то он странствует? Стихи же покоятся в московском архиве моих бумаг, и у меня к ним доступа нет.

г) Весьма желал бы видеть изданною мою «Эллинскую религию страдающего Бога» (печатавшуюся в виде двух серий статей в «Новом Пути» за 1904 г. и в «Вопросах жизни» за 1905 г.).⁵ Напечатанное издание погибло на складе «Сириуса». Есть один только экземпляр (с исправлениями текста статей) в руках Эфроса, московского сотрудника отдела Музеев,⁶ ибо книга запродана была также «Полярной звезде» и какому-то близнецу ее:⁷ этими двумя рождающимися издательствами Абр(ам) Маркович Эфрос заведовал. В моей новой книге «Дионис и прадионисийство», напечатанной в Баку, я говорю — в предисловии — об упомянутой моей работе, что она будет вскоре переиздана и послужила бы полезным введением в академический специальный трактат, ныне брошюруемый в типографии.⁸

д) К «Скрябину» я должен прибавить главу о «Предварительном Действе»⁹ Скрябина, ныне изданном, и изменить в статьях кое-что, вообще подготовить книжку. Но Сем(ен) Львович уже уезжает, а мне сделать это за его короткое пребывание в Баку не удалось, — прямо времени не было. Жду оказии, дабы переслать Вам корректуру.

е) О покойном А. А. Блоке отказываюсь ныне и говорить и писать, им завладела большая политика. Но Вам, м(ожет) б(ыть), пришлю страничку воспоминаний.

ё) Не имею последних (после № 2/3) «Записок мечтателей».

Дочь Вам кланяется. С любовью Ваш Вяч. Иванов.

¹ Неустановленное лицо.

² Имеется в виду смерть Веры Константиновны Шварсалон 8 августа 1920 года.

³ Мелопея «Человек» значилась в издательских объявлениях «Алконоста» с 1918 года. Однако опубликовать мелопею в советской России так и не удалось. Подробнее см.: *Шишкин А. Б.* К истории мелопеи «Человек»: творческая и издательская судьба. С. 17—50.

⁴ «Странствующий энтузиаст» — частное книгоиздательство, выпустившее всего две книги: *Сологуб Ф.* Фимиамы. Обл. и рис. В. Конашевича. Пб., 1921. 105 с.; *Кузмин М.* Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро: В 3 кн. Пб., 1919. 234 с.

⁵ В 1923 году Иванов вел переговоры о публикации «Эллинской религии страдающего бога», о чем, в частности, писал А. Н. Чеботаревской: «Позаботился бы о том, о чем Вы, несмотря на все мои настояния, упорно забываете: сдал бы в печать в любое издательство (конечно, поговорив раньше с Эфросом, как представителем нерожденной «Поляр(ной) Звезды» и «Гесперида») свой очерк „Эллинская религия страдающего бога“, который должен быть в печати потому, что я ссылаюсь на него, как на полезное введение, в новой книге „Дионис“» (Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской. С. 280). И далее: «Lancez mon livre (Дайте ход моей книге (фр.)) — „Эллин(ская) рел(игия) страд(ающего) бога“». Переговорив с С. М. Эфросом. Если бы по несчастью экземпляр (единственный печатный) был утерян, перепечатывать со статей в Нов(ом) Пути и Вopr(осах) Жизни без изме(нений)» (Там же. С. 279—280). «Эллинская религия страдающего бога» печаталась частями в журнале «Новый Путь» в 1904 (№ 1—3, 5, 8, 9) под заглавием «Религия Диониса. Ее происхождение и влияния». В «Вопросах жизни» (1905. № 6, 7) опубликовано окончание этой работы (см. подробнее: Письма Вяч. Иванова к

Александре Чеботаревской. С. 280; *Котрелев Н. В.* Вячеслав Иванов. Эллинская религия страдающего бога. С. 556—558). «Эллинская религия страдающего бога» в 1917 году была набрана в издательстве М. и С. Сабашниковых, но весь тираж сгорел во время пожара на складе. В «Алконосте» также не была выпущена.

⁶ Эфрос Абрам Маркович (1888—1954), искусствовед, литературовед, театровед и переводчик.

⁷ Подразумевается издательский кооператив «Геспериды». См. прим. 3 к наст. письму. Об упомянутых кооперативах см. запись в книге «Частные издательства в Советской России»: «Особого внимания заслуживают два новых писательских кооператива — „Геспериды” и „Полярная Звезда”. Правда, этим издательствам не удалось еще выпустить ни одного своего издания. Ценность этих издательств в том громадном и высшей степени ценном литературном фонде, которым они обладают. Оказывается, что они „насчитывают в своих портфелях около 30 новых книг по беллетристике, поэзии, истории литературы и искусства с числом листов до 400”». (*Витязев П.* Частные издательства в Советской России. С. 18).

⁸ Имеется в виду книга: *Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство. Баку, 1923. XII. 303 с.

⁹ Упомянутая статья, как и планировавшаяся книга о Скрыбине, издана не была. См. подробнее: *Бёрд Р.* Неизданный текст Вячеслава Иванова о «Предварительном действе» А. Н. Скрыбина // *Русская литература.* 2006. № 3. С. 147—151.

ПРИЛОЖЕНИЕ

〈Проект Собрания сочинений Лидии Дм. Зиновьевой-Аннибал〉¹

Т. I

Пламенники.

Т. II

Ч. I *Трагический зверинец*

Ч. II *Рассказы:*

50² Тридцать три уroda

20 Голова Медузы

15 За решеткой

5 Бред красным карандашом

5 Письмо о неблагополучии мироздания

5 Электричество

10 Белая ночь

5 Письмо о смертной казни

Тени сна

Лирические страницы

Стихи

В раю отчаяния

+ *Рецензии*

Афоризмы.

Т. III

Театр

Ч. I. Кольца. (Прибавил версифициров〈анный〉 отрывок).

Ч. II. Певучий Осел

Ч. III. Великий колокол: 1 ред〈акция〉, 2ая ред〈акция〉, 3^я ред〈акция〉 и реставрация.

¹ Проект Собрания сочинений Лидии Дм. Зиновьевой-Аннибал // Римский архив Вяч. Иванова. Оп. 2. Кар. 27. № 2.

² Здесь и далее арабской цифрой перед названием обозначено количество машинописных страниц.

© Н. А. БОГОМОЛОВ

ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ НА СЛУЧАЙ

В 2001 году было опубликовано небольшое стихотворение Вяч. Иванова, записанное в одной из его рукописных тетрадей почерком В. М. Зуммера.¹ Приведем его текст:

ВЛ. ВЛ. РУСЛОВУ

Неведомый собрат, сочувственник смиренный,
 На дар нечаянный приязни сокровенной
 Как умиленному достойно отвечать?
 Заветный переплет раскрою и печать
 Античного резца возьму в сургуч кипучий —
 И вспомню Ваш привет, и Вас приведший случай,
 Когда в толпе родной и чуждой мне Москвы
 Мимоидущего напутствовали Вы,
 За кем в его пути окрайном, особливом
 Следили издавна с участием стыдливым.
 Раскрою переплет — и позову мечту,
 Но Ваш *elogium* не часто перечту:
 Тогда лишь, как в тоске пустынного боренья
 Смущенною душой возжажду уверенья,
 Что не без отклика я глухо пел, о том,
 Что помнил, странствуя, про мой старинный Дом.

10.VII.1924, Москва²

В самом же описании тетради данный текст представлен таким образом: «Л. 24. (...) автограф карандаш., рукой В. М. Зуммера, не опубликовано, см. приложение. Первоначально в заглавии В. М. Зуммером была неточно указана фамилия: „Урусову“, исправлено на „Руслову“ другим почерком. Перед первой строкой зачеркнуто: „Алексан(...)“».³

Это стихотворение явно относится к числу достаточно обильных в наследии Иванова и нередко им самим публиковавшихся «стихотворений на случай». Напомним, что еще в 1906 году он писал жене: «Я прихожу к сознанию, что все равно кому, о чем и на какой случай писать стихи. И лучше всего — на случай».⁴ Конечно, вряд ли он повторил бы это суждение в более ответственном тексте, но тем не менее следует учитывать, что шуточные и не шуточные *Gelegenheitsgedichte* для него были привычны и временами существенны. Говоря о стихотворном наследии Иванова двадцатых и тридцатых годов, Н. В. Котрелев совершенно справедливо замечает: «...для созда-

¹ О личности этого человека, друга Иванова, см.: *Парнис А. Е.* Заметки к теме «Вячеслав Иванов и Александр Иванов» (Неизвестные отзывы Вяч. Иванова о докторской диссертации В. М. Зуммера) // *Donum homini universalis: Сборник статей в честь 70-летия Н. В. Котрелева.* М., 2011. С. 266—293.

² *Кузнецова О. А.* Материалы к описанию тетрадей стихотворных автографов из Римского архива Вяч. Иванова // *Русский модернизм: Проблемы текстологии.* СПб., 2001. С. 257. Опечатку в ст. 11 (в тексте книги напечатано: «Раскрою периплеи — и позову мечту») исправляем на основании автографа, хранящегося в Римском архиве Вяч. Иванова (представлен в Интернете по адресу: <http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-1/karton-5/p04/op1-k05-p04-f24.jpg>).

³ Там же. С. 238. В первом случае купюра сделана нами, во втором отточие в ломаных скобках означает окончание не читающегося зачеркнутого слова.

⁴ Письмо В. И. Иванова к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от 29 июля 1906 г. // РГБ. Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 3.

ния целостной картины ивановского творчества необходимо учесть все немногое, что было создано, независимо от оценки качества»,⁵ — и при этом наглядно показывает, как именно следует представлять такие тексты.

В данном случае стихотворение далеко от прозрачности. С одной стороны, у читателей нет оснований не доверять автору, что все описанное является цепью реальных событий. Но затруднения начинаются с попытки определить, что именно является «даром нечаянным приязни сокровенной». Это мог быть альбом с дарительной надписью (elogium), это могла быть какая-либо книга, в том числе и самого Иванова, любовно переплетенная бывшим владельцем и снабженная подобной же надписью. Как нам кажется, взаимосвязанные действия, представленные в строках 4—5, на деле относятся к разным событиям, а не к одному: раскрытие переплета влечет за собой написание обращенного к дарителю письма (возможно, содержащего само это стихотворение), запечатываемого сургучной печатью «античного резца». Прежде всего, наше рассуждение связано с реалиями: печать в книге или альбоме выглядит неуместной, тогда как на конверте, даже при советской власти, — да. Правда, сколько мы знаем, Иванов не часто пользовался засургученными пакетами, в отличие от некоторых своих современников (например, М. Кузмин в 1900-х годах часто использовал печать с изображением Антиноя), и это ведет к другим гадательностям: возможно, адресат стихотворения специально просил Иванова послать ему письмо, запечатанное определенным изображением.

Не очень понятны и пронызывающие стихотворение антиномии всякого рода: «неведомый собрат», «дар нечаянный», «родная и чуждая Москва», «стыдливое участие» и др. Однако их объяснение, как кажется, находится, если понять, к кому стихотворение обращено. Мы постараемся прокомментировать стихотворение Иванова, опираясь на уже опубликованные и пока что остающиеся неизданными материалы, связанные с личностью его адресата.

Первое представление о Владимире Владимировиче Руслове можно довольно легко создать, опираясь на публикации, связывающие его с М. А. Кузминым и наследием А. А. Блока.⁶ Дата его рождения нам неизвестна, однако в сентябре 1907 года, согласно записи М. А. Кузмина в дневнике, он еще гимназист, т. е. родился, по всей вероятности, между 1886 и 1888 годом. Отец его был врачом, а также членом оценочной комиссии Московского кредитного общества. Интересующий нас человек жил в одной квартире с отцом по адресу: Малая Бронная, д. 34. Это небезынтересно, так как дом находится совсем недалеко от места рождения Иванова (ср. слова послания о «родной и чуждой мне Москве» и о «старинном Доме», который тем самым приобретает, судя по всему, очертания родного дома Иванова). В московских справочниках 1914—1915 годов он значился чиновником Казенной палаты, а в 1916—1917 годах — сотрудником коммерческой службы Правления Александровской железной дороги и членом Московского отделения Императорского Русского технического общества. В более поздних

⁵ *Котрелев Н. В.* Два забытых стихотворения Вячеслава Иванова: I. «Творцу миров иллюзии волшебной...»; II. «Обоим сон в тот вечер...» // От Кибирова до Пушкина: Сборник в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2011. С. 180.

⁶ Назовем их в хронологическом порядке: *Тимофеев А. Г.* 1) Прогулка без Гуля? (К истории организации авторского вечера М. А. Кузмина в мае 1924 года) // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990. С. 178—196; 2) Еще раз о вечере М. Кузмина в студии «Синяя птица» (1924) // Новое литературное обозрение. 1993. № 3. С. 158—160; *Богомолов Н. А.* 1) Михаил Кузмин: статьи и материалы. М., 1995. С. 200—215; 2) Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 2009. С. 462—463; *Лавров А. В.* Этюды о Блоке. СПб., 2000. С. 285—305; *Кузмин М.* Дневник 1905—1907. СПб., 2000 (по указателю); *Кузмин М.* Дневник 1908—1915. СПб., 2005 (по указателю). Ср. также нашу статью, указанную в прим. 12.

справочниках «Вся Москва» его фамилия отсутствует. Согласно беглой записи в архиве Е. Ф. Никитиной, умер в Москве 19 ноября 1929 года.⁷

Однако нас интересует не столько его биография, сколько связи и контакты с Вяч. Ивановым и его окружением. Вот то, что удалось отыскать.

Первым известным нам знакомым Руслова из сферы искусства является С. П. Дягилев. От него о Руслове узнает М. А. Кузмин. С ноября 1907 по февраль 1908 года они весьма активно обмениваются письмами, из которых, к сожалению, мы знаем лишь 11 чрезвычайно содержательных писем Кузмина. Письма Руслова пока что не обнаружены, и вероятность находки, как кажется, весьма мала. Между тем этих писем должно было быть значительно больше, чем посланий Кузмина.⁸ Эпизодически переписка продолжалась и несколько позже, однако никаких следов ее обнаружить не удалось, хотя в дневнике Кузмина появляется примечательная запись: «Письмо от Руслова, предлагает мне издать нашу переписку».⁹

24 сентября 1909 года в том же самом дневнике появляется запись, которая интересна в нашем контексте прежде всего потому, что Кузмин в это время живет на Башне: «Вскоре приехал Руслов, вот кто был из Москвы. Мало здесь теток своих. Квакал, жеманничал. Приехал Гумилев, потом Франк. Первый скоро уехал, найдя наш разговор слишком „юнкерским“. <...> Вяч(еслав) уехал куда-то с чемоданом, все похороны».¹⁰ С тех пор Руслов сравнительно надолго поселяется в Петербурге. 30 сентября он заезжал на Башню, но тоже непонятно, столкнулся ли с вернувшимся уже Ивановым. Опять в гостях у Кузмина он был (или хотя бы заезжал) 2, 6 и 10 октября, 6 ноября, 4 и 13 декабря. Даже если мы не будем строить гипотез о том, виделись два человека или нет, хотя бы бегло, то сама по себе эта ситуация должна была быть очень значимой, поскольку комментирует слова о «неведомом собрате».

Существенно, видимо, упомянуть, что единственная известная нам публикация стихов Руслова¹¹ появилась в том журнале, с которым долго было связано имя Иванова, а последняя работа появилась в предшествующем номере.

Сколько мы можем представить себе личность Руслова, он был чрезвычайно заинтересован в общении с заметными в культуре людьми, причем в общении, оставляющем какие-то материальные следы. Кузмин переписывает для него пропавший в печати конец повести «Картонный домик» и часть цикла стихов «Мудрая встреча», обещает прислать книги с дарственными надписями. 1 декабря 1917 года, т. е. всего через месяц после прекращения октябрьских московских боев, Руслов обращается с письмом к жене В. Я. Брюсова Иоанне Матвеевне: «Будучи лишен, как почти все обитатели Москвы, телефона, я вынужден беспокоить Вас письмом. Дело в том, что я уже давно собираюсь заехать к Вам, как и для того, чтобы повидать Вас и Валерия Яковлевича, так и для того, чтобы выкупить у Вас обещанных Вами портретов Пушкина работы Сомова (так!) (Вы, надеюсь, не забыли про это?) и взять тетрадь со своими стихотворениями, которые Валерий Яковлевич уже давно, наверное, проглядел и весьма сурово раскритиковал, а также и свой альбом для автографов, куда Валерий Яковлевич хотел что-нибудь начертать, и мой экземпляр „Семи цветов радуги“, тоже оставленный мною

⁷ Лавров А. В. Указ. соч. С. 305.

⁸ Их список за 1907 год см.: Тимофеев А. Г. Авторский индекс переписки 1907—1910 гг. в рабочей тетради М. Кузмина из собрания Пушкинского Дома. Часть первая. 1907 г. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. СПб., 2010. С. 96—98.

⁹ Кузмин М. Дневник 1908—1915. С. 91.

¹⁰ Там же. С. 170.

¹¹ Золотое руно. 1909. № 5. С. 19—20.

для подписи Валерием Яковлевичем».¹² Собрание редких книг и автографов вместе с желанием делиться ими было для Руслова той органической частью личности, которая отразилась в стихотворении Иванова.

Незадолго до написания интересующего нас стихотворения Руслов принял самое активное участие в организации поездки М. Кузмина в Москву. С 10 по 13 мая 1924 года он пробыл там, побывал на двух интимных вечерах с участием довольно многих знакомых и незнакомых людей,¹³ а также в одном платном, рассчитанном на «свою», т. е. преимущественно гомосексуальную аудиторию.¹⁴ Приведем описание этого платного вечера из дневника Кузмина за 12 мая: «Руслов пришел поздно. Ничего не устроено, никого не пело, не танцевало, не читало, вообще скандал. Помещение бывшей мажорской ложи, приятное. В артистической сидели студенты. Подружился с Анисимовым, иконоведом, ярославцем. Там комната знаменитых ярославцев, и мой портрет висит. Звал к себе гостей. Собрались тетки и *jeunes'homme's* (так). Очень по-домашнему, но тепло и любезно. Два молодых человека в 1-м ряду и какой-то старичок особенно меня поддерживали. Читать было приятно. Даже контролеры из ГПУ хлопали. Ивнев, Игумнов, Поздняков, Чахотин, Русаков, Захаров-Мэнский, новые знакомые».¹⁵

28 мая 1924 года Иванов выехал из Баку в Москву, т. е. они разминулись с Кузминым всего меньше, чем на три недели. Вполне возможно, что это стечение обстоятельств также имело отношение к установлению доверительного контакта между ним и Русловым. А через год на Кавказе оказался уже Руслов, и оказался, судя по всему, не по своей воле. В письме к М. А. Цявловскому от 14 ноября 1925 года он сообщает, что в мае приехал в Тифлис и теперь прикомандирован к этому городу.¹⁶ Его пребывание там связано не только с литературной деятельностью, нуждающейся в фиксации и осмыслении, но и с фальсификацией, пристально проанализированной А. В. Лавровым.

Таким образом, контекст создания стихотворения проясняется: случайная встреча в Москве, давно покинутой и вновь на некоторое время обретенной (чтобы снова утратиться, и уже окончательно), приводит к подарку со стороны «смирненного сочувственника», настоятельно требующего ответного дара в виде не только письма, но и того самого стихотворения, которое описывает свое собственное появление, приобретая тем самым автометаописательный характер.

Что же касается «нечаянного дара», то не исключено, что он сохранился в Римском архиве Вяч. Иванова среди неопознанных по происхождению и назначению предметов. Однако систематические поиски еще лишь должны быть проведены. Впрочем, вовсе не исключено, что он был оставлен в Москве и, не задержав пристального внимания распорядителей архива и библиотеки Вяч. Иванова, зажил своей собственной жизнью.¹⁷

¹² РГБ. Ф. 386. Карт. 154. Ед. хр. 26. Л. 2 об.—1. Частично процитировано: *Bogomolov Nikolai*. Человек Серебряного века: Попытка персонологической характеристики // *L'unité sémantique de l'âge d'argent / Modernités russes*. Lyon, 2011. [Vol.] 11. P. 42. В этой статье приведены и другие факты, свидетельствующие о коллекционерских склонностях Руслова.

¹³ О первом из них см.: *Горнунг Б.* Из воспоминаний о Мих. Ал. Кузмине // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С. 179—180.

¹⁴ См. указанные выше публикации А. Г. Тимофеева.

¹⁵ Частично и с неточностями процитировано в публикации А. Г. Тимофеева (Новое литературное обозрение. 1992. № 3. С. 160). Здесь цитируется по тексту, готовящемуся к публикации Н. А. Богомоловым, С. В. Шумихиным и К. В. Яковлевой.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 1. Ед. хр. 155. Значительные фрагменты этого письма процитированы в названной выше нашей статье.

¹⁷ Уже после того, как эта статья была сдана в производство, в печати явилось еще одно четверостишие Вяч. Иванова на схожий с описанным нами случай. Поскольку оно содержится не в общедоступном источнике, приводим его текст:

Художник-духовник, на книге Вам любезной,
 Черчу я знак любви моей.
 И жить мне весело, коль живо в век железный
 Духовнейших преданье дней.

Вячеслав Иванов

Москва, 11 июля 1924.

(Написано на авантитуле кн.: *Иванов Вяч.* Кормчие звезды: Книга лирики. СПб., 1903. На книге имеются два экслибриса известного художника Н. Н. Вышеславцева (один — с текстом: «из любимейших книг ННВ») (см.: ООО «Аукционный дом „Империя”». Аукцион № 14: Антикварные книги, автографы, гравюры, открытки и плакаты / Сост. Е. А. Свирина, К. В. Сафронова, Т. А. Лашманова, О. А. Аникеева, Б. Ю. Берковской, М., 2011. С. 90; в Интернете: <http://www.auctionimperia.ru/book/14.htm>). В расшифровке текста стихотворения составители каталога были безупречны, поэтому мы приводим его по воспроизведению.

© А. Л. ТОПОРКОВ

«ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ» ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА И «СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ»

Условный исторический фон «Повести о Светомире царевиче»¹ — ситуация в некоем средневековом славянском государстве, под которым подразумевается Московская Русь. Среди событий Повести — борьба против иноверных монголоидных захватчиков и образование централизованного государства, падение Константинополя, основание патриаршества и венчание Владаря на царство. Как отмечал Томас Венцлова, на поверхностном уровне Повесть «прочитывается как исторический роман. Правда, это весьма необычный исторический роман: в нем описана альтернативная, реально не имевшая места история России (и отчасти Византии). (...) Суть того, что делает Иванов, — в синхронизации разновременных событий и тем самым в придании им панхронного смысла (можно было бы также сказать, что сюжет повести разворачивается в некоем параллельном, альтернативном времени). (...) Иванов создает „реальнейшую” историю России, историю, долженствующую быть, как бы *historia sacra*, встающую за *historia profana*».²

В Повести имеются более или менее явные отсылки к ряду произведений древнерусской литературы: «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Повесть о житии Александра Невского». И все же наиболее важными для Иванова оказались произведения Куликовского цикла и среди них — «Сказание о Мамаевом побоище».³

Как известно, помимо «Сказания», к кругу памятников Куликовского цикла относятся также «Задонщина» и летописная «Повесть о Куликовской битве». При этом, как отмечает Л. А. Дмитриев, «из всех произведений цикла С〈казание〉 — самый подробный и сюжетно-увлекательный рассказ о битве на Куликовом поле в 1380 г. С〈казание〉 сообщает целый ряд подробностей как о подготовке к Куликовской битве, так и о самом сражении, не

¹ Далее будем называть ее сокращенно — Повесть.

² Венцлова Т. О мифотворчестве Вячеслава Иванова: «Повесть о Светомире царевиче» // *Cultura e memoria. Atti del tezzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov. II. Testi in russo.* Florence, 1988. С. 41—42. Вошло в кн.: *Венцлова Томас. Собеседники на пиру.* Статьи о русской литературе. [Vilnius], 1997. С. 117—140.

³ Далее будем называть его сокращенно — «Сказание».

зафиксированных другими источниками».⁴ «Сказание» представлено в рукописной традиции в восьми редакциях и множестве вариантов, имеющих большое число различий.⁵ Впервые источниковедческое и текстологическое исследование «Сказания» предпринял С. К. Шамбинаго, который подготовил два фундаментальных издания «Сказания» по разным редакциям и спискам.⁶ Результаты исследования С. К. Шамбинаго позднее были частично пересмотрены и уточнены Л. А. Дмитриевым, а тексты, изданные С. К. Шамбинаго, опубликованы снова по рукописям в соответствии с более совершенными текстологическими правилами. Однако для нашей темы издания, подготовленные С. К. Шамбинаго, все же являются основным источником, поскольку именно ими, скорее всего, и пользовался Иванов.

Вопрос о том, какие редакции или списки «Сказания» учитывал при этом Иванов, представляется трудно разрешимым, поскольку писатель апеллировал, скорее, к общим местам «Сказания», которые имеются в разных текстах, а не являются специфическими для отдельных редакций, вариантов или списков памятника.

В соответствии с общими принципами историзма Повести, Иванов не называет прямо ни саму битву на Куликовом поле, ни Мамаю, ни князя Дмитрия Ивановича. На месте Пересвета и Осляби фигурируют два безымянных «латника-исполина». В то же время в Повести имеется множество косвенных указаний на то, что за рядом военных столкновений со степными кочевниками в ней «маячит» образ Куликовской битвы как некоего эпохального события, определившего судьбы восточнославянского государства. Такое осмысление Куликовской битвы в русской литературе начала XX века известно прежде всего по поэтическому циклу А. А. Блока «На поле Куликовом»⁷ и отчасти по роману Андрея Белого «Петербург».⁸ В этом смысле Иванов продолжал традицию построения символистского метанарратива о русской истории.

О рождении Светомира в Повести сообщается: «Родился Светомир на староселье Горынском в обедни Рождества Пресвятыя Богородицы, по

⁴ Дмитриев Л. А. Сказание о Мамаевом побоище // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2. Л—Я. С. 371—372.

⁵ Там же. С. 372.

⁶ Шамбинаго С. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906; Сказание о Мамаевом побоище / С предисл. С. К. Шамбинаго. СПб., 1907 (ОЛДП. Т. 125).

⁷ См. обширную литературу о древнерусских источниках цикла «На поле Куликовом»: Евреинова И. Н. Цикл стихов А. Блока «На поле Куликовом» и его источники в древнерусской литературе // Русская советская поэзия и стиховедение. М., 1969. С. 151—172; Паперный В. К вопросу о поэтическом механизме исторического мышления Блока (Цикл «На поле Куликовом») // Русская филология. Тарту, 1977. Вып. 5. С. 60—69; Левинтон Г. А., Смирнов И. П. «На поле Куликовом» Блока и памятники Куликовского цикла // Куликовская битва и подъем национального самосознания. Л., 1979. С. 72—95 (ТОДРЛ. Т. XXXIV); Цусков В. В. Осмысление поэтических образов древнерусской литературы в цикле стихотворений А. Блока «На поле Куликовом» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1980. № 6. С. 12—17; Усок И. Е. Куликовская битва в творчестве Александра Блока // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 258—277; Иванович М. Миф о «вечном возвращении» в разделе «Родина» Александра Блока // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1984. Vol. 25 (1). P. 61—88. В своей рецензии на книгу А. Блока «Ночные часы», опубликованной в переводе на английский язык в журнале «The Russian Review», Иванов писал по поводу этого цикла: «В душе поэта поселяется мрачное сомнение в судьбах его страны; и вот перед духовным взором провидит он близящийся натиск монгольской силы; снова должно повториться Куликово поле; еще раз на поле брани мы должны отстоять наши сокровенные святыни от темных и многочисленных азиатских полчищ» (Ivanov V. Literary Chronicle // The Russian Review. 1912. № 2. P. 148—149; цитируется обратный перевод Н. В. Котрелева с английского по публикации: Из переписки Александра Блока с Вяч. Ивановым / Публ. Н. В. Котрелева // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41. № 2. С. 166).

⁸ Соответствующий фрагмент романа процитирован в статье Иванова «Вдохновение ужаса (о романе Андрея Белого «Петербург»)» (Иванов В. Собр. соч. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 627).

тридневном окрай земли великом побоище, в утро победы пресветлой, ее же и ныне люди помнят...» (II, 2, 1—2).⁹ Это очевидное указание на Куликовскую битву, которая произошла в праздник Рождества Богородицы (8 сентября по ст. ст.). На Куликовскую битву намекают также место сражения (*окрай земли*) и словосочетание *великое побоище*.¹⁰ Тот факт, что Куликовская битва произошла в праздник Рождества Богородицы, воспринимался как знак особого покровительства, которое Богородица оказывает Русской земле. Характерным образом князь Дмитрий Иванович, согласно «Сказанию», перед походом молится иконе Владимирской Богородицы.¹¹ В Повести Иванова не только славянская держава в целом, но и новорожденный Светомир находится под защитой Богородицы.

Сама жанровая форма «Сказания», в котором соединяются элементы воинской повести, жития благоверного князя московского Дмитрия Ивановича и многочисленные фольклорные мотивы, во многом близка Повести Иванова. Написанное своеобразной ритмизованной прозой со спорадическим использованием рифмы, «Сказание» могло быть одним из источников версе (стихоподобной прозы), которым написана Повесть Иванова.

Историзм «Сказания» также имел довольно условный характер. Многие известия, воспринимаемые читателем как исторические реалии, на поверку оказываются религиозно-мистическими символами, которые лишь косвенно соотнесены с реальностью, а подчас даже ей противоречат. Таковы, например, некоторые хронологические и числовые сведения «Сказания»,¹² сообщения о том, что засадный полк атаковал татар в начале «осьмого часа», когда подул «дух южный»¹³ и др. Как известно, в «Сказании» имеется ряд анахронизмов; в частности, «литовский князь, союзник Мамаю, назван Ольгердом, в то время как им был сын Ольгерда Ягайло (Ольгерд умер за два года до Куликовской битвы)», «согласно Сказанию, участником событий 1380 г. выступает митрополит Киприан; на самом деле в 1380 г. его в Москве не было» и т. д.¹⁴

В текст «Сказания» интерполированы небесные видения. Согласно одному из них, с востока на Куликово поле надвигаются тучи, подобные татарским полкам, а с юга являются два светлых юноши в багряницах и с мечами (Борис и Глеб), которые посекали татарские полки.¹⁵ Таким образом, в битве с татарами принимают участие не только православные воины, но и высшие силы, в том числе покровители Руси и великокняжеского рода святые Борис и Глеб. Согласно другому видению, небо разверзлось над русским войском и

⁹ Цитаты из Повести здесь и далее даются по изд.: *Иванов В.* Собр. соч. Т. 1. Первая римская цифра обозначает книгу, вторая арабская — главу, третья и последующие арабские — номер стиха.

¹⁰ Ср.: «...в русских рукописных книгах 40-х гг. XV в. — „Рогожском летописце“, „Симоновской летописи“, „Новгородской первой летописи младшего извода“ — содержится краткий рассказ „о великом побоище, иже на Дону“...» (*Кириллин В. М.* Таинственная поэтика «Сказания о Мамаевом побоище». М., 2007. С. 12).

¹¹ С точки зрения исторической это один из анахронизмов «Сказания»: «В действительности эта икона, почитавшаяся как патрональная икона всей Русской земли, была перенесена из Владимира в Москву в 1395 г., во время движения на Русь войск Тимура» (*Дмитриев Л. А.* Указ. соч. С. 376).

¹² *Кириллин В. М.* Таинственная поэтика «Сказания о Мамаевом побоище».

¹³ *Рудаков В. Н.* «Дух южный» и «осьмый час» в «Сказании о Мамаевом побоище» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сб. 9. С. 135—157.

¹⁴ *Дмитриев Л. А.* Указ. соч. С. 376.

¹⁵ Здесь и далее даются ссылки на текст «Сказания» из рукописи XVI века (ГИМ, Синод. 485), опубликованный С. К. Шамбинаго (*Шамбинаго С.* Указ. соч. (2-я паг.). С. 3—37). Текст относится ко 2-й редакции «Сказания» по классификации С. К. Шамбинаго (Летописная редакция по Л. А. Дмитриеву). Параллельные места из других редакций, вариантов и списков «Сказания» и других памятников Куликовского цикла не приводятся.

из него появилась багряная заря; из облака опустилось множество рук, которые надели венцы на головы русских воинов.¹⁶

Текст «Сказания» включает многочисленные цитаты из Библии и насыщен религиозной символикой.¹⁷ Автор «Сказания» уподобляет великого князя Московского то царю Давиду, то Александру Македонскому, то императору Константину, то древнерусским князьям (Борис и Глеб, Александр Невский).¹⁸ Поход русских войск против татар и сама Куликовская битва воспринимаются автором «Сказания» как важный эпизод мировой христианской истории. Фольклорные топосы, представленные в «Сказании», также насыщены религиозно-мистической символикой (например, «питье общей смертной чаши», «битва как пир» и др.). Все эти характерные черты «Сказания», конечно, очень близки ивановской Повести.

Еще одна причина того, что из разных произведений Куликовского цикла Иванов обратился именно к «Сказанию», обусловлена тем, что в «Сказании» военный поход против татар изображается как богоугодное дело и даже религиозный подвиг. Князь Дмитрий Иванович предстает как боголюбивый князь, который многократно молится перед иконами и гробницами своих предков. Наряду с великим князем важнейшую роль в «Сказании» играет Сергей Радонежский, выступающий вдохновителем победы православных над иноверными. Посылая вместе с войском монахов Пересвета и Ослябю, преподобный Сергей утверждает единство молитвенного подвига и освободительной войны за торжество православия.

В Повести имеется ряд фрагментов, посвященных походам на «агарян» и сражениям с ними (II, 15, 21—22; III, 12—15). Особый характер этих фрагментов определяется их содержанием, стилистическими особенностями, а также серией цитат из произведений древнерусской литературы, среди которых наиболее существенны цитаты из «Сказания».

В «Сказании» преподобный Сергей сначала благословляет Дмитрия Ивановича при встрече в Троицком монастыре, а потом посылает к нему гонца, прибывающего к русскому войску утром в день сражения с грамотой, в которой «написано великому князю и всем русским князем мир и благословение и всему православному войску».¹⁹ Отправляя с Дмитрием Ивановичем Пересвета и Ослябю, Сергей «дасть им Христово знамение — миръ и благословение».²⁰ Преподобный Сергей не только благословил князя, но и предсказал ему победу. В «Сказании» особо отмечается, что благословение Сергея вдохновило Дмитрия Ивановича, который «обвеселил срдцем и поиде к Москве, радуясь, яко многоценно сокровище обрете».²¹

В Повести Сергию Радонежскому соответствует старец Парфений. Он способствовал выздоровлению Владаря, а потом три дня держал его в своей келье; после чего он благословил Владаря идти со своим полком на осажденный агарянами город и освободить его (II, 20, 11—14). Во второй раз благословение Парфения передают Владарю два латника-исполина, которые прискакали к войску накануне битвы (II, 22, 1—2). Они принесли Владарю благословение Парфения и во второй раз, когда явились к нему перед следующей битвой (III, 13, 7), однако на этот раз отказались остаться и биться вместе с Владарем. Таким образом, ситуация с благословением свято-

¹⁶ Шамбинаго С. Указ. соч. С. 30.

¹⁷ Гардзанти М. Москва и «Русская земля» в Куликовском цикле // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2006. № 1 (23). С. 105—112.

¹⁸ Кусков В. В. Ретроспективная историческая аналогия в произведениях Куликовского цикла // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 39—51.

¹⁹ Шамбинаго С. Указ. соч. С. 12, 27—28.

²⁰ Там же. С. 12

²¹ Там же.

го старца в Повести вполне узнаваема, хотя в деталях она и отличается от «Сказания».

В батальных сценах Повести Иванов использует прием удвоения событий. Если в «Сказании» описан один поход против татар, то в Повести представлены две серии эпизодов: в первый раз войско Владаря освобождает осажденный татарами город, вступает с ними в сражение и разбивает их (II, 21—22), во второй раз Владарь вступает в битву с татарами, однако приказывает отступить, снова сражается с ними на Волчьем Поле и снова отступает, сдавая врагу столичный град; позднее ему удается собрать и обучить новое войско и окончательно разгромить врага (III, 13—15). Соотнесенность этих эпизодов подчеркивается тем, что в обоих к Владарю являются двое монахов-латников с благословением от старца Парфения; при этом в первом случае латники принимают участие в битве, спасают Владаря, когда на него нападает ватага «наездников басурманских», и этим определяют исход битвы, а во втором — требуют от Владаря, чтобы он также надел схиму поверх шлема и встал вместе с ними в сражении как воин-монах; Владарь отказывается, и латники покидают место будущего боя. Прием удвоения порождает эффект драматизации действия и усиливает его внутреннюю конфликтность: знакомясь со вторым эпизодом, читатель естественно сопоставляет второй эпизод с первым, обращая внимание на их сходства и различия.

В «Сказании» Сергей Радонежский, посылая с князем Дмитрием Ивановичем Пересвета и Ослябю, велит им надеть схиму вместо шлемов, причем это одеяние, несомненно, имеет символический характер: «Он (Сергий) же скоро дать им (Пересвету и Ослябе) в тленных место нетленное оружие — крест Христовъ на скамах, и повеле им вместо шеломовъ воздевати на себя...».²² Напомним, что схима — это особое одеяние, надеваемое монахами, принявшими малую или великую схиму — две последних монашеских степени. Здесь собственно имеется в виду кукуль (от лат. *cusculus* — капюшон, наглавник) великой схимы: «Этот кукуль не только обнимает голову и плечи со всех сторон, но имеет верх несколько остроконечный и украшается пятью крестами, вышитыми из шнуров красного цвета; кресты эти расположены: на челе, на груди, на обоих плечах и на спине».²³

Перед началом Куликовской битвы Пересвет вступает в бой с огромным печенегом из татарского войска; при этом отмечается: «И бе на нем (на Александре Пересвете) шелом архагельскаго образа, вооружен бе скимою по повелению игоумена Сергея...».²⁴

У Иванова безымянные латники являются к Владарю перед битвой «в забралах железных под схимами» (II, 22, 1). Во время битвы эти «двое латников под схимою ангельской» спасают Владаря, когда на него «первых наездников басурманских, телом огромных и видом страховитых, наскочила ватага» (II, 22, 7—8). После битвы латников не находят ни среди живых, ни среди мертвых и поэтому решают, что они погибли.

Во второй раз Владарь встречает «двух всадников богатырских в забралах под схимами» (III, 13, 2) перед новой битвой. На этот раз латники не только передают ему благословение Парфения, но и требуют, чтобы сам он надел схиму поверх своего шлема: «И паки возгласил первый: „Благословение тебе шлет, господине, преподобный старец Парфений и возвестить велит: будева оба с тобою стояти, аще и ты с нами станеша, схимою шлем по-

²² Там же.

²³ *Вениамин*, архиепископ Нижегородский и Арзамасский. *Новая Скрижаль, или Объяснение о церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных*. М., 1999. С. 248 (репринт издания 1908 г.).

²⁴ *Шамбинаго С.* Указ. соч. С. 29.

вив, воин убо и мних смиренный. <...> Сия бо есть Белого Царя тайна: белая поверх венца схима. Такого венца взыщи» (III, 13, 7, 9). Когда позднее к Владарю являются посланцы от пресвитера Иоанна, на них также оказывается кукуль поверх шлема: «...Смуглоликие мужи, благообразные, важные, в куколях монашеских на колпаках железных с обмотом понизу из шелка шафраножелтого...» (IV, 16, 2).

Одним из центральных символов «Сказания» является крест: «...образ креста возникает здесь, будучи сквозным, многократно, причем не только как обозначение предмета, но, что гораздо важнее, как знак божественного оружия».²⁵ Как уже отмечалось, Сергей Радонежский, посылая с князем Пересвета и Ослябю, «дать им в тленных место нетленное оружие — крестъ Христовъ на скимах...».²⁶

Утром перед битвой князь достал свой «крестъ живоносныи, на нем же бе воображение страсти Господни, в нем же бе древо животное, восплакася горко и рече: На тебе ж надеюся конечное, живоносное древо, крест Господень, иж(е) сим образом явися царю Константиноу греческому и дал еси емоу бран суцоу на нечестивых и неоскудным образом победы их...».²⁷

В Повести Иванова крест также выступает как центральный и сквозной символ. Провожая Владаря на бой, старец Парфений благословляет его нести перед войском крест, взятый с Егорьевой криницы: «Собери скоро, княже, ратных людей полк изрядный и повели святой крест от криницы Егорьевой перед полком нести, и на град заречный иди, агарянами осажденный, и воинства их, чудодейственного креста победною силою вспомошествоваемый, прогони» (II, 20, 12).

Перед битвой Владарь «поставил крестоносцев с крестом на холм, первыми лучами озаренный» (II, 22, 5); после сражения воины ночевали под крестом (II, 22, 11). После победы Владарь двинулся со своим полком в стольный град «чудотворным крестом предшествуемый» (II, 23, 1).

По контрасту второй поход Владаря лишен помощи чудотворного креста, причем ситуация изображается таким образом, как будто крест сам отказался идти перед войском Владаря:

«1 В поход снаряжаясь, молил митрополита государь крест славный паки поднять от криницы Егорьевой, да во знамя победное воинам в новом будет бою.

2 Но с недоумением скорбным извинялся владыка: не могли де крестоносцы сильные истягнуть древо из гнезда его, не пошел крест.

3 Умыслил в той печали Епифаний другой крест соорудить, Егорьеву во всем подобный, и нести перед воинством; и не изволил сего Владарь» (III, 12, 1—3).

Только после того как Владарь вступил в сражение на Волчьем Поле, оставил противнику свою столицу и увел основное войско в леса, православное воинство вернуло себе крестное благословение: «А в те Володаревы станы по немногу времени повалила, под Жихоревым присмотром удалая повольщина с крестами, из дуба, по наставлению Епифаньеву, сооруженными на подобие креста прославленного, что на кринице Егорьевой» (III, 15, 5).

Сходства между Повестью и «Сказанием» этим не ограничиваются, однако и рассмотренный материал позволяет сделать некоторые выводы.

Цитаты из «Сказания» в Повести многочисленны и достаточно очевидны. Несомненно, Иванов рассчитывал на то, что читатель опознает их и соотнесет с текстом-первоисточником.

²⁵ Кириллин В. М. Указ. соч. С. 76.

²⁶ Шамбинаго С. Указ. соч. С. 12.

²⁷ Там же. С. 27.

Битва на Куликовом поле привлекла Иванова как общеизвестный национальный символ, а также как такое событие, в котором церковь и государство выступали сообща, преследуя цели религиозного и политического освобождения.

Иванов заимствовал из «Сказания» образ святого старца, благословляющего князя на освободительный поход против иноверных захватчиков; образы монахов-воинов, надевших схиму поверх шлема; образ живоносного креста, представляющего собой непобедимое оружие против иноверцев.

Существенная трансформация этих ключевых образов обусловлена тем, что все они в Повести приобрели такую неоднозначность, которая не была им свойственна в памятниках Куликовского цикла. Так, например, старец Парфений не только благословляет Владаря, но и требует от него надеть белую схиму поверх воинского шлема, на что князь не может согласиться. Воины-монахи сначала помогают Владарю в сражении, а потом покидают его; в этом одна из причин того, что войско Владаря вынуждено отступить. Чудотворный крест перед очередным походом по какой-то причине отказывается следовать перед войском Владаря. В каждом из этих случаев возникает непредсказуемая и трудно объяснимая ситуация, своего рода сюжетная загадка, которая придает образам Повести некое глубинное измерение и разрушает автоматизм их восприятия.

Таким образом, читатель оказывается втянут в сложную игру смыслов. С одной стороны, он должен соотнести старца Парфения с Сергием Радонежским, двух латников — с Пересветом и Ослябей, чудотворный крест Повести — с различными крестами в «Сказании». С другой стороны, в самой Повести читателю предстоит сравнить разные эпизоды, в которых выступают старец Парфений, двое безымянных латников и крест с Егорьевой кривицы.

Стилизация Повести в духе средневекового произведения приводит к усложнению ее смысловой структуры и расширению интертекстуального поля. Параллельное чтение Повести Иванова и древнерусского «Сказания о Мамаевом побоище» позволяет не только лучше понять замысел Иванова, но и распознать в памятнике древнерусской литературы такие потенциальные смыслы, которые проявляются в средневековом тексте только по прошествии нескольких столетий, в новой исторической ситуации.

ПЕРЕПИСКА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА С Л. ПАЧИНИ-САВОЙ

(ПУБЛИКАЦИЯ © БЪЯНКИ СУЛЬПАСО (Италия))

В многоголосии итальянской части римского архива Вяч. Иванова (РАИ), красноречиво свидетельствующем о многогранности дружеских контактов писателя и о его любви к симпозионам, о которой часто говорили его современники, особое место занимают документы, касающиеся его связей с миром славистики. «Количественно» они имеют маргинальное, однако качественно — далеко не второстепенное значение для понимания взаимоотношений Иванова с университетским сообществом.¹

¹ Об этом см.: *Sulpasso B. Materiali dalla corrispondenza di V. Ivanov con gli slavisti // Europa Orientalis. 2008. Vol. XXVII. P. 291—315.*

Среди корреспондентов Иванова встречаются и такие выдающиеся фигуры, как Этторе Ло Гатто, Ренато Поджоли, Джованни Мавер,² и люди менее известные, как, например, молодая Маргарита Кайола.³ Их письма хронологически относятся к длительному промежутку между 1928 и 1946 годами, но главным образом к тридцатым годам. Этот эпистолярный свидетельствует об уважении и внимании, которым поэт пользовался в кругу итальянских славистов; не всегда имея возможность помочь ему в не легких жизненных перипетиях, они охотно сотрудничали с ним. Хороший пример тому — письмо Джованни Мавера к Вяч. Иванову, который впервые обратился к итальянскому ученому в 1935 году. Поэт оказался тогда в затруднительном положении, и Мавер с сожалением предложил ему «скучную», «недостойную», да к тому же «посредственно оплачиваемую» работу:

«(...) поскольку большая часть моих коллег и знакомых уже в отпуске, я смогу вплотную заняться Вашим вопросом только по возвращении в Рим. Пока мне удалось поговорить о Вас лишь с коллегой Уссани, профессором латинской литературы, который руководит с итальянской стороны проектом словаря средневекового латинского языка. Он заверил меня, что если с других сторон не будет никаких затруднений (в этой работе проф. Уссани зависит от Академии; возможно, что даже для такой скромной должности требуется итальянское гражданство), он с радостью предложит Вам сотрудничество в составлении словарных статей. Речь идет о скучной работе, никак не достойной Вас и к тому же оплачиваемой посредственно (ок. 40 центезимо за статью); но у нее есть хотя бы то преимущество, что можно работать по свободному графику.

Через несколько дней сюда вернется проф. Ло Гатто, более искушенный в делах такого рода: вместе с ним мы рассмотрим все возможности, чтобы понять, с какой стороны может пробиться луч света».⁴

В 1935 году наметился поворот к лучшему: Флорентийский университет пригласил писателя занять кафедру славистики. Кажется, все было определено окончательно, но на деле все обернулось иначе: Вяч. Иванов так и не получил от Министерства необходимое разрешение на занятие профессорского места. Развитие событий можно проследить по письмам Николая Оттокара, историка Флорентийского университета и человека, на которого Иванов ориентировался в контактах с научным сообществом.⁵ В январе 1935 года «Итальянская энциклопедия» — через Э. Ло Гатто и Дж. Мавера,

² Переписка Вяч. Иванова с итальянскими славистами в последние годы все чаще становилась объектом изучения и публикации. См.: Шишкин А. Б., Сульпассо В. Переписка Вячеслава Иванова и Этторе Ло Гатто // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы / Отв. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин. СПб., 2010. Вып. 1. С. 759—777; Ruffolo D. Vjačeslav Ivanov — Rinaldo Küfferle // Русско-итальянский архив [I] / Под ред. Д. Рицци, А. Шишкина. Trento, 1997. P. 563—601; см. также письмо Дж. Мавера к Вяч. Иванову от 1 августа 1934 года в статье: Sulpasso V. Materiali dalla corrispondenza di V. Ivanov con gli slavisti. P. 309—311; о переписке с Р. Поджоли: Ibid. P. 303—308.

³ Ученица Э. Ло Гатто, автор книги о Баратынском (Cajola M. Eugenio A. Boratynskij: una pagina di storia della poesia russa. Roma, 1935), участвовала в сборнике к юбилею Пушкина: Alessandro Puškin nel primo centenario della morte. Scritti di V. Ivanov, G. Maver, A. Amfiteatrov, G. Morici, E. Anagnine, E. Gasparini, L. Gancikov, E. Damiani, R. Poggioli, W. Giusti, M. Cajola, A. Biolato Mioni, E. Lo Gatto / A cura di E. Lo Gatto. Roma, 1937. В письмах она обращается к Иванову за советами в связи с работой о Баратынском.

⁴ Письмо Дж. Мавера к Вяч. Иванову от 1 августа 1934 года // РАИ. Fald. 5. Fasc. 93 (письмо написано по-итальянски).

⁵ Н. Оттокар на протяжении десяти лет пытался ввести Иванова в штат университета. Об отношениях между Оттокаром и Ивановым см.: Гардзонио С. Письма Н. П. Оттокара к Вяч. Иванову // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2006. Т. III. С. 510—531.

ответственных за славянские темы, — поручила ему написать статью «Символизм», а в марте следующего года — «Реализм».⁶

В 1936 году, через несколько месяцев после истории с должностью профессора во Флоренции, Литературное отделение Итальянской Королевской Академии, возглавляемое, в числе прочих, Пиранделло, Маринетти, Уго Ойетти и Массимо Бонтемпелли, дает ему «поощрительную премию» за «критические исследования, философскую и писательскую деятельность» — признание, похожее скорее на компенсацию за все прошлые неприятности.⁷

Вскоре после этого начнется сотрудничество Иванова с Папским Восточным институтом и Руссикумом, которому будет суждено продлиться до конца его жизни.⁸

На фоне этих переплетений разворачивается переписка Вяч. Иванова с русистом Леоне Пачини-Савой, хранящаяся в римском архиве писателя.

Леоне Пачини-Савой (Флоренция, 1907 — Неаполь, 1990) — славист, писатель и поэт.⁹ Хотя он считается одним из отцов-основателей итальянской русистики, исследования, посвященные его творчеству, немногочисленны.¹⁰ Наверное, это объясняется тем, что он совершил — как отмечает Р. Платоне — «одиноким путем» в итальянской славистике. С одной стороны, его флорентийские друзья и соученики — писатель и переводчик Т. Ландольфи (1908—1979) и славист и компаративист Р. Поджоли (1907—1963), рано покинули итальянский академический мир, с другой стороны, он сам часто и подолгу жил за границей.¹¹ После окончания университета он работал учителем итальянского языка в Софии, затем в Варшаве, а с 1938 по 1945 год преподавал итальянский язык и литературу в Брно и Братиславе. После войны Пачини возвращается в Италию, где занимает должность доцента русского языка и литературы в Восточном университетском институте в Неаполе (с 1947 года). Он — ученик Кроче, как он сам признался в письме к Иванову («〈...〉 как и всё мое поколение, я был связан с Кроче. Его эстетика была для меня отправной точкой. Только отправной точкой, это правда, но основание было и остается именно таковым»)¹².

В неаполитанские годы он входил в кружок интеллигенции, связанный с М. Приско, М. Помилио, Д. Реа и Л. Инкоронато.¹³ Совместно с ними же

⁶ V. I. (*vanov*). 1) *Realismo. Letteratura e arte* // *Enciclopedia italiana di scienze, lettere ed arti*. Roma, 1935. Vol. XXVIII: PORTI—REG. P. 940—941; 2) *Simbolismo* // *Enciclopedia italiana di scienze, lettere ed arti*. Roma, 1936. Vol. XXXI: SCAR—SOC. P. 793—795. См. также письма Дж. Джентиле к Вяч. Иванову от 8 января и 5 марта 1935 года (РАИ. Fald. 3. Fasc. 61). Джентиле с восхищением комментирует работу Иванова «Символизм»: «Прошу Вас принять мои искренние поздравления с Вашей прекрасной статьей о СИМВОЛИЗМЕ, которую я прочел с большим удовольствием» (из письма Дж. Джентиле Вяч. Иванову от 13 марта 1936 года).

⁷ См.: *Annuario della Reale Accademia d'Italia*. Roma, 1938. Vol. XVI. P. 428. Премия давалась по «запросу».

⁸ См. *Шишкин А. Б.* Вячеслав Иванов и Италия // *Русско-итальянский архив* [J]. P. 520—521.

⁹ Некоторые свои книги он издавал под псевдонимом «Anonimo Fiorentino», среди них: *Anonimo Fiorentino*. 1) *La collana di pietra*. Napoli, 1980; 2) *Da i quattro libri*. Roma, 1987 (некоммерческое издание, благодарю С. Гардзонию за указание). В 1990 году вышла книга его стихотворений: *Pacini Savoj L.* La Taverna. Napoli, 1990.

¹⁰ О нем см.: *Platone R.* Leone Pacini Savoj (1907—1990) // *Ricerche slavistiche*. 1990. Vol. XXXVII. P. 525—527; *D'Azeglio E.* Nota sull'autore // *Pacini Savoj L.* La taverna. P. 43—44; *Cavaion D.* Letteratura russa dell'ottocento // *La Slavistica in Italia. Cinquant'anni di studi (1940—1990)* / A cura di G. Brogi Bercoff, G. Dell'Agata, P. Marchesani, R. Picchio. Roma, 1994. P. 176—177; *Béghin L.* Da Gobetti a Ginzburg. Diffusione e ricezione della cultura russa nella Torino del primo dopoguerra. Brussels; Roma, 2007. P. 306—307.

¹¹ *Platone R.* Leone Pacini Savoj (1907—1990). P. 525.

¹² Письмо Л. Пачини-Савой к Вяч. Иванову от 27 ноября 1946 года // РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 2.

¹³ Michele Prisco (Torre Annunziata, 1920 — Napoli, 2003), журналист и писатель; Mario Pomilio (Orsogna, 1921 — Napoli, 1990), писатель, журналист, политический деятель; Domenico

был создан журнал «Ле раджони нарративе» («Le ragioni narrative»).¹⁴ Пачини принимал активное участие в деятельности Восточного Института, в 1956—1958 годах был его ректором; вместе с коллегой-славистом Н. Минисси он основал славянский отдел периодического издания Восточного Института — «Анналы Восточного Института» («Annali dell'Istituto Orientale»).

Занимаясь богемистикой, он перевел и опубликовал ряд произведений чешских и словацких поэтов, но наибольшего успеха он добился именно как русист. В этой области его карьера началась в ранней молодости с публикации на страницах журнала «Руссия» («Russia») в 1926 году статьи об Игоре Северяnine,¹⁵ которую автор дополнил несколькими стихотворениями, переведенными совместно с Лулой Гассерт. На протяжении своей научной карьеры он касается самых разнообразных тем, от русского XVIII и XIX веков до «Слова о полку Игореве».

В контексте исследований XVIII века «со своим обычным изяществом» Пачини публикует биографическое эссе о Фонвизине, статью о «Филомене» Крылова¹⁶ и о переводчице «Россиады».¹⁷ Также он издает несколько исследований о XIX веке, в числе которых: «Schede russe»,¹⁸ «Saggi di letteratura russa».¹⁹

Как переводчик он пробовал свои силы в самых сложных областях: впервые в девятнадцатилетнем возрасте он проявил себя в переводах упомянутых выше стихотворений Северянина; затем следует целый ряд разнообразных переводческих работ, в числе которых произведения Достоевского,²⁰ Грибоедова,²¹ Вл. Соловьева²² и Гоголя.²³ Гротеск и абсурд Гоголя и Булгакова были ему особенно близки. Р. Платоне вспоминает как основную черту его характера тонкое «булгаковское» чувство юмора.²⁴

«В октябре 1990 г. молча ушел из жизни Леоне Пачини-Савой, заслуженный профессор русского языка и литературы в Университетском Восточном институте в Неаполе. Многие итальянские слависты находились тогда в Москве на конференции, и его смерть почти не была замечена, что как будто только подчеркнуло уединение человека, не желавшего стареть прилюдно».²⁵

Rea (Napoli, 1921—1994), писатель и журналист; Luigi Incoronato (Montréal, 1920 — Napoli, 1962), писатель.

¹⁴ Журнал выходил в книгоиздательстве Пиронти с 1960 по 1961 год.

¹⁵ Savoj L. Igor Severianin // Russia. 1926. Vol. 3—4. P. 158—162.

¹⁶ Di Salvo M. Gli studi sul Settecento russo // La Slavistica in Italia. Roma, 1994. P. 151.

¹⁷ Пачини-Савой Л. Итальянский дипломат — переводчик «Россиады» // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова. М.; Л., 1966. С. 207—212. (XVIII век. Сб. 7).

¹⁸ Pacini Savoj L. Schede russe con una intrusione. Napoli, 1959.

¹⁹ Pacini Savoj L. Saggi di letteratura russa. Goncarov, Tolstoj, Bulgakov, Gogol'. Firenze, 1978.

²⁰ Dostoevskij F. Le notti bianche, Njetocka Njezvanova / Traduzione e note L. Pacini Savoj. Torino, 1929.

²¹ До Пачини «Горе от ума» уже перевел Ф. Вердинуа (*Griboedov A. Che disgrazie l'ingegno!* / Traduzione di F. Verdinois. Carabba, 1925). Пачини критиковал излишнюю вольность этого перевода. Его же собственный перевод, в котором он отказался от стихотворной формы, упрекали в излишней буквальности и следовании оригиналу, избилующему русскими реалиями, которые Пачини не переводил, а объяснял в сносках. Работа получила резко негативную оценку со стороны Л. Гинзбурга (*La Cultura*. 1933. №. 2. Aprile/Giugno. P. 447—453; см. также: *Ginzburg L. Scritti*. Torino, 1964). Критик признает за Пачини неплохое знание языка, но упрекает в слабом знакомстве с историческим контекстом: «Савой, демонстрирующий неплохое знание языка, будто бы вдруг отказался от понимания, проявляя полное равнодушие к исторически конкретному миру Грибоедова» (*Ibid.* P. 137).

²² Solovev V. Poesie / A cura di Leone Pacini Savoj. Firenze, 1949.

²³ См. прим. 35.

²⁴ Platone R. Leone Pacini Savoj (1907—1990). P. 525.

²⁵ *Ibid.*

Переписка между Ивановым и Пачини-Савой состоит из одной открытки, двух писем Л. Пачини-Савой к Вяч. Иванову²⁶ и одного машинописного листа черновика — письма Вяч. Иванова к Л. Пачини-Савой.²⁷ В ней обсуждается критическое издание «Слова о полку Игореве»,²⁸ для которого Л. Пачини-Савой предлагал свой, быть может, чрезмерно смелый вариант, а также интерпретация «Ревизора» Гоголя,²⁹ — темы, которым Вяч. Иванов посвятил свои работы «Vom Igorlied»³⁰ и «„Ревизор“ Гоголя и комедия Аристофана».³¹

Вопросы, которых касаются публикуемые здесь письма, нуждаются в специальных исследованиях.³² Здесь мы ограничимся несколькими соображениями, которые позволят поместить работы Пачини в контекст его собственных занятий и итальянской славистики того времени.

Работа о «Ревизоре» связана со страстью Пачини к театру как таковому³³ и, в частности, как сказано выше, к Гоголю. Пачини посвящает писателю статьи и переводы.³⁴ «Il Revisore di N. Gogol'» состоит из четырех частей: «Истоки» (с. 5—24); «Хлестаков» (с. 24—50); «Городничий» (с. 50—58); «Город» (с. 59—62). Здесь излагаются взгляды Пачини на творчество Гоголя, которые конкретизируются в позднейших работах. Центральной в рассуждениях Пачини была мысль о «большой луже»³⁵ и о возможности сгруппировать персонажей в семьи, получая таким образом что-то вроде генеалогического древа персонажей.³⁶ С точки зрения структуры, Пачини отрицал принадлежность «Ревизора» к жанру комедии. Пачини послал Иванову свой только что изданный труд, который, что неудивительно, вызвал резкую критику Иванова. Мнения Пачини были противоположны взгляду, который за несколько лет до этого выразил Иванов в своем сочинении о Ревизоре Гоголя и Аристофане. Статья была написана после встречи Иванова с Вс. Мейерхольдом в сентябре

²⁶ РАИ. Оп. 5. Карт. 9. Папка 2.

²⁷ РАИ. Оп. 3. Карт. 1. Папка 27.

²⁸ *Detto della campragna di Igor* — Слово о полку Игореве / Под ред. Л. Пачини Савой. Неаполь, 1946.

²⁹ *Pacini Savoj L. Il «revisore» di N. V. Gogol. Napoli, 1946.*

³⁰ *Vom Igorlied // Corona. 1937. Heft 6. S. 661—669*; статья была связана с рильковским переводом «Слова» (о Р. М. Рильке как переводчике «Слова» см.: Буланин Д. М. Рильке Райнер Мария // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 4. С. 214—216).

³¹ Статья, написанная в 1925 году, впервые была опубликована в журнале «Театральный Октябрь» (1926. № 1); на немецком языке в журнале «Corona» (1933. Heft 5. S. 611—622). Ссылки на эту статью даются в тексте по изданию: *Иванов Вяч. Собр. соч.* Брюссель, 1987. Т. 4. С. 385—398.

³² Начиная, например, со сличения критического издания «Слова» Пачини с изданием Ляцкого 1934 года.

³³ Интерес к театру появился уже в 1930-е годы; в 1960 году с Дарио Стаффа он опубликовал крупную работу о русском театре (*Pacini Savoj L., Staffa D. Teatro russo. Milano, 1960. 1: Dalle origini a Čechov; 2: Da Gor'kij a oggi*).

³⁴ *Gogol' N. V. Tutti i racconti / A cura di Leone Pacini Savoj. Roma, 1957 («Introduzione», р. VII—CXXXII); Pacini Savoj L. Vita e umori di Nikolaj Vasil'evič Gogol' // Pacini Savoj L. Saggi di letteratura russa. Firenze, 1978. P. 261—390; Pacini Savoj L. «I giocatori» nella tipologia gogoliana // Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver. Roma, 1962. P. 515—521; Gogol' N. V. Taras Bulba e altri racconti / Traduzione di L. Pacini Savoj e F. Verdinois. Firenze, 1963; Gogol' N. V. L'ispettore generale / Introduzione di Giovanna Spendel; Traduzione di L. Pacini Savoj. Milano, 1988; Gogol' N. V. I racconti degli arabeschi; Il naso; Il cappotto; Il calesse. La Spezia, 1989. На 4-м Международном конгрессе славистов Пачини-Савой прочитал сообщение «Повесть о капитане Копейкине».*

³⁵ Концепция, вскользь упомянутая в работе о «Ревизоре» (Вяч. Иванов в этом месте на полях поставил знак вопроса) и подробно изложенная в работе «Vita e umori di Nikolaj Vasil'evič Gogol'», сводилась к образу перевернутого отражения в воде (*reversa imago*), иными словами к «идею метафизической лужи, внутри которой вселенная может перевернуться в любой момент» (*Pacini Savoj L. Saggi di letteratura russa. Firenze, 1978. P. 267*). В рамках этой концепции Пачини рассматривал риторику «опрокинутого» как особой черты Гоголя, которая была воспринята с одобрением последующей критикой.

³⁶ См. прим. 4 к письму 4.

1925 года в Риме.³⁷ В статье Иванов обнаруживает специфичность «Ревизора» именно в его сходстве с древней аттической комедией и в городе-хоре:

«Главное отличие Гоголева „Ревизора” от античной мещанской комедии и, в меру разницы, неожиданное сходство с „высокою” комедией пятого века — в том, что действие его не ограничивается кругом частных отношений, но, представляя их слагаемыми коллективной жизни, обнимает целый, в себе замкнутый и себе довлеющей социальный мирок, символически равный любому общественному союзу и, конечно, отражающий в себе, как в зеркале («на зеркало неча пенять, коли рожа крива» — эпитафия «Ревизора»), именно тот общественный союз, на потеху и в назидание коего правится комедийное действие».³⁸

И городок Городничего — по мнению Иванова — «был своего рода комедийным „Городом” (будь то Афины, или Тучекукуевск) древнего Аристофана, и его глупое гражданство так же отвечает, в известном смысле и в известных пределах, выжившему из ума Аристофанову Демосу, как Антон Антонович Сквозник-Дмухановский — управляющему именьями Демоса, отъявленному наглецу, самоуправцу и плуту, пафлагонцу-кожевнику. Изображение целого города взамен развития личной или домашней интриги, — коренной замысел бессмертной комедии, замысел Пушкина, который недаром был и „летописцем” села Горюхина».³⁹

В римской библиотеке Вяч. Иванова хранится подаренный ему экземпляр книги Пачини-Савой, в котором имеются его карандашные пометы на полях. В основном это вопросительные знаки, выражающие сомнения относительно стилистического толкования гоголевского творчества, о чем потом Иванов напишет в черновике своего письма к Пачини, приводимом здесь.

Вторая книга, посланная для прочтения Иванову, — критическое издание «Слова о полку Игореве» — появляется в ключевой момент изучения «Слова», причем не только в Италии.⁴⁰ Книга увидела свет в 1946 году в серии, предназначенной для студентов, что определило ее структуру: как потом сообщил сам Пачини-Савой Вяч. Иванову, он не смог снабдить текст обильными примечаниями и комментариями, так как это перегрузило бы учебное издание. К тому времени назрела острая необходимость издания «Слова» для студентов. Хотя «Слово» не раз упоминалось в работах по истории литературы,⁴¹ первая объемная работа появилась все-

³⁷ О «встрече-столкновении» Вяч. Иванова и Вс. Мейерхольда см.: *Саббатини М.* «Ревизор» Гоголя в концепции Вс. Мейерхольда и Вяч. Иванова // Другой гид (Париж). 2010. № 12. С. 98—99.

³⁸ О хоровом начале см.: *Виролойнен М. Н.* Хоровое начало, принципы множественности и пафос соборности как основание скандальных сюжетов // Семиотика скандала. Сб. статей / Сост. Нора Букс. Париж; М., 2008. С. 43—55.

³⁹ *Иванов Вяч.* Собр. соч. Т. 4. С. 387—388.

⁴⁰ В римской библиотеке Вяч. Иванова сохранился экземпляр книги с дарственной надписью «Многоуважаемому Ивану (sic) Ивановичу Иванову. Неаполь 7 ноября 1946 г. Л. Пачини Савой».

⁴¹ Немалый путь «Слова о полку Игореве» в Италии начинается от изложения в итальянском переводе «Истории государства российского» Карамзина (*Karamzin N. M. Istoria dell'Impero di Russia del consigliere Karamsin / Traduzione di Giannantonio Moschini. Venezia, 1820—1824. Vol. 1—8*) и в истории русской литературы под редакцией С. Шевырева и Дж. Рубини (*Storia della letteratura russa per Stefano Scéviref e Giuseppe Rubini. Firenze, 1862*). Обширный обзор реценции «Слова» в Италии написан Д. Артико и Ю. К. Бегуновым для сводной статьи «Переводы „Слова” и литература о нем на языках народов мира» (Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. С. 23—76). К текстам, названным Артико и Бегуновым, можно добавить упоминания в следующих работах Дж. Рубини (Giuseppe Rubini, 1793—?) и журналиста и литературоведа Карло Тенка (Carlo Tenca, 1816—1883): *Storia di Russia dai primitivi e principali suoi popoli scritta da Giuseppe Rubini. Torino, 1858. P. 60* (в главе «Второй период. 1054—1238» говорится о «Cantica della guerra d'Igor»); *Tenca C. Saggi critici. Di una storia della letteratura italiana e altri scritti / A cura di Gianluigi Berardi. Firenze, 1969. P. 346—348* (в разделе «Della letteratura russa» говорится о «Spedizione d'Igor»: «последний крик русского народа при пред-

го за несколько десятилетий до книги Пачини — это глава, написанная Э. Ло Гатто в его «Истории русской литературы».⁴² Что касается переводов,⁴³ то отрывками «Слово» перевел в 1883 году А. Де Губернатис,⁴⁴ а первый полный перевод был сделан Д. Чамполи и выходил в нескольких редакциях.⁴⁵

Несмотря на то что книга Пачини была рассчитана на студентов (и поэтому содержит ряд приложений, призванных помочь студентам разобраться в трудных вопросах, связанных со «Словом»: «Стиль и музыкальная техника Слова», «Текст и его издания», «Фонетические, морфологические и лексические особенности», «Поход Игоря»), она представляла для международной общественности новое критическое издание текста. И по времени, и по его филологическим критериям она следует изданию Ляцкого, вышедшему в Праге в 1934 году.⁴⁶ Пачини неоднократно пишет, что многим обязан

стоящем татаро-монгольском нашествии, это похоронное пение народа...», р. 346). Вторая из этих книг появилась сначала на страницах журнала «Il Crepuscolo» (см. об этом: *Lasorsa C. Pagine di Slavistica italiana. Carlo Tenca e «Il Crepuscolo»*. Roma, 1979). Упоминания имелись и в итальянских переводах книг П. Кропоткина (*Kropotkin P. Ideali e realtà nella letteratura russa / Traduzione di Ettore Lo Gatto. Napoli, 1921*; глава «Il canto della spedizione di Igor», р. 9—12) и А. Веселовского (*Vesselovskii A. Storia della letteratura russa. Firenze, 1926*; в разделе «Dagli inizi a Pietro il Grande. Inizi della letteratura profana. Primi segni importanti del suo valore sociale» «Слово» упоминается как «Conto della spedizione d'Igor», р. 14). Интересно отметить, как сам термин «Слово» интерпретируется и переводится по-разному («Canto», «Cantare», «Detto», «Cantica»), что подчеркивает важность не только переводческой проблемы, но и самой «природы» текста.

⁴² *Lo Gatto E. Storia della letteratura russa. Roma, 1928. Vol. I: Dalle origini a tutto il secolo XVI. P. 210—228.* Глава состоит из следующих частей: 1) История текста 2) Историческое содержание «Слова о полку Игореве» 3) Развитие «Слова». Э. Ло Гатто включил в исследование цитаты текста на итальянском языке в своем переводе. Он также посвятил «Слову» несколько страниц в своей одноименной истории русской литературы (*Lo Gatto E. Storia della letteratura russa. IV edizione. Firenze, 1950. P. 18—22*) и написал статью для итальянской энциклопедии Треккани (*E. L. G. Igor // L'Enciclopedia Italiana di scienze, lettere ed arti. Roma, 1933. Vol. XVIII. GU—INDE. P. 818*). В те годы «Слово» упоминалось также в книге Марии Сави Лопес «Gli eroi delle steppe» (Savi Lopez M. Gli eroi delle steppe. Disegni e decorazioni di Carlo Nicco. Torino, Milano; Firenze; Roma; Napoli; Palermo, 1932. P. 9—12). За год до издания Л. Пачини-Савой вышла книга Джорджо Кьярелли, где он упоминает самую известную поэму Древней Руси, «Canto degli Uomini di Igor» (*Chiarelli G. Storia della letteratura russa. Disegni di Lucio Susmel. Milano; Firenze, 1945. P. 15*; в разделе «La Russia di Kiev»).

⁴³ О первых переводах «Слова» на итальянский язык см. *Соловьев А. В.* Новый итальянский перевод «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. 1957. Т. 13. С. 649—655; *Боброва Е. И.* Первые итальянские переводы «Слова о полку Игореве» // Там же. 1958. Т. 14. С. 122—124; ср. также в указанной выше статье Д. Артико и Ю. К. Бегунова.

⁴⁴ *Dal Poema d'Igor: Il lamento di Eufrosinia Iaroslavna; Igor liberato // De Gubernatis A. Storia universale della letteratura. Milano; Napoli; Pisa, 1883. Vol. VI. Florilegio epico. Epopée nazionali, poemi individuali. P. 357—358, 358—360.*

⁴⁵ Д. Артико и Ю. К. Бегунов указывают на издания: *Il pensiero slavo. Trieste, 1895. Anno 8. № 6. P. 1—3* (отд. изд.: Trieste, 1895); *Poesia russa: byline. Canti storici. Conto d'Igor / Traduzione di Dom. Ciampoli. G. Carabba. [1911] (prefazione: Byline. Canti storici. Conto d'Igor. P. 1—13, текст «Слова» находится на страницах 111—126, перевод Чамполи появился и в книге: Ciampoli D. Saggi critici di letterature straniere, prima serie. Lanciano; Carabba, 1904, с заглавием: «Il Conto della banda d'Igor», р. 493—501). Переводы Чамполи получили негативную оценку Э. Ло Гатто (в главе о «Слове» он приводит цитаты из перевода Чамполи и комментирует его недостатки; в статье, которая вошла в энциклопедию Треккани, он пишет, что перевод Чамполи «оставляет желать лучшего») и Пачини-Савой («в итальянском языке существует только один перевод Слова, низкого качества...»; *Detto della campagna di Igor. P. 67*). О Доменико Чамполи как слависте см.: *G. De Michelis C. Domenico Ciampoli studioso di letterature slave // Domenico Ciampoli. Atti del Convegno di Studi. Atessa 21—22 marzo 1981. Lanciano, 1982. P. 101—121.**

⁴⁶ Евгений Александрович Ляцкий (1868—1942), литературовед и этнограф, в 1934 году издал книгу «Слово о полку Игореве. Повесть о князьях Игоре, Святославе и исторических судьбах Русской земли: Очерк из истории древнерусской литературы. Композиция, стиль» (Прага, 1934). Подробнее о нем см.: *Дмитриева Р. П.* Ляцкий Евгений Александрович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 3. К—О. С. 190—192.

своему учителю: «Не считая мелких поправок и изменений, которые мы оговорили в примечаниях, мы придерживались текста издания Е. Ляцкого, поскольку в нем учитывается для каждого сомнительного слова из разных предложенных прочтений самое достоверное. Мы также воспользовались сделанной им реконструкцией ритмических фраз (не стихов), воспроизводящих различные движения голоса в „певучем“ чтении, которым декламировали или пели древнюю поэзию под аккомпанемент музыкального инструмента».⁴⁷ Пачини высоко оценил и позаимствовал у Ляцкого, в частности, идею стилистической целостности поэмы. Попытка сохранить эту целостность должна была оправдать редакторские предположения и исправления в тексте, не говоря о преобразовании самой его структуры.

Спустя несколько лет в Италии вышла книга под редакцией Р. Поджоли,⁴⁸ который предлагал публике критическое издание текста Р. Якобсона⁴⁹ вместе с переводом и обширной вводной статьей. Несмотря на хвалебные слова Поджоли в адрес Пачини,⁵⁰ их взгляды на то, как следует издавать текст «Слова», существенно различались. Во введении Поджоли сообщает, что его выбор пал на вариант Якобсона, потому что его он считает наиболее «умеренным и осторожным» с точки зрения реконструкции:

«Роман Якобсон чувствует, что опущение якобы поздних вставок и переработка текста в связи с предполагаемыми ошибками писца или возможной ошибкой в разбивке на страницы в рукописи восходят к произвольным гипотезам и что таких решений следует избегать — тем более в случае с текстом, основанным на единственной — уже утраченной — рукописи, известной нам лишь по неточным копиям (...) Только компетентность и ответственность Якобсона позволили устранить пагубные последствия неоправданных манипуляций многих издателей и успешно восстановить текст „Слова“ в его первоначальной целостности, без реставрации и искажения, а главное — без какого-либо нарушения естественного порядка его частей».⁵¹

Введение, написанное Поджоли, кажется прямым ответом всем предыдущим изданиям «Слова», но в особенности произвольной реконструкции его друга и коллеги Л. Пачини-Савой.

Благодарю А. Б. Шишкина за перевод писем, написанных по-итальянски, на русский язык.

⁴⁷ Detto della campagna di Igor. P. 73.

⁴⁸ Cantare della gesta di Igor. Epopea russa del XII secolo / Introduzione, traduzione e commento di Renato Poggioli; Testo critico annotato di Roman Jacobson. Torino, 1954.

⁴⁹ Это было исправленное переиздание книги 1948 года: Grégoire H., Jakobson R., Szeftel M., Joffe J. A. La Geste du prince Igor. Epopée Russe du Douzième Siècle // Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves. 1948. T. VIII.

⁵⁰ Об издании Пачини он написал: «Книжка содержит — не без некоторых изменений — текст Ляцкого, введение, сноски, а также различные приложения с интересными наблюдениями о языке и стиле; к ним мы и отсылаем читателя, особенно к последнему приложению, в котором дается необычайно подробная реконструкция военного похода 1185 г. Если перевод Чамполи относится к доисторическому прошлому итальянской славистики, то работа Пачини — грамотна и современна, несмотря на то что она предшествовала изданиям Романа Якобсона и французскому изданию „Слова“ Пачини и потому не включила содержащихся там ценных материалов» (Poggioli R. Parti centrali dell'opera // Cantare della gesta di Igor. P. 85).

⁵¹ Cantare della gesta di Igor. P. 44—45.

1. Л. Пачини-Савой — В. И. Иванову

Флоренция, 21 октября 1935 XIII¹

Многоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович,

Сейчас же по приезде во Флоренцию пошел справиться у *Mistress Morandi* насчет Пансиона. Хотя я ее и убеждал, что пансион у нее раньше стоил 15 лир, она не соглашалась. Договорились же, что она будет брать 18 лир с человека в день. В это входит комната (на каждого), отопление, освещение, прислуга и вся еда, включая чай 5 o'clock! Посылаю Вам снова адрес: «*Pensione Morandi. Piazza SS. Annunziata 5*». Это находится приблизительно 50—55 шагов от университета. Как еда, так и комнаты, знаю, очень хороши. Приятные люди и хорошее место.

Если бы Вам подошло, напишите ей.

Еще раз Вас благодарю за все, что Вы мне сделали.

От моей жены и от меня Вашей дочери и Вам наилучшие пожелания.

Уважающий и любящий Вас Л. Пачини

¹ Римской цифрой обозначена так называемая «эра фашизма», которая отсчитывалась с года прихода к власти партии Б. Муссолини.

2. Л. Пачини-Савой — В. И. Иванову

Napoli, 9 XI. 1946

Illustre e caro Vjačeslav Ivanovič,

mi permetto rinviarLe uno studio sul *Revisore* e una ricostruzione del testo dello *Slovo o polku Igoreve*. Come avverto nella breve introduzione (l'edizione è destinata agli studenti dell'Istituto: non potevo dilungarmi come in uno studio particolare, di intento prettamente scientifico), ogni ricostruzione del testo è infirmata a priori dall'arbitrarietà. È, tuttavia, mio parere che, potendo offrire al lettore un poema che ha un aspetto concluso, e armonico, e conseguente, sia, in fondo, un buon servizio che gli rendiamo.

Ogni ricostruzione è arbitraria: manchiamo di elementi certi. Ma anche per risalir a Dio manchiamo di elementi certi — e non per questo, davvero, ci votiamo alla incredulità.

Ci sono dei piccoli indizi: ritorni di parole di giuochi vocalici e consonantici (e cioè musicali), allacciamenti di senso, etc. Piccoli indizi o piccoli pretesti, seguendo i quali l'intuito — che spesso ha antenne sensibili come quelle degli insetti notturni — si muove, attratto. Se batte la giusta strada, la rasenti, la <...> del tutto à difficile dirlo. Altri hanno altre antenne. Evgenij Ljackij, mio maestro, le aveva diverse dalle mie: cento uomini hanno cento paia di antenne diverse.

Il suo giudizio, però, mi sarà più caro e più interessante degli altri: oltre che critico, Lei è un poeta, e ripercorrendo la strada dell'autore dello *Slovo* — la strada che io ho tentato ricomporre — sentirà subito se vi sia un tappeto di muschio o una petraia.

Mi scriva, allora, e del *Revisore* e dello *Slovo*, se ne avrà voglia e tempo. E mi scriva in russo. Non risparmiandomi le critiche più severe, se occorrono. Io ho bisogno di imparare e non di complimenti.

Grazie, caro e illustre Vjačeslav Ivanovič. Molti ossequi a Sua figlia.

Le vuol bene il Suo L. Pacini

Перевод:

Высокочитимый и дорогой Вячеслав Иванович,

Беру на себя смелость послать Вам исследование «Ревизора» и реконструкцию текста «Слова о полку Игореве». Как я уведомляю в кратком введении (издание рассчитано на студентов Восточного института, и я не мог позволить себе пространности, как в специальном научном исследовании), упрек в произвольности *a priori* может поставить под сомнение любую реконструкцию текста. Но если читателю станет доступной поэма, завершенная, гармоничная и последовательная по форме, то, на мой взгляд, мы сослужим ему неплохую службу.

Любая реконструкция произвольна, нам недостает точных элементов. Правда, точных элементов нам не хватает и для того, чтобы прийти к Богу, — но неверие мы избираем вовсе не поэтому.

В тексте имеются маленькие приметы — повтор слов, игра гласных и согласных звуков (то есть игра музыки), сопряжение смысла и так далее. Малые указания или малые поводы, следуя за коими, интуиция, у которой чувствилища нередко столь же тонкие, как у ночных насекомых, движется, ими замороженная. Если идешь по верной дороге, то ее осязаешь, это трудно высказать словом. У всех разные чувствилища. Чувствилища Евгения Ляцкого, моего учителя, отличны от моих, у сотни людей сто пар отличных от другого чувствилищ.

Но Ваше суждение мне будет более ценным и дорогим, чем суждения других: Вы более чем критик, Вы поэт и, вновь идя по дороге автора Слова — той дороге, что я пытался восстановить, сразу почувствуете, что это ковер мха или путь, усеянный камнями.

Напишите мне *тогда* и о «Ревизоре» и о «Слове», если Вам позволит время и будет желание. И напишите по-русски. Мне нужно учение, а не похвалы. Благодарю Вас, дорогой и высокочитимый Вячеслав Иванович. Мое почтение Вашей дочери.

Сердечно Ваш

Л. Пачини.

З. В. И. Иванов — Л. Пачини-Савой

Рим, 21-ого декабря 1946.

Благодарю Вас, дорогой Пачини, за милое, теплое письмо и за любезную присылку двух Ваших работ. Исполняя двойное Ваше желание, пишу Вам, во-первых, по-русски, во-вторых, со всею прямою: не взывайте же за прямою.

Ревизор, по моему убеждению, комедия гениальная; а в каком именно смысле комедия и почему гениальная, я точно определяю в статье «Гоголь и Аристофан», напечатанной в цюрихской «Corona» (Jahrgang III, 1932/33, Heft 5., SS. 611 ff.). Итак, наши оценки прямо противоположны. Ревизор, согласно догматам Вашей пообветшалой поэтики, вовсе даже и не комедия; и это Ваше мнение еще только полбеды. Новейшее поветрие так называемой «стилистической критики» ввело Вас в злейшую ересь. Гоголь, этот великий выдумщик, имена героев которого, как Плюшкин или Хлестаков, сделались нарицательными, подобно именам Обломова, Дон Аббондио или Тартюфа, представляется Вам лишенным поэтической изобретательности: мастер был он лишь на изобретения стилистические.¹ Слушая Вас, Декарт,

требовавший понятий ясных и отчетливых, пожал бы, вероятно, плечами. Утверждение, что Хлестаков не лицо, а олицетворение гоголевского стиля, на мой взгляд, лишено всякого смысла.² В новое искушение ввели Вас русские «формалисты» первых годов революции, верившие, что любое поэтическое создание при внимательном расследовании окажется сшитым из старых или чужих лоскутков. И вот Вы предпринимаете безуспешные розыски «миргородской лужи»³ в городке Городничего и пытаетесь уверить читателя, что беспокойно-деятельный, неутомимый, хоть и нелепо предприимчивый вунд с расчетом, Кочкарев есть прототип плывущего по течению лентяя и мечтателя, пустомели и хвастуна, враля для вранья Хлестакова.

Если Ваша работа о Ревизоре меня ни в каком отношении не удовлетворяет, то другая работа, посвященная перестройке Слова о полку Игореве, во всяком случае не убеждает. Если бы Вы просто предлагали читать Слово в измышленном Вами порядке с целью легчайшего усвоения его содержания, не трудно, быть может, было бы с Вами согласиться. Но Вы притязаете на восстановление словесного памятника в его первоначальном виде. Но можно ли назвать реставратором того, кто, разрушив здание, слагает из его обломков новое, похваляясь тем, что новое гораздо светлее прежнего? То, что подрывает доверие к Вашей попытке, есть отсутствие твердых и надежных критериев предпринятой работы. Неприятно, прямо нестерпимо повсеместное искажение подлинных, искони свойственных языку ударений в угоду фальшиво придуманной схеме метрического и строфического строения; но это вина не Вашего изобретения, а Вашей излишней доверчивости к предшественникам.⁴

Желаю Вам счастливого Нового Года и всего, всего доброго. Дочь моя благодарит за Вашу добрую память и присоединяется к моим пожеланиям.

P. S. Мой взгляд на склад и форму Слова Вы найдете в статье «Vom Igorlied» (Corona, Jahrgang VII, 1932/33, Heft 6, SS. 661 ff.).

¹ Иванов здесь, вероятно, имеет в виду места, где Пачини пишет о «неизобретательности и сизидательном бессилии, типичных для Гоголя», которые якобы полнее всего проявились в «Ревизоре»: «во всей комедии нет ни одной такой находки, такой непредвиденной ситуации, по которым с первого взгляда чувствуется комедиограф» (Pacini Savoy L. Il «revisore» di N. V. Gogol. Napoli, 1946. P. 21). Это место Иванов отметил вопросительным знаком на полях. Более пространно Пачини обращается к этой теме в очерке «Vita e umori di Nikolaj Vasil'evič Gogol'», где пишет о «скудной изобретательной силе и ограниченной творческой способности» Гоголя (Ibid. P. 286).

² Пачини в своей работе охарактеризовал Хлестакова как «нагромождение карикатур»: «Итак, в Хлестакове мы должны усматривать в первую очередь стилистическую сущность» (Ibid. P. 29; это утверждение Иванов отметил двумя вопросительными знаками на полях). О городничем и прочих чиновниках Пачини пишет: «Если бы они не претендовали на обоснование тезиса, то было бы, как нам кажется, куда более разумней рассматривать городничего и прочих чиновников лишь в плане их стилистической сущности, не обращая внимания на личину, призванную придать им хоть какие-то человеческие черты». Пачини утверждает, что у Гоголя из них не получилось «четких персонажей», и подкрепляет свою теорию сопоставлением различных редакций текста (Ibid. P. 50 etc.).

³ Имеется в виду «лука», о которой уже говорилось и которую Пачини упоминает в начале своей работы (Ibid. P. 7). Скепсис у Иванова вызывает сама попытка возвести гоголевскую прозу к четырем-пяти «семьям» или династиям, которые развиваются во времени и постепенно усложняют свойства прародителя (Ibid. P. 65; и тут Иванов выражает свои сомнения вопросительными знаками на полях).

⁴ Наблюдения Иванова кажутся прямым ответом на критерии, предложенные Пачини-Савой в предисловии к «Слову»: «Того, что Слово является единым целым, произведением одного автора, мы не берем на себя смелость утверждать первыми. Однако, поймав „запах“, необходимо было определить позицию „жорней, ствола и листьев“ (...) Критериев, которым мы следовали, помимо общего порядка, представленного „политической“ идеей, которую, как нам кажется, удалось обнаружить, всего два: ритмический (соединение равных размеров), где это возможно; логически-стилистический. Последний не один раз наводил на мысль о связях, кажущихся достаточно смелыми. Приведем пример. В одной строфе об Олеге Гориславиче говорится: „сту-

паёт в злат стремень в граде Тьмутарокане, — той же звон слыша давный великий Ярославль". Логично задаться вопросом: какой звон? Звон погружения ноги в стремя? Даже если это выражение равнозначно „отправиться на войну“, образ по-прежнему кажется натянутым, неестественным. Но в песне Веслава мы обнаруживаем неожиданное переключение скорости; „Тому в Полотске позвониша заутреню рано у святыя Софеи в колоколы, а он в Кыеве звон слыша“ (что характеризует скорость военных походов). Если на это „переключение“ нанизать весь фрагмент, начавшийся со слов „Той же звон слыша давный великий Ярославль“, станет видна, помимо стилистической спайки (позвониша, звон, звон), также логическая («той же») и историческая: Ярославль, великий князь Кыева, враждовал с Полоцком. С другой стороны, две только что процитированных начальных строфы непосредственно соотносятся с предыдущими: Веслав „отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу“ (Detto della campagna di Igor. P. 14—15). Пачини неоднократно указывает на найденные им «новые спайки», основанные главным образом на «логической последовательности событий и в особенности на ритмических и синтаксических параллелизмах» и дающие возможность прояснить символы, иначе остающиеся достаточно размытыми (Ibid. P. 16).

4. Л. Пачини-Савой — В. И. Иванову

Napoli, 27. XII. 1946.

Illustre e caro Vjačeslav Ivanovič,

grazie di tutto cuore per la Vostra lettera e per la Vostra piena sincerità. Detesto ogni forma di cortesia convenzionale laddove si tratti di esprimere un giudizio; e ciascuno di noi, se vuole migliorare, aprir gli occhi sui propri errori e correggerli, o rafforzarsi nelle proprie opinioni arricchendole di argomenti che le proteggano là dove si è mostrato un fianco debole, ha bisogno di sentire dei giudizi sinceri. Benché non me la sia meritata, né possa pretenderla, con la Vostra sincerità mi avete dato la Vostra amicizia e io Ve ne sono affettuosamente riconoscente.

Rifletto e rifletterò ancora su quanto mi avete detto sia per il *Revisore*, sia per lo *Слово*. Vorrei discuterne a voce: una osservazione richiama l'altra e tutte insieme contribuiscono a chiarire e approfondire le idee. Per ora — in attesa di venirVi a fare una visita quando mi capiterà di venire a Roma — vorrei dirvi alcune cose:

Per il *Revisore*. La mia estetica non è né troppo vecchia, né troppo nuova. Come tutti quelli della mia generazione mi sono fatto con Croce. L'estetica crociana è stato un punto di partenza. Solo un punto di partenza, è vero, ma la base ultima è rimasta su per giù sempre quella. Se io non chiamo «commedia» il *Revisore* (in fondo la cosa non ha poi eccessiva importanza) non è perché essa non risponda alle presunte «regole» del «genere» — alle quali non credo, né ho mai creduto. Il *Revisore*, come tutte le opere gogoliane, manca di una architettura che ne leghi tutte le parti in un intero (uso la parola russa che non ha corrispondente italiano). È una raccolta di aneddoti presi in un'aura comune di quella cosa prodigiosa — ma nel *Revisore* qualche volta contrastante — che è lo stile gogoliano. Voi mi accusate di ridurre tutto Gogol' a stile. Ma non è vero, caro Vjačeslav Ivanovič: nel mio lavoro (il quale non è che un capitolo di un'opera su Gogol', raffazzonato così che possa alla men peggio viver da solo) io parlo del solo *Revisore* e non del grande Gogol': del Gogol' dei *Proprietari di vecchio stampo*, del *Mantello*, di Pljuškin (come metterlo accanto a Chlestakov!) e — come no? — di Nozdrev il quale è un Chlestakov divenuto esser vivo, umano; un Chlestakov fatto persona e non più giuoco stilistico. Vi par che Chlestakov non abbia nulla a che vedere con Kočkarev? Виноват! Evidentemente sono stato un cattivo critico se non sono riuscito a chiarire il mio tema. Vado più in là: la «famiglia» dei Chlestakov nasce con l'Ivano Ivanovich di Sponka, si sviluppa con Zakatiščev-Sobačkin del *Vladimir* e attraverso Kočkarev e Chlestakov tocca

la sua perfezione in Nozdrev. Ripeto: forse è colpa mia se sono stato insufficiente come critico. La dimostrazione doveva essere più calzante.

Forse è colpa del capitolo stesso il quale, distaccato da tutto il resto, manca dei «precedenti». Tanti presupposti che come capitolo di un libro ha già chiariti dinanzi a sé, come «saggio» ne difetta. Vi sono grato di avermi accusato di questa manchevolezza e obbligato a studiarne le cause.

In quanto allo «stile» gogoliano vogliate credere che non sono un formalista. A quelle sciocchezze cui han creduto i critici nei primi anni della rivoluzione non presto nessuna attenzione. Il problema dello stile gogoliano è cosa assai complicata e che non si può spiegare in due parole. Da esso Gogol' ha tratto i suoi capolavori e in esso ha trovato la sua tragedia. Anni or sono (Il Frontespizio, 1940, n. 5) mi provai a delinear per sommi capi il dramma spirituale di Gogol'. Ne venne fuori un articolo un po' incompleto, ma se avrete occasione di leggerlo vedrete che il *Revisore* in questo dramma costituisce il punto cruciale. Ma non così come si è soliti credere per tradizione (e contento del pubblico, etc., etc.): per la disumanità dell'opera. Il *Revisore* è geniale sì, ma è una genialità che, come dico nel mio libro, è «agli antipodi luciferiani della poesia». E Gogol' se n'è accorto. Nel mio libro — il non edito ancora, quello che tratta di tutto Gogol' — ho potuto raccogliere una documentazione così vasta delle lettere e degli scritti dello stesso autore che messa assieme costituisce una autoconfessione delle più interessanti. Di qui il bisogno della «внутреннее воспитание», di migliorar se stesso, di rendere il proprio spirito puro come «горная вода». Ditemi che ho scritto male il mio libro, che non sono stato probante — ma non ditemi che Chlestakov è personaggio, poesia. Qui non ci intenderemo mai. Poesia è Pljuškin, Akakij, Pul'cherija, Afanasij, Nozdrev e chi volete ancora, ma non Chlestakov. Chlestakov è geniale, unico: lo dico io stesso più volte — ma non è arte. È Satana e non Dio. Nella vita di Gogol' vi sono due uomini: l'umano e il disumano; l'uomo che sorride e l'uomo che ride, Akakij e Chlestakov, incapace di sfuggire al riso, incapace di veder con gli occhi della ragione il vero se stesso nel poeta del *Mantello* (che io pongo agli antipodi del *Revisore*), Gogol' ha finito col soccombere. Ha pensato a tentazioni sataniche, a una impurità della propria anima ed è caduto nel misticismo finché — per diventar tutto spirito — non ha ucciso il proprio corpo.

Dovrei scrivervi un intero libro per dirvi tutto quello che vorrei. Ma poiché il libro è già scritto e attende un editore (che forse non troverà per la sua mole), rimando il seguito a quando potrete leggerlo. Una cosa, però, onestamente voglio toglier dai miei meriti. Voi dite che a me Gogol' appaia privo di inventiva. Ahimè in questo io non sono uno scopritore. La cosa è vecchia. È un punto fermo già acquisito dalla critica; ed uno dei più importanti se lo si considera come premessa di molti sviluppi.

Circa lo Слово avete ragione. Ma non lo dico più volte nella mia breve introduzione che ogni ricostruzione è infirmata a priori nell'abusività? Però non è esatto che manchino criteri di una certa solidità. Le poche pagine impostemi dall'editore (si tratta di una edizione scolastica) non mi hanno consentito di giustificare una per una le nuove saldature. A volte sono dovuto ricorrere alla giustificazione interpolata fra le note a piè di pagina. I criteri ci sono: storico, filologico, logico, etc. Di solido, granitico non si può parlar per ragioni...ovvie. Spesso, come ebbi a scriverVi, l'intuito, la sensibilità che unitamente al criterio (ma non a un criterio meccanico) danno il coraggio di tentar. Tentar di ricostruire. Poiché Voi siete stato ingiusto scrivendo che io ho «distrutto un edificio per crearne uno nuovo coi frammenti». No — ch'è l'edificio non esiste: esistono dei frammenti, caduti l'uno accanto all'altro senza nesso così come la pietra di un antico tempio. Intatti rimasti una metope,

un capitello attaccato a un pezzo di colonna, una parte di frontone, e poche cose ancora. Io non ho distrutto proprio nulla.

In quanto all'aver accettato la ricostruzione metrica del Liackij, non so che dirvi. Forse avete ragione. Benché, come sapete, altro è l'accento nella parola detta, altro l'accento di essa nel verso recitato (cantilena). Sono stato allievo di Liackij e l'ho seguito in quanto è riuscito a persuadermi. In quanto non è riuscito (l'interpolazione del poema è la ricostruzione) l'ho abbandonato.

Seguitate a volermi bene, Vjačeslav Ivanovič, e a dirmi le Vostre sincere opinioni. Ve ne sono immensamente, affettuosamente grato. Verrò a trovarVi alla prima mia visita a Roma, e continueremo a discutere. Intanto rinnovo alla signorina e a Voi i migliori auguri per l'Anno nuovo. Vostro Pacini

Перевод:

Высокоцитимый и дорогой Вячеслав Иванович,

Сердечно признателен за Ваше письмо и столь полную откровенность. Я не переношу всякой формы обычной учтивости, когда дело идет о том, чтобы высказать суждение; каждому из нас, если он хочет усовершенствоваться, увидеть собственные ошибки и поправить их или же укрепиться в собственных мнениях, найдя новые аргументы, которые защитят слабую сторону, необходимы откровенные суждения. Хотя я и не достоин Вашей дружбы и не могу на нее претендовать, Ваша откровенность дает ее мне, за что я Вам сердечно признателен.

Думаю и буду думать о том, что Вы мне сказали о Ревизоре и Слове. Мне бы хотелось обсудить это при встрече, одно наблюдение влечет за собой другое, и все они помогают углубить и прояснить идеи. Пока что — перед тем как нанести Вам визит, когда мне случится приехать в Рим, хотел сказать Вам несколько вещей:

О Ревизоре. Эстетика моя ни слишком старая, ни слишком новая. Как и все в моем поколении, я вырос на Кроче. Эстетика Кроче была для меня точкой отсчета. Всего лишь точкой отсчета, но в конце концов, так или иначе, и основой. Если я не называю Ревизора «комедией» (в конце концов это не имеет крайней важности), то это не потому, что пьеса не отвечает предполагаемым «правилам» «жанра», в которые я не верю и никогда не верил. В Ревизоре, как и во всех сочинениях Гоголя, нет архитектуры, которая связывала бы все части в одно *целое* (использую русское слово, которому нет соответствия в итальянском языке). Это собрание анекдотов в той общей волшебной атмосфере (хотя в Ревизоре иной раз противоречивой), каковой является стиль Гоголя. Вы обвиняете меня в том, что я свожу Гоголя к стилю. Но это совсем не так, дорогой Вячеслав Иванович, в моей работе (которая есть лишь одна глава из сочинения о Гоголе, поправленная на скорую руку с тем, чтоб она уж как-нибудь жила самостоятельно¹) я говорю только о «Ревизоре», а не о великом Гоголе — Гоголе «Старосветских помещиков», «Шинели», «Плюшкина» (как поставить его около Хлестакова!) и — когда желнет? — Ноздрева, который есть вочеловечившийся, ставший живым Хлестаков, Хлестаков-личность, более не игра стиля. Вам кажется, что Хлестаков не имеет ничего общего с Кочкаревым?² Виноват!³ Без сомнения, я негодный критик, если не смог ясно изложить мою мысль. Поясню ее: семья Хлестакова рождается с Иваном Ивановичем Шпонькой, расширяется с Закашицевым-Собакинским из «Владимира» и через Кочкарева и Хлестакова находит совершенное воплощение в Ноздрева.⁴ Повторяю: моя вина, если как критик я был неубедителен. Мои доказательства должны были быть более удачными.

Быть может, вина здесь еще и в том, что в главе, оторванной от целого, не хватает «прецедентов». Предположения, понятные в главе книги, неясны в отдельном эссе. Я благодарен Вам, что Вы указали мне на этот промах и заставили думать о его причинах.

Что же до гоголевского «стиля», то прошу поверить мне, что я не *формалист*. Я не обращаю внимания на ту чепуху, которой верили критики в первые годы революции. Проблема гоголевского стиля достаточно сложна и не может быть объяснена в двух словах. Он породил гоголевские шедевры, и в нем же писатель обрел свою трагедию. Уже несколько лет назад (Фронтеспицо, 1940, № 5) я пытался в общих чертах обозначить духовную драму Гоголя. У меня получилась статья несколько неполная; однако, если Вам случаем доведется прочитать ее, Вы увидите, что Ревизор в этой драме составляет решающий момент. Но не в традиционном смысле (успех у публики и т. д.) — а в аспекте бесчеловечности этого сочинения. Да, Ревизор — гениальная пьеса, но эта гениальность, как я утверждаю в своей книге, «позиции противоположна по-люцифериански диаметрально». И Гоголь заметил это. В моей книге, еще неизданной, посвященной *всему Гоголю*, я собрал обширные свидетельства из его писем и сочинений, объединенные вместе, они составляют самую примечательную исповедь. Отсюда необходимость «внутреннего воспитания», самосовершенствования, требование очистить свой дух как «горную воду». Скажите, что я плохо написал мою книгу, что она неубедительна, но не говорите мне, что Хлестаков — лицо, поэзия. Здесь мы никогда не пойдем друг друга... Поэзия — это Плюшкин, Акакий Акакиевич, Пульхерия Ивановна, Афанасий Иванович, Ноздрев, кто хотите — только не Хлестаков. Хлестаков гениален, единственен в своем роде, — я сам повторяю это много раз, но он не есть искусство. Он Сатана, а не Бог.⁵ В жизни Гоголя есть два человека: человеческий и бесчеловечный, человек, который улыбается, и человек, который смеется, Акакий Акакиевич и Хлестаков. Не в силах избежать смеха, не в силах глазами рассудка узреть самого себя в поэте «Шинели» (я рассматриваю «Шинель» как антипод «Ревизора»), Гоголь погиб. Он думал о дьявольских искушениях, о нечистоте своей души, впал в мистицизм и, чтобы стать весь духом, убил свою плоть.

Мне надо бы написать целую книгу, чтобы сказать Вам все, что я думаю. Но поскольку книга уже написана и ее ожидает издатель (быть может, он не примет ее из-за ее объема), то ссылаюсь на то, что Вы сможете в ней прочитать. Хотел бы, честно говоря, только оправдаться в одном пункте. Вы говорите, что у меня Гоголь лишен *изобретательности*. Увы, но здесь я не придумал ничего нового. Это известно давно, это уже решено и принято всей критикой, как таковое оно является одним из ее самых важных положений, которые могут оказаться предпосылками для дальнейшего.

По поводу «Слова» Вы правы. Но разве не говорю я многократно в моем кратком введении, что упрек в самовольности a priori может поставить под сомнение каждую реконструкцию текста? Однако нельзя утверждать, что нет критериев для определенной основательности. На нескольких страницах, что издатель мне предоставил (речь идет об учебном издании), не дали мне возможности обосновать одна за другой новые конъюнктуры. Иногда я объяснял их в сносках. Критерии мои: исторические, филологические, логические и так далее. О твердокаменной основательности говорить не приходится по причинам... явным. Как писал я Вам, интуиция вместе с критерием (но критерием не механическим) дает храбрость для дерзания. Дерзания реконструировать. Ибо Вы несправедливо пишете, что я «разрушил здание, чтобы сложить из его обломков новое». Нет: дело в том, что здание не существует, есть его обломки, которые упали одно рядом с другим, без связи друг

с другом, как камни античного храма. Неповрежденными остались метопа, капитель у части колонны, фрагмент фронтона и еще немного другого. Все ничего мной не разрушено.

Не знаю, что и ответить Вам: ведь я исходил из метрической реконструкции Ляцкого. Быть может, Вы правы. Хотя, как Вы знаете, одно — это ударение на слове в речи, другое — ударение на слове в декламации (кантилена). Я был учеником Ляцкого и следовал за ним в той мере, в какой он меня убедил. Там же, где работа Ляцкого не удалась (конъюнктурная критика текста поэмы и ее реконструкция), я его оставил.

Думайте обо мне сердечно, Вячеслав Иванович, и сообщайте мне Ваши откровенные суждения. Я душевно Вам за них признателен, признателен необыкновенно. В мой следующий приезд в Рим приду к Вам, и мы продолжим наш разговор. Наилучшие пожелания Вам и дочери Вашей к Новому году. Ваш Пачини.

¹ Л. Пачини, вероятно, имеет в виду эссе о Гоголе, которое выйдет в качестве предисловия к книге «Tutti i racconti», ср. прим. 34. Отдельные части монографии о «Ревизоре» повторяют это эссе.

² Не все замечания Пачини о Хлестакове отмечаются Ивановым. Например, он благоклонно комментирует параллель между Хлестаковым и Кочкаревым, проводимую Пачини, который отмечает, что у Кочкарева имеется — пусть не более чем «прихоть» — но все же конкретное желание: свадьбы Подколесина, тогда как Хлестков не хочет ничего. «Он лишен воли» (*Pacini Savoij L. II «revisore» di N. V. Gogol. P. 24*; на полях Иванов пишет: «верно! Но противоречит главному тезису автора!», карандашная помета). Положительную реакцию Иванова также вызывает утверждение Пачини, что «слова Хлестакова — всегда ответ: его шутки — реакция на фразу, жест, ситуацию, которые в данный момент их в нем вызывают. Он подобен струне музыкального инструмента, вибрирующей то сильнее, то слабее, в зависимости от чувствительности конкретного места, по которому проводят смычком» (*Ibid. P. 25*; на полях помета: «верно!»).

³ Слово вписано по-русски.

⁴ Смысл приводимого здесь отрывка более подробно раскрывается в работе «Vita e umori di Nikolaj Vasil'evič Gogol'»: «от Сторченко из „Вечеров на хуторе близ Диканьки“, прообраза Собакевича и Петуха, до Анны Ивановны из „Страшного кабана“, из которых вытекло смиренное житье-бытье Пульхерии и Настасьи Петровны Коробочки; от Ивана Федоровича Шпоньки — претечи мечтательного и кроткого Манилова — до Ивана Ивановича (из «Ивана Федоровича Шпоньки и его тетушки»), личинки-прародительницы самого славного и легендарного рода гоголевских героев — Хлестаковых. (...) Ложь Ивана Ивановича, питаемая блажью вернуть этот мир в лоно прекрасного (...) превратится в тщеславие и лукавый расчет Закатищева-Собакича, станет искусством ради искусства у Кочкарева, а у Хлестакова „необычайным легкомыслием“, уравновешиваемым в обстановке, где свет небес борется со мраком бездны, а грезы и поэзия — с бесчеловечностью и абсурдом, до тех пор, пока не возвысится до эпического ощущения и видения бытия у Ноздрева — единственного отпрыска этого рода, наделенного человеческим обликом» (*Ibid. P. 286—287*).

⁵ В главе о Хлестакове читаем: «Можно сказать, что он одарен той же силой превращения, что и поэзия, будучи при этом ей диаметрально противоположен. В мифах человек выразил представление о сатане как о противоположности бога; а что сказать о поэзии? Что является ее антиподом, который, как и она, обладает силой преобразовать существо вещей?» (*Ibid. P. 25*; это место Иванов отметил знаком вопроса). Уместно подчеркнуть, что как письма, так и эти отрывки, кажется, переключаются с антропософскими утверждениями, в отношении которых Иванов не раз высказывался крайне отрицательно (см. переписку с антропософом Марко Спанини; ср. также: *Garzonio S., Sulpasso B. «Cresce la messe di cui ella sarà falciatore». Lettere di Giovanni Cavicchioli a Vjačeslav Ivanov // Русско-итальянский архив. Salerno, 2011. P. 141—144*). Важно также упомянуть изданную за несколько лет до этого монографию о Гоголе антропософа Энрико Паппачены (Е. Pappacena) «Gogol (Opere — Vita)»; она была написана между 1926 и 1928 годами, опубликована в Милане в апреле 1930 года. О небезынтересных переплетениях антропософских течений и русистики см.: *Де Микелис Ч. Дж. «Запасной» итальянский славяновед Энрико Паппачена // Витторио. Международный научный сборник, посвященный 75-летию Витторио Страды / Сост. С. Бочаров, А. Парнис. М., 2005. С. 203—216*.

© АНДРЕЙ ШИШКИН (Италия),
© РИЧАРД ДЭВИС (Великобритания)

ЭПИСТОЛЯРИЙ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА И И. А. БУНИНА 1937 ГОДА

С 10 по 16 ноября 1936 года И. А. Бунин находился в Риме.¹ Здесь он виделся с представителями русского Рима: Т. Л. Сухотиной-Толстой, художниками Р. М. и Л. М. Браиловскими, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковским. В один из последних дней Бунин зашел к Вяч. Иванову, с которым был знаком еще с первых лет Башни,² на его скромную квартиру на Тарпейской скале — Монте Тарпео, 61, которая выходила на Палатинский дворец, Форум и Колизей. Подробности этого визита остались в памяти дочери поэта: «Один раз под вечер неожиданно явился к нам Бунин. Мы сидели за столом, пили чай. Были еще какие-то друзья. Бунина все встретили с радостью, посадили за стол, начали расспрашивать. Он был совсем несчастный и имел вид затравленного зверя. После получения Нобелевской премии все с него требовали денег, люди угрожали кончить самоубийством, если он сразу их не выручит. Его забрасывали письмами, по улице прохода не было, премия быстро таяла. Мы старались его успокоить, но не тут-то было. На беду, среди друзей, сидящих за столом, оказалась Валентина Павловна Преображенская, устроительница выставок Белобородова.³ Ей страстно захотелось украсить предстоящий вернисаж присутствием знаменитого писателя и Нобелевского лауреата:

— Ах, дорогой Иван Алексеевич, Вы должны непременно пойти завтра на открытие выставки Белобородова. Не для покупки картин, но чтобы посмотреть. Эта выставка — событие! Я за Вами зайду в отель. Я совсем бескорыстно это говорю.

Как Бунин ни отнекивался, Валентина Павловна настояла на своем: завтра в десять утра она придет к нему в отель; она действительно это сделала, но ей там заявили, что Бунин уехал рано утром и не сказал, куда. Этим, к сожалению, закончился краткий его визит на Монте Тарпео».⁴

Несмотря на мимолетность посещения Вечного города, на следующий год Бунину пришла мысль вновь посетить Рим, а может быть и провести в нем осень и зиму. Отдавая себе отчет в недостаточности своих познаний в топогра-

¹ Письма И. А. Бунина к В. Н. Буниной из Рима от 11, 14 и 15 ноября 1936 г. // Русский архив в Лидсе (Великобритания). MS 1066A/125—127 (далее — РАЛ).

² «Были Бунин, драматург Рафалович, (...) человек 15» (письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной от 2 декабря 1905 года; цит по: Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах: документальные хроники. М., 2009. С. 137); «Вечером у Вячеслава Бунина» (письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной от 11 февраля 1906 года; цит. по: Шишкин А. История Башни Вячеслава Иванова. Рим, 1996. С. 95).

³ Художник А. Я. Белобородов (1886—1965; см. о нем: Словарь русской эмиграции в Италии//<http://www.russinitalia.it/index.php?lang=it>) был знакомым Бунина еще по Парижу. Ср. письмо Бунина к Белобородову октябрь 1926 года:

«33, rue de Lubeck Paris XVI

Многоуважаемый Андрей Яковлевич, окажите услугу, за которую буду Вам благодарен глубоко: помогите устроить в бесплатный пансион Павловой дочку одного нашего друга, живущего в Берлине, Василия Михайловича Каменского (Berlin W. 15 Düsseldorfstr. 25 bei Fuhr). Он в жестокой нужде. А девочка милая, чистая, приехавшая из России всего год тому назад, но ничуть большевиками не отравленная. Крепко жму руку и жду Вашего ответа. Ваш Ив. Бунин» (Римский архив Вяч. Иванова. А. Я. Белобородов. Ф. 120; далее — РАИ).

⁴ *Иванова Л. В.* Воспоминания: книга об отце. Париж, 1990. С. 251. Ср. также описание этого эпизода в письме З. Н. Гиппиус к В. А. Злобину от 20 и 22 ноября 1936 года (Там же. С. 251—252 (прим. 2)).

фии Вечного города и Остии, новопостроенного города-спутника на Тирренском море, в первые дни августа 1937 года Бунин обратился к Вяч. Иванову с таким письмом:

«1, rue Jacques Offenbach, Paris 16

Мой дорогой Поэт,

Позвольте беспокоить Вас покорнейшей просьбой дать мне некоторые указания.

Я чуть не уехал на днях в Италию: очень хочу купаться в Средиземном море, а французская Ривьера мне очень наскучила и во многих отношениях неудобна, даже неприятна. Но меня остановил вопрос: куда же именно поехать мне на купанье в Италию? На итальянской Ривьере мне было бы слишком одиноко, другое дело — Lido di Roma; но что такое это Lido? Может быть, там никто не живет, приезжают туда купаться из Рима... А если живут, то где? В жарких и модных отелях? Вот и будьте добры сказать мне: правильны ли мои мысли?

Это во-первых. А во-вторых: нет ли чего-нибудь над Римом — места более или менее прохладного и от Рима недалекого, чтобы можно было оттуда спускаться к Лидо ежедневно на купанье? Думаю, что я спрашиваю Вас напрасно, — что места такого нет, но отчего же не спросить на всякий случай?

А теперь — главное. Я хочу провести в Риме осень и зиму. Можно ли это сделать с некоторыми удобствами (и *со скромными средствами*) не в отеле, а в квартире *с отоплением* и не в городе. В городе я жить *совершенно* не могу, а непременно где-нибудь на горе — на Pincio лучше всего, — Pincio моя самая горячая мечта? И что там может стоять такая квартира в 4, в 5 комнат (*меблированных*, конечно) помесечно (если сдают помесечно)?

Заранее благодарю Вас за ответ и дружески кланяюсь Вам и всему Вашему милому дому. Ваш

Ив. Бунин». ⁵

Можно думать, что письмо первого русского нобелевского лауреата стало Вяч. Иванова несколько врасплах. Ведь на холме Пинчио располагались сады и парки, и кроме виллы Медичи — Французской академии в Риме — жилых построек там не было. Что же до моря, то между Остией, где эlegantные кварталы в стиле модерн выходили прямо на удобные пляжи, и Римом курсировал поезд (от железнодорожной станции Сан Паоло за полчаса можно было добраться до морского побережья — Лидо ди Рома). Но следовало ли вдаваться в эти подробности?

Еще сложнее оказалось подыскать для всемирно прославленного писателя удобный апартамент на зимний сезон. Наверное, поэтому на все практические вопросы Вяч. Иванов предпочел благоразумно отмолчаться и, скрыв свое нежелание советовать что-либо автоироническим иератическим стилем, напоминающим прежнего «Вячеслава Великолепного», переложил ответ на свою ближайшую приятельницу О. А. Шор и художника А. Я. Белобородова. 19 августа 1937 года он писал Бунину:

«Дорогой Иван Алексеевич,

Простите мешкотность ответа, но сразу ничего нельзя было сообразить — не только мне, но и знакомой Вам Ольге Александровне Шор, которая, ввиду моей полной неосведомленности и беспомощности в делах быто-

⁵ РАИ. Оп. 5. Папка 22. На конверте: «Al Signore V. Ivanov. 61, via Monte Tarpeo Roma Italia. exp.: Ivan Bounine, rue Jacques Offenbach, Paris 16». Штемпели: «PARIS 3 VIII 1937»; «ROMA 4. VIII 37».

устроительства, взялась ангелически обозреть для Вас Рим с высоты соответствующей иерархии, ибо для полного воплощения в житейское и деловитое нет и у нее способностей, да нет, вдобавок, и материальной возможности. Что она этим методом узнала, о том она Вам и пишет. Во всяком случае, знаю, что она наводила многие справки и вела о Вас с разными лицами беседы. Белобородов правильно говорит, что лучше всего бы Вам взять меблированную квартиру на холме Яникуле (Janicolo), где и воздух хороший, где Вы и в Риме, и как будто не в Риме, откуда удобно в Остию ездить, и где зимой хорошо жить. Но ясно по существу дела, что заочно для Вас отыскать ничего нельзя, ввиду чрезвычайной неопределенности Ваших требований. Приезжайте сами и легко найдете, что Вам нужно. Я же остаюсь в доброй надежде на скорое свидание, не так ли? Сердечно преданный Вам
Вяч. Иванов»⁶

Письмо же с практическими решениями бытоустройства в Риме направила Бунину О. Шор (оно не выявлено). На эти письма писатель ответил лишь в декабре 1937 года:

«Дорогой Вячеслав Иванович,

дела, болезни — до сих пор не могу собраться в Рим! Простите пожалуйста, что до сих пор не поблагодарил Вас и милую Ольгу Александровну за те письма, что писали Вы мне в конце лета на счет того, как нам устроиться в Риме. Сердечно приветствую весь Ваш дом!

Ваш Ив. Бунин

1, rue Jacques Offenbach, Paris 16».⁷

Одновременно с письмом Бунин послал только что вышедшую в издательстве «Современные записки» первую поэтическую книгу своей литературной ученицы Галины Кузнецовой «Оливковый сад» (Париж, 1937), снабдив ее достаточно обязывающей надписью на форзаце: «Дорогому Вячеславу Ивановичу с большой просьбой написать мне об этой книге свой совершенно откровенный отзыв. Ив. Бунин». Трудно сказать, знал ли Вяч. Иванов, что роман Бунина с Кузнецовой как раз с середины 1930-х годов дал трещину. Во всяком случае, на этот раз Иванов отнесся к просьбе Бунина предельно отзывчиво. Писать о книге ему было интересно; как раз в конце осени 1937 года вместе с Гиппиус он занимался разбором книг современных русских парижских поэтов.⁸

Как читал «Оливковый сад» Вяч. Иванов, можно судить по экземпляру из Римского архива поэта.⁹ Стихотворения, которые он пометил карандашом крестиком: «Такое небо бывает над снегом...» (с. 16), «Мы в этот день любили всех людей...» (с. 27), «Опять, опять в ветвях тяжелых пальм...» (с. 32),

⁶ РАЛ. MS 1066/3026.

⁷ Открытка с фотографией парижского Пантеона, возле нее рукой Бунина: «Al Signore V. Ivanov. 61, via Torreo (sic!) Roma Italia». Штемпель: «Paris 9 déc 1937». В левом верхнем углу рукой Иванова: «гёр. 26.-XII.'37».

⁸ «Но особенно воскресала „башня“, когда речь заходила о поэзии, о стихах. Мы привезли в Тарпейское уединенье несколько томиков современных парижских поэтов. Утонченнейший их разбор, давший повод к длинным разговорам о стихах, о стихосложении вообще, — как это было похоже на В. И. тридцать лет тому назад» (Гиппиус З. Н. Поэт и Тарпейская скала // Иванова Л. В. Воспоминания. С. 372). Однако «Стихотворения» А. Браславского (Париж, 1937), посланные Вяч. Иванову 27 июля 1937 года, он даже не разрешил (<http://www.v-ivanov.it/literatura/biblioteca-vyach-ivanova/knigi-i-zhurnaly-na-russkom-yazyke>). О книге Кузнецовой появились два авторитетных отзыва: М. Цетлина в 65-м выпуске «Современных записок» (вышел в декабре 1937 года, т. е. Вяч. Иванову в момент получения им «Оливкового сада» был неизвестен) и Вл. Ходасевича в газете «Возрождение» от 10 июня 1938 года.

⁹ Экземпляр доступен на сайте: <http://www.v-ivanov.it/literatura/biblioteca-vyach-ivanova/knigi-i-zhurnaly-na-russkom-yazyke>.

«Глухие слезы по щекам бегут...» (с. 33), «Спокойная и грустная отрада» (с. 35), «Горят цветы на сером камне стен...» (с. 38), «О, как сегодня ночь смутна, бледна...» (с. 41), «Колоколов протяжный разговор...» (с. 42). Подчеркнуты строки: «Я видела, смотря в твои глаза / Из них глядит душа, всему чужая» (с. 50); «Над лицом моим волшебю / Трепетали и текли?» (с. 51); «Средь гор, темнеющих неясно, / Вода струится черным маслом, / И золотым веретеном / Огни судов трепещут в нем» (с. 57); поставлен знак вопроса: «И светлые отягощали косы» (с. 17); «И стал сентябрь милее, чем апрель» (там же); «Как холодно тогда в гробу моем железном» (слово «железном» слегка подчеркнуто и поставлен знак вопроса, с. 18); «сафьяновою кожей / Внизу волнуется вода» (слова слегка подчеркнуты и поставлен знак вопроса, с. 20).

Некоторые стихотворения (в том числе и помеченные в книге) Иванов процитировал в ответном письме, подчеркнув в них отдельные строки. Начал и завершил свое письмо Вяч. Иванов по-старомодному дружески и сердечно:¹⁰

«Рим via di Monte Tarpeo 61
26 дек. '37

Дорогой Иван Алексеевич,

Счастливого нового года — и, главное, доброго здоровья в новом году — желает Вам старый Ваш приятель и почитатель, разочарованный в своих ожиданиях отменю предпологавшейся поездки Вашей в Рим. Книжка, присланная Вами мне на просмотр и отзыв, — *весьма талантливая книжка; немало в ней несовершенств и недочетов, но немало и настоящей поэзии, и настоящего чувства формы*. Вышла она из Вашей школы: отсюда этот определенный рисунок, этот красочный хроматизм, эта склонность говорить *о душевном языке пейзажа*. „*Ut pictura poesis*”.¹¹ Но, помимо живописи, есть в книжке и то главное, что в собственном смысле делает *стихи стихами*, а именно: звуковая форма. Вот два случайных примера, наудачу:

Я распахнула ставни —
Где неба блеск недавний?
Какой неожиданный вид!
Весь сад летучим снегом,
Безмолвным мягким бегом
Куда-то вниз скользят.
Что так светло и странно
Вдруг вспыхнуло во мне?
А сад летит в окне
Неслышно и туманно

Это „светло и странно” — о звуковой волне.

Опять на взгорьях тонкая трава,
В пустых аллеях теплый ветер веет
И мраморной богини голова
Над чащами, где пар и синева,
Узлом высоких кос своих белеет.
И я гляжу на этот синий дым,
На гладкие колонны темных букв,

¹⁰ Это письмо Бунин напечатал в газете «Новое русское слово» 4 сентября 1949 года (перепечатка: Российский литературоведческий журнал. 1999. № 12. С. 162—163) с рядом неточностей и пропусков, некоторые из них — смыслового характера. В нашей публикации эти пропуски выделены жирным шрифтом, подчеркивания (видимо, И. А. Бунина) — курсивом, подчеркивания Вяч. Иванова — курсивом и подчеркиванием.

¹¹ Известное выражение из «Науки поэзии» Горация: «Поэзия как живопись» (*лат.*).

На темный луг, *легко сходящий* к ним,
И за волнением сладостным моим —
Рождение мучительное звуков.¹²

И везде почти так: сначала зрительное, **пейзажное** впечатление; тотчас затем „душа стесняется лирическим волнением, трепещет и звучит”. Лучшей пробой звуковой формы является, быть может, белый стих, — и он поэссе хорошо удается:

Что-то грустно
Мне в это лето. Сердце ль стало старше,
Душа ль трезвее от суровых мыслей,
Но сумрачней, спокойней и мудрей
Смотрю на мир, сияющий, прекрасный,
Бессмысленный, как песня соловья.

Вторая часть сборника лучше первой; хороши провансальские — **и пиренейские?** — описания. Но не по душе мне дружба поэтессы с этой *parvenue* на Парнасе, которая именуется „Assonance”. Всякая приближенность противна строгой технике и ассонансами позволительно пользоваться — умело и осторожно — только в том случае, когда они представляют собою особенную музыкальную ценность; ибо порою они могут звучать пленительно — отзвучием неопределенным и заглушенным, как „шум волны, плеснувшей в берег дальний”¹³ И мне нравятся строки:¹⁴

Покидаю наш край счастливый,
Наших гор серебряный гребень,
Голубое стекло залива,
Эти мачты на светлом небе.
Ты один возвратишься в гавань,
Взглянешь: в море маяк сургучный (!) —
О, моя единая слава!
Где ты веешь, мой ветер звучный?..

Ну вот Вам мой отчет, дорогой Иван Алексеевич. Что же, так и не увидимся вскоре в Риме? Мои капитолийцы¹⁵ Вам кланяются.
Душевно преданный Вам

Вячеслав Иванов». ¹⁶

Видимо, еще не получив этого письма, Бунин отправил Иванову открытку со своим фотопортретом работы В. Субботина с просьбой передать его О. А. Шор.¹⁷ Переписка и личные отношения не получили продолжения, а скоро захлестнувшая Европу мировая война сделала их и невозможными. Письмо Иванова от 26 декабря 1937 года Бунин опубликовал в 1949 году в нью-йоркском «Новом русском слове»; не исключено, что сделал он это, чтобы способствовать литературной известности своей ученицы и подруги.¹⁸

¹² Подчеркнуто Вяч. Ивановым дважды.

¹³ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Что в имени тебе моем?..»

¹⁴ В газетной публикации: «И мне нравятся такие строки поэтессы».

¹⁵ Имеются в виду О. А. Шор и Л. В. Иванова.

¹⁶ РАЛ. MS 1066/3027.

¹⁷ Открытка с фотографией Бунина. Штемпель: «29 декабря 1937 года». В нижней части: «Дорогой О. А. Шор на память от Ив. Бунина. 29. XII. 37». Слева: «ноябрь 1937 г., Париж». На обороте: «Al Signore V. Ivanov. 61, via Monte Tarpeo Roma Italie. С покорнейшей просьбой передать О. А. Шор».

¹⁸ См. предположение Г. Обатнина в статье «Смерть Вячеслава Иванова в оценке русской зарубежной прессы» (Вячеслав Иванов: исследования и материалы. СПб., 2010. Вып. 1. С. 698 (прим. 30)).

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

© Н. В. Семенова

ИДЕЯ ИМПЕРИИ В РОССИИ XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКА: ОБРАЗ ПЕТРА I*

Фигура Петра I уже при жизни правителя становится объектом для мифологического конструирования. Культ Петра официально утвердился в 1721 году, когда ему был торжественно поднесен титул «Отца Отечества, императора Всероссийского».¹ Отныне с именем монарха было неразрывно связано его «творение» — Российская Империя.

Образ Петра Великого менялся вместе с идеей Империи. В своем развитии они прошли три стадии: от зарождения и легитимации через монументализацию к последующему кризису и распаду. На примере художественных текстов мы постараемся показать динамику этого процесса, обратившись к наиболее острым моментам: становлению позитивного образа монарха в первой четверти XVIII века, его трансформации в первой половине XIX века и десакрализации Петра I в первой четверти XX века.

Одним из первых, кто стал утверждать статус Петра-императора, был Феофан Прокопович. Он совершил тот же ход, который спустя двести лет повторят большевики в отношении В. И. Ленина: превратил актуального политического деятеля в персонаж. Благодаря этому появилась возможность использовать фигуру царя одновременно в художественных и идеологических целях.²

Следует отметить, что формирование имперского менталитета началось именно в литературе и предшествовало официальным актам и постановлениям.³ Так, Феофан Прокопович исподволь включал в свои тексты элементы имперского дискурса, которые постепенно укоренялись в русском сознании. В частности, в его первой произнесенной в Петербурге речи «Слово похвальное в день рождения благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича» (1716) встречается пассаж, в котором проводится параллель между царем и римским императором Августом: «Август он Римский Император, яко превеликую о себе похвалу, умирая, проглагола: „Кирпичный (рече) Рим обретох, а мраморный оставляю”. Нашему же Пресветлейшему монарсе тщета была бы, а не похвала сие пригласити. Извести бо воистинну подобает: деревянюю он обрете Россию, а сотвори златую».⁴

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ (проект №10-04-00204а — «Идея империи в русской литературе»).

¹ Акт о поднесении Петру I титула императора Всероссийского // Хрестоматия по истории России: В 4 т. М., 1995. Т. 2. Кн. I: XVII—начало XVIII века. С. 168. См. также: Агеева О. Г. Титул императора и понятие «Империя» в России в первой четверти XVIII века // Межславянские взаимоотношения и связи. Средние века — раннее Новое время: Сб. тезисов. М., 1999. С. 5—8. Полную версию этой статьи см.: <http://www.tellur.ru/~historia/archive/05/ageyeva.htm>.

² О восприятии фигуры Петра I современниками и ближайшими потомками см.: Петр I в русской литературе XVIII века: Тексты и комментарии / Сост. С. И. Николаев. СПб., 2006.

³ В 1718 году Петр I повелел издать на русском и немецком языках обнаруженную в архиве Посольского приказа грамоту 1514 года императора Максимилиана I, отправленную Василию III. Последний был назван в ней «цесарем». Этот документ стал одним из оснований для принятия Петром императорского титула в 1721 году.

⁴ Прокопович Ф. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 45. Далее цитируется по настоящему изданию с указанием в скобках имени автора и номера страницы.

В данном фрагменте Петр и Август сопоставляются как равновеликие личности, а деяния русского правителя объявляются даже превосходящими по масштабу преобразования римского императора. Сравнение царя с Августом Октавианом отнюдь не случайно. Последний традиционно «знаменовал процветание империи».⁵ Соответственно, демонстрация успехов Петра делала его достойным продолжателем Октавиана, а Россию — восприемницей Римской империи. Однако это была еще не полноценная легитимация нового статуса страны, но лишь первые шаги в указанном направлении. В пользу подобной интерпретации говорит тот факт, что через несколько лет Петр I официально примет такой же титул, как и у Августа, — «Pater patriae».⁶

Номинация монарха «отцом Отечества» была ориентирована на античную традицию и европейскую систему ценностей и противопоставлялась русскому титулу⁷ и фольклоризированному представлению о «царе-батюшке». И если первое обращение было секулярным, то за второй формулой стоял большой «духовный» потенциал. Параллельно существовала другая тенденция: обожествление Петра I⁸ в противовес его восприятию как Антихриста. Оба компонента часто располагались рядом, как, например, у М. В. Ломоносова:

И, словом, се есть Петр, отечества Отец.
Земное божество Россия почитает...⁹

В результате, уже в самом зарождении культа Петра I можно обнаружить противоречия, которые в итоге «взорвут» систему: дихотомия между духовным и светским характером власти и оппозиция «Бог» — «Антихрист». При этом актуализация определенного полюса отражает различные стадии развития идеи Империи. Иллюстрацией служат поздние тексты Феофана Прокоповича, такие как, например, «Слово на погребение всесветлейшаго, державнейшаго Петра Великого, императора и самодержца всероссийскаго, отца отечества...» (1725), которые призваны легитимировать новый статус страны и правящей персоны. Вот почему акцент в них сделан на божественной природе силы Петра I («воскресивший», «безсмертну»), а предпочтение отдается уникальной для русской традиции формуле «отец отечества» («отчества отче»), подчеркивающей исключительное положение монарха среди прочих царей: «Виновник благополучий наших и радостей, воскресивший аки от мертвых Россию и воздвигший в толикую силу и славу, или паче, рождавший и воспитавший прямой сый отечествия своего отец, которому по его дос-

⁵ *Проскурина В. Ю.* Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 45.

⁶ Август Октавиан был третьим в Римской империи после Марка Туллия Цицерона и Юлия Цезаря, кто был удостоен титула «Pater Patriae». Гай Светоний Транквилл пишет, что «имя отца отчества было поднесено ему (Августу. — Н. С.) всем народом, внезапно и единодушно», а после его отказа «сенат высказал свою волю, но не в декрете и не общим криком, а в выступлении Валерия Мессалы» (по общему поручению) (*Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей. М., 1990. С. 61). Поведенческая модель Петра I отсылает к античному образцу: царь также сначала отрекся от титула, но после переговоров с сенаторами и архиепископами согласился на церемонию (*Агеева О. Г.* Указ. соч. С. 5). Роль Валерия Мессалы взял на себя Г. И. Головкин, выступивший от имени Сената. Следует также отметить, что наименование «Отец Отечества» в русской династической традиции принадлежало исключительно Петру I. Екатерина II, которой было предложено звание «Матери Отечества», от него отказалась. См. об этом: *Проскурина В. Ю.* Указ. соч. С. 113.

⁷ См.: *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого (к проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // *Лотман Ю. М.* Избр. статьи: В 3 т. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 201—203.

⁸ О сакрализации монарха в русской культурной традиции см.: *Успенский Б. А., Живов В. М.* Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // *Успенский Б. А.* Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 110—219.

⁹ Надпись М. В. Ломоносова к памятнику Петру I цит. по: *Проскурина В. Ю.* Указ. соч. С. 109. Курсив мой. — Н. С.

тоинству добрии россиястии сынове безсмертну быть желали...» (Феофан Прокопович. С. 126; курсив мой. — Н. С.).

Вторым важным следствием из параллели между двумя правителями было то, что ориентация на Рим осуществлялась напрямую, а имя Петра и создаваемое им государство включались в широкий исторический контекст. Действительно, как пишет Кевин М. Ф. Платт, «в России (...) поиск для своего времени определенного места в схеме национальной и мировой истории всегда был вопросом большой политической и социальной значимости...»¹⁰ Благодаря сопоставлению Петра I и Августа Россия, с одной стороны, ставилась в общий ряд с европейскими странами-лидерами, а с другой — выступала в качестве реинкарнации Римской империи на новом уровне.

Необходимо учитывать тот факт, что речь идет не столько о передаче фактической династической власти, сколько о наследовании духа, идей. После того как в «Слове на погребение...» Феофан Прокопович провозгласил: «убо оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам» (Феофан Прокопович. С. 128), апелляция к «делу» Петра приобрела обязательный характер. Петр I становится образцовой фигурой, и теперь параллели проводятся между ним и его потомками, а «наследство» и «замыслы» императора всякий раз интерпретируются в соответствии с новой идеологией.

Интересный пример подобного идеологического моделирования представляет ситуация, которая сложилась в 1770-е годы. В стремлении легитимировать свое появление на политической арене Екатерина II одновременно идентифицирует себя и с Петром Великим, и с божественным Августом. Пристально наблюдая за работой над переводом «Энеиды», она переносит на себя и переводчика В. Петрова отношения Вергилия и Октавиана Августа. Екатерина II передает Петру I «статус „основателя“, петербургского Энея, тогда как сама императрица присваивает себе статус „завершителя“, нового Августа, приведшего Город и страну к блеску и процветанию».¹¹ Таким образом, к концу XVIII века на равных правах существуют две системы координат: европейская с ориентацией на Древний Рим и русская, в которой образ Петра I сакрален и неприкосновенен.

В правление Николая I фигура Петра Великого вновь становится актуальной. В это время происходит окончательная монументализация образа первого русского императора. В начале николаевского царствования личность Петра служит идеалом, к которому надо стремиться. А. С. Пушкин выразил эту интенцию в «Стансах» (1826): «Семейным сходством будь же горд; / Во всем будь пращурю подобен...»¹² Но уже спустя десятилетие, после череды европейских революций 1830-х годов, эпохи Петра I и Николая I разграничиваются, так как последний предпочитает кардинальным реформам путь «замедленной, избирательной „модернизации“».¹³

Изменение идеологического вектора ярче всего проявилось в наиболее активно развивающейся сфере — в области образования. Речь профессора и академика А. В. Никитенко «Похвальное слово Петру Великому императору и самодержцу всероссийскому отцу отечества» (1838) являет собой пример приспособления идей и образа Петра I к актуальной политической ситуации.

Многое здесь воспринято из предшествующей традиции: представление о царе-просветителе, отце отечества, обожествление власти монарха и, в особенности, идея духовной преемственности. Однако Никитенко подвергает все эти категории

¹⁰ Платт Кевин М. Ф. История в гротескном ключе. Русская литература и идея революции. СПб., 2006. С. 23—24.

¹¹ Проскурина В. Ю. Указ. соч. С. 112. Подробнее о параллели Екатерина II — Август см. на с. 42—48.

¹² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М., 1995. Т. 3. Кн. 1. С. 40.

¹³ Виттекер Х. Ц. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. С. 106.

кардинальному переосмыслению, что в конечном итоге ведет к изменению образа Петра I.

Он начинает с разграничения двух временных периодов, первый из которых представляет собой некую точку отсчета «перерождения народного», а второй — завершение великого замысла: «...две сии эпохи, по-видимому, даже противоположны в своем характере и значении, — а между тем они сливаются в один момент народной жизни; первая существует единственно для последней, как последняя есть только естественное, правильное раскрытие всего, что заключалось в предыдущей». ¹⁴

Таким образом, Николай I является прямым исполнителем заветов Петра Великого и призван довершить дело своего предка.

Обратим внимание на прямую переключку в текстах Феофана Прокоповича и А. В. Никитенко (курсив мой. — Н. С.):

«Какову он Россию свою сделал, такова и будет: сделал добрым любимую, любима и будет; сделал врагом страшную, страшная и будет; сделал на весь мир славную, славная и быть не престанет. Оставил нам духовная, гражданская и воинская исправления. Убо оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам» (Феофан Прокопович. С. 128).

«О, пусть сердца наши молятся, да будет Россия Петра тем, чем хотел ее сделать Петр и чем делает ее Тот, кому Провидение достойно и праведно *верило довершение его подвига*» (А. В. Никитенко. С. 23).

К середине XIX века «наследие» стало существенно отличаться от того, которое, согласно Феофану Прокоповичу, оставлял император («духовная, гражданская и воинская исправления»). Никитенко связывает с именем Петра идеологическую формулу Николаевской эпохи: «да будет отныне в России все Русское» (А. В. Никитенко. С. 4). А его «дело» трактует в соответствии с запросами самого Николая I: «России возвращается Россия», «творение Петра организуется, приводится к единству естественного национального начала» (А. В. Никитенко. С. 5).¹⁵ Прямым следствием этого был отказ от каких-либо параллелей с историческими деятелями, в частности с римскими императорами. Более того, в авторской интерпретации они дискредитируются чрезмерной жестокостью и на этом основании противопоставляются Петру: «О, если бы можно было из истории человеческого рода вырвать многие, так называемые блистательные страницы, где кровью народов вписано за цену всеобщего мира и блага несколько превознесенных имен...» (А. В. Никитенко. С. 16). На этом фоне Петр I выступает как самодостаточная личность, которая не имеет аналогов: «В самом деле характер Петра не имеет ничего общего с великими характерами, какие представляются нам в древнейшем и новейшем мире» (А. В. Никитенко. С. 15).

Затем Никитенко делает интересный ход: он разделяет образ Петра на две составляющие. С одной стороны, император — первая в России «self-made» персона. Он аккумулирует полученный эмпирический опыт и передает его народу «в лучезарных потоках света и славы» (А. В. Никитенко. С. 15). То есть слушателю речи представлена история личного успеха. С другой стороны, единственное соответствие, которое находит для монарха автор «Похвального слова...» — это держава,

¹⁴ Никитенко А. В. Похвальное слово Петру Великому императору и самодержцу всероссийскому отцу отечества. СПб., 1838. С. 4. Далее цитируется по этому изданию с указанием в скобках имени автора и номера страницы.

¹⁵ По замечанию В. К. Кантора, «именно этот национализм, рожденный в Европе, эта антиевропейская по сути идея была воспринята в России как императором, политической элитой, так и культурными слоями. „Россия национальная“ (лишь в идее) послужила причиной разрушения реальной Российской империи» (Кантор В. К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М., 2008. С. 41).

Российская империя. Оратор ставит между ними знак равенства. Однако в тот момент, когда образ Петра I достигает максимальной степени абстрактности, царь вдруг проявляет человеческую слабость и испытывает чувство страха: «В состоянии ли мы представить себе, каким ужасом должно быть поражено сердце великого Монарха, когда Он, обозрев состояние вещей в Европе, увидел свою возлюбленную Россию (...) почти без всех пособий...» (А. В. Никитенко. С. 11).

Конечно, в данном фрагменте эмоции Петра I особого рода: он переживает за свою страну. Но если принять во внимание, что в тексте Никитенко государь идентифицируется с державой, то оказывается, его страх направлен на возможность несостоятельности собственной деятельности. Сквозь имперское начинает проступать личное.

Таким образом, в «Похвальном слове...» Никитенко образ Петра I модернизирован и приближен к запросам времени. В николаевскую эпоху монарх все еще обожествляется, но характер его начинает приобретать индивидуальные черты. Включение в контекст петровских преобразований национального вопроса закрыло империю от внешнего влияния (исторические параллели) и акцентировало самостоятельность и ее, и правителя. После этого образ Петра начинает разрушаться, так как постепенно все сильнее проявляются заложенные в нем противоречия («божественное — человеческое — дьявольское», «великий замысел — его исполнение»).

В 1917 году, знаменовавшем конец империи, А. Н. Толстой пишет рассказ «День Петра». В нем он, вслед за Д. С. Мережковским («Петр и Алексей», 1904—1905),¹⁶ развенчивает большинство мифов, сформированных ранее официальной традицией. В тексте идет постоянная десакрализация и делегитимация монарха. Подвергается сомнению миф о новой России и новом народе, завещанный литературой начала XVIII века последующему культурному сознанию.¹⁷ Оправдание преобразований благом народа отрицается их ближайшим результатом — смертями, болезнями, пытками, отсутствием понимания петровского «дела» и признанием его бесполезности. «Многие тысячи народа, со всех концов России — все языки, — трудились день и ночь над постройкой города. Наводнения смывали работу, опустошал ее пожар; голод и язва косили народ (...) Иных ковали в железо, чтобы не разбежались, иных засекали насмерть у верстовых столбов, у тиунской избы; пощады не знали конвоиры-драгуны, бритые, как коты, в заморских зеленых кафтанах. Строился царский город на краю земли, в болотах, у самой неметчины. Кому он был нужен, для какой муки еще новой надо было обливаться потом и кровью и гибнуть тысячами, — народ не знал».¹⁸

Внутренняя делегитимация сопровождается внешней. Петр оказывается не в состоянии реализовать свой замысел. Созданное им государство не является империей: «Но все же случилось не то, чего хотел гордый Петр; Россия не вошла, рядная и сильная, на пир великих держав. А подтянутая им за волосы, окровавленная и обезумевшая от ужаса и отчаяния, предстала новым родственникам в жалком и неравном виде — рабою» (А. Н. Толстой. С. 395).

Причины такого тотального неуспеха видятся в нахождении Петра I вне существующих знаковых систем: к нему неприменимы никакие рамки. Так, анализируя оппозицию «Бог—Антихрист», Толстой делает выбор в пользу третьего, не входящего в нее компонента. В рассказе акцент ставится именно на человеческом начале личности царя. Импульсом к преобразовательной деятельности служит

¹⁶ О влиянии романа Д. С. Мережковского на раннее творчество А. Н. Толстого см.: *Векслер И. И. Алексей Николаевич Толстой. Жизненный путь*. М., 1948. С. 314—318.

¹⁷ *Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века)* // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1977. Вып. 414. С. 24—25. (Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Вып. XXVIII.)

¹⁸ *Толстой А. Н. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1948. Т. 4. С. 392.* Далее цитируется по этому изданию с указанием в скобках имени автора и номера страницы.

сила воли, а также эмоции — «гнев и нетерпение», реакцией на которые является страх окружающих. Отрицанием божественной природы Петра I завершается текст: «И бремя этого дня и всех дней прошедших и будущих свинцовой тягой легло на плечи ему, взявшему непосильную человеку тяжесть...» (А. Н. Толстой. С. 413).

Статус Петра I в рассказе также не определен: он еще не «отец отечества», но уже и не царь-батюшка. Первое наименование противоречит взаимоотношениям Петра и народа, а от второго он сам отказывается. На обращение лидера раскольников «эх ты, батюшка мой», царь «стремительно нагнулся к нему, взял за уши и, словно поцеловать желая, обдал жарким табачным и винным дыханием, глубоко заглянул в глаза, проворчал что-то, отвернулся, глубоко надвинул шапку, кашлянул:

— Ну, Варлаам, видно, мы не договорились до хорошего. Завтра мучить приду. Прощай» (А. Н. Толстой. С. 413).

Результатом этого становится полная изоляция Петра. От царя скрывается истинное положение вещей («гораздо хорошо соврал, глядя честно и прямо в царские глаза»). Следовательно, его «дело» оказывается бесперспективным,¹⁹ а проект создания Империи содержит предпосылки будущего кризиса.

Итак, на протяжении двухсот лет образ Петра I представлял Российскую Империю, вместе с которой прошел путь от первоначальной институционализации к последующей десакрализации и распаду. На подобные изменения оказывали влияние как идеологическая ситуация каждой конкретной эпохи, так и отношение к самому понятию Империи. Способность выражать различные интенции (персонафикация национального идеала, воплощение просвещенного европейского монарха, беспоконная «лихая» душа) сделало его знаковой фигурой для культурной презентации истории. Это позволило возродить в советское время образ Петра I, который перестал воплощать идею Империи и начал восприниматься как ступень в эволюции по направлению к идеальному общественному устройству.

¹⁹ Щербина В. А. Н. Толстой. Творческий путь. М., 1956. С. 391.

© Л. И. Черемисина

НЕИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ А. А. ФЕТА

Публицистика А. А. Фета, пожалуй, — наименее исследованный пласт его творчества. В отличие от «деревенских» очерков 1860-х годов, направленных на изображение процесса реформирования русской деревни, объединенных общей темой, композицией, образом повествователя, публицистика 1870—1880-х годов разнотематична и многопланова. Это большой корпус произведений, требующий специального изучения.

В настоящее время идет процесс собирания текстов, открываются новые статьи, не включенные в известные библиографические указатели, появляются соответствующие публикации (Аслановой, Аксененко, Виноградовой, Генераловой, Дервягиной, Ивановой).¹ В русле таких исследований — и предлагаемое вашему вниманию.

¹ Фет А. А. Наши корни / Публ. и прим. В. И. Щербакова // А. А. Фет. Поэт и мыслитель. Сб. науч. трудов / ИМЛИ РАН, Академия Финляндии. М., 1999. С. 171—235; Фет А. Где первоначальный источник нашего нигилизма / Публ. Г. Д. Аслановой и В. И. Щербакова // А. А. Фет и русская литература: Материалы Всероссийской научной конференции «XV Фетовские чте-

К числу не введенных в научный оборот публицистических творений Фета следует отнести две статьи, напечатанные в газете «Современная летопись» (воскресные прибавления к «Московским ведомостям»), выпускавшейся М. Н. Катковым и П. М. Леонтьевым: «Смоленский Скапен»² и «По поводу статьи г. Безобразова „Наши охранители и наши прогрессисты“».³ Обе публикации связаны с юридической практикой писателя. Вторая статья опубликована в январе 1870 года, с указанием имени автора: А. Фет. Первая — годом раньше, в феврале 1869 года за подписью: Ф. Такой криптоним до сих пор не встречался в фетоведении, поэтому включение статьи «Смоленский Скапен» в состав произведений Фета предполагает соответствующую аргументацию.

В еженедельнике «Современная летопись» публиковался ряд статей, посвященных развитию сельского хозяйства в России, описанию хода реформ, сравнению общинного и вольнонаемного способов хозяйствования, появлению и функционированию новых судебных учреждений, проблемам в системе образования и пр. Все эти темы, актуальные для пореформенной России, чрезвычайно интересовали Фета — хозяйственника и мирового судью. Ссылки на газету «Современная летопись» часто встречаются в его деревенских очерках, а также в переписке с И. П. Борисовым.

В письме от 22 февраля 1869 года Борисов сообщал из Москвы своему другу и родственнику (который в это время исполнял должность мирового судьи и жил преимущественно во Мценске) о передаче какой-то фетовской статьи в «Современную летопись»: «Статью Тимирязева в тот же день погнали в набор, а твою я чрез Новосильского пустил к Леонтьеву, и она будет в „Современн(ой) летописи“ через недельку, потому что Летопись у них уже неделей вперед отпечатана,⁴ и этим гордится Павел Михайлович».⁵

Однако ни через «недельку», ни через две фетовские материалы в газете не появились. Тщательный просмотр данного издания позволил обнаружить две публикации, но ни одна из них не соответствует хронологическим рамкам, указанным в письме Борисова. Возможно, речь шла о другой статье, по каким-то причинам не опубликованной в очередном номере «Современной летописи». Что это за статья и какова ее судьба, пока неизвестно.

Обратимся к первой публикации в еженедельнике «Современная летопись». «Смоленский Скапен» — это рассказ о проделке, совершенной в одной из мценских деревень выходцами из лесной части Смоленской губернии — полехами. Он начинается с рассуждений автора о соотношении комического в искусстве и в жизни: «Сколько говорено и писано о степени вероятности смешных событий, выстав-

ния» / Под ред. В. А. Кошелева, Г. Д. Аслановой. Курск, 2000. С. 5—13; Фет А. Общинное владение / Публ. Г. Д. Аслановой и В. И. Щербакова // Там же. С. 3—18; [Фет А. А.] Деревенский житель. О нашем сельском самоуправлении / Публ. Е. М. Аксененко и Е. В. Виноградовой // А. А. Фет и русская литература: «XVI Фетовские чтения» / Под ред. В. А. Кошелева, Г. Д. Аслановой. Курск, 2002. С. 12—26; Фет А. А. Наша интеллигенция / Публ. Г. Д. Аслановой // Вопросы философии. 2000. № 11. С. 127—174; Две статьи А. А. Фета из газеты «Московские ведомости» (1870—1872) / Публ. Е. В. Ивановой // А. А. Фет и русская литература: Материалы Всероссийской научной конференции «XVI Фетовские чтения». С. 26—31; Неизвестные статьи Фета на страницах «Московских ведомостей» (1868—1872) / Публ. Е. В. Деревягиной // А. А. Фет и русская литература: Материалы Всероссийской научной конференции «XVII Фетовские чтения» / Под ред. В. А. Кошелева, М. В. Строганова, Н. З. Коковиной. Курск, 2003. С. 27—35.

² Ф(ет А. А.). Смоленский Скапен // Современная летопись. 1869. 9 февр. № 6. С. 11—12. Ниже мы помещаем эту статью в Приложении (публикация Н. П. Генераловой) (ред.).

³ Фет А. По поводу статьи г. Безобразова «Наши охранители и наши прогрессисты» // Современная летопись. 1870. № 2. С. 3—5. Статья Фета не была внесена ни в один библиографический указатель его произведений. Фрагмент рукописи статьи хранится в РГБ (Ф. 315. Оп. II. Карт. 2. Ед. хр. 16).

⁴ Подчеркнуто автором письма.

⁵ РГБ. Ф. 315. Оп. II. Карт. № 5. Ед. хр. 76. Л. 25 об.

ленных на сцену комическими писателями! Невольно хохоча над несообразностью выводимого приключения, зритель в глубине души хранит сознание, что все это не более как искусственное сопоставление лиц и действий, невозможное в действительности, в которой не встречается, с одной стороны, такой наглой предприимчивости, а с другой, такой благодушной слепоты. Наслаждаясь сознанием собственного критического превосходства, зритель забывает, что большинство комических невероятностей являются на сцену не из досужего воображения писателя, а из той же будничной жизни, в которой у самого критика, при выходе из кресел, вытащут, быть может, хорошо припрятанный кошелек или платок.

Вносим с своей стороны посылную лепту в сокровищницу комических невероятностей*.⁶

Далее следует история о том, как полехи, устроившиеся на ночлег в доме одного мужика, провели его, инсценировав самоубийство бабы во дворе его дома, украли висевшую под навесом свиную тушу, взяли с хозяина 15 рублей за сокрытие следов «преступления» и были таковы.

Аналогичное строение: философское рассуждение, а затем рассказ, иллюстрирующий его, — нередко встречается в прозе Фета. Вспомним рассказ «Каленик»: «Есть люди, которые разговаривают вслух сами с собою. Не знаю, чего это признак и как бы растолковал доктор Крупов подобную манию? Но я должен сознаться, что нередко вслух разговариваю сам с собою. В настоящую минуту делаю то же самое... Все науки, все искусства стремятся к одной цели — постигнуть природу, разгадать ее отрывочные явления и привести их в духе нашем, так сказать, к одному знаменателю; а между тем исследователи, положа руку на сердце, должны признаться, что в объяснениях своих они говорят только слова и слова, а природа все-таки — древняя Изида. (...) На днях случилось со мной следующее».⁷

Рассказ «Не те» начинается так: «Если бы в мое время спросили офицера, для чего он служит, то каждый, по чистой совести, должен бы был ответить: чтоб отличиться. — Чем? Строгим знанием своего дела, вниманием к нему, умением, обратившимся в привычку, во всяком данном случае воспользоваться своим знанием, ловкостью, — словом, молодечеством. (...) В подтверждение расскажу случай, подробности которого врезались в моей памяти».⁸

Наиболее характерен этот прием для очерковой прозы Фета. Так, очерк «Из деревни» (1864) начинается следующим рассуждением: «Обращаясь снова с моими заметками к читателю, я прежде всего желал бы забыть, что существуют на свете какие-либо книги и вообще печать. Моей книгой должна быть непосредственно окружающая меня среда, моею риторикой очевидная, неукрашенная правда, какова бы она ни показалась с той или другой точки зрения. Только из такого простого и свободного отношения к предметам возникает для меня наслаждение трудом. (...) Но перейдем к самим фактам».⁹ По такому принципу строятся не только крупные очерки, но и многие входящие в их состав отдельные главки («Равенство перед законом», «Гуси с гусенятами», «Железные вилы» и др.).

Трудно не узнать во вступлении к «Смоленскому Скапену» фетовской рефлексии о соотношении искусства и будничной жизни, о безусловном приоритете жизни, дающей бесчисленные сюжеты для творческого воплощения. «Юный Фет, — вспоминал Я. П. Полонский, — (...) говорил мне: „К чему искать сюжета для стихов; сюжеты эти на каждом шагу, — брось на стул женское платье или погляди на двух ворон, которые уселись на заборе, вот тебе и сюжеты”».¹⁰ Задачу художника

⁶ Ф(ет А. А.). Смоленский Скапен. С. 11.

⁷ Фет А. А. Соч. и письма: В 20 т. СПб., 2006. Т. 3. С. 7.

⁸ Там же. С. 121, 122.

⁹ Фет А. А. Соч. и письма. Т. 4. С. 253, 254.

¹⁰ Полонский Я. П. Мои студенческие воспоминания // Фет А. А. Стихотворения. Поэмы. Современники о Фете / Вступ. статья А. Е. Тархова; Сост. и прим. Г. Д. Аслановой и А. Е. Тархова. М., 1988. С. 338.

Фет видел в том, чтобы «ловить момент, самобытно играющий собственную жизнь»,¹¹ а значит, зафиксировать его, «остановить мгновение», изобразив во всем неисчерпаемом богатстве его переливов. Следование жизненным фактам, изображение событий и раздумий, ставших частью жизненного опыта художника, явились основой фетовской прозы.

Неожиданная парадоксальность сравнений, некоторая тяжеловесность строения фразы, характеризующейся большим количеством обособлений, стремящейся охватить предмет или явление с разных сторон, — индивидуальные слагаемые фетовского слога, о котором В. В. Кожин писал: «Слог Фета — длинные, сложные фразы, в которые то и дело внедряются вводные обороты, обилие эпитетов, причастных конструкций и т. д. Ко всему этому надо привыкнуть — и тогда открывается не только целесообразность, но и особенная красота этого слога».¹²

Совокупность названных свойств позволяет предполагать, что статья «Смоленский Скапен» написана Фетом. Каково ее место в творческой биографии писателя?

«Смоленский Скапен» — очерковая зарисовка с характерным для фетовской прозы конца 1860-х — начала 1870-х годов «юридическим» сюжетом. Со времени вступления поэта в должность участкового мирового судьи 3-го участка Мценского уезда (с ноября 1867 года) таких сюжетов в его творческой копилке набралось немало.

По роду службы ему приходилось вести подробные записи дел. В ОР РГБ хранится 57 папок архивных материалов, состоящих из гражданских и уголовных дел, разбиравшихся Фетом. Опись этих дел поражает количеством и разнообразием тематики: о притеснении подрядчиком, о самовольном добывании камня, о самовольном заборе разного рода продуктов, о нанесении оскорбления, о невыполнении условий относительно поставки конных подвод, об оскорблении священника, о краже лошадей, леса, о срубе яблонь, лип, о разорвании собаками барана и трех свиней, о неотдаче шубы отставному унтер-офицеру, об изнасиловании и снятии платья, о нанесении побоев, о самоубийстве, о взысканиях, о вводе во владение, о приезде на сопатай лошади, о потраве гусями, скотом, лошадьми, свиньями и т. д.

Деятельность Фета-судьи была напрямую связана с литературным творчеством. «Это своя литература»,¹³ — говорил о судействе Фет, ибо судейская практика была тоже творчеством, требовавшим самоотдачи, полного погружения в дела, осмысления их хода и результатов. Это была уникальная школа жизни, дававшая, помимо знаний и опыта, массу готовых литературных «сюжетов». Показательно, что Фет не спешил обрабатывать их и претворять в художественные произведения. Они были интересны ему сами по себе, как достоверные жизненные факты, как документы эпохи. Поэтому фрагменты «судебных протоколов» стали включаться им в статьи и письма, в частности в письма к И. С. Тургеневу.

Неизвестно, сколько таких историй слышал Тургенев от Фета, сколько прочитал записанных «поэтической» рукой судебных сценок. Достоверно только, что с момента вступления в должность мирового судьи поэт «коллекционировал» разбиравшиеся дела, и Тургенев был осведомлен о них.¹⁴ Литераторы периодически встречались. Так, летом 1868 года Тургенев добродушно передавал Полине Виардо свои впечатления от общения с Фетом: «... он очень растолстел, облысел, бородачица

¹¹ Фет А. А. Из деревни // Соч. и письма. Т. 4. С. 186.

¹² Кожин В. В. Примечания // А. А. Фет. Стихотворения. Проза / Вступ. статья, сост. и прим. В. В. Кожина. Воронеж, 1978. С. 484.

¹³ Фет А. А. Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 332—333.

¹⁴ По мнению А. Е. Тархова, именно служба в качестве мирового судьи обострила идеологические разногласия между этими двумя писателями и окончательно развела их. См.: Там же. С. 408—409.

у него огромнейшая. Чтоб посмешить меня, он надел на себя судейский мундир — действительно, в нем он очень забавен».¹⁵

Очевидно, с одобрением относясь к судебным рассказам Фета, Тургенев писал И. П. Борису 5 (17) декабря 1868 года: «Пусть он соберет свои судейские воспоминания и сделает из них книжку: по двум-трем сообщенным им анекдотам я вижу, что это может выйти прелестно и преподачительно, вроде — помните — его хозяйственных писем. Только чтобы философствовал он поменьше! Ибо, хотя он на философию и нападает — а сам до мозгу костей ею проникнут и заражен».¹⁶ Таким образом, высоко оценивая деревенские очерки Фета, Тургенев считал, что его судейские записки, основанные на документальном автобиографическом материале, окажутся не менее содержательными и интересными.

Через месяц, в письме от 13 (25) января 1869 года, он советовал то же Фету: «Вам непременно надо написать свои мемуары и записки, как судьи. (...) И когда я приеду весной в деревню — в Степановку, — вы должны уже мне прочесть несколько отрывков. Славно будет!»¹⁷ Фет откликнулся на пожелание и начал вести «записки судьи». А в ноябре 1869 года Тургенев имел возможность отозваться о нескольких прочитанных очерках: «Как идет ваша мировая деятельность? Я очень смеялся вашим двум-трем очеркам, особенно приказчику с переменным баритоном и фальцетом. Вам бы собрать все эти сценки да в книгу. Вышло бы прелестно! Но только поменьше умозрений, ибо вы философ *sans le savoir* и даже нападая на философию!»¹⁸

Таким образом, Тургенев подстегнул Фета к созданию книги очеркового типа «(Записки судьи)». Вероятно, после тургеневского совета в январе 1869 года поэт и приступил к осуществлению замысла. Одна из первых «ласточек» на этом пути — «Смоленский Скапен», опубликованный в феврале 1869 года в «Современной летописи». Собранный Фетом очерковый материал частично дошел до нас, став основой V главы второго тома «Моих воспоминаний». В более полном объеме он хранится в ОР РГБ.

Поэт постоянно осмыслял свой жизненный опыт — сначала офицера, затем землевладельца, наконец, мирового судьи. Ему была свойственна непрестанная работа над собой и одновременно потребность участвовать в решении насущных проблем жизни не только делом, но еще и *словом*. Будучи фермером, кирасиром или мировым судьей, Фет всегда оставался писателем, ощущавшим острую необходимость словесного самовыражения и общения с публикой.

Стало быть, к числу известных литературных псевдонимов Фета («Бологов» и «Деревенский житель»), к числу криптонимов, которыми он подписывал некоторые свои сочинения: «А. Ф.» (первый стихотворный сборник «Лирический пантеон»), «А. А.» (статья «Фамусов и Молчалин. Кое-что о нашем дворянстве») — следует отнести и криптоним «Ф.», поставленный в конце очерка «Смоленский Скапен».

¹⁵ Фет А. А. Стихотворения, поэмы. Современники о Фете. С. 418. Через два года, летом 1870 года, Тургенев рассказывал Полонскому об очередной встрече с Фетом: «Я вчера вернулся от Фета, который живет отсюда в 70 верстах в степной местности, плоской, как блин. Сам он толст, лыс, бородаст — и в белом балахоне с цепью мирового судьи на шее представляет зрелище почтенное» (Там же).

¹⁶ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1982. Т. 10. С. 98.

¹⁷ Фет А. А. Мои воспоминания: В 2 ч. М., 1889. Ч. 2. С. 191.

¹⁸ Там же. Ч. 2. С. 207.

СМОЛЕНСКИЙ СКАПЕН (Из Мценска)

(ПУБЛИКАЦИЯ © Н. П. ГЕНЕРАЛОВОЙ)

Сколько говорено и писано о степени вероятности смешных событий, выставленных на сцену комическими писателями! Невольно хохоча над несообразностью выводимого приключения, зритель в глубине души хранит сознание, что все это не более как искусственное сопоставление лиц и действий, невозможное в действительности, в которой не встречается, с одной стороны, такой наглой предприимчивости, а с другой, такой благодушной слепоты. Наслаждаясь сознанием собственного критического превосходства, зритель забывает, что большинство комических невероятностей являются на сцену не из досужего воображения писателя, а из той же будничной жизни, в которой у самого критика при выходе из кресел вытащут хорошо припрятанный кошелек или платок.

Вносим с своей стороны посильную лепту в сокровищницу комических невероятностей.

В прошлом году крестьяне нашей местности, по случаю неурожая, отправлялись разживаться хлебом к Ливнам, Ельцу и Воронежу. В нынешнем их самих с тою же целью навещают смоленские выходцы (полехи). Если увидите белую свитку и войлочную шапку гречневиком, — значит перед вами полеха. Таких странников, и поодиночке, и группами, и целыми артелями, у нас перебивало за зиму довольно. Многие артели нашли себе в окрестности честные заработки и, прокормившись зиму с бабами и лошадьми (при молотилках), увезут порядочные деньги, ибо, нанимаясь на своих харчах, полехи до крайности непряхотливы в пище. Но большинство выходцев прибегает к более простым и менее утомительным способам добывать хлеб. Они ездят по деревням из двора во двор и довольствуются подачей муки ложки в две. Такая скудная сама по себе подача доставляет тем не менее сборщику от одного до двух пудов в день, а по существующим ценам от 70 к. до 1 ½ рубля.

Нынешнею зимой пред Рождеством в одной из ближайших от нас деревне крестьянин убил свинью; он повесил ее в сарае под навес, чтоб она простыла. К вечеру того же дня к хозяину попросился ночевать полеха, приехавший на подводе с двумя бабами. Добродушный хозяин сам отворил ворота и пустил полех во двор. Свинья туша, про которую хозяин, предавшись гостеприимству, мог забыть, не ушла от зорких глаз гостей. Пока приезжие устанавливали сани и отпрягали лошадь, хозяйка услышала поднявшийся шум и крупную брань. Приезжие бабы поссорились, и дело чуть не доходило до драки. Убрав лошадь, полеха вмешался в распрю баб, и все трое с шумом и бранью ввалились в хозяйскую избу. Здесь полеха уже решительно принял сторону одной из ссорившихся и, приводя угрозы в действие, напал с торжествующею бабой на обвиняемую, нанося последней многочисленные удары. Жестоко оскорбленная баба, вырвавшись из рук обидчиков, выскочила из избы и, хлопнув дверью, исчезла в вечерних сумерках; а смоленский Скапен с торжествующим видом правосудного патриарха уселся на лавку, пускаясь в философические рассуждения о сварливости баб вообще и о том, что *так их и надо учить*.

Подшло время ужинать и ложиться спать, и чувство вражды к строптивой бабе стало утихать.

— Ты бы бабу покликнул ужинать! — отозвалась хозяйка.

— И то пойду покличу, — отвечал полеха и вышел на улицу.

Походив и громко покликав бабу по улице и по двору, полеха вернулся в избу полузабоченный и полураздраженный с известием, что бабы нигде нет и наконец решил, что *такую дрянь не стоит разыскивать*, что она с сердцов либо куда забилась в угол, либо попросилась к кому-нибудь на ночлег по соседству.

Семья поужинала и стала укладываться спать. Раздутье снова стало овладевать полехой. Известно, мол, какие бабы бывают упрямые да ехидные. Не сделала бы чего еще над собой, тогда всем придется быть в ответе. Что ты будешь делать? Тут бы отдохнуть с дороги, а ты ступай, ищи ее, — пусто ей будь! — целую ночь.

С этими словами полеха вышел из избы, а намаявшаяся на молотье крестьянская семья, потушив огонь, улеглась на отдых. Около первых петухов хозяин, услышавший скрип двери, опросил вернувшегося полеху и к крайнему неудовольствию узнал, что бабы нигде нет.

Полеха в свою очередь, не раздеваясь, прилег на лавку и, убедясь около полуночи, что все спит крепким сном, снова вышел на задворок. Возвращаясь в избу, он так стукнул дверью, что хозяин очнулся и с сердцем спросил гостя: чего он всю ночь таскается?

— Эх, хозяин! — таинственно ответил полеха, — ты тут спишь, а там такая беда стряслась, что хоть ложись да умирай. Пропали мы все до единого. Затаскают теперь по судам!

— Какая там беда?

— Да ведь баба-то злющая — черти бы ее подрали! — удавилась.

— Где удавилась? Что ты городишь? — затараторил хозяин, в потемках отыскивая сапоги.

— Где? Известно где. У тебя на дворе. Поди-ко взгляни! И как ей шут помог!

— Батюшки! — завопил хозяин.

— Да ты не ори зря! — остановил его полеха. — Разве про таки дела орут на весь мир?

Полураздетый крестьянин выбежал за полехой на двор. Луна давно осветила ночь, и хотя кверху под навесом было темно, зато книзу можно было хорошо различить предметы. Подбежав, по указанию полехи, к месту, где на перекладине над санями повесилась баба, крестьянин ясно рассмотрел ее ноги в лаптях и толстых онучах, прикрытые паневой и плохим полушубком. Тронув висящую, он почувствовал тяжесть трупа.

— Батюшки! — завопил было он снова и, снова остановленный внушительным *не ори*, замолк, окончательно растерявшись.

— Тут нечего орать, а надо из беды выходить, — шептал полеха. — Мне, видно, равно отвечать. Вот тебя-то жаль. Ты-то в чужом пиру похмелее принимаешь. Видно, придется мне тебя выручать из напасти.

— Выручи, кормилец! Но как выручить из такой беды?

— Экой ты, брат, простота! Ты вишь, снегу-то набило! И-и! Теперь его по оврагам-то страсть! Я бабу-то сейчас на сани. Завезу к оврагу, да и спущу в субой. Лежи до весны, а полая вода все примает, ничем не брезгает.

— Так скорей, кормилец! Запрягай мерина, свалим бабу в сани и трогай, с Богом, со двора.

— Экой ты, брат, прыткой. Обрадовался, что весь ответ на себя примаю. Но каково отвечать-то будет, как попадусь. Ведь ты тогда скажешь: я спал и знать ничего не знаю. А уж берусь выручить, так выручу. Мой, видно, грех; давай 50 рублев. Но не шуми, чтобы и из твоих-то никто не догадался. Я свою бабу тихонько растолкаю, да и был таков.

Пошел торг о вознаграждении за услугу, и растерявшийся хозяин рад был, когда сторговались наконец за 15 руб. Разбудили приезжую бабу, заложили полехину лошадь, и хозяин, при свете серной спички, отсчитал в сенях условные деньги, а затем сам же торопливо помог приезжим снять с перемета окоченевшую бабу и укрыть ее в санях веретьем от глаз любопытных.

Выпроводив в возможной тишине гостей за ворота, хозяин вернулся на печку, тужа по кровным 15-ти рублям, но внутренне довольный, что избавился от неприятности формального следствия.

Утром на задворке он не без удовольствия взглянул на то место, откуда так искусно собственными руками спустил бабу в сани; но радость его была непродолжительна. Взглянув в угол, в котором с вечера висела свинья-туша, он мгновенно понял всю проделку. Понял, что сам заплатил 15 руб. за то, чтобы дерзкий мошенник увез его свинью, ловко принаряженную в платье бабы-пройдохи.

Ф.

© Д. Э. Левин

ДАР ТЕРРОРИСТА ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

В личном архивном фонде известного популяризатора исторических знаний, редактора журналов «Древняя и новая Россия» (1875—1879) и «Исторический вестник» (1880—1912) Сергея Николаевича Шубинского (1834—1913) (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ф. 874)) хранятся письма двадцати пяти сотрудников Императорской Публичной библиотеки (ИПБ), в их числе — директора ИПБ академика Афанасия Федоровича Бычкова (1818—1899). Переписка между Шубинским и Бычковым включает в себя двадцать два документа, часть которых находится в фонде Бычкова (Ф. 120).

Из этих писем два освещают формирование корпуса источников по истории русской литературы XIX века в Рукописном отделении ИПБ. Одно из них — письмо Шубинского Бычкову от 1 июня 1885 года — является сопроводительным к рукописи «О бракосочетании», подаренной постоянным автором «Исторического вестника» Н. С. Лесковым ИПБ.¹ Об этом подарке было известно читателям XIX века,² и к тому, что сообщалось в печати, я располагаю двумя незначительными дополнениями: точная дата отправки рукописи, упомянутая выше, и имя передавшего рукопись по назначению автора «Исторического вестника» Федора Афанасьевича Бычкова, сына директора ИПБ.

Что же касается подарка другого автора того же журнала, передавшего библиотеке, через посредничество Шубинского, рукописи Н. П. Огарева, то о нем в печати как будто бы не сообщалось,³ а потому публикуемое письмо Бычкова Шубинскому от 8 декабря 1897 года требует комментария.

«Посылаю Вам, многоуважаемый Сергей Николаевич, расписку в получении от Вас писем Огарева, присланных в дар Библиотеке г. Барановым.

Искренне преданный

А. Бычков.

8 декабря (1897)». ⁴

¹ РНБ. Ф. 120. Оп. 1. Ед. хр. 1456. Л. 9.

² Лесков Н. С. Благословенный брак // Исторический вестник. 1885. Июнь. С. 499—515; Нильский И. [Ф.] К вопросу о бессвященнословных браках у беспоповцев (критические замечания на статью г. Лескова «Благословенный брак») // Христианское чтение. 1886. Январь—Февраль. С. 249—265; [Бычков И. А.] Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1885 год. СПб., 1887. С. 57.

³ Как ни странно, несмотря на то что в трех фондах ОР РНБ хранится десять автографов Огарева, его фамилия не упомянута в статье Р. Б. Заборовой, И. А. Коноплевой и Н. Н. Розова «Материалы по истории русской литературы в русских фондах Отдела рукописей ГПБ им. Салтыкова-Щедрина» (Труды ГПБ. 1964. Т. 12 (15). С. 157—198).

⁴ РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 85.

Из представленных в каталоге Отдела рукописей РНБ авторов единственным носителем этой фамилии оказался русский поэт, политический эмигрант Николай Платонович Огарев (1813—1877), и оставалось выяснить, какие письма Огарева подарил библиотеке Баранов, кто он такой и, хотя бы предположительно, как к нему попали бумаги Огарева.

Ни в опубликованном отчете ИПБ за 1897 год, ни в архиве РНБ никаких документов о даре Баранова нет. Обращение к печатным источникам оказалось безрезультатным: в публикациях встречаются в качестве места хранения оригиналов обозначения Института марксизма-ленинизма или ГБЛ, а часто оно вообще не указано.

Единственный корреспондент Шубинского 1897 года, подписывающийся фамилией Баранов, — это Вл. П. Баранов, иногда обозначавший свое авторство в двойной форме: Вл. Баранов (Н. Викторов); последняя фамилия — это псевдоним, которым он подписывал статьи в «Историческом вестнике». Примечательно, что все письма отправлены из Лондона, где в течение года он несколько раз сменил адрес.

Большинство писем Баранова 1890-х годов связано с предложением редактору статей, из которых для последнего оказались приемлемыми только пять, но и по ним можно судить о политических взглядах автора и высоком его мастерстве как историка. Степень корректности ссылок на источники у Баранова превышает аналоги в статьях других авторов, опубликованных в это время в «Историческом вестнике».

В числе публикаций Викторова:

а) Британский музей // Исторический вестник. 1895. Январь. С. 256—287.

В статье дана характеристика русского фонда библиотеки, в частности, изданий вольной русской печати. С глубоким знанием дела автор сравнивает порядки в Британском музее, Национальной библиотеке в Париже и ИПБ, причем выводы далеко не в пользу ИПБ. Причину неполного соответствия крупнейшей библиотеки России потребностям читателей он видит отнюдь не в низкой квалификации библиотекарей, а в недостатке внимания правительства к нуждам своей сокровищницы. По опыту работы в Публичной библиотеке мне, как и моим коллегам, известно, что в этом отношении ничего не изменилось.

б) Кружок шестнадцати // Исторический вестник. 1895. Октябрь. С. 174—182.

Здесь речь идет о петербургском кружке 1839 года. Мера влияния революционных идей деятеля польского освободительного движения Ксаверия Браницкого на других членов кружка, не исключая М. Ю. Лермонтова, аргументирована, на мой взгляд, недостаточно убедительно.

в) М. А. Бакунин в Италии в 1864 году (Из воспоминаний Л. И. Мечникова) // Исторический вестник. 1897. Март. С. 807—834. Предисловие и комментарий Н. Викторова.

Автор, как и комментатор, не скрывает сочувствия к русским революционерам, участвовавшим в борьбе за свободу Италии.

г) Материалы для биографии И. С. Тургенева // Исторический вестник. 1897. Июль. С. 99—103.

Статья основана на материалах вольной русской печати 1862—1863 годов, из-за сотрудничества в которой у Тургенева были неприятности. В ИПБ подобные издания хранились в Секретном отделении и были доступны, из числа сотрудников, только директору и заведующему отделением. Читателям они могли быть выданы по распоряжению Министерства народного просвещения или высочайшему повелению.

д) Сочинения Вильяма Кокса о России // Исторический вестник. 1898. Ноябрь. С. 778—787.

Обзор книг и рукописей путешественника, дважды посетившего Россию в царствование Екатерины II, в целом, носит политически нейтральный характер, но и

здесь автор не удержался от воспроизведения упоминания Кокса о судьбе императора Ивана Антоновича.

Судя по письмам Вл. П. Баранова (он же — Н. Викторов) Шубинскому, его щедрый дар не ограничивался письмами:

«У меня в руках две-три небольших статьи Огарева с письмами его об них в редакцию „Вперед” — статьи не были напечатаны, не представляют никакого интереса, кроме биографического. Я бы очень желал, чтобы они сохранились. Не возьмут ли их в СПб Император(орскую) Библиотеку? Как Вы думаете(?) Статьи и письма относятся к 1875—6 гг. След(овательно) они почти предсмертные.»⁵

22.10.(18)97*.⁶

По датам писем Огарева, переданных Барановым в ИПБ, и упоминанию в них названия периодического издания («Вперед») устанавливается и адресат Огарева: это — Петр Лаврович Лавров, редактор одноименной революционной газеты (двухнедельного обозрения), которая тогда как раз издавалась в Лондоне.

Следующее письмо не датировано, но, судя по содержанию, написано в ноябре того же года:

«Посылаемые письма и бумаги относятся к 1875 г., прошу Вас передать в СПб библиотеку. Я мог бы написать о них в 3—4 стр(аницы) заметку для „Ист(орического) вест(ника)” по поводу псевдонима Огарева Р. Ч. (русский человек) и судьбы его псевдонима».⁷

Ни упомянутая заметка, ни какие-либо другие публикации об Огареве при жизни Бычкова в «Историческом вестнике» не печатались. Впервые читатели узнали о псевдониме Р. Ч. только через десять лет из публикации Д. Н. Тихомирова⁸ без ссылки на источник, которым вполне могла быть и рукопись, подаренная Барановым.

Состав документов, подаренных Барановым, выясняется по записи в созданном И. А. Бычковым и хранящемся в фонде Бычковых рукописном «Отчете Публичной библиотеки за 1897 г.», который в описи значится опубликованным, но, как оказалось, не полностью: «24) Два письма, три небольших статьи и одно стихотворение поэта и эмигранта Н. П. Огарева (†1877) (Собрание автографов) (От Н. Викторова в Лондоне)».⁹

Предваряя перечень рукописей, замечу, что ни одна из них не содержит годовой даты, а статьи не озаглавлены. Обращавшиеся к рукописям Н. П. Огарева публикаторы 1930-х годов, на текстах которых основаны последующие переиздания, датируют их 1875 годом, что не вполне корректно. Большинство документов издано без указания места хранения оригиналов (тогда — ГПБ). Исключение составляет публикация стихотворения «По Чигиринскому делу», где сказано, что его рукопись находится в ГПБ, но и там нет не только сведений о ее происхождении, но даже шифра. Эти особенности публикации объясняются тем, что руководство Наркомата внутренних дел, в чье ведение тогда входил Государственный архивный фонд, ставило перед архивистами задачу не раскрытия, а, наоборот, сокрытия его содержания.

⁵ Эпистолярное наследие Огарева этих лет к 1897 году не было опубликовано. См.: *Мандельштам Л., Мандельштам Р. Материалы для библиографии опубликованных писем Огарева* // Лит. наследство. 1953. Т. 61. Кн. I. С. 911—914.

⁶ РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 44 об.

⁷ Там же. Л. 48.

⁸ *Тихомиров Д. Н. Материалы для библиографического указателя Николая Платоновича Огарева и литературы о нем* // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской АН. 1907. Т. 12. Кн. 4. С. 367—368. Здесь раскрыт псевдоним Р. Ч. в «Полярной звезде» и в «Колоколе» 1857—1858 годов.

⁹ РНБ. Ф. 120. Оп. 1. Ед. хр. 195. Л. 83.

Состав коллекции, подаренной Барановым, обнаруживается по регистрационным надписям на обороте документов — автографам заведующего Рукописным отделением, библиотекаря Ивана Афанасьевича Бычкова (сына директора), которые включают год поступления в библиотеку (1897), регистрационный номер (136), а различаются они последними знаками — литерами русского алфавита. В силу того что в советское время все рукописи собрания автографов были перешифрованы, перечислять эти литеры не вижу необходимости.

В 1897 году под номером 136 зарегистрированы следующие рукописи:

а) Письмо Огарева Лаврову, датированное понедельником 9 августа, что соответствует 1876 году.¹⁰

б) Письмо Огарева Лаврову от пятницы 3 сентября, что также соответствует 1876 году. Здесь примечательна фраза, которая аргументирует вышеупомянутую несостоявшуюся публикацию Н. Викторова в «Историческом вестнике»: «Подписываюсь старой подписью в заграничных изданиях: Р. Ч. (русский человек)».¹¹

в) Неозаглавленная статья об отношении рабочих к хозяевам, написанная по материалам Англии и России, за подписью Р. Ч. в двух вариантах, которые И. А. Бычков, судя по литерам в. и г. после регистрационного номера, учел как два разных документа. Если исключить вероятность постоянного напоминания Огарева о псевдониме 1850-х годов, оба варианта были приложены к его письму 3 сентября 1876 года.¹²

г) Неозаглавленная статья о понятном для народа языке пропаганды, за подписью Н. Огарев.¹³

Обе статьи свидетельствуют о том, что на склоне лет Огарев утерял дар публициста, почему они и не были своевременно приняты в печать.

д) Стихотворение с зачеркнутым заглавием «Русскому правительству» и оставленным подзаголовком «По Чигиринскому делу».

А! Вы теперь поймете, господа,
 Как ни толкуйте вещи сладко,
 Что путь — ведете вы людей куда,
 Есть окончательная схватка.
 А чья возьмет? Кто? Вы или народ?
 Ответ один — тот, кто живет.
 А не живет состарившийся род,
 Живет, что в силах посвежее.¹⁴

Комментаторы первой публикации, датируя стихотворение 1875 годом, исходили из того, что волнения крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии начались весной 1875 года, но не разъяснили, почему в издаваемой Лавровым газете революционного направления пропагандистское стихотворение на актуальную тему не было напечатано.¹⁵ Поскольку источники, подтверждающие эту дату, мне не известны, представляется более вероятной датировка стихотворения 1876 годом, когда эти волнения осложнились вмешательством группы народников-бакунистов «Южные бунтари», пытавшихся спровоцировать несвоевременное крестьянское восстание, используя сочиненные ими подложные царские манифесты.

¹⁰ РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. Ед. хр. 1783. Л. 1. Опул.: *Переселенков С. А., Черняк Я. З.* Герцен и Огарев. Новые материалы // Звенья. Сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. М.; Л., 1936. Вып. 6. С. 389.

¹¹ Там же. Л. 2. Опул.: Там же. С. 389—390.

¹² Там же. Ед. хр. 1782. Л. 1—4 об. Опул.: Там же. С. 390—392.

¹³ Там же. Ед. хр. 1781. Л. 1—2. Опул.: Там же. С. 392—393.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 1780. Л. 1. Опул.: *Огарев Н. П.* Стихотворения и поэмы / Ред. и прим. С. А. Рейсера и Н. П. Суриной. Л., 1938. Т. 2. С. 407.

¹⁵ *Огарев Н. П.* Указ. соч. С. 459.

В этих условиях публикация стихотворения «По Чигиринскому делу» выглядела бы выражением солидарности с авантюристами-заговорщиками, вставшими на путь обмана народа, что было несовместимо с моральными установками редактора газеты «Вперед», весьма щепетильного в вопросах революционной этики.

Настоящего имени дарителя рукописей Огарева не знали ни Бычковы, ни даже Шубинский. Именно поэтому о даре Баранова не упоминалось в опубликованном отчете ИПБ, где требовалось указать подлинное имя и звание дарителя, которым в данном случае был государственный преступник, вступивший в переписку с редактором «Исторического вестника» под конспиративной фамилией Вл. П. Баранов.

Причина очень проста — ему было известно о сотрудничестве царской охранки с английской полицией в борьбе с революционерами, а потому его настоящая подпись в переписке в случае перлюстрации писем могла причинить неприятности как Шубинскому, так и лондонским друзьям Баранова (он же — Викторов), получавшим его корреспонденцию. Между тем, в отличие от В. И. Ульянова и И. В. Джугашвили, статьи антиправительственного содержания он обычно подписывал настоящей фамилией: Вл. Бурцев.¹⁶

Напоминаю некоторые факты биографии Владимира Львовича.¹⁷ Бурцеву не удалось завершить юридическое образование в Петербургском университете из-за участия в революционной пропаганде среди рабочих, которую он вел как убежденный народоволец. После ареста 1885 года был сослан в Иркутскую губернию, откуда через два года бежал за рубеж. Не вдаваясь в детали работы Бурцева в эмиграции, здесь уместно упомянуть, что накануне отправки дара в ИПБ он, помимо двухтомного сборника материалов по истории революционного и общественного движения в России «За сто лет (1800—1896)» (Лондон, 1897), издал в том же городе три номера журнала «Народоволец» (1897), в котором печатались статьи, пропагандирующие террористические методы революционной борьбы, подписанные его фамилией. Вполне закономерным итогом был его арест английской полицией в декабре 1897 года с последующим приговором — полтора года каторжных работ, вынесенным английским же судом в феврале следующего года: суд усмотрел в действиях Бурцева подстрекательство к убийству ближайшего родственника Виндзорской династии Николая II.¹⁸ Вернуться в Петербург, да и то ненадолго, ему удалось только в 1905 году.

Надо полагать, Бурцев знал, что ему угрожает и заблаговременно отправил рукописи Огарева в надежное место.

Как рукописи попали к Бурцеву, неясно. Если учесть его широкий круг знакомств в эмигрантской среде, то можно предположить, что бумаги Огарева были переданы Владимиру Львовичу адресатом — П. Л. Лавровым.

В свете вышеизложенного понятен мотив дарения: Бурцев таким образом сохранил для науки рукописи, которые могли быть утрачены во время обыска. Не вполне понятна только причина предпочтения ИПБ как места их хранения. Судя по вышеназванной статье «Британский музей», дарителю были хорошо изве-

¹⁶ О тождестве сотрудника «Исторического вестника» Н. Викторова и Вл. Бурцева см.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1956. Т. 1. С. 240; М., 1960. Т. 4. С. 88, где правильно указан год рождения 1862, но не названы год смерти (1942), отчество (Львович) и род занятий (журналист), имя искажено (на самом деле Владимир, а не Василий). Имя уточнено Н. Я. Эйдельманом в комментарии к публикации В. Л. Бурцева (Н. Викторова) «Императрица Екатерина II и кн. Е. Р. Дашкова (1761—1794)» (Справочный том к запискам Е. Р. Дашковой, Екатерины II, И. В. Лопухина. М., 1992. С. 285).

¹⁷ В числе последних публикаций о Бурцеве: Владимир Бурцев и его корреспонденты / Сост. О. В. Будницкий // Отечественная история. 1992. № 6. С. 110—122; *Вербя И. А.* Вл. Бурцев — публицист и революционер // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 153—159.

¹⁸ Перепечатку инкриминируемых Бурцеву статей и описание суда см.: *Бурцев В. Л.* Долой царя! Лондон, 1902.

стны порядки в российской национальной сокровищнице и он знал, что рукописи там выдавались только по разрешению директора. Вместе с тем в Британском музее они были бы доступны любому читателю, включая историков русской литературы и освободительного движения из России, без каких-либо формальностей.

Полагаю, что здесь сыграл роль не рациональный, а эмоциональный фактор: у народовольца Бурцева не было царя, но было отечество, и он верил в перспективы свободной науки в будущей Свободной России.

В заключение напомним слова постоянного сотрудника «Исторического вестника» Б. Б. Глинского, сменившего Шубинского в должности его редактора, о круге авторов журнала: «(Шубинского) более всего можно наименовать прогрессистом и при том самой широкой терпимости, держащегося правила, что истина в середине. Во имя этого-то правила он охотно открывал двери своего журнала людям разных направлений, лишь бы только их мнения не носили на себе слишком резкой окраски в ту или в другую сторону. И революция слева, и революция справа ему претили...»¹⁹

Все вышеизложенное вызывает критическое отношение к данному свидетельству современника: Сергей Николаевич «открыл двери своего журнала» революционеру-террористу, благодаря щедрости которого в Библиотеке оказалась половина автографов Огарева, хранящихся в ней и по сей день. Надо полагать, что внимательное изучение архива Шубинского преподнесет исследователям и другие сюрпризы.

¹⁹ Глинский Б. Б. Среди литераторов и ученых. Биографии, характеристики, некрологи, воспоминания, встречи. СПб., 1914. С. 548. В числе других публикаций Глинского — статья о директоре ИПБ, выдавшем редактору «Исторического вестника» расписку в получении бумаг Огарева: Г. Л. И. Афанасий Федорович Бычков (некролог) // Исторический вестник. 1899. Май. С. 688—701.

© Ильдик Мария Рац (Венгрия)

ЭЛЕМЕНТЫ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В РАССКАЗЕ И. А. БУНИНА «ГРАММАТИКА ЛЮБВИ»

В исследованиях, посвященных творчеству И. А. Бунина, не раз отмечалось, что как художник он является продолжателем толстовской, тургеневской или чеховской реалистической традиции в русской литературе,¹ и Нобелевская премия 1933 года по литературе была присуждена ему «за строгое художественное мастерство, с которым он продолжил русскую классическую линию в прозе».²

¹ См., например: Ильин И. А. Творчество И. Бунина // Ильин И. А. О тьме и просветлении: Книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев. Мюнхен, 1959. С. 29—77; Иоаннисян Д. В. Природа, время, человек у А. П. Чехова и И. А. Бунина // Русская литература XX века (Дюктябрьский период). Калуга, 1973. Сб. 4: Творчество Бунина. С. 50—69; Полоцкая Э. А. Реализм Чехова и русская литература конца XIX—начала XX в. (Куприн, Бунин, Андреев) // Развитие реализма в русской литературе. М., 1974. Т. 3. С. 77—164; Сливницкая О. В. Фабула — композиция — деталь бунинской новеллы // Бунинский сборник (Материалы научной конференции, посвященной столетию со дня рождения И. А. Бунина). Орел, 1974. С. 90—103; Михайлов О. Н. Строгий талант. Иван Бунин. Жизнь. Судьба. Творчество. М., 1976; Долгополов Л. К. На рубеже веков: О русской литературе конца XIX—начала XX века Л., 1977. С. 274—332; Кучеровский Н. М. И. А. Бунин и его проза (1887—1917). Тула, 1980. С. 240—252; Дрозда М. Нарративные маски русской художественной прозы (от Пушкина до Белого). И. А. Бунин // Russian Literature. 1994. XXXV (III/IV). P. 465—483; Бройтман С. Н., Магомедова Д. М. Иван Бунин // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). М., 2000. Кн. 1. С. 540—585.

² Марченко Т. Русские писатели и Нобелевская премия (1901—1955 гг.). Köln; Weimar; Wien, 2007. С. 399. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte; Neue Folge, Bd 55.)

В специальной литературе меньше говорится о том, что, раскрывая мотивационный ряд судьбоносных поступков героя, — например, в рассказах 1920-х годов, таких как «Митина любовь», «Солнечный удар», «Дело корнета Елагина», — Бунин проникает в сферы подсознания, недоступные психологическому изображению в литературе XIX века. Но и в творчестве 1910-х годов «неодолимые, роковые, метафизические силы управляют человеческими судьбами»,³ рациональное и иррациональное начала неизменно оказываются рядом на разных уровнях сюжета в разных сочетаниях. Предметом нашей статьи выбран рассказ «Грамматика любви», в котором мы попытаемся выделить те на первый взгляд реалистические элементы, которые при более пристальном рассмотрении наполняются иррациональным содержанием. Нам хотелось бы показать, на каких уровнях сюжета возникает иррациональные элементы и какова их роль в смысловой структуре произведения.

При анализе урвней сюжетного построения рассказа явственной всего проступает особая структура пространственно-временных отношений (хронотопа). Перемещение главного героя берет начало в реальном внешнем пространстве, которое постепенно трансформируется, становится все более опустошенным и отвлеченным, так как характерные для стиля Бунина детальные описания природы постепенно отодвигаются на второй план, и сам пейзаж, проясняясь, становится «все беднее и глуше».⁴ Стало быть, изображение внешнего пространства в «Грамматике любви» предполагает иную писательскую задачу, наводит на мысль о параллельном путешествии Ивлева во внутреннем пространстве своего сознания, в мире воспоминаний и воображения. По мере того как его воспоминания проецируются на внешнее пространство, неведомая местность внезапно оказывается знакомой: «Такого пути Ивлев не знал» (с. 300), — читаем мы в первой части рассказа, но чуть позже «Ивлев вспомнил места, вспомнил, что не раз ездил тут в молодости верхом...» (с. 301). Сюжетное пространство балансирует на тонкой грани между сном и реальностью, ведь рассказчик еще в начале повествования дает ощутить убаюкивающее воздействие топота копыт лошадей и ритмичного звона бубенчиков. Правящий тарантасом «малый» поначалу мрачен, езду трудно завести с ним беседу, поэтому он предается «спокойной и бесцельной наблюдательности» (с. 298), а может быть и дремоте, состоянию, когда сознание притупляется. Вследствие полусонного состояния Ивлев, узнав по пути незнакомую местность, вполне мог вспомнить и картину, виденную им во сне, и образ, некогда осевший в его сознании, и воспоминание, сохранившееся в нем в ряду других воспоминаний. Колеблющаяся модальность пространственно-временных плоскостей в рассказе органически связана с тем, что Бунин весь событийный ряд показывает одновременно в различных причинно-следственных и временных отношениях и аксиологических статусах. Происходящее в глубине сознания путешествие обозначает процесс познания и самосознания героя — так же, как и в двух других рассказах Бунина 1910-х годов, «Сны Чанга» и «Братья».

Анализируя структуру художественного времени в рассказе «Грамматика любви», мы обнаруживаем, что вместо рационально полагаемого линейного времени в нем чередуются разные временные слои; наряду с настоящим временем, в плоскости которого ведет повествование рассказчик, и прошедшим временем, в плоскости которого разворачивается история любви Хвощинского и Лушки, в рассказе присутствуют и такие модусы художественного времени как вневременное и вечное. Однако благодаря специфическому художественному виденью и быстрой смене темпоральных плоскостей логически восстанавливаемая временная структура прослеживается с большим трудом. Более того, она вовсе оттесняется на задний

³ См. подробнее: Долгополов Л. К. Указ. соч. С. 298.

⁴ Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. М., 1966. Т. 4. С. 300. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

план, и, таким образом, границы измеримого времени становятся все более размытыми, напоминая вневременность сказки.

Сочетание рационального и иррационального движет и персонажами рассказа, заставляя читателя задаваться вопросом, где же граница между явлениями доступными и недоступными человеческому разуму. Пример тому — центральная фигура рассказа, помещик Хвоцинский, прототипом которого, по некоторым источникам, послужил дед Бунина, Николай Дмитриевич.⁵ По ходу рассказа оценка фигуры Хвоцинского в восприятии читателя то и дело меняется в зависимости от того, кто из персонажей вспоминает о нем, пытается истолковать его личность и поведение. Вплоть до самого конца повествования не проясняется, был ли он действительно сумасшедшим или же умер в здравом уме, как заверяет гостя его сын. Одно только мы узнаем достоверно — что он все время держал при себе и даже клал ногами под подушку маленькую книжечку под названием «Грамматика любви».

Противоречива и фигура спутника Ивлева, возницы. «Малый» — мрачно-затянутый, замкнутый и пассивный вначале — по ходу поездки перехватывает инициативу. Подобно одному из частых героев волшебных сказок, крестьянскому парню, он преодолевает все препятствия. Он знает окрестности и прошлое, судьбы и душу человеческую, и его фигура постепенно окутывается атмосферой иррациональности. При этом он же и старается подыскать для Ивлева рациональное объяснение истории жизни Хвоцинского: «Нет, утопилась, — сказал малый. — Ну, только думается, он скорей всего от бедности от своей сошел с ума, а не от ней...» (с. 301).

Так и само название этой книжки, красноречиво выбранное Буниным в заглавие (первоначально рассказ назывался «Невольник любви»), таит в себе ту же оппозиционную пару: грамматика являет собою логически выстроенную систему правил, то есть нечто рациональное, — любовь, напротив, оказывается иррациональной силой, которая с времен античной мифологии мыслится непостижимой, неуправляемой и неподвластной человеческой воле силой, поражающей человека по предначертанию богов. Влюбившись в горничную Лушку, Хвоцинский делает ее госпожой своего дома, а после ее смерти превращает комнату, где она жила, в настоящее святилище. Он боготворит покойную, одержимо приписывая ей колдовскую силу, а ведь по свидетельству других персонажей она не отличалась ни красотой, ни какими-либо особенными чертами. Скорее, можно сказать, что она лишена индивидуальных черт, а то немногое, что мы о ней знаем, вызывает только недоумение: как и чем она могла так преобразить жизнь Хвоцинского?

В своих рассказах 1910-х годов Бунин рисует любовь иррациональной космической силой, такой же, как смерть или природа.⁶ Сама суть любви оказывается тайной, предмет которой загадочен, не поддается пониманию, а последствия непредсказуемы. Роковая сила, настаивающая человека внезапно и неожиданно, она овладевает судьбами и перекраивает их. У Бунина это разрушительная страсть, ведущая к трагедии, поэтому бунинский герой часто переживает любовь как утрату или наказание. Она всегда является событием исключительной значимости, которое определяет весь дальнейший ход жизни героев. Так же как в рассказах Бунина, написанных в 1920-е годы, любовью движут силы, скрытые в глубинах бессознательного.

В рассказе «Грамматика любви» Бунин проводит параллель между правилами из любовного кодекса Хвоцинского, заключенного в «священной» для него книжке, и необъяснимым для его окружения поведением помещика.

⁵ См.: например: «...in the infatuation of old Xvoscinskij we recognize Petr Kirilovic's (in Dry Valley) love for his beautiful wife; he began to fail through melancholy soon after her death and, like Xvoscinskij, finished his days in harmless lunacy. The prototype of both these men is Bunin's grandfather Nikolaj Dmitreevic» (*Kryzyski S. The Works of Ivan Bunin. Mouton; The Hague; Paris, 1971. P. 116*).

⁶ См.: например: Кучеровский Н. М. Указ. соч. С. 207; Михайлов О. Н. Указ. соч. С. 83; Ильин И. А. Указ. соч. С. 52—53.

«Любовь не есть простая эпизода в нашей жизни...» — гласит кодекс — «...сердце наше делается невольником любви навеки...» (с. 306). Этому соответствует основная ситуация истории Хвоцинского: боготворение Лушки, добровольное заточение в ее комнате после ее смерти, где он и прожил остаток жизни.

Безоружность разума перед любовью («Разум наш противоречит сердцу и не убеждает оно» (с. 306)) также находит отражение в рассказе: «По рассказам стариков-помещиков, сверстников Хвоцинского, он когда-то слыл в уезде за редкого умницу. И вдруг свалилась на него эта любовь, эта Лушка, потом неожиданная смерть ее, — и все пошло прахом...» (с. 300).

Заключающееся в книжке Хвоцинского положение «Женщину мы обожаем за то, что она владычествует над нашей мечтой идеальной» (с. 306) объясняет то, что Лушка превратилась для него в идеал. Он почитал в ней не просто жену, но богиню: «...выделялся и величиной и древностью образ в серебряной ризе, и на нем, желтея воском, как мертвым телом, лежали венчальные свечи в бледно-зеленых бантах» (с. 303—304).

Наконец, реализуется загадочная и неведомая привлекательность самой Лушки, которая не объясняется ее красотой: «Тщеславие выбирает, истинная любовь не выбирает. — Женщина прекрасная должна занимать вторую ступень; первая принадлежит женщине милой. Сия-то делается владычицей нашего сердца: прежде нежели мы отдадим о ней отчет сами себе, сердце наше делается невольником любви навеки...» (с. 306). По признанию Ивлева, «оттого, что этот чудак обоготворил ее, всю жизнь посвятил сумасшедшим мечтам о ней, я в молодости был почти влюблен в нее, воображал, думая о ней, бог знает что, хотя она, говорят, совсем нехороша была собой» (с. 299).

Здесь впервые появляется и явственно вырисовывается то понимание и художественное истолкование любви, которое на последующих этапах творчества Бунина становится определяющим и которому предстоит обогатиться еще и новыми оттенками значений.

Выше уже отмечены некоторые параллели между «Грамматикой любви» и поэтикой волшебной сказки — прежде всего воссоздание вневременной сказочности через пространственно-временную структуру рассказа. Но, кроме этого, в нем можно увидеть и другое: функции волшебной сказки и ее структурные компоненты, сформулированные В. Я. Проппом. Некоторым из них можно найти определенные соответствия в бунинском рассказе. Эти соответствия вполне условны, но открывают в рассказе не обращавший ранее на себя внимание исследователей смысловой пласт.

1. Завязка. Волшебные сказки обыкновенно начинаются со слов: «В некотором царстве, в некотором государстве...», указывая на условную пространственно-временную структуру сказки: действие в ней разворачивается вне времени и пространства. Бунин начинает свое повествование так: «Некто Ивлев ехал однажды в начале июня в дальний край своего уезда» (с. 298). Здесь мы тоже не находим ни временной, ни пространственной определенности, и даже сам герой не конкретен и не может быть отождествлен с определенной личностью.

2. Начальная ситуация. Первое время в сказке все складывается благополучно: подчеркнутое благополучие начальной ситуации служит контрастом для предстоящей беды или испытания. В «Грамматике любви» контраст благополучного начала и последующих «испытаний» подготовлен ремарками: «ехать сначала было приятно» (с. 298), потом «погода поскучнела, со всех сторон натянуло линючих туч и уже накрапывало... (...) Когда поехали дальше, дождь разошелся уже по-настоящему» (с. 299, 300).

3. Временная отлучка и незначительность. В волшебных сказках действие, как правило, начинается с того, что герой на время покидает дом. Пропп называет эту функцию отлучкой; с ней непосредственно связаны функции отправки в дорогу

или поисков. Героя отправляют в дорогу или сам он отправляется в поиски чего-то, чтобы добыть какое-нибудь благо и привезти его в дом. Отлучке волшебной сказки в рассказе Бунина соответствует путешествие Ивлева в поисках какой-то тайны-недостачи, хотя в начале рассказа еще не известно, в чем именно Ивлев испытывает недостачу, смысл поездки проясняется лишь к концу.

4. Наличие «двух царств». Пространственная модель волшебной сказки строится из двух параллельно существующих миров: того, из которого герою предстоит отправиться в путь, и мира иного, *ирреального*, равно далекого и в пространстве, и во времени, проникновение в который сопряжено со всевозможными трудностями, ибо мир этот стерегут (баба-яга или различные ее сказочные варианты). Как в сказке за домом яги герой попадает в лес, а за лесом — в иной мир, так в «Грамматике любви» за владеньями графиня (дворец как вариант избушки) Ивлев оказывается на незнакомой дороге, через лес ведущей в Хвоцино, усадьбу покойного помещика Хвоцинского.

5. Дарители (яга). Яга неизменно подвергает героя-искателя испытанию, и если он выдерживает таковое, берет на себя роль дарителя, снабжая героя волшебным средством или советом и указанием. Память Ивлева приводит в движение графиня, которая выступает в роли хранительницы тайны и стража границы, значит — по сказочной матрице — бабы-яги.

6. Волшебные помощники. Функция помощника в волшебной сказке часто закреплена за древнейшим зооморфным помощником — птицей.⁷ Позднее эту функцию перенимают крылатые кони, главная задача которых — перенести героя из одного мира в другой (в иное царство). Но помощник может быть и антропоморфным, и наделен при этом особой нечеловеческой силой, должен все мочь, уметь или знать, и выручать героя советом или хитростью. В сказке располагающий помощником герой вполне пассивен, и вменное ему задание за него выполняет спутник, который сражается и с антагонистом. В рассказе «Грамматика любви» таков «малый», который не только правит тарантасом и заботится о лошадях, но и дорогу выбирает и даже предопределяет цель поездки. Это он везет героя к графине и правит не одним тарантасом, но и Ивлевым. Он хорошо ориентируется в незнакомых путнику местах, едет по полю напрямик, один сражается с целой стаей разъяренных собак.

7. Обретение предмета поисков. Добыча или похищение искомого предмета в сказке всегда дело самого героя, помощник может лишь подсказать ему, как сделать это. Бунин и тут следует структурным закономерностям волшебной сказки: «малый» с помощью своих лошадей доставляет героя-Ивлева в усадьбу Хвоцинского, чтобы тот, как будто безучастный ко всему происходящему прежде, мог добыть и привезти домой предмет поиска: книжицу о любви.

8. Случайность. И еще один существенный непреложный элемент сказки в «Грамматике любви» — случайность, ее роль. Хотя и сами функции, и даже их порядок являются строго детерминированными элементами, случайные повороты дают простор фантазии, — так *рациональный* мир раздвигается и впускает в себя фантастическое, *иррациональное*.⁸

Мелькающие в рассказе упоминания разных книг уводят нас в мир суеверных представлений, толкования сновидений и эзотерических практик. Среди старинных книг библиотеки Хвоцинского Ивлев находит такие: «Заклятое урочище», «Утренняя звезда и ночные демоны», «Новейший сонник». Народные поверья присутствуют и на уровне сюжета: они связаны как с самой фигурой Лушки, так и с

⁷ «Полагали, что душа человека превращается после смерти в птицу или улетает на птице (...) Единственная функция этого помощника — перенести героя в тридцатое царство» (Пропф В. Я. Волшебные сказки // Пропф В. Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 189).

⁸ «Композиция, следовательно, не развивается логически. В данном месте цепь как бы порвана и последующее не подготовлено предыдущим. Здесь арена для проявления случайности. Эта случайность в значительной степени определяет собой характер фантастичности волшебной сказки» (Там же. С. 181).

разными толкованиями истории ее смерти. Несмотря на то что Лушка благоговейно почитается в доме, о ее действительной судьбе мы узнаем только очень скудные факты. По местным преданиям она то ли утонула, то ли утопилась. Согласно славянской мифологии, девушки, утопившиеся от несчастной любви или утопленные мачехами, становятся русалками, с «утопленницами» часто связаны мотивы любовного искушения.⁹ Почему утопилась (или не утопилась) Лушка из рассказа не ясно, известно лишь то, что для Хвоцинского Лушка продолжала жить и после смерти, ведь он «...Лушкиному влиянию приписывал буквально все, что совершалось в мире: гроза заходит — это Лушка насылает грозу, объявлена война — значит, так Лушка решила, неурожай случился — не угодили мужики Лушке...» (с. 300). Со смертью своей Лушка соединилась с непредсказуемыми *иррациональными* силами природы, стала частью космоса, как сама любовь, вровень с нею, и, покорив Ивлева, навсегда вошла в его жизнь.

В структуре рассказа особая роль отведена литературным цитатам. Прежде всего, это вспоминаемые Ивлевым строки Баратынского о том промежуточном состоянии между сном и бдением, где и происходит просветление на грани здравого рассудка и безумия. Они могут служить и объяснением, и оправданием трагической жизненной судьбы Хвоцинского и являются поэтическим свидетельством того, что существует такое состояние между *рациональным* и *иррациональным*, в котором душа испытывает притяжение необъяснимых высших сил. В рассказе «Грамматика любви» эти иррациональные силы, — независимо от того, воплотились ли они в самом любовном чувстве или же в конкретном женском существе по имени Лушка, — превратили «...в какое-то экстатическое житие (...) целую человеческую жизнь, которой, может, надлежало быть самой обыденной жизнью...» (с. 304—305). На эту одержимость, чуть ли не роком предначертанное состояние указывает и первоначальное название рассказа.

Такую же важную роль играют и встроенные в текст цитаты из купленной Ивлевым у сына Хвоцинского книжечки «Грамматика любви». Как мы уже отмечали, описанные Буниным чудачества помещика в основных своих чертах совпадают с правилами ее любовного кодекса. Цитата, играющая в рассказе «Грамматика любви» центральную роль (четверостишие Хвоцинского), и книжка, в которую она вписана, обретают особую значимость в самом конце композиции, поскольку ретроспективно проясняют весь предшествующий ход повествования, по-новому освещая ряд важных моментов в нем.

Что речь идет о действительно существующей книге, нам известно из небольшого очерка Бунина о происхождении его рассказов.¹⁰ Бунин в своем рассказе датирует выход книжки XIX веком. Довольно долго, однако, историки литературы, например В. Н. Афанасьев,¹¹ исходя из стилистических черт упомянутых цитат полагали, что они взяты из какого-нибудь реального издания XVIII века. Не исключалась и возможность стилизации, выполненной самим Буниным.¹² Благодаря

⁹ См. подробнее: Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 3. С. 126, 240.

¹⁰ «Мой племянник Коля Пушешников, большой любитель книг, редких особенно, приятель многих московских букинистов, добыл где-то и подарил мне маленькую старинную книжечку под заглавием „Грамматика любви“. Прочитав ее, я вспомнил что-то смутное, что слышал еще в ранней юности от моего отца о каком-то бедном помещике из числа наших соседей, помешавшемся на любви к одной из своих крепостных, и вскоре выдумал и написал рассказ с заглавием этой книжечки...» (Бунин И. А. Происхождение моих рассказов // Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 369).

¹¹ «С таким же волнением рассматривает Ивлев старинные книги из библиотеки Хвоцинского, самая замечательная из которых — „Грамматика любви“, словами XVIII века повествующая о великой силе любовного чувства» (Афанасьев В. Н. Указ. соч. С. 233).

¹² «А впрочем, почему Бунин должен был вывести в рассказе непременно реальную книгу? Почему он не мог придумать ее, как придумывает писатель действующих лиц? Ведь это встречается в литературе... Тем более Бунин — блестящий стилист, знаток русского язы-

библиографическим исследованиям А. В. Блюма описанную Буниным книгу удалось отыскать — это оказалась «Грамматика любви, или Искусство любить и быть взаимно любимым. Перевод с французского С. Ш. Москва, в типографии Лазаревых Института Восточных Языков, 1831 г. Сочинение Г. Мольера». Как установил А. В. Блюм, автором оригинала был Ипполит Жюль Демольер (1802—1877),¹³ выпустивший в 1829 году свой «Code de l'amour» («Кодекс любви») под псевдонимом Мольри. Экземпляр вышедшего в 1831 году русского перевода, видимо, и подарил Бунину Н. А. Пушешников. Ничего не удалось узнать лишь о переводчике, подписавшем перевод инициалами С. Ш. Сопоставление текстов показало, что Бунин цитирует ее очень точно, хотя иногда для усиления художественного эффекта и соединяет предложения из разных главок. С ее обретением недостающее звено в композиции рассказа восстановлено: «Чтение этой книги делает понятным, почему она привлекла внимание Бунина. Она резко отличается от нескольких фривольных, „гривуазных” книг подобного рода, которые были очень распространены в XVIII веке, благородством, чистотой, особой свежестью. Конечно, у современного читателя предложения и размышления автора вызвали бы, пожалуй, улыбку, но когда-то эту книгу читали со всей серьезностью, а „пораженный”, „ошеломленный любовью” герой рассказа Бунина не расставался с ней до самой смерти».¹⁴

Подобно тому как в волшебных сказках попасть в мир сокровенных тайн можно только с помощью какого-нибудь волшебного слова, так и в рассказе Бунина раскрытие тайны любви осуществляется посредством искусства слова, точнее, посредством одной «волшебной» книги. Ивлев, герой-искатель, отправляется в путь по следам одной давнишней тайны и в ходе странствия сам попадает под власть тех самых иррациональных сил, которые вершили когда-то судьбу помещика Хвощинского. И в этом рассказе Бунина, как и в «Снах Чанга», параллельно существуют «две правды», одна — правда окружения Хвощинского, правда тех, кто судит об истории его жизни с внешней точки зрения и старается понять его судьбу *рациональным* путем. Вторая правда — это правда путника Ивлева, пытающегося понять Хвощинского путем внутреннего проникновения в тайну его личности, при котором он полностью вживается в его судьбу. Поэтому путь ищущего правды Ивлева закономерно ведет в мир *иррационального*: перемещение в пространстве раскрывает нам внутренний процесс, совершающийся в глубинах сознания и памяти. Вневременность происходящего сродни сказочной, но только в сказке герой не меняется в характере, а изначальная гармония к концу всегда восстанавливается. В отличие от этого в рассказе Бунина глубинная сущность тайны не проясняется, и ее заколдованный круг поглощает Ивлева целиком. Герой претерпевает внутреннюю перемену, и изначальная гармония не восстанавливается более, ибо понимание правды Хвощинского означает для Ивлева начало нового существования.

Итак, при анализе композиционного построения рассказа вырисовываются два параллельных мыслительных процесса. С одной стороны, центральной темой повествования о любви является попытка разгадать ее тайну, по природе своей иррациональную, а с другой стороны, разгадывание тайны совпадает с процессом самопознания героя. Эти параллельные процессы происходят на двухъярусной сюжетной структуре рассказа, построенной как путешествие в пространстве и параллельно как путешествие во времени, припоминание Ивлевым давно прошед-

ка, к которому полностью можно отнести его же собственные слова, сказанные о Флоре, — „...человек с болезненно обостренным слухом в отношении языка и стиля”. Пожалуй, ему не составило бы особого труда создать стилизацию под язык конца XVIII века, который звучит в приведенных им выдержках» (Блюм А. В. Грамматика любви // Наука и жизнь. 1970. № 9. С. 60).

¹³ «Родился он в 1802 году в Нанте, в молодости занимался изучением медицины и права, но получил известность преимущественно благодаря весьма большому количеству написанных им драм и романов» (Там же. С. 63).

¹⁴ Там же. С. 62.

шего. Целью его путешествия является осуществление акта понимания (*разуме- нье*). Однако этот акт не может состояться исключительно *рациональным* путем, то есть путем ознакомления с историей помещика Хвощинского и ее истолкованием. Ивлеву для этого нужно отождествить себя с героями минувшего, и совершить это он может только *иррациональным* путем, через собственный интуитивный опыт и вчитывание в те старые книги, которые оказываются ключом к разгадке. Таким образом, акт разумения — как это и явствует из приводимых Буниным строк Баратынского — происходит где-то на границе «между сном и бдением», то есть постигается только ментальными и экзистенциальными усилиями, в равной мере активизирующими *иррациональные* и *рациональные* способы познания.

Ю. М. ЛОТМАН, З. Г. МИНЦ — Б. Ф. ЕГОРОВ. ПЕРЕПИСКА 1960—1961 ГОДОВ*

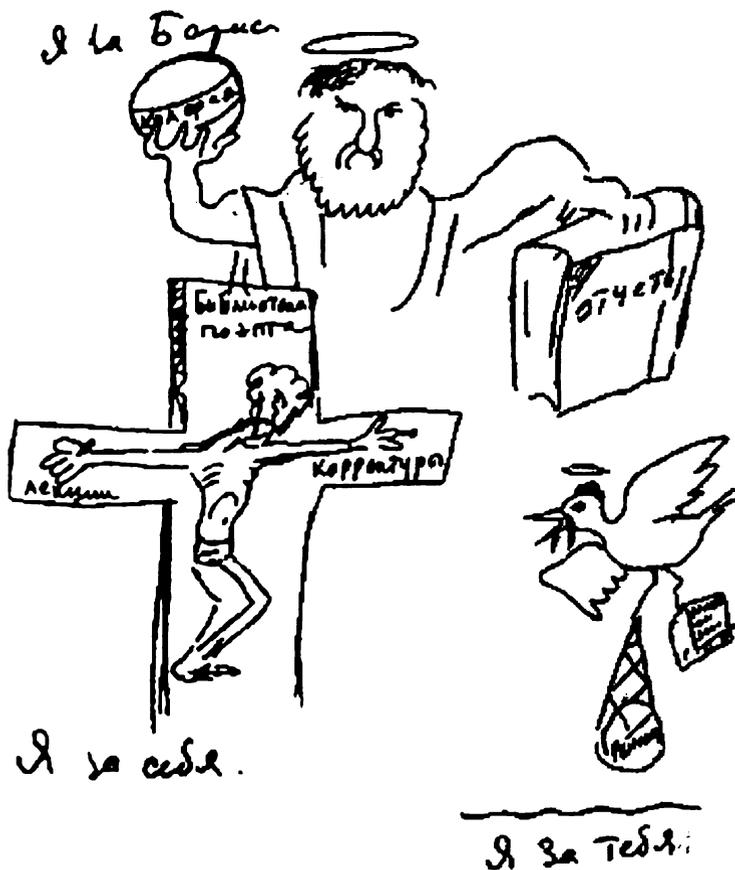
(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© Б. Ф. ЕГОРОВА, © Т. Д. КУЗОВКИНОЙ И © Н. В. ПОСЕЛЯГИНА)

Письма профессоров Тартуского университета, специалистов по истории русской литературы и семиотике, активных деятелей Тартуско-Московской семиотической школы Юрия Михайловича Лотмана (1922—1993; далее Ю. М.) и его жены Зары Григорьевны Минц (1927—1990; далее З. Г.) и их коллеги, в дальнейшем известного петербургского профессора-литературоведа Бориса Федоровича Егорова (род. 1926; далее Б. Ф.) дают материал для создания научной биографии выдающихся деятелей российской и эстонской гуманитарной науки, позволяющую проследить эволюцию их научных замыслов и концепций лекционных курсов, фиксируют то время в истории кафедры русской литературы Тартуского университета, когда начиналось ее превращение в крупный научный центр. Ю. М., З. Г. и Б. Ф. — выпускники Ленинградского университета конца 1940-х годов, объединенные не только общностью научных интересов, сходством судьбы, которая привела их в Эстонию, но и высоким настроением души, оптимистическим пафосом жизни во имя науки, стремлением подчинить ей быт.

Вот как о начале 1960-х годов вспоминает Б. Ф.: «В 1960 г. я передавал заведование кафедрой Ю. М. Но фактически значительно ранее летних месяцев 1960 г., когда состоялось официальное „переназначение“ заведующего кафедрой, Ю. М. был погружен в кафедральные учебные и научные мероприятия. Дело в том, что моя семья еще в 1958 г. вернулась из Тарту в Ленинград (жена перешла на работу в ленинградский научно-исследовательский институт) и я при малейшей возможности стремился хотя бы на неделю уехать к своим. А настоящее заведование не терпит отлучек, поэтому Ю. М. приходилось многое брать на себя. Большой любитель театральных импровизаций, Ю. М. сочинил замечательную пародию, несколько раз показывая ее в кругу друзей: он утрированно представлял сложную гамму чувств, которые переполняют меня, только что вернувшегося из Ленинграда: Вначале „Егоров“ ликующе восклицал: „Ребята! Как я соскучился! Как я рад вас видеть!“; потом, после небольшой паузы, — совсем с другой интонацией: „А скажите по-честному, могу на завтра взять билет на автобус?“

* Публикация подготовлена при поддержке Лотмановской стипендии Таллиннского университета, стипендиатами которой были Б. Ф. Егоров (2009—2010) и Н. В. Поселягин (2010—2011), а также в рамках проекта Эстонского научного фонда JD171: «Genius loci: Ю. М. Лотман и Эстония: 1950—1993 (Материалы к Летописи жизни и творчества Ю. М. Лотмана)».

Ю. М. было трудно заниматься несколькими делами одновременно. Некоторые отзывы этих трудностей отражены и в публикуемых письмах. А в письме к З. Г. от 20 апреля 1960 г. Ю. М. утрированно, но верно нарисовал себя:

Един в трех лицах.

И сколько всего было сделано Ю. М. в то время! Он добился увеличения доли филологических предметов в учебном плане, сумел получить у ректора новые штатные единицы, устраивал быт новых сотрудников кафедры, следил за научным творчеством молодых коллег и организовывал руководство их диссертациями и защиты в ЛГУ (в ТГУ еще не были разрешены защиты по русской литературе); активизировал работу научных семинаров кафедры и был вдохновителем научных конференций, вплоть до всесоюзных, проводимых в ТГУ при участии кафедры.

А я взял в свои руки издание научной продукции кафедры: постоянно напоминал коллегам о сроках, собирал и редактировал статьи и публикации, помогал читать корректуры, боролся на заседаниях факультетской редколлегии за ежегодный и регулярный выпуск „Трудов по русской и славянской филологии“. Стали выхо-

дить в свет монографии сотрудников кафедры, а с 1964 г. началось регулярное печатание „Трудов по знаковым системам”¹.

В начале 1960-х годов в дополнение к академической историко-литературной работе Ю. М. все интенсивнее обращается к теории, размышляет над разработкой принципов литературоведения как точной науки (стремление, наиболее ярко выраженное в ряде трудов Ю. М. уже второй половины 1960-х годов).

Когда в 1962 году в Москве вышли два сборника, изданные кружком лингвистов-семиотиков под руководством Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова,¹ Ю. М. с воодушевлением откликнулся на новые идеи в своей первой теоретической книге.²

Однако «Лекции по структуральной поэтике», за исключением последних этапов работы, создавались независимо от московских семиотических исследований. Ю. М. опирался на ряд перспективных разработок плеяды российских филологов 1920-х годов (которые несколько десятилетий запрещались как формалистические), возводил их на принципиально новый теоретический уровень.³ Первыми признаками нового направления являются краткие упоминания курса теории литературы, который Ю. М. читал в осеннем семестре 1960 года.

17 сентября он сообщает Б. Ф.: «Я начал читать курс теории» (письмо 7). Спустя девять дней он рассказывает об этом чуть подробнее, не упоминая, однако, как именно строился читаемый курс: «Я здесь барахтаюсь во взбаламученном море органических остатков, но читаю курс „Теории”, где крою напролом. Ленька⁴ и Зара ходят на каждую лекцию... Зара все стенографирует — переверну науку!» (письмо 10). Про тот же курс Ю. М. упоминает еще раз в октябре: «Я читаю курс лекций по теории литературы, который мне очень нравится» (письмо 12), после чего эта тема исчезает из переписки почти на год. Однако в письме от 30 августа 1961 года опять упоминается теоретический курс и впервые говорится о будущих «Лекциях по структуральной поэтике». Кроме того, 10 ноября 1960 года Б. Ф. впервые упоминает занятия Ю. М. кибернетикой.

Эти отрывочные упоминания дают основание свидетельствовать, что начало структурно-семиотического этапа в научной эволюции Ю. М. следует искать уже в 1960—1961 годах.

Настоящая публикация выполнена в рамках одного из направлений деятельности Эстонского фонда семиотического наследия Таллиннского университета по разбору и введению в научный оборот материалов из архива Ю. М. и З. Г. Тексты писем Ю. М., ранее опубликованные Б. Ф.,⁵ сверены с оригиналами, исправлены и дополнены: восстановлены приписки З. Г. и П. С. Рейфмана; значительно расширены и уточнены комментарии. Ответные письма Б. Ф. публикуются впервые. Двойная нумерация писем приводится с учетом публикации начала переписки (19 писем 1954—1959 годов⁶). Примечания авторов писем даются под звездочкой.

¹ Симпозиум по структурному изучению знаковых систем: Тезисы докладов. М., 1962; Структурно-типологические исследования. М., 1962.

² Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике: Вып. 1: (Введение, теория стиха) // Учен. зап. ТГУ. 1964. Вып. 160 (Труды по знаковым системам. I).

³ Об этом см., в частности: Егоров Б. Ф. Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М., 1999. С. 91—92.

⁴ Леонид Наумович Столович (род. 1929) — специалист в области эстетики и истории философии. Начал работу в ТГУ в 1953 году, с 1956 года — старший преподаватель кафедры философии, с 1967 года — профессор этой кафедры, с 1994 года — профессор-эмеритус Тартуского университета.

⁵ Лотман Ю. М. Письма: 1940—1993 / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. Б. Ф. Егорова. М., 1997 (переизд. 2006). Эту работу Б. Ф. затем продолжил. См.: Егоров Б. Ф. Ю. Г. Оксман и Тарту // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 175—193 (переизд. в: Егоров Б. Ф. Структурализм. Русская поэзия. Воспоминания. Томск, 2001. С. 358—385); К столетию Д. Е. Максимова: Из переписки Д. Е. Максимова с Ю. М. Лотманом и З. Г. Минц / Публ., подг. текста, вступ. заметка и прим. Б. Ф. Егорова // Звезда. 2004. № 12. С. 110—144.

⁶ Егоров Б., Кузовкина Т. Ю. М. Лотман — Б. Ф. Егоров: Переписка 1954—1959 гг. // Соплатоге: Историко-филологический сборник в честь Любови Николаевны Киселевой. М., 2010. С. 169—197.

1 (20)

Ю. М. Лотман — Б. Ф. Егорову

〈08. 01. 1960; Тарту〉

8. I. 60

Carissime)!¹

Без слез не могу думать о Вашей деловитости, столь впрочем высокоценимой нашим другом и высоким покровителем В. Т. Адамсом!² Да и существуют ли черные души, думающие иначе? Возможно, но не верю! А если мне и попало от ректора³ за что-то по шее, то отношу это к несчастливому стечению планет и клевете недоброжелателей. Короче. Что за фальшивку сматерили* Вы в соавторстве с В. Т. Адамсом⁴ (нашим другом и высоким покровителем), находясь между Лафитом и Клико?⁵ Сергей⁶ сочинил к ней «сопроводилровку», я, в простоте, не читая, подписал — и пошла в ректорат. Впрочем, довольно скоро оттуда вернулась, украшенная восклицательными и вопросительными знаками.

Вы себе запланировали тему доклада «Чеховский юбилей», а Адамс перевел eesti keeles!⁷ Ректор вполне резонно осведомился: хотите ли Вы доложить о водевиле «Юбилей» или об организационных трудах, предпринятых Вами ради сей даты. Я лепетал: «Недосмотр, Ваше превосходительство, истинно по неопытности!»**⁸ Но мне было столь же резонно заявлено, что, при таком же недосмотре с его стороны, на ротапринт пошла бы явная чепуха.

Своей десницей я Вам укрепил тему: «Чехов и современность». Дерзайте и да осенит Вас тень Эренбурга.⁹

Теперь о сборнике:¹⁰ 31 дек(абря) Кереса¹¹ не было на месте. Таким образом, 31—2-го я еще читал, Зара читала, Миша,¹² Гриша¹³ и няня читали тоже¹⁴ (именно, кажется, с этого момента Миша получил навсегда отвращение к чтению). Третьего января «сб(орник)» был у Кереса. Мы долго трясли друг другу руки, желая head uut aastat.¹⁵ Теперь — ждем. В итоге сборник был сдан не скорее, чем предшествующие.

Но я-то дошел — у меня головные боли, сердцебиения

(родичам в Питере не говорите!), и я уже пять дней справляю Дом отдыха на дому — пью валерьянку, сплю с 11—12 час(ов) веч(ера) до 10 час(ов) утра, не занимаюсь. Правда, написал маленькую рецензию для «Воплей».¹⁶ (Если увидите Рейсера,¹⁷ то скажите, что я, как мы и уговорились, в конце декабря написал рец(ензию) на Брискмана¹⁸ и, лишь только получу от Мильк,¹⁹ вышлю ему для показа Брискману и дальнейшего направления в Вопли).

Вышлите данные о выполн(ении) учебн(ой) нагрузки за первое полугодие. С заочниками — чердак:²⁰ Бродят какие-то рассеянные толпы: тот начал писать что-то с Дрыжаковой,²¹ тот не кончил что-то с Рейфманом,²² тот не может дожидаться, этому невтерпез чем-то разрешиться. Учебные планы великолепно перемешались, так что в этом видна уже не рука человеческая, а сама природа.

Привет всем Вашим от всех наших.

Лотман

Спасибо за хорошую марку.

Узнали ли Вы для Беззубова²³ и Сергея?²⁴ Не ленитесь, сделайте!!!!

* Возможно, зд(есь) смастерили.

** В укор Вам: поскольку бумажка пошла за моей подписью, ректор счел меня и автором текста; я же не вывел его из заблуждения (дружба, сие священное чувство...²⁵).

Письмо отправлено вместе со следующим в одном конверте. Адрес: «Ленинград, Озерки, Озерковский (проспект), д. 14 Б. Ф. Егорову». Адрес отправителя: «Тарту Лоотусе 13-9». Штемпель Тарту: 9. 1. 60. Штемпель Ленинграда: 11. 1. 60.

¹ Дражайший! (лат.).

² Вальмар Теодорович Адамс (Valmar/Vilmar Adams, урожд. Vladimir Karl Moritz (Alexander), 1899—1993) — эстонский и русский поэт (псевдоним Владимир Александровский), с 1931 года — почасовик в ТГУ, с 1940 года штатный преподаватель, в 1945—1974 годах с перерывами (в 1951—1954 годах был репрессирован) — доцент на кафедре русской литературы, в 1947—1948 годах — заведующий кафедрой. См. о нем: *Егоров Б. Ф.* Вальмар Адамс как историк русско-эстонских культурных связей // Тамиздат: От осуждения к диалогу. Саратов, 1990. С. 103—113 (переизд. в: *Егоров Б. Ф.* Структурализм. Русская поэзия. Воспоминания. С. 347—357); *Лотман Ю.* Я знаю пять Адамсов [1989] // Вышгород. 1998. № 3. С. 218—219.

³ Федор Дмитриевич Клемент (Feodor Klement, 1903—1973) — ректор ТГУ в 1951—1970 годах, профессор, физик, окончил физический факультет ЛГУ в 1934 году. Эстонец по происхождению и ленинградский интеллигент по воспитанию, Ф. Д. Клемент, являясь крупным советским и партийным деятелем, был человеком науки, он сразу сочувственно отнесся к растущей кафедре и очень много сделал для нее и в кадровом отношении, и в поддержке научных изданий.

⁴ Речь идет о подготовке к 100-летию юбилею А. П. Чехова (1960). Б. Ф. и В. Адамс сочинили программу торжественного заседания университета, не очень заботясь об основательности и точности формулировок. Ректор Ф. Д. Клемент очень чутко относился к таким недочетам и выходил из себя.

⁵ Строка из 10-й главы «Евгения Онегина».

⁶ Сергей Геннадиевич Исаков (род. 1931) — специалист по русско-эстонским культурным связям, профессор, выпускник ТГУ 1954 года, с 1955 года преподаватель кафедры русской литературы, заведующий кафедрой русской литературы в 1980—1992 годах.

⁷ На эстонский язык (эст.).

⁸ Намек на известную реплику Городничего, дрожащего перед Хлестаковым: «По неопытности, ей-богу по неопытности» («Ревизор», действие 2, явление VIII).

⁹ Имеются в виду крупномасштабные заглавия статей и выступлений И. Г. Эренбурга. Ю. М. с военных лет иронически относился к писателю, не любя его пафосность и взгляд «со стороны» на фронтовую жизнь.

¹⁰ Речь идет о Трудах по русской и славянской филологии. Вып. III. Далее сокращенно: Труды и римская цифра.

¹¹ Харальд Петрович Керес (Harald Keres, 1912—2010) — физик, профессор (1954), зав. кафедрой теоретической физики (1949—1958), проректор ТГУ по научной части (1958—1960), академик АН ЭССР (1961), брат знаменитого шахматиста.

¹² Михаил Юрьевич Лотман (род. 1952) — сын Ю. М. и З. Г., ныне профессор Таллиннского университета и старший научный сотрудник Тартуского университета.

¹³ Григорий Юрьевич Лотман (род. 1953) — сын Ю. М. и З. Г., художник.

¹⁴ Шутка: дети Ю. М. и З. Г. учились тогда в начальной школе.

¹⁵ Хорошего Нового года (эст.).

¹⁶ Рецензию в «Вопросах литературы» обнаружить не удалось.

¹⁷ Соломон Абрамович Рейсер (1905—1989) — известный литературовед, профессор Института культуры в Ленинграде, был самым близким знакомым Б. Ф. из ученых старшего поколения. В дальнейшем Соломон Абрамович внимательно следил за тартускими трудами, переписывался с Ю. М., неоднократно приезжал в Тарту.

¹⁸ Михаил Аркадиевич Брисман (1904—1971) — литературовед, библиограф, автор книги о В. Г. Анастасевиче (*Брисман М. А.* В. Г. Анастасевич (1775—1845). М., 1958). С. А. Рейсер просил Б. Ф. обратиться к Ю. М., так как он был автором подробной статьи о том же авторе: *Лотман Ю. М.* К характеристике мировоззрения В. Г. Анастасевича: (Из истории общественной мысли первой четверти XIX в.) // Учен. зап. ТГУ. 1958. Вып. 65. С. 17—27 (Труды. I).

¹⁹ Елена Антоновна Мильк (1906—1984) — лаборантка кафедры русского языка ТГУ (1951—1954, 1971—1983), машинистка; печатала труды филологов-русистов.

²⁰ Эвфемизм: бардак.

²¹ Елена Николаевна Дрыжакова (род. 1931) — кандидат филологических наук (1960); окончила ЛГПИ, в 1960-х годах — почасовик кафедры русской литературы ТГУ, ЛГПИ и ЛГУ. С 1978 года — в США, профессор университета в городе Питтсбург.

²² Павел Семенович Рейфман (род. 1923) — специалист по русской литературе XIX века, выпускник ЛГУ 1949 года. В начале 1950-х годов работал преподавателем в Тартуском учительском институте и почасовиком в ТГУ, с 1959 года преподаватель кафедры русской литературы, с 1963 года доцент, с 1973 года профессор, с 1993 года профессор-эмеритус Тартуского университета.

²³ Валерий Иванович Беззубов (1929—1991) — исследователь русской литературы XX века; выпускник ТГУ 1955 года, с 1960 года преподаватель кафедры русской литературы, до этого работал на почасовых основаниях. Руководство кафедры с трудом добилось ему штатной должности; возникали проблемы и с жильем. С 1968 года — доцент, в 1977—1980 годах заведовал кафедрой. См. о нем: Он держался на мысли и на смелости: О Валерии Ивановиче Беззубове / Подг. текста Татьяны Кузовкиной // Вышгород. 1998. № 3. С. 201—207.

²⁴ Ю. М. и Б. Ф. хлопотали о том, чтобы найти научного руководителя для кандидатской диссертации В. И. Беззубова (см. об этом также письмо 7 (26)) и оппонентов для кандидатской диссертации С. Г. Исакова.

²⁵ Цитата из наброска статьи А. С. Пушкина «О прозе» (1822): «Но что сказать об наших писателях?.. Эти люди никогда не скажут *дружба*, не прибавя: сие священное чувство, коего благородный пламень и пр.»

2 (21)

Ю. М. Лотман — Б. Ф. Егорову

⟨09. 01. 1960; Тарту⟩

Бобастик!¹

Сейчас просматриваю и подписываю Ваши билеты (Зарочка состроила по оставленным мне вопросам). И обнаруживаю в них престранные вещи: нет Салтыкова-Щедрина, Чернышевского, Добролюбова и Писарева. Гм!

Салтыкова хватились сами студенты, громко вопя на консультации, что их предупредили слишком поздно. Мы договорились, что в экз(амен) Салтыков не пойдет — они его сдадут Вам на коллоквиуме.

Но вот я сейчас хватился других — завтра экзамен. Спрашивать их или нет — не знаю. Может уж Вам демократьев сдали когда-либо в прошедшие времена? Хотя сие и странно.

Спрашивать и нельзя — их не было в вопросах для повторения.

Просвети, святой отец, наваждение ли сие дьявольское или так и должно.

9. I. 60.

Лотман

Было отправлено вместе с предыдущим письмом.

¹ Шутливое использование домашнего прозвища Б. Ф.

3 (22)

Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману

⟨09. 06. 1960; Анапа⟩

9. VI. 1960

Дорогой ЮрМих!

Мы благополучно прибыли в Анапу и поселились в очень уютном дворике в квартале от пляжа. Викт(ория) Мих(айлов)на довольна и кланяется.¹ У нее маленькая отд(ельная) комната.

Теперь о самом главном: я надеюсь на Вашу старательность и оперативность. Т. к. я с 13-го иду в отпуск, то мне, по теории, должно начислиться на книжку (вместе с зарплатой 10-го июня) — около 3.000.²

Снимите, пожалуйста, из них *две* и переведите мне срочно в Анапу. Анапские данные прилагаю. Только сделайте это, пожалуйста, *незамедлительно*. Если же отпускные еще не прибыли и есть лишь одна зарплата за 10-е, то просьба:

1) выслать хотя бы то, что есть, за исключением 100 руб., которые должны лежать на книжке для бесплатности пересылок;³

2) узнать в бух(галтерии), почему мне не перевели отпускные;

3) когда переведут, выслать вторую порцию (если только это не будет после 20—25-го — мы сидим в Анапе до 7-го июля!); для этого не теряйте данные, записанные на прилагаемом бланке.

Всего хорошего Вам и семейству.

Глубокие поклоны Павлу,⁴ Дине Б(орисовне)⁵ и всем кафедрам!

Приветы

Б. Е.

Об отправке денег сообщите, пожалуйста! Как вообще дела?

Без конверта.

1 Семья Б. Ф. провела июнь — начало июля 1960 года в Анапе. С ними отдыхала и сестра Ю. М. Виктория Михайловна Лотман (1919—2004) — врач-кардиолог в Ленинградском Институте скорой помощи, затем в Больнице Академии наук.

2 Далее идут записанные рукой Ю. М. координаты счета Б. Ф. и сберкассы.

3 По правилам пересылки денег, хранящихся в сберкассах СССР, бесплатная пересылка была возможна, если на счету оставалась некая сумма.

4 Павел — П. С. Рейфман.

5 Дина Борисовна Габович (1915—1965) — близкий друг семей Ю. М. и Б. Ф.

4 (23)

Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману

(21. 06. 1960; Анапа)

Дорогой ЮрМих!

Получил вчера Ваше известие о переводе и моих крэзовских запасах в Тарту. Если Вы не ошиблись, то это — явное недоразумение. В бух(галтерии), верно, спутали меня с Зарой и перевели на мою книжку ее беременные деньги.*¹ Или же подсчитали все мои зарплаты до осени включительно!

Деньги еще, наверное, не пришли, но все равно — большое спасибо за хлопоты. Все капиталы уже поделены и подсчитаны. Соня² с Викт(орией) М(ихайлов)ной собираются оптом скупить всех крабов, все ракушки и прочие предметы дамского туалета. Я, естественно, воюю с ними и настаиваю на мужских покупках: вино и женщины, т. е. не женщины, а икра паюсная по 70 р. кг. (которую, по последним исследованиям восточных ученых, можно употреблять вместо женщин³).

Отдыхаем мы превосходно, только меня мучит совесть — как Вы там крутитесь? Т. к. все равно крутитесь, то несколько просьб к Вам.

1) Если Павел живет у Вас, то передать ему, что мне очень грустно из-за его статьи, но что я чувствую и свою вину, за неумение отстоять ее на редколлегии (хотя, м(ожет) б(ыть), ее и никто бы не отстоял), и в августе-сентябре буду ее про-талкивать, как смогу — если только Мози замешкаются хоть на полгода, будем снова ставить вопрос о включении в наш сборник. Важно, чтобы следующая его статья содержала прямые «филологические» данные, а то опять возникнет история.⁴

Если Павел живет не у Вас, то передайте ему то же самое.

2) Передать торжественно Сергею и Вал(ерию) Иванычу мои поздравления с успешным завершением минимума,⁵ а также напомнить последнему, чтобы он не забыл подать документы в аспирантуру и оставить мне свой августовский адрес.

3) Узнать у Влад. Педа⁶ (вместе с приветом) — получил ли он мои командировочные (я ему оставлял доверенность).

4) Передать поклоны Тамарченкам⁷ и у них тоже узнать адрес летней резиденции. Договорился ли Гр(игорий) Евс(еевич) с Кильком насчет фольклора на август(овской) установоч(ной) сессии?

5) Передать глубокие поклоны Елене Николаевне Дрыжаковой и узнать, моет ли она посуду после еды?⁸

6) Оставить свой эльваский адрес^{**9} и также передать нижайшие поклоны семейству, в том числе Павлу, Габам¹⁰ и др.

7) Ой-ой — забыл — нашему общему другу Вальмару Теодорычу — поцелуи (воздушные).

Если кого забыл — все равно поцелуи.

Мы живем браво, не жарко (23—25), очень жалею, что нет Наташи.¹¹ Ваши просьбы относительно ухода за В(икторией) М(ихайловной) стараюсь выполнять. Всего хорошего!

21. VI. 60

Б. Е.

* До Пикката,¹² возможно, дошли слухи о моих родствен(ных) связях с нею.¹³

** Возможно, я Вам привезу эрзац-женщин, т. е. икры.

Без конверта.

¹ З. Г. 6 мая 1960 года родила сына Алексея и должна была получить декретные деньги.

² Софья Александровна Николаева (1924—2008) — жена Б. Ф., кандидат химических наук, преподаватель ТГУ (1951—1958), позже научный сотрудник в институтах Ленинграда. См. о ней: *Егоров Б. Ф. Жизнь С. А. Николаевой (типичное и личное)*. СПб., 2008.

³ Шутка. Родственник Б. Ф., А. А. Васильев, лектор Ленинградского обкома КПСС, рассказал скандальную историю об оговорке его пьяного коллеги во время лекции в глубинке Ленинградской области: вместо сообщения о медицинских открытиях китайцев — использовать головастиков трепанга для создания противозачаточных средств — он заявил, что китайцы употребляют головастиков трепанга вместо женщин.

⁴ Речь идет о статье П. С. Рейфмана «Обсуждение новых постановлений о печати в русской журналистике 1862 года и газета „Современное слово“, которую ряд членов факультетской редколлегии, где утверждались Труды, счел не относящейся к филологии и не дал ее включить в Труды III. Она была потом опубликована в Трудах IV: *Рейфман П. С. Обсуждение новых постановлений о печати в русской журналистике 1862 года и газета «Современное слово» // Учен. зап. ТГУ. Вып. 104. С. 105—129*. Там же появилась и «филологическая» статья автора: *Рейфман П. С. О статье В. Г. Белинского «Кесари» // Учен. зап. ТГУ. Вып. 104. С. 286—290*. «Мози» употреблено в собирательном смысле: больше всего выступали против публикации председател редколлегии Э. Лаугасте (см. о нем прим. 2 к письму 9) и заведующая кафедрой истории СССР Х. Моосберг (по студенческой кличке «Мози»).

⁵ С. Г. Исаков и В. И. Беззубов сдали при ЛГУ экзамены по кандидатскому минимуму (каждый защищающий кандидатскую диссертацию должен был сдать экзамены по специальности, иностранному языку и философии).

⁶ Имеется в виду Владимир Петрович Кильк (1921—1997) — выпускник ТГУ 1953 года, старший лаборант кафедры русской литературы (1957—1969), затем преподаватель той же кафедры (до 1973 года). Оказался неисполнительным сотрудником и не занимался научной работой.

⁷ Григорий Евсеевич (1913—2000) и Анна Владимировна Тамарченко (род. 1915) — литературоведы, доценты (будущие профессора), изгнанные из Свердловского университета за открытую попытку бороться с официальным антисемитизмом, несколько лет были без работы. Их удалось привлечь в качестве почасовиков на кафедру русской литературы ТГУ. Позднее Г. Е. — профессор Новгородского университета, А. В. — Театрального института в Ленинграде.

⁸ Е. Н. Дрыжакова, приезжая в Тарту, обычно останавливалась в квартире Егоровых. Однажды, торопясь на лекцию, оставила невымытую посуду, что послужило поводом для нескольких шуток.

⁹ Адрес летней дачи Ю. М. в поселке Эльва около Тарту.

¹⁰ Габовичи — Дина Борисовна и ее муж Яков Абрамович (1914—1980), математик, доцент Эстонской сельскохозяйственной академии.

¹¹ Наталья Юрьевна Образцова (род. 1949) — филолог, племянница Ю. М.

¹² Карл Карелович Пиккат (Karl Pikkat, 1901—?) — главный бухгалтер ТГУ в 1951—1967 годах.

¹³ Шутка. Когда беременная З. Г. лежала в клинике Отто в Ленинграде, ей не разрешалось приносить некоторые продукты, особенно содержащие много жира. В палату к ней допускались только близкие родственники. В пасхальные дни семье Егоровых очень хотелось угостить З. Г. пасхой и куличом, приготовленными тещей Б. Ф., Т. А. Николаевой. Б. Ф. выдал себя за мужа З. Г. и смог пройти в ее палату с «нелегальным» подарком.

5 (24)

Ю. М. Лотман — Б. Ф. Егорову

⟨26. 08. 1960; Эльва⟩

Бор. Фед!

Жизнь бьет ключиком!

1) Наш первый курс будет заниматься в вечерние часы, а утром работать на производстве. Предстоит организовать группу производственников, а прочим сократить уч(ебный) план с 28 до 18 часов в неделю.

2) Второй, третий и четвертый курсы с 1 сент(ября) едут в колхоз. На месяц. С каждой группой велено послать преп(одавателя), а у нас все в разгоне. (Кильк на строительстве, Сергей до 13-го в отпуску — в строю я и Адамс.) Я плюну и поеду сам — сразу двух зайцев — и уважение и уклонюсь от кафедральных дел, ну их в ноздрю. Еще не решил, но, вероятно, так и сделаю.

Завтра запишусь к ректору на прием:

1) поднести «народность». ¹

2) Узнать о Беззубове ²

3) Попытаться в смысле I-го курса, хотя и безнадежно.

Написали ли Вы рецензию, ³ если да, то почему? Утрясли ли Вы вопрос о рецензии Найдича (?) на наши труды и дни? ⁴

Я сейчас «в два дня» соображаю текстологическую статью вокруг наследия декабристов. Напишу залпом и сразу пошлю в «Истор(ический) архив». ⁵ По поводу курса теории литературы я вдруг струсил и отчасти от него хочу сбежать в колхоз.

Наши все здоровы. Скоро (29-го) — в Тарту.

Привет Вашим — Соне, Тане, ⁶ Татьяне Алексеевне. ⁷

26. VIII. 60.

Лотман

Адрес: «Ленинград, Озерки Озерковский (проспект), д. 14, кв. 1 Борису Федоровичу Егорову». Адрес отправителя: «Тарту, Лоогусе 13-9 Ю. Лотман». Штемпель г. Эльва: 26. 8. 60. Штемпель Ленинграда: 28.(8.)60.

¹ Сборник, в котором была опубликована статья Ю. М.: *Лотман Ю. М. Проблема народности и пути развития литературы преддекабристского периода // О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы. М.; Л., 1960. С. 3—51.*

² Речь идет о штатном месте и жилье для В. И. Беззубова, о которых хлопотали Ю. М. и Б. Ф.

³ Б. Ф. писал рецензию на сборник «О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы»: *Егоров Б. Ф. Книга о реализме и народности // Русская литература. 1961. № 3. С. 218—221.*

⁴ Эрик Эзрович Найдич (род. 1919) — литературовед, доктор филологических наук. Ю. М., видимо, точно не знал, что у Б. Ф. уже была договоренность с ним об обзорной статье-рецензии: *Найдич Э. Э. Труды по русской и славянской филологии Тартуского университета // Русская литература. 1960. № 4. С. 221—224.*

⁵ Имеется в виду периодическое издание Института истории АН СССР 1955—1962 годов. Статья Ю. М. на упомянутую тему в нем не была опубликована. Возможно, частично Ю. М. использовал ее материалы в статьях: *Лотман Ю. М.* 1) Неизвестные и утраченные исторические труды А. О. Корниловича // *Русская литература.* 1961. № 2. С. 121—125; 2) Кто был автором стихотворения «На смерть К. П. Чернова» // Там же. 1961. № 3. С. 153—159.

⁶ Татьяна Борисовна Егорова (род. 1951; в замужестве Миллер) — дочь Б. Ф., в будущем филолог, библиотекарь, с 1989 года в США.

⁷ Татьяна Алексеевна Николаева (1902—1986) — теща Б. Ф.

6 (25)

Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману

⟨07. 09. 1960; Ленинград⟩

7. IX. 60

Дорогой Юр. Мих.!

В колхозе Вы, что ли? Очень как-то беспокоюсь (можно ли не приезжать еще месяц?!).

Куча просьб к Вам, хотя и совестно отрывая от дел занятого человека.

1. Мне должны перевести на книжку зарпл(ату) за 2-ую пол(овину) августа + отпускные за сент(ябрь) (всего) 2000). Переведите, пожалуйста! Координаты ленингр(адской) сберкассы: сб(еркасса) № 1991/056, адрес: Л(енигра)д, Д-11, Невский 40/42.

Мой счет № 16519.

В Тарту оставьте сотню!

2. Я занимаюсь комм(ентированием) Добр(олюбо)ва,¹ и есть вещи, в кот(о-рых) прошу Вашего совета. В послании к Гречу (Л(итературное) Н(аследство), Белинский, т. III)² Д(обролю)бов язвит, что Греч напрасно не сослался на риторик Кошанского³ и Ломоносова, «как он сам сделал в одной из своих похвальных речей». Кто он? Очевидно, Ломоносов? Я так понял смысл: Греч очень красноречив, используя фигуры из риторик Кош(анского) и Лом(оносо)ва, но, дескать, нужно бы сослаться на первоисточник, как сделал однажды сам Ломоносов.

Я в т. VIII Ломоносова⁴ нашел всего 3 похв(альные) речи: Елизавете, Петру и Екатерине. Единственно, что при просмотре смог косвенно отнести к словам Д(обролю)бова, это — в речи Петру — обещание с помощью красноречия восславить Петра I (VIII, с. 590). Никаких ссылок на «первоисточники» я не нашел. Не знаете ничего подобного?⁵

3. У Д(обролю)бова есть указ(ание), что Муравьев разбил на маневрах Николая I (еще вел(икого) князя?), а за это Ник(олай) его сослал на Кавказ. В комм(ентарии) к довоен(ному) изд(анию) гов(орится), что это — Н. Н. Муравьев, кот(орый) с 1853 г. был наместником Кавказа. Я изучил мемуары М(уравье)ва, и там ни полслова о каких-либо маневрах (хотя он хвастает все время, да и вряд ли он мог «разбивать» на маневрах, т. к. служил по интендантской части. Не знаете ли Вы какого-либо Муравьева другого с подобной судьбой? Или не Муравьева?⁶

Сообщите, пожалуйста!

В порядке общ(ей) нагрузки не взять ли мне философ(ский) семинар? Чтобы Вас разгрузить?

Извините — пишу в электричке, забыл взять чистой бумаги, поэтому пишу на клочке.

Найдич, как я уж писал, сдал рецензию на нас. Нашел в Вашем Анастасевиче штук 30 неверностей при публикации.⁷ К счастью — не включил это. Но Вы — чорт возьми!!!

Я тоже написал на «Нар(одно)сть». Вас в общем хвалю, ругаю за «тяжелый стиль». Других ругаю существеннее.⁸ Приветы и поцелуи!

Всего хорошего!

Б. Е.

Без конверта.

¹ Б. Ф. готовил к печати первый том собрания сочинений Н. А. Добролюбова: *Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1961—1964.

² Речь идет о публикации: *Козьмин Б. П.* «Воскресший Белинский»: Из неизданного литературного наследия Н. А. Добролюбова // Лит. наследство. 1951. Т. 57 (В. Г. Белинский, т. III). С. 7—24.

³ Николай Федорович Кошанский (1784/1785—1831) — профессор словесности в Царско-сельском лицее, автор «Общей реторики» (первое издание: *Общая реторика Н. Кошанского.* СПб., 1829) и «Частной реторики» (первое издание: *Частная реторика Н. Кошанского.* СПб., 1832).

⁴ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. VIII.

⁵ Ю. М. подробно ответил на этот вопрос в письме 10 (29).

⁶ Речь идет о Николае Николаевиче Муравьеве-Карском (1794—1866), наместнике Кавказа (1854—1856). Никаких данных о «разбил на маневрах Николая I» не найдено.

⁷ О рецензии Э. Э. Найдича см. предыдущее письмо, прим. 4.

⁸ Имеется в виду рецензия Б. Ф. на сборник «О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы» (см. прим. 3 к письму 5 (24)), где была опубликована статья Ю. М. (*Лотман Ю. М.* Проблема народности и пути развития литературы преддекабристского периода).

7 (26)

Ю. М. Лотман — Б. Ф. Егорову

⟨17. 09. 1960; Тарту⟩

17. IX.

Тарту.

Б. Ф.!

Привет и пр. У нас жизнь бьет ключом. Меня вернули из колхоза — сейчас там Павел.

Дела:

1) Вам пока выплатили только зарплату (за отпуск еще не было) — 800 с чем-то т. е. 789 р. 69 к. Я перевел Вам 700. На книжке сейчас 191 р. 72 коп. С Вас — 25 р. чл(енских) взносов + 25 р. на похороны Бориса Васильевича¹ (Вы знаете, что он умер?). Итого 50 р. Вернете, когда приедете.

2) Пошла первая корректура сб(орника). Тройчатка сейчас читается Зарой.²

3) Наш I курс упахали днем работать. След(овательно), вм(есто) 28 у них 16 час(ов) в неделю со всеми вытекающими.

4) Срочно надо распределять дипломантов, а я не знаю кого Вы себе облюбовали и вообще что наметили.

Вопросы о журн(алах) XVIII в. и о всякой комментаторской штуке — в след(ующем) письме.

Я начал читать курс теории. Зара и Ленька ходят на все лекции. Жаль, что нет Вас. Блюм³ снова провалил Лиллеметс.⁴ Добрый крошка.

Привет всем вашим.

Ю.

Ишло дело:

Я был у ректора и договорился о Дм(итрии) Евгеньевиче⁵ как руководител(е) Беззубова, но Дм(итрий) Евг(еньевич) прислал мне письмо (очень дружеское и грустное — видимо у него чего-то тяжело на душе*), в кот(ором) от руководства

отказывается — консультировать и давать советы согласен, а официально руководить — нет. Я еще буду ему писать, но хорошо было бы, чтобы и Вы с ним поговорили. Отказ его ставит нас в тяжелое положение. Дм(итрий) Евг(еньевич) пишет, что, по его мнению, руководить могла бы Зара. Это, конечно, невозможно — ее не утвердят. Если же он твердо решил, то лучше бы если бы он написал о Заре ректору, поскольку я передал официальное предложение ректора же. Но, думаю, что это имело бы смысл только с точки зрения укрепления авторитета Зары in abstracto. Что касается до руководства, то ее кандидатура действительно не подходит. Если же Дм(итрий) Евг(еньевич) упрется, поразведайте через Як(ова) Семеновича⁶ о возможной кандидатуре. Бялый?⁷ Но он будет вола вертеть. Хорошо бы Павла Громова.⁸ Он и театром занимается и пр. Но доцент ли он? И кандидат ли?

Вообще помозгуйте.

Беззубову пока отказали (ректор) в комнате в общежитии, и он с женой и ребенком пребывает на воздухах. Ищет помещение в наем, и тоже нет. Пребывает в понятной мрачности.

У нас тут еще кое-какие события, но все мелочь, лениво плывут как навоз весной по реке.

Приветик.

* догадка не для передачи Дм(итрию) Евг(еньевичу).

Без конверта.

¹ Борис Васильевич Правдин (1887—1960) — доцент кафедры русской литературы ТГУ, зав. кафедрой в 1950—1954 годах.

² Речь идет о Трудах III (выйдут в конце 1960 года). «Тройчатка» — совместная статья Ю. М., Б. Ф. и З. Г.: *Лотман Ю. М., Егоров Б. Ф., Минц З. Г.* Основные этапы развития русского реализма // Учен. зап. ТГУ. 1960. Вып. 98. С. 3—23 (Труды III).

³ Рэм Наумович Блюм (1925—1989) — философ (окончил ЛГУ в 1950 году), с 1951 года преподаватель ТГУ; затем доцент, профессор, активный участник Народного фронта Эстонии.

⁴ Айно Лиллеметс (Aino Lillemets, род. 1936) — студентка ТГУ; была исключена якобы за неуспеваемость, а реально — за религиозные убеждения.

⁵ Дмитрий Евгеньевич Максимов (1904—1987) — известный специалист по русской литературе XX века, доцент ЛГУ, позднее — профессор, один из организаторов Блоковских конференций в ТГУ, руководил кандидатской диссертацией В. И. Беззубова. О нем см., в частности: *Куприяновский П. В.* Д. Е. Максимов — исследователь русской поэзии // Учен. зап. ТГУ. 1989. Вып. 857. С. 3—10 (Биография и творчество в русской культуре начала XX века: Блоковский сборник IX: Памяти Д. Е. Максимова); *Каменская В. А., Минц З. Г.* Первый блоковский: (Диалог-воспоминания) // Там же. С. 11—21; *Топоров В. Н.* Стихи Ивана Игнатова: Представление читателю // Там же. С. 22—43; Егоров Б. Ф. К столетию Д. Е. Максимова. Из переписки Д. Е. Максимова с Ю. М. Лотманом и З. Г. Минц // Звезда. 2004. № 12. С. 110—144.

⁶ Яков Семенович Билинкис (1926—2001) — литературовед; будучи кандидатом филологических наук, преподавал в ТГУ в 1953—1955 годах. Позднее — профессор ЛГПИ.

⁷ Григорий Абрамович Бялый (1905—1987) — литературовед, профессор ЛГУ.

⁸ Павел Петрович Громов (1914—1982) — критик, литературовед, кандидат филологических наук.

8 (27)

Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману

⟨20. 09. 1960; Ленинград⟩

Дорогой Юр-Мих!

Получил я молчаливые 700 р. (за кои большое спасибо!) и уже собирался отвечать Вам: «письмо, где Вы просите у меня 1000 руб., я не получал!»¹ — т. к. у меня закрадывались грешные мысли об остальной сумме. Но, видимо, Вы мужественно сидите на безденежье, т. к. — честное купеческое слово² — к не своим деньгам питаете почтение, судя по письму.

Деньги очень нужны, поэтому, пожалуйста, посмотрите еще раз — неужели до сих пор не перевели?! Тогда очень прошу узнать в расчет(ном) отделе — в чем дело?

А все с меня причитающееся — пожалуйста, возьмите сейчас, а то забудем(-ду?)!

Дипломантов я на этот год не планировал. Ведь там нет 60-ников!³ А руководить по др(угим эпохам) — ни малейшего желания. Да Вы посмотрите по расчетам (личным) на этот год — там точно запланировано, кому — сколько. (У меня м(ожет) б(ыть) заочники будут; есть уже Владимирова). Я ведь в мае много потрудился над расчетом на Новый уч(ебный) год.

Страшно рад за корректуру.⁴ Дай бог ей идти без задержки, чтобы на титуле успело стоять «1960» — иначе будут вопить, что в один год — 2 сборника⁵ и т. п. Не задерживайте, пожалуйста.

Т. к. я приеду 15—20. X, то — коли придет моя корр(ектура) — сообразуйтесь с этим: высылать или ждать. Но Ваш многотомный Вяземский м(ожет) б(ыть) пройдет недель 7—8!!⁶

О Вал(ерии) Ив(ановиче) переговорю и с Дм(итрием) Е(вгеньевичем) и — если нужно — с Бялым (Громов вряд ли будет утвержден Москвой, хотя он и кандидат).⁷

Вышел новый том «У(ченых) з(аписок) ЛГУ», где статья некоего Х. Шмидта об А. Тургеневе,⁸ и через каждые два слова поминает Вас, демократ⁹ эдакий! Мак(огоненко)¹⁰ просил через Лид(ию) Мих(айловну)¹¹ об Вашем оппонентстве на защите какого-то немца (наверное, этого). Поддержите демократа!

Дочка Эйхенбаума продает биб(лиоте)ку. Я набрал сотни на три. Осталось еще много пушкинианы и о дек(абри)стах. Хорошо бы Вам тоже просмотреть.¹² Она Вас знает.

Я тружусь в поте лица над Д(обролю)бовым. К 1. X, конечно, не успею, но к 15-му очень хочу — иначе уж дольше оттягивать Тарту не удобно.

Видел на днях неск(олько) тартуских снов.

Жду от Вас капиталов, как хлеба насущного (закатил веранду — нужно расплачиваться).

Не знаю, есть ли у Вас запись данных о сбер(кассе). Повторяю, на всякий случай. Запишите, пожалуйста —

Сб(еркасса) 1991/056 (Л(енингра)д, Д-11, Невский 40/42) мой счет № 16519.

Приветы и поцелуи!

Всем домочадцам, всем кафедрам, Дине Бор(исовне) — и вообще!..

20. IX. 60

Б. Е.

И коммент(аторские) штуки¹³ — ответьте, пожалуйста.

Без конверта.

¹ Б. Ф. вспоминает популярный анекдот о совсем другой ситуации.

² Намек на аналогичную реплику Вожеватова в пьесе А. Н. Островского «Бесприданница» (1879).

³ Т. е. студентов, занимающихся русской литературой 1860-х годов.

⁴ Речь идет о корректуре Трудов III.

⁵ Некоторые университетские круги были недовольны активной научной деятельностью кафедры русской литературы и могли бы препятствовать появлению в одном году сразу двух сборников.

⁶ Речь идет о статье: Лотман Ю. М. П. А. Вяземский и движение декабристов // Учен. зап. ТГУ. 1960. Вып. 98. С. 24—142 (Труды III).

⁷ В ТГУ в 1960-х годах не было Ученого совета по защитах кандидатских диссертаций по русской филологии, вся надежда была на ЛГУ (см. в письмах Б. Ф. о трудных переговорах в поисках официальных оппонентов для диссертации С. Г. Исакова). В связи с работой В. И. Беззубова над кандидатской диссертацией встал вопрос о научном руководителе в стенах ЛГУ. Прекрасным специалистом по русской литературе начала XX века являлся университетский учи-

тель З. Г. — Д. Е. Максимов, но, занятый своей собственной докторской диссертацией, он долгое время отказывался. Поэтому и появились имена профессора ЛГУ Г. А. Бялого и П. П. Громова. Однако после длительных переговоров Д. Е. Максимов дал согласие на руководство диссертацией В. И. Беззубова.

⁸ См.: Шмидт Х. Эстетические взгляды Андрея Тургенева // Учен. зап. ЛГУ. 1960. Вып. 295. С. 35—54 (Серия филологических наук. 58). Андрей Иванович Тургенев (1781—1803) — рано умерший литератор, объект постоянного внимания Ю. М.

⁹ Демократ — шуточный термин, означающий хорошего человека. Его ввел в оборот Ю. М., рассказывая, что в их воинской части так называли полковника, доброжелательно относившегося к солдатам.

¹⁰ Георгий Пантелеймонович Макогоненко (1912—1986) — литературовед, профессор ЛГУ.

¹¹ Лидия Михайловна Лотман (1917—2011) — литературовед, доктор филологических наук, научный сотрудник ИРЛИ, сестра Ю. М.

¹² Ольга Борисовна Эйхенбаум (1912—1999) распродавала прекрасную библиотеку отца. Неизвестно, приобрел ли Ю. М. какие-либо книги из этого собрания.

¹³ См. об этом письма 6 (25) и 10 (29).

9 (28)

Ю. М. Лотман — Б. Ф. Егорову

(21. 09. 1960; Тарту)

21 сентября 1960 г.

Б. Ф!

Договорились ли Вы с Путиловым?¹ Лаугасте² продл(ил) срок до нового года, но надо это организовать обязательно.³ Напом(инаю) тему — «Русские богатыри-крестьяне». Если не Путилов, то Жирмунский?⁴ Лучше Путилов. (Или К. Чистов?⁵)

Относительно денег Вам за отпуск — еще не узнал (кручусь как белка) — сегодня буду в с(бер)кассе и переведу всю сумму.

Вообще дел нет, а толчеи много.

Когда Вы будете в Тарту?

Приветик всем Вашим.

21. IX. 60.

Ю. Лотман

Я за Вас уплатил членские взносы и 35 р. на похороны Бориса Васильевича.⁶

Молитесь, взвеш(ивайте?), платите!

На конверте нет адреса получателя и отправителя; видимо, письмо было передано с оказией.

¹ Борис Николаевич Путилов (1919—1997) — фольклорист, доктор филологических наук, научный сотрудник Института этнографии АН СССР.

² Эдуард Лаугасте (Eduard Laugaste, 1909—1994) — фольклорист, преподаватель кафедры эстонской литературы и фольклора ТГУ, профессор (с 1973 года), председатель факультетской редколлегии. В 1951—1954, 1967—1971 годах — декан историко-филологического факультета.

³ Неизвестно, о чем идет речь: о конференции по фольклору или о сборнике; согласно следующему письму, эту тему взяла А. М. Астахова (о ней см. прим. 9 к письму 10 (29)).

⁴ Виктор Максимович Жирмунский (1891—1971) — филолог, академик с 1966 года.

⁵ Кирилл Васильевич Чистов (1919—2007) — фольклорист, доктор исторических наук (1966), член-корреспондент АН СССР (1981).

⁶ Имеется в виду Борис Васильевич Правдин, см. письмо 7.

10 (29)

Ю. М. Лотман — Б. Ф. Егорову

⟨26. 09. 1960; Тарту⟩

Б. Ф!

I. В «Воскресшем Белинском». ¹

«...как он сам делал в одном из своих похвальных слов».

«Слово благодарственное всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Елисавете Петровне самодержице Всероссийской, на торжественной инаугурации Санктпетербургского Университета говоренное 1760 года»* — неоконченная речь Ломоносова, при жизни не публиковалась (впервые в 1804 г.,² потом входила в собрания сочинений, в частности в смирдинское «Полное собр(ание) соч(инений) русских авторов», которым, вероятно, пользовался Добролюбов (т. I—III, 1847, тома II—III переизданы в 1850)³ (хорошо бы проверить по его реестрам!). Ломоносов не окончил этой речи, в ряде мест для себя отметив лишь ссылки на риторические фигуры, которые нужно будет добавить в дальнейшем. Например, против слов: «Коль великое, коль безопасное, коль постоянное добро от монаршей щедрости мы получили!» — на полях поставил: «NB. Риторика для изображения радости(») (Полн. собр. соч., Изд. АН СССР, М.; Л., 1959, т. VIII, стр. 677). Далее характеристика мира: «Что он? не подобие ли ея (Елизаветы. — Ю. Л.) кроткия души? Не обилие ли, произращение разума, питаемого летом ея кротости? Vide Rhet. (Смотри Риторику); § 242 и протч.(») (там же, стр. 679). И далее: «Смотри как сделать Licentiam Conditionale(m) (условную вольность)(») (там же, стр. 679—80).

В комментарии к VIII т. приведены соответств(ующие) §§ из Риторики Ломоносова.

II. Павел передал устно вопрос, который я запомнил так: были ли поздние масонские московские журналы «Вечерняя заря» (1782—1783) и «Покоящийся трудолюбец» (1784—1785) антиновиковскими или новиковскими?⁴

Макогон доказывает, что в 80-е гг. эти журналы издавал Шварц⁵ (злокозненный масон!), а Новиков⁶ издавал «Московское издание» (1781) и «Прибавление к Московским ведомостям» (1783—84) (добронравный просветитель).⁷ На мой взгляд (и на самом деле!), это все *мура* — журналы масонские и новиковские — *все*. Это не антитеза. Издавались «Веч(ерняя) Заря» и «Трудолюбец» силами московск(их) студентов под общей эгидой масонов, в том числе и Новикова.

Кажется все?

Деньги я Вам перевел еще — получили? Беркову⁸ не послал, ибо хотел передать лично (при встрече так и скажите — нечего на меня «мораль наводить»!)

За Астахову⁹ — спасибо, скажу Лаугасте.

Кстати, об опечатках в Анастасевиче. Можете сказать Найдичу, что он проверял не по рукописи, конечно, которая в Москве, а по публикации Брискмана, где тоже многое наврано. — У меня есть неточности, но половина моих расхождений с ним — за счет *его* ошибок (а половина — скромно улыбаясь — за мой счет).¹⁰

В нашу толстовскую конференцию¹¹ — еще один доклад (кроме Пугачева¹²) — Маймин,¹³ из Пскова (с одного курса со мною, умный малый) — «Пушкин и Толстой».

Я здесь барахтаюсь во взбаламученном море органических остатков, но читаю курс «Теории», где крою напролом. Ленька и Зара ходят на каждую лекцию (хвала Ленькиной незлобивости, я бы ни за что не ходил!), Зара все стенографирует¹⁴ — переверну науку!

Вам не икалось? А то я здесь составлял годовой отчет о работе кафедры за 1959/60 учебный год. Очень благодарил Вас, моего друга и высокого покровителя, за то, что подкинули эту работенку мне. Теперь требуют тезисов на общевуниверситетскую конференцию¹⁵ (м..., м..., м...!!! А где взять?). Правдин¹⁶ за Вас, кажется, представил (он в отпуску, лечится от пьянства, но бывает в Ülikool'ях¹⁷), а за меня? А Павел смотался из колхоза в Питер, не задержавшись в Тарту, а евойный доклад в плане, а..., а..., а...???

Прах Вас всех побери! А тут требуют текст лекции для радио, отчеты и планы несть числа, докладчика в Кал(л)асте,¹⁸ а все в разгоне (даже Кильк в колхозе), тьфу!

Тарту,
26. IX,
час ночи.

Приветик!

* Так наз(ываемый) «Академический университет», который просуществовал недолго, формально до 1796 г., фактически угас раньше. См. Д. А. Толстой. Академический Университет в XVIII столетии, Приложение к тому LI, Записок Императорской) АН, № 3, СПб., 1885.

Без конверта.

¹ «Анастасий Белинский» — так подписал Н. А. Добролюбов публицистическое письмо к Н. И. Гречу (1855), написанное в духе письма Белинского к Гоголю. Анастасий (Ἀναστάσιος) — воскресший (греч.).

Здесь, ниже, а также в письмах 12 (31) и 13 (32) Ю. М. отвечает на вопросы Б. Ф. по поводу комментирования текстов Добролюбова (см. письма Б. Ф. 6 (25) и 11 (30)). Б. Ф. благодарно использовал указания Ю. М.

² Ломоносов М. В. Слово благодарственное Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на торжественной инаугурации Санктпетербургскаго Университета говоренное 1760 года // Друг просвещения: Журнал литературы, наук и художеств. М., 1804. Ч. I. С. 42—52.

³ Имеются в виду издания: Сочинения Ломоносова: В 3 т. СПб., 1847 (Полное собрание сочинений русских авторов); Сочинения Ломоносова: Т. 2—3. 2-е изд. СПб., 1850 (Полное собрание сочинений русских авторов).

⁴ Разрешение этой проблемы было нужно Б. Ф. для комментирования статьи Добролюбова «Собеседник любителей российского слова» (1856).

⁵ Иван Григорьевич Шварц (1751—1784) — профессор философии Московского университета, писатель-мистик и видный масон, близкий друг Н. И. Новикова.

⁶ Николай Иванович Новиков (1744—1818) — писатель, журналист, книгоиздатель.

⁷ Г. П. Макогоненко в книге «Николай Новиков и русское просвещение XVIII века» (М.; Л., 1951) стремился отделить Новикова от масонов, противопоставить его им.

⁸ Павел Наумович Берков (1896—1969) — литературовед, книговед, библиограф, профессор ЛГУ, научный сотрудник ИРЛИ, член-корреспондент АН СССР (1960).

⁹ Анна Михайловна Астахова (1886—1971) — фольклорист, научный сотрудник ИРЛИ, доктор филологических наук.

¹⁰ Очевидно, Э. Э. Найдич говорил об опечатках устно, еще до публикации рецензии (см. прим. 4 к письму 5 (24) и письмо 6 (25)), где будет сказано лишь о пропуске у Ю. М. одного предложения в тексте Анастасевича (15 слов).

¹¹ Кафедра русской литературы ТГУ организовала 26—28 ноября 1960 года конференцию, посвященную 50-летию со дня смерти Л. Н. Толстого, куда были приглашены коллеги из других городов.

¹² Владимир Владимирович Пугачев (1923—1998) — историк, профессор Горьковского университета, затем Саратовского экономического института.

¹³ Евгений Александрович Маймин (1921—1997) — историк русской литературы, окончил филологический факультет ЛГУ (1950), профессор Псковского педагогического института. См. о нем: Егоров Б. Ф. Е. А. Маймин как тип русского интеллигента // Слово и образ: К 75-летию Е. А. Маймина. Псков, 1996. С. 21—25; переизд. в: Егоров Б. Ф. Структурализм. Русская поэзия. Воспоминания. С. 442—446.

¹⁴ Только что в архиве Ю. М. Лотмана найдены план лекций рукой Ю. М. и их конспекты рукой З. Г. (сентябрь—декабрь 1960 года).

¹⁵ Вероятно, имеется в виду Юбилейная научная конференция, посвященная 20-летию ЭССР и проходившая 24—25 октября 1960 года. Ю. М. выступил на ней с докладом «Современные проблемы изучения „Слова о полку Игореве“», Б. Ф. — с сообщением «Кафедра русской литературы ТГУ за период 1940—1960 годов»; третьим выступавшим от кафедры был В. Адамс.

¹⁶ Анатолий Борисович Правдин (1927—1969) — доцент кафедры русского языка ТГУ, зав. кафедрой (1956—1963), сын Б. В. Правдина.

¹⁷ Университет (эст.).

¹⁸ Калласте — поселок на берегу Чудского озера, жители которого в основном русские; очевидно, нужно было читать какую-то просветительскую лекцию.

11 (30)

Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману

(29. 09. 1960; Ленинград)

29. IX. 60

Юр. Мих!

Еще атакую Вас вопросами:

1. Откуда каламбуры: «Сколько зла-то от злата!», «Моего гнева не залить Невой. — Не вой, дружище, не вой!»

2. Откуда стих:

«Каким-то демоном внушаем»?¹

Очень бы хотелось получить ответы и на предыд(ущие) вопросы. Но если что не знаете сразу, то не шарьте и не откладывайте — прямо скажите, по-стариковски!

Теперь дело, о котором просил Вл(адимир) Ив(анович) Малышев.² 3-го исполняется 60-летие (и 35-летие науч(ной) деятельности) Льва Мих(айлови)ча Добровольского.³

Подайте, пожалуйста, телеграмму от имени кафедры, с перечислением всех имен. Только не забудьте! Адрес — Пуш(кинский) Дом (В2-64, наб. Макарова 4).

Видел, вернее, гов(орил) по телефону с Павлом. Но он, к сож(алению), ничего не знает: как асп(иранту)ра Беззубова, как кв(арти)ра его? Как корректура?⁴ Адамс что-то говорил о приостановке печатания до нового проректора.⁵ Верно? Очень неприятно, если так.

Я стал видеть конец Добролюбова. Надеюсь к 15—17 кончить и сразу прыгнуть в Тарту.

Интересно, перевели ли деньги? Я давно не был в сбер(кассе). Если да — то спасибо.

Приветы и поцелуи!

Б. Е.

Скажите Сергею, что статьи Шелгунова, о кот(орой) он спрашивал, в архиве ИРЛИ — нет.⁶ Более детальные розыски сейчас не могу делать, ни секунды свободной.

Соня была у Ваших. Викт(ория) Мих(айловна) уже гуляет на улице, вообще у них все в порядке.

Без конверта. На обороте последней страницы — надпись: «Его Высокоблагородию Экстраординарному (= из ряда вон выходящему; = свалившемуся с катушек) доценту Ю. М. Лотману в несобственном доме».

¹ См. ответ Ю. М. в следующем письме.

² Владимир Иванович Малышев (1910—1976) — литературовед, основатель Древлекхранилища ИРЛИ, доктор филологических наук.

³ Лев Михайлович Добровольский (1900—1963) — библиограф, историк русской литературы, научный сотрудник ИРЛИ с 1933 года.

⁴ Речь идет о Трудах III.

⁵ Йоханнес Таммеорг (Johannes Tammeorg, 1918—1986) — доцент кафедры фармакологии, в 1960—1974 годах — проректор ТГУ по научной работе.

⁶ Подготавливая монографию «Остзейский вопрос в русской печати 1860-х годов» (Учен. зап. ТГУ. 1961. Вып. 107), С. Г. Исаков заинтересовался изложением запрещенной цензурой статьи известного публициста Н. В. Шелгунова (1824—1891) о положении в Прибалтике (в деле Главного управления по делам печати), однако текст самой статьи так и не удалось найти.

12 (31)

Ю. М. Лотман — Б. Ф. Егорову

⟨04. 10. 1960; Тарту⟩

4. X. 60 Выбранные места из переписки...¹

1) «Когда ж о честности высокой говорит —

Каким-то демоном внушаем»

— из монолога Репетилова (Горе от ума).²

2) Откуда каламбуры — не знаю, слышу в первый раз.

3) Вал(ерий) Иванович прошел по приказу, руководителем — Дм(итрий) Евг(еньевич). При случае уговорите его согласиться — я ему уже писал слезно, Зара — тоже. Изъясните, что нам для кафедры будет большой удар, если для первого нашего дипломанта начнется волынка с отысканием руководителя. Так что пусть страждет «за други своя». Вал(ерий) Иванович после долгих мучений, которые его извели на-нет, нашел комнату (частную, 125 р. в м(еся)ц, + его дрова), сегодня в первый раз за все время улыбнулся, а то ходил мрачный как туча, ведя за руку сияющего Антошу (его некуда девать, и он его повсюду водит за собой).

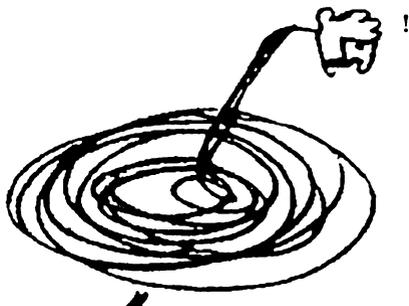
4) Насчет корректуры Адамс, как всегда, чтой-то плетет: корректура идет и дошла уже до Сергея. Ей-богу, в ноябре выпустим³ — держись, Европа!

5) В смысле отчета, так это вы (и со с Кильком по неопытности явно... Отчета он не нашел у себя, равно как и я без него. А, вытаращив глаза, лишь твердит «nies ne ma!»⁴

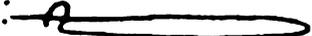

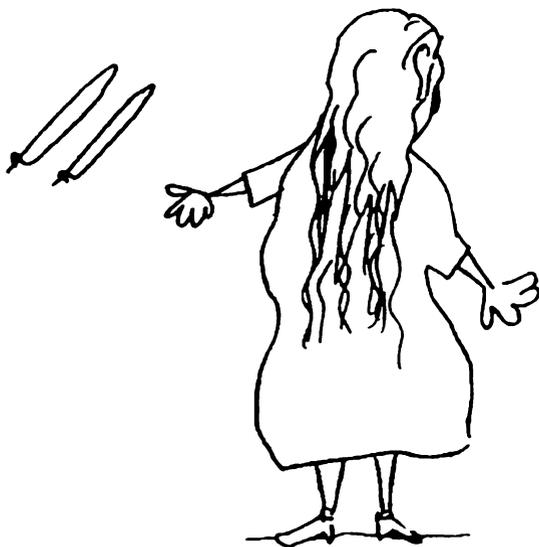
6) Толстовская сессия будет — ух! (кроме Пугачева и Билинкиса — из Пскова Жена Маймин — умный паренек с моего курса — с докладом «Толстой и Пушкин(»)».⁵

7) Я закрутился

И ничто спасти меня уже не может.⁶

8) Поручения: Купите мне 1 кг. сухого рыбьего корма (дафна), а Заре 100² <sic!> шт<ук> дамских закрывающихся заколок вот таких: , а то она ходит так:

Спасите крошку.

8^a) Мы (т. е. Я) обратились к Яшину с просьбой написать в наш сб<орник> лит<ературные> мемуары.⁷

Данные о V конгр<ессе> я послал, но надежд не питаю.⁸

У нас начинаются заочные защиты и вся с ними связанная муть.

9) Чем объясняет Ямпол⁹ отсутствие корректуры? Меня это огорчает.¹⁰

Без Вас в Тарту скучно и грустно.¹¹ Я читаю курс лекций по теории литературы, который мне очень нравится. По этому поводу я начинаю считать сам себя демократом. Привет Вашим.

Ю.

Без конверта.

¹ Использовано начало заглавия книги Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847).

² Действие IV, явление 4.

³ См. предыдущее письмо, прим. 4.

⁴ Ничего нет! (польск.).

⁵ См. прим. 11 к письму 10 (29).

⁶ По словам Ю. М. (как их помнит Б. Ф.), это цитата из какой-то драмы Н. В. Кукольника.

⁷ В 1960 году в Тарту, с выступлением в университете, приезжала группа русских писателей; среди них был и Александр Яковлевич Яшин (1913—1968), которого тогда громила партийная печать, обвиняя в клевете на советскую действительность (за великолепный рассказ «Рычаги»). Тартуанцы познакомились с ним, выражали сочувствие, предлагали поселиться на какое-то время в Тарту. А позднее, как видно, Ю. М. еще раз обратился к нему с просьбой о мемуарах: тартуанцы хотели оживить «Ученые записки», обильно публикуя мемуары и письма современных писателей. К сожалению, Яшин не откликнулся на предложение.

⁸ V Конгресс славистов состоялся в Софии (Болгария) в сентябре 1963 года. Как и на другие зарубежные конгрессы, Ю. М. не был туда допущен.

⁹ Ямпол — Исаак Григорьевич Ямпольский (1902/1903—1992), литературовед, профессор ЛГУ.

¹⁰ В Ленинграде в Малой серии «Библиотеки поэта» печаталась книга, подготовленная Ю. М.: Поэты начала XIX века / Вступ. статья, подг. текста и прим. Ю. М. Лотмана. Л., 1961. И. Г. Ямпольский был тогда заместителем главного редактора «Библиотеки поэта».

¹¹ Аллюзия на стихотворение М. Ю. Лермонтова «И скучно и грустно, и некому руку подать...» (1840).

13 (32)

Ю. М. Лотман — Б. Ф. Егорову

〈06. 10. 1960; Тарту〉

6. X. 60.

Б. Ф.!

Жизнь бьет ключом!.....м..., м....м.....!!!!!! Пярль¹ вернул нам расчет нагрузки — всем кафедрам приказ: повысить нагрузку, экз(амены) — 20 мин(ут), зачет — 15, срезали консультации на заочн(ом), вычеркнули госэкз(амены) из нагрузки и приемные тоже (.....!!!). В результате — перерасчет. Пришлось Вам добавлять — как и всем. Не зная, чем заменить 100 ч гос(ударственных) экз(аменов), я дал вам руководство фольклорной практикой — это дает за две недели 72 часа (практику можно провести или в начале, или в конце летнего отпуска студентов). Но ежели вы против, то заменим чем-либо равнозначным на з(аочном) о(тделении). Вообще был денек — всем пересчитывать и добавлять.

«Невозмо век носить личин... и т. д.» «Вельможа» Державина.

Карамзин говорил о популярности романов несколько раз. Наиболее подробно — в статье «О книжной торговле и любви ко чтению в России» (В(естник) Европы, 1802, IX, 57).

Зд(есь) читаем: «Любопытный пожелает, может быть, знать, какого роду книги у нас более всего расходятся? Я спрашивал о том у многих книгопродавцев, и все, не задумавшись, отвечали: „романы!“» (Карамзин, Сочинения, изд(ание) А. Смирдина, 1848, т. III, стр. 547).

Пушкин — думаю, что имеется в виду место из Е(вгения) О(негина) (гл. III, строфы IX—XIV).

Вообще, замотался, устал (работаю только ночами, весь день пропадает, а лекции теперь с 8⁰⁰) и твердо убежден, что кафедра в ближайшее время процветет под моим бодрым руководством.

Привет от Зары — и от меня — всем Вашим.

Ю. Л.

С Адамсом ругаемся и миримся.

Примирился ли Дм(итрий) Евг(еньевич) со своим назначением? Умáсите и умастите.

Адрес: «Ленинград, К-37, Озерковский (проспект) 14, Борису Федоровичу Егорову». Адрес отправителя: «Тарту, Лоотусе 13-9, Ю. Лотману». Штемпель Тарту: 7. 10. 60. Штемпель Ленинграда: 10. 10. 60.

¹ Андрес Пярль (Andres Pärli; 1903—1991) — доцент ТГУ, заведующий кафедрой логики и психологии, в 1955—1962 годах декан историко-филологического факультета; один из эстонских коллег, которые помогали сотрудникам кафедры русской литературы в их педагогической и научной деятельности.

14 (33)

Ю. М. Лотман и З. Г. Минц — Б. Ф. Егорову

〈10. 11. 1960; Тарту〉

10. XI. 60.

Б. Ф.!

Получили ли Вы корректуру?¹ Гоните ее. С беззубовской полставкой дело утрясается. В(олодинь)ка² ему безропотно отдал все заочное, но приказа еще нет.

Да, дело: купите мне 2—3 экз(емпляра) Мерзлякова³ (в Лавке писателя, библи(отека) поэта), [и 2 экз(емпляра) «народности»] — деньги сразу в Тарту или могу выслать.

Приветик.

Ю. Лотман

Приветик! Привет Соне, Т(атьяне) А(лексеевне), Таньке! Юрка совсем зашился.

З.

Почтовая карточка. Адрес: «Ленинград, Озерки Озерковский (проспект) 14 Б. Ф. Егорову». Адрес отправителя: «Тарту, Эст(онская) ССР, Лоотусе 13-9 Лотман». Штемпель Тарту: 11. 11. 60. Штемпель Ленинграда: 14. 11. 60.

¹ Корректурa Трудов IV, где будут опубликованы три статьи и сообщение Б. Ф.: Аполлон Григорьев — критик: Статья 2 // Учен. зап. ТГУ. 1961. Вып. 104. С. 58—83; М. Л. Михайлов — критик // Там же. С. 84—104; О трех анонимных статьях «Современника» (1857, № 10) // Там же. С. 291—292; Хроника научной работы кафедры русской литературы за 1960 г. // Там же. С. 379.

² Шутливое прозвище В. Т. Адамса. Так его называла жена — Лейда Юрьевна Алексеева (1906—1987).

³ Ю. М. издал в Большой серии «Библиотеки поэта» книгу: Мерзляков А. Ф. Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и прим. Ю. М. Лотмана. Л., 1958.

15 (34)

Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману

〈10. 11. 1960; Ленинград〉

10. XI. 60

Привет, ЮрМих!

С удовольствием узнал, что В(алерию) И(вановичу) — 1/2!

Слава богу! До чего не хотелось мне брать!!!¹

Спасибо за оперативную корректуру.² Только Вы предупредили об 1 стр. в начале, а я еще не вижу конца. Или его и не было? Если окажется, то пришлете или сами проверите? Мне бы, конечно, приятнее самому.

Похвалите меня за оперативность: вчера в 6 вечера Соня привезла от Вашей сестры корректуру, а в 1 ночи она уже была готова! Вот как!

Раскладываю по-немногу библиотеку³ и обнаруживаю разные пропажи. В частности, не у Вас ли остался мой «Науч(ный) ежегодник Саратов(ского) Г(осударственного) У(ниверситета) на 1954 г.»? Зато у меня оказался Ваш оттиск «Науч(ного) еж(егодни)ка СГУ на 1955 г.»!

Вы занимаетесь кибернетикой, а меня что-то охватила страсть собирать открытки с видами городов. С ума схожу, видно. Стал посетителем Вашего питерского соседа — магазина коллекций и, наверное, скоро, как старый пенсионер, запишусь в Общество к(оллекционе)ров.

Приветы и поцелуи!

Б. Е.

Заре — большое спасибо за проверку начала статьи.

Не забыли ли о гостинице для Билинкиса, Пугачева, Маймина, таллинских гостей и проч.?⁴

Рейсер сказал, что утвержденный недавно ВАК'ом Машинский защищал докт(ор)скую в виде комплекта оттисков. Где справедливость?!?⁵

Без конверта.

¹ После многочисленных просьб ректор выделил кафедре 1/2 ставки преподавателя, которые были использованы для зачисления в штат В. И. Беззубова. На предварительном этапе, вероятно, возникла идея о передаче этой полставки Б. Ф., который ранее ради интенсивной научной работы в 1960 году уже перешел на полставки.

² См. предыдущее письмо, прим. 1.

³ Купив в 1958 году полдома в Озерках (окраина Ленинграда), Б. Ф. постепенно перевозил туда из Тарту книги разрастающейся библиотеки.

⁴ См. прим. 11 к письму 10 (29).

⁵ По негласным правилам ВАКа (Высшей аттестационной комиссии) диссертация представлялась в виде отдельного сочинения, но в исключительных случаях разрешалось защищать комплект отдельных работ. Семен Иосифович Машинский (1914—1978) — литературовед, профессор Литературного института им. А. М. Горького (Москва).

16 (35)

Ю. М. Лотман и З. Г. Минц — Б. Ф. Егорову

⟨15. 11. 1960; Тарту⟩

Б. Ф.!

Дела таковы:

1) В(алерия) И(вановича) утвердили на 1/2 ставки. Сегодня пришел приказ и сегодня мы весь день пили (ему 650 как аспиранту) и 600 р. на полставки).

2) Сегодня пришло утвержд(ение) почасовой на Тамарченок. Утвердили все, ибо: мы дали часов на 200—400 лишних (госэкс(амены) + приемн(ые)), их срезали, и в результате Тамарченкам утвердили то, что мы составляли — Григор(ию) Евс(еевичу) 710 час(ов) на 10.265 р., Анне Вл(адимировне) 711 час(ов) на 11.326 рубл(ей) (прилагаю, передайте). Это очень хорошо, ибо всем срезали, и я торговался с Сильдмяз¹ как на ярмарке мой прадед.

3) Фельдбах² отдал Беззубову, не икнув, все заочное, т(аким) о(бразом,) В(алерий) И(ванович) будет занят 2 месяца в году — хорошо для работы.

4) Сегодня получили корректуру до конца. Ваш хвост мы проверим сами, чтобы не задерживать, хотя дел невпроворот.

5) Передайте Павлу, что деньги выслал, писать, ей богу, нет времени, сейчас три ночи. Павке поцелуй от меня и Зары, Дина болеет, и вообще у них в доме наэлектризованно. [⟨Приписка З. Г.:⟩ Увы, очень и очень!]

6) Альтоа³ защитил докторскую. [⟨Приписка З. Г.:⟩ Среди оппонентов не было ни одного литературоведа.]

7) Лаугасте ушел на 6 мес⟨яцев⟩ в декретный отпуск (рожает докторскую). Редактор — Клейс,⁴ и мы ему будем сдавать том!.. [⟨Приписка З. Г.:⟩ Вот теперь можно будет и вашу переписку с Юрой опубликовать. Спешите ответить!]

8) У нас вчера был философский сем⟨инар⟩, на котором была проверяющая Аулинг⁵ (жена Аулинга⁶). Адамс, приняв ее за студентку, понес такое [⟨Приписка З. Г.:⟩ О да!!], что я его останавливал пиханием и заушатиными. К счастью, она, кажется, проспала. Теперь Адамс провожает меня на всех моих путях, как в прошлом году Вас.

9) Очень без Вас скучно. [⟨Приписка З. Г.:⟩ И я тоже скучаю. Подлец неблагоприятный!!!]

Привет Соне, по которой я тоже очень скучаю, Тане [⟨Приписка З. Г.:⟩ Как Танька в I четв⟨ерти⟩? Мишка — неожиданно хорошо.] и Т⟨атьяне⟩ А⟨лексеевне⟩.

15. XI. 60.

Ю.

⟨Далее текст З. Г.⟩

Приветы! В № 11 «Звезды» — моя рецензия на Полонскую,⁷ крещеная и обреченная! Юркина «поэзия»⁸ прошла II корректуру, но срезали Мещевского,⁹ и он оч⟨ень⟩ огорчен.

Всем приветы, женск⟨ой⟩ половине — поцелуй, а ты и так проживешь.

Адрес: «Ленинград, К-37 Озерки, Озерковский (проспект) д. 14 Борису Федоровичу Егорову». Адрес отправителя: «Тарту, Лоотусе 13, кв. 9 Ю. Лотман». Штемпель Тарту: 15. 11. 60. Штемпель Ленинграда: 17. 11. 60.

¹ Юло Сильдмэя (Ülo Sildmäe, 1922—1991) — юрист, историк экономики, профессор (1970), проректор ТГУ по учебной работе (1953—1961), декан юридического факультета (1961—1974); руководитель лаборатории искусственного интеллекта.

² Йоханнес (Иван Александрович) Фельдбах (Johannes Feldbach, 1902—1972) — преподаватель русского языка и литературы ТГУ.

³ Виллем Альтоа (Villem Altoa, 1898—1975) — доцент, с 1963 года профессор кафедры эстонской литературы ТГУ.

⁴ Рихард Клейс (Richard Kleis, 1896—1982) — филолог-античник, доцент ТГУ.

⁵ Эви Аулинг (Eevi Auling; урожд. Haljasmäe, род. 1923) — выпускница отделения русского языка и литературы ТГУ (1951); с 1952 года — преподаватель Эстонской сельскохозяйственной академии.

⁶ Раймонд Аулинг (Raimond Auling, 1920—1979) — выпускник юридического факультета ТГУ (1950), окончил аспирантуру ЛГУ (1953), преподаватель ТГУ; в 1954—1957 годах редактор газеты ТГУ, в 1963—1979 годах директор Центрального государственного исторического архива ЭССР (Тарту).

⁷ Елизавета Григорьевна Полонская (урожд. Мовшенсон, 1890—1969) — русская поэтесса и переводчица, член литературного кружка «Серрапионовы братья»; работала также журналистом. Имеется в виду рецензия З. Г. на ее книгу: *Минц З. Г.* [Рец. на кн.: *Полонская Е.* Стихотворения и поэма. Л., 1960] // *Звезда*. 1960. № 11. С. 217—218.

⁸ Имеется в виду издание: *Поэты начала XIX века*.

⁹ Александр Иванович Мещевский (1791—1820?) — поэт, близкий к литературной группе «Арзамас». В указанном издании его действительно нет; несколько его стихотворений изданы в *Трудах IV (Лотман Ю. М. Историко-литературные заметки: 1) Неизвестные стихотворения А. Мещевского; 2) Лермонтов: Две реминисценции из «Гамлета»; 3) Из комментария к поэме «Мцыри» // Учен. зап. ТГУ. 1961. Вып. 104. С. 277*), более подробная подборка представлена в издании: *Поэты 1790—1810-х годов / Вступ. статья и сост. Ю. М. Лотмана, подг. текста М. Г. Альтшуллера, вступ. заметки, биографич. справки и прим. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л., 1971. С. 703—718.*

17 (36)

Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману

〈15. 11. 1960; Ленинград〉

Привет, ЮрМих!

Вы, как Берков, не дождавшись ответа, уже атакуете письмом (кстати, Берков послал Вам 3-е письмо — получили?).¹ Корректуру я получил 9-го, тут же проверил — и 10-го утром отправил. Если не пришла, значит, почтовый автобус загорелся!..

Приехал Павел, которому я передал все новости. Мы на малом пленуме одобрили Ваши действия относительно Беззубова. С него приходится двойная порция: за аспирантуру и за ½!

Слушайте, еще у меня пропажа: нет ли у Вас «Воплей», 1959, № 4?

Как наши «Уч(енные) зап(иски)» поживают? Жмите на себя, Сергея, Вал(ерия) Ив(анови)ча. Просьба: если все Ваши статьи будут готовы к 20-му, то немедленно дайте знать, я тотчас же приеду, чтобы к концу недели (25—26-го) сборник положить на стол Лаугасте. Постарайтесь закончить и постарайтесь сообщить мне!

Еще просьба: узнайте, как Т. Ф. Мурникова² — она давно должна была закончить.

Посылаю Вам оставшиеся имена по Вашему списку. Очень подозрительно, что все сводится к «Рус(ской) старине» 1907 года — наверное, это и есть Ваш первоначальный источник?³

Приветы Заре, Дине и — кафедре вообще, даже моему любимому Кильку.

Мерзлякова, конечно, куплю.⁴

Забегал я как-то в «Зоо». Дафны нет, но кончали давать каких-то рачков сушеных на «г» (то ли «Гемоглобин», то ли «Гомункулюс»). Это пойдет?⁵

Привет!

15. XI. 60.

Б. Е.

Без конверта.

¹ П. Н. Берков был преподавателем Ю. М. в Ленинградском университете, и с тех пор Ю. М. поддерживал с ним тесные научные контакты.

² Татьяна Филаретовна Мурникова (1913—1989) — старший преподаватель кафедры русского языка ТГУ, фольклорист, была членом Тартуской старообрядческой общины, подвергалась гонениям за религиозную деятельность. Коллеги ожидали от Т. Ф. статьи в Труды, которая не была сдана. О Т. Ф. см.: *Киселева Л.* Парадоксы одной биографии: О Татьяне Филаретовне Мурниковой // Вышгород. 1998. № 3. С. 115—117.

³ Возможно, речь идет о рабочих материалах к докторской диссертации Ю. М. «Пути развития русской литературы преддекабристского периода». В 1907 году вышло 4 тома (12 номеров) «Русской старины» (т. 129—132). В № 1, 2, 3, 7, 10, 11 и 12 опубликованы материалы Н. О. Лернера о Пушкине. Во всех номерах, кроме первого, — материалы о масонстве. В № 3 — сообщение В. И. Сайтова «Письмо Александра Ивановича Тургенева к императору Николаю» (с. 528—530). В № 8 — публикация «Две статьи Н. И. Надеждина, написанные по поводу „Философического письма“ П. Я. Чаадаева» (с. 237—258) и заметка В. Чистякова «К биографии Петра Яковлевича Чаадаева» (с. 333—335).

⁴ См. прим. 3 к письму 14 (33).

⁵ Ю. М. завел аквариум с рыбками, и Б. Ф. привозил ему из Ленинграда корм. «Дафна» — имеется в виду рачок дафния.

18 (37)

Б. Ф. Егоров — З. Г. Минц

⟨01. 02. 1961; Ленинград⟩

Дорогая Зара!

Получил твои «желанья»,¹ отвечать стараюсь без опоздания. Удивился твоей библиографической неопытностью. С помощью 4-го тома Масанова² расшифровывается половина дат, а с помощью еще нескольких справочников я не отходя от своего стола написал тебе 3/4 ответов. Зато оставшуюся четверть искал 2 дня по маршруту Г⟨осударственная⟩ П⟨убличная⟩ Б⟨ибблиотека⟩ — Пуш⟨кинский⟩ Дом — музей Менделеева — Академия художеств — театральная библиотека — Мгебров.³

И далеко не все открыл! То, что могу — посылаю немедленно.

Приветы и поцелуй!

1. II. 1961.

Б. Е.

NB — послал ли Юр. Мих. в Горький согласие на участие в юбилейной комиссии?⁴ Нужно!

Адресовать — ректору ГГУ проф⟨ессору⟩ И. А. Коршунову.⁵

Без конверта.

¹ З. Г. просила Б. Ф. о многих библиографических разысканиях, подготавливая материал о А. А. Блоке для Трудов IV: Воспоминания об А. А. Блоке. I: *Тагер Е. М.* Блок в 1915 г. / Публ., вступ. статья и комм. З. Г. Минц; II: Театральные воспоминания о Блоке В. П. Веригиной и Н. Н. Волоховой. *Веригина В. П.* Воспоминания об Александре Блоке; *Волохова Н. Н.* Земля в снегу / Публ. Д. Е. Максимова и З. Г. Минц, вступ. статья Д. Е. Максимова // Учен. зап. ТГУ. 1961. Вып. 104. С. 296—378.

При письме сохранился небольшой отрывок из ответов Б. Ф. под номером 3:

«Статья Г. И. Чулкова „Memento mori“ («Речь», 22. XII. 1908) — против доклада Блока „Народ и [революция] интеллигенция“ [Блок в «Стихии и культуре» называет — «Народ и интеллигенция»], кот⟨орый⟩ читался в Религ⟨иозно⟩-фил⟨ософском⟩ о⟨бщест⟩ве 13. XI. 1908; в Литерат⟨урном⟩ о⟨бщест⟩ве — 12. XII. 1908 (отчет о прениях — «Речь», 14. XII. 1908; см. также «Зап⟨исные⟩ книжки», с. 99—102).

Блок возражал Чулкову в докладе „Стихия и культура“ (Рел⟨игиозно⟩-фил⟨ософское⟩ о⟨бщест⟩во, 30. XII. 1908). Сокращ⟨енно⟩ напеч⟨атано⟩ — „Наша газета“, 1909, в⟨ыпуск⟩ I, № 4. Полностью — сб⟨орник⟩ „Италии“, СПб., 1909».

² Имеется в виду IV том Словаря псевдонимов известного библиографа Ивана Филипповича Масанова (1874—1945): *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956—1960.

³ Александр Авельевич Мгебров (1884—1966) — актер Ленинградского театра драмы им. А. С. Пушкина, автор книги: *Мгебров А. А.* Жизнь в театре: В 2 т. М., Л., 1929—1932.

⁴ По инициативе В. В. Пугачева Ю. М. и Б. Ф. были включены в состав юбилейной комиссии Горьковского университета к празднованию столетия со дня смерти Н. А. Добролюбова. Вскоре по распоряжению Н. С. Хрущева даты смерти выдающихся деятелей перестали торжественно отмечать.

⁵ Илья Алексеевич Коршунов (1911—1997) — радиохимик, доктор химических наук (1949), с того же года — директор института химии Горьковского (ныне Нижегородского) государственного университета, создатель кафедры радиохимии в структуре университета. В 1961—1969 годах ректор ГГУ.

19 (38)

Ю. М. Лотман — Б. Ф. Егорову

〈До 10 апреля 1961 года; Тарту〉

Б. Ф.! Привет

1) Что за критик, кот(орый) выписал из Эмили Галотти, не знаю — не Погодин¹ ли?

2) Посылаю 12 экз(емпляров).

Расчет такой:

Мы с Зарой внесли — 35 р. 70 коп.

(1 р. 19 коп. × 30). Сергей + Адамс = 2 р. 50 + 2 р. 50 = 5 р.

С Вас — 10 р.

А доходы с продажи — на

Не в том смысле, чтобы Вы горько пропили их в Горьком, а *вместе* (хотя бы я и Вы!!!).

Конверт, кот(орый) Вы прислали след(ует) озаглавить так: «Вариации на тему „Рококо“, дипломный концерт Педучилища им. Чайковского».²

Привет Вашим.

У нас все в порядке. Переводить ли Вам 10-го апр(еля) деньги или подождать.

Лотман

Без конверта. Датируется по контексту: 10 апреля определяется по последней фразе письма, 1961 год — по цене (1 р. 19 коп.) вышедших тогда Трудов III (денежная реформа).

¹ Так как не сохранилось письмо Б. Ф., где был задан вопрос, то неясно, о чем идет речь. «Эмилия Галотти» — трагедия Г. Э. Лессинга (1772). Михаил Петрович Погодин (1800—1875) — историк, профессор Московского университета, журналист, писатель.

² Очевидно, на конверте было изображено что-то балетное. «Педучилище им. Чайковского» — часто употреблявшийся тогда каламбур в связи с «разоблачениями» в Москве и Ленинграде гомосексуалистов среди деятелей культуры.

20 (39)

Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману

〈08. 05. 1961; Ленинград〉

ЮрМих!

К сож(алению,) не дождался Вас в Пуш(кинском) Доме.

Если Вы уезжаете — то пусть дорога Вам будет пухом (не прахом!), приветы тартуанцам.

Я хочу выехать в воскресенье 14-го. Если нужен буду раньше, то телеграфируйте, выеду как надо.

Если я Вам нужен сейчас, то сижу до 16 час. (шестнадцати) в ЦГИАЛ'е.

Приветы и поцелуи!

Б. Е.

8. V. 61. 14 ч. 30 мин. (по полудни)

Записка с надписью на обороте: «Ю. М.!»

21 (40)

Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману

⟨10. 05. 1961; Ленинград⟩

10. V. 61

Приветы!

Идея: чтобы выспаться ночью нормально, я поеду утром в понедельник на перекладных¹ и буду в Тарту после обеда!

Если даже какая-нибудь лошадь будет медленной, то все равно не позже 6-ти вечера приеду. На всякий случай, если я буду нужен дипломантам, то я в 8 вечера консультирую на кафедре.

Если такое не пойдет — телеграфируйте.

Привет всем!

Б. Е.

Почтовая карточка. Адрес: «Тарту, Эст(онская) ССР ул. Лоотусе 13, кв. 9 Лотману Ю. М.». Адрес отправителя: «Л(енинград), К-37, Озерков(ский проспект) 14, Егоров». Штемпель Ленинграда: 10. 5. 61. Штемпель Тарту неразборчив.

¹ Б. Ф. часто не пользовался рейсовым транспортом, а ездил на попутных машинах.

22 (41)

Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману

⟨16. 08. 1961; Старый Оскол⟩

16. VIII.

Приветы пламенные Лотманам и лотманятам!

Очень хочется узнать, как дела с приемом, с «Уч(еными) записками» и проч. Если вы еще не догадались мне написать в Одессу, то убедительная просьба сообщить о делах в Батуми, до востребования. Впрочем, пока я ни в Одессе, ни в Батуми не был. По непредвиденным обстоятельствам пришлось засидеться (вернее — залежаться) у родителей в Старом Осколе. Мы боролись с младшим братцем, коему 21 год, и он меня так повернул в воздухе,¹ что я растянул связку в коленке и 3 дня пролежал. Сейчас еще тоже похрамываю, и лишь в понедельник, 21-го, отправляюсь в Харьков — Одессу, откуда 25-го отплывем на «Россию».

Младший братец — плод послевоенного материального благополучия — обогнал старших в физическом смысле (рост — 180 см., атлетического сложения: спокойно, рысью возит меня верхом на шее! А во мне ведь 93 кг!), но в умственно-духовном отношении воплощает любопытный конгломерат, свойственный, очевидно, значительной группе современной молодежи.

В Питере перед отъездом был у Яши. Его, очевидно, все же очень здорово шмякнуло — головокружения, слабость, тошнота и проч.² Духовно-душевно, однако, вроде на прежнем уровне.

Пишите же, ради бога!

Соня шлет пролетарский привет. А Вы, в свою очередь, кланяйтесь всем тартуанцам, особенно — Дине Бор(исов)не!

Приветы и поцелуи

Б. Е.

Без конверта. Год устанавливается по сообщению о летнем путешествии Б. Ф. с женой С. А. Николаевой (Ленинград — Старый Оскол — Харьков — Одесса — Батуми — Сухуми — Харьков — Москва — Ленинград) и о возрасте брата Б. Ф. Валерия Егорова, лесничего (род. 1940).

¹ «Повернул в воздухе» неудачно сказано: Б. Ф. пытался брата, обхватившего его сзади, перебросить через голову, но так напрягся, что лопнула связка.

² На углу Невского проспекта и ул. Желябова (ныне Большой Конюшенной) задумавшийся Я. С. Билинкис переходил на красный свет в месте интенсивного движения автотранспорта, от сильного удара грузовика упал и получил сотрясение мозга.

23 (42)

Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману

⟨25. 08. 1961; Одесса⟩

25. VIII.

Привет Лотманам!

Ждал от Вас вестей в Одессе — но вы, очевидно, поленились. А меня очень волнуют дела со сборником¹ и с приемом.

Ради бога, напишите и о том, и о другом, и вообще — что нового — по адресу:

Москва К-6 Дегтярный пер(еулок), 10, кв. 11 Коженкову Влад(имиру) Алексеевичу (мне).²

Мы ждем с Соней на всех парах по заранее разработанному маршруту, от которого отклонения не превышают допустимых при точных расчетах колебаний. Были в Москве, у родителей, в Харькове. Сейчас уезжаем из Одессы в Батуми на мощном пароходике «Россия». Харьков и Одесса — любопытные города, особенно — последний. Лицо у этого города совершенно неповторимое!

В Сухуми к нам присоединится Вал(ерий) Иванович. Если бы Вы там еще были, устроили бы на радость Соне заседание кафедры.

Не помню, писал ли я Вам, что на обратном пути я должен в Москве получить готовый текст воспоминаний о Маяковском Семеновой³ (приятельницы Ольги Викт(оров)ны;⁴ сама же О. В. отказывается от мемуаров — говорит, ничего интересного не напишет).

Так ради бога, напишите в Москву! Я там буду с 5 по 10—11 сентября.

Приветы и поцелуи Заре, семейству, а также всему тарт(уанскому) колхозу. Дине Бор(исов)не — персонально.

Б. Е.

Соня шлет пламенный одесситский привет!

Год устанавливается по штемпелю. Адрес: «Тарту, ЭССР ул. Лоотусе 13, кв. 9 Лотману Ю. М.». Адрес отправителя: «Одесса, Егоров». Штемпель Одессы: 25. 8. 61. Штемпель Тарту: 29. 8. 61.

¹ Труды IV.

² Владимир Алексеевич Коженков (1908—1979) — музыкант, дядя С. А. Николаевой. О нем см.: Егоров Б. Ф. Жизнь С. А. Николаевой: Типичное и личное. С. 10.

³ Талантливая художница и оригинальный человек Елена Владимировна Семенова (1898—1983), с которой тартуские литературоведы познакомились через О. В. Третьякову (см. о ней ниже), обещала предоставить для публикации в Трудах воспоминания о В. В. Маяковском (в устных рассказах она излагала свою горячую нелюбовь к домашнему кругу Бриков за их богомность). Однако она не отдала тогда текста, ограничившись краткими суждениями и демонстрацией неподготовленных фрагментов (см. письмо 29 (48)). Позднее она прислала завершённый текст: *Семенова Е. ВХУТЕМАС, ЛЕФ, Маяковский* / Публ. и вступ. статья З. Г. Минц, комм. И. Газер // Учен. зап. ТГУ. 1966. Вып. 184. С. 288—306 (Труды IX: Литературоведение).

⁴ Ольга Викторовна Третьякова (урожд. Гомолицкая, 1895—1973) — киноактриса, жена поэта-футуриста С. М. Третьякова.

24 (43)

Ю. М. Лотман — Б. Ф. Егорову

〈30. 08. 1961; Тарту〉

30. VIII. 61.

Тарту.

Б. Ф., приветик!

Дела идут. Книга (Славянский, т. IV) прошла последнюю корректуру и был(а) у цензора, ждем сигнала. Книга Сергея — в первой корректуре.¹

Прием — посредственный, но, вообще, ничего. Были тут разные страсти-мордасти в связи с приемом, но вообще ничего серьезного.

Комитет славистов² из всех наших тем удостоил вниманием лишь тему Адамса. Утритесь (я уже)! Адамс стал выше на ½ вершка и жалуется на перегрузку. Хочет просить у Виноградова³ сузить тему, забросив историю латышской рифмы, пренаивно поясняя, что Абен⁴ не дал ему необходимых сведений.

Воспоминания о Маяковском — сила!⁵ А Вы у О(льги) В(икторов)ны насчет вдовы Брехта просили, злодей?⁶

Я здесь действую как игрок на органе с отключенным воздухом — жму на педали, а звука нет.

У нас серьезная беда: Очень больна Дина. Пусть Вас не обманывает трепаческий тон моего письма — я и мы все очень перепуганы. У нее вновь воспаление печени и всякие осложнения. Она героически выносит мучительные процедуры. Напишите ей на наш адрес письмо — передадим, а ей будет приятно.

Тоскую без Вас в Тарту как влюбленная девица (как влюбленная, так и девица).

Мотаюсь, волнуюсь, а книгу пишу — пахнет Столовичем за десять верст, аж самому смёшно.⁷ Но для сборника (т. V) еще не начинал, хотя в голове кое-что и есть.⁸ С ужасом думаю о том, как Вы покаж(е)тесь и еще с поезда заведите: «Скорей, скорей!!!» Адамс пишет для этого тома о природе у Гоголя⁹ — наука бьет ключом в Alma mater Do(r)patiensis.

Кстати, заменять Вас некем — Зара тоже в отпуску, а для лит(ературо)ведов на V курсе читаете только вы двое (я «Теорию лит(ературы)» — всему курсу). Ну что-нибудь сотворим: я буду показывать сеансы иллюзионизма. Привет всем нашим

Целую нежно Сою — я ее очень люблю.

Ю. Л.

Адрес: «Москва, К-6, Дегтярный пер(еулок) 10, кв. 11. Владимиру Алексеевичу Коженкову (для Бориса Федоровича Егорова)». Адрес отправителя: «Тарту, Лоотусе 13, кв. 9. Ю. Лотман». Штемпель Тарту: 3. 9. 61. Штемпель Москвы: 6. 9. 61.

¹ Книга С. Г. Исакова «Остзейский вопрос в русской печати 1860-х годов».

² V Международный съезд славистов в Софии, проходивший в 1963 году. Ю. М. к тому времени уже был невозвратным.

³ Виктор Владимирович Виноградов (1894/1895—1969) — известный лингвист и литературовед, академик АН СССР (1946), в 1950—1960-е годы занимавший ряд крупных должностей в советской филологии (в том числе возглавлял Институт русского языка АН СССР и кафедру русского языка в Московском государственном университете).

⁴ Карл Абен (Karl Aben, 1896—1976) — эстонский языковед, доцент кафедры эстонского языка ТГУ, а также переводчик.

⁵ Видимо, тогда тартуанцы получили интересные воспоминания переводчицы Р. Я. Райт-Ковалевой (опубликованные в Трудах IX: *Райт Р.* «Все лучшие воспоминания...»: Отрывки из книги / Публ. и вступ. статья З. Г. Минц // Учен. зап. ТГУ. 1966. Вып. 184. С. 257—287) и художницы Е. В. Семеновы (о ней см. предыдущее письмо и письмо 29 (48)).

⁶ У Ю. М. и Б. Ф. была идея добыть через О. В. Третьякову, знавшую вдову Б. Брехта, какие-либо неопубликованные материалы немецкого писателя; попытка не удалась.

⁷ Ю. М. с долей иронии относился не только к Л. Н. Столовичу, но и ко всем философам, считая, что они слишком теоретизируют, игнорируя конкретные факты. А в эти месяцы Ю. М. сам начал свою первую теоретическую книгу, обозначенную как первый том новой серии ТГУ «Труды по знаковым системам»: *Лотман Ю. М.* Лекции по структуральной поэтике.

⁸ В итоге Ю. М. напишет для Трудов V объемную (почти в 5 печатных листов) статью: *Лотман Ю. М.* Истоки «толстовского направления» в русской литературе 1830-х годов // Учен. зап. ТГУ. 1962. Вып. 119. С. 3—76.

⁹ *Адамс В. Т.* Природоописания у Н. В. Гоголя // Там же. С. 77—132.

25 (44)

Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману

〈Около 10. 09. 1961; Москва〉

Лотманам — пламенные столичные приветы!

Был очень рад получить от Вас весты (очень не порадовало, конечно, известие о Дине)¹ — а то я думал, что Вы уже совершенно negliжируете. На 50 моих писем с подробным отчетом — только первая весть!

Не помню, откуда я сообщал о последних событиях моей бурной жизни. Но в общем мы очень хорошо проехали (проплыли?) на «России» до самого Батуми, где, как известно, льют дожди и море в нефти. Оттуда быстро перелетели в Сухуми (мощное впечатление с воздуха оставляет Колхида), где развлекались в городе и деревне. В 16 км. от Сухуми высекли в скалистом ущелье ресторан, совершенно фантастический по виду.² Очень хорошо там просидели вечер.

Потом я останавливался еще в Харькове, где целый день проговорил со своим товарищем Дориком³ (тот самый, который и проч.), очень любопытно и грустно. А сейчас только что приехал из-под Москвы, где провел вечер и утро со Снэшко, своим студенческим товарищем, это еще более грустное.⁴

Посему у меня сейчас пессимизм и мелодия «Никто меня не понимает».

В Москве плодотворно поработал над архивами, был 2 дня на французской выставке,⁵ о которой Никита Сергеевич справедливо сказал, что она лучше американской.⁶ Оставил 4 рубля во французском ресторане. С гордостью отметил, что хорошие грузинские вина (Хванчкара, Твиши) не хуже бургундских, хотя и в последних есть свой букет. Пожалел — не денег, а последующего сидения в библиотеке — выпить коньяк французский. Возможно, хорош, по крайней мере, в специальном номере «Эхо» на русском языке, где на 70 страницах рекламируют разные товары, на последней странице — специально о коньяках. Статья начинается так: «Всем известно, что икра лучше всего идет под водку»... Но дальше доказывается, что коньяк еще лучше водки.

Через 2 часа буду лететь в дневном дизеле в Питер (он сейчас, молодец, за 6 часов дожимает!), где семейство давно уже ждет меня.

Если так худо с лекциями, то я, конечно, готов приехать, но очень не хочется... Нужно ведь готовить V сборник, а у меня, как говорит Татьяна Ал(ексеев)на, еще и конь не валялся. Однако пусть это Вас не расхолаживает, в октябре железно соберем сборник!.. О Брехте начисто забыл, виноват.⁷ Переговорю еще. Семенова долго болела, поэтому клятвенно обещает через 2 недели выслать воспом(инания) о Маяк(овском) на Ваш адрес. Покажите, пожалуйста, это письмо Дине Бор(исов)не, а я ей еще припишу пару слов.

Дорогая Дина Борисовна!

Мне очень грустно и больно было услышать о Ваших мытарствах. У меня и так в эти дни очень больно на душе (лучшие мои товарищи юности все дальше и дальше становятся), и Ваши боли, и думы о Ваших болях сливаются как-то у меня в сознании с этими духовными переживаниями. Дай бог Вам скорее вылечиться! Мне как-то стыдно, что Вы болеете, а я такой здоровяк, утюжил Кавказ и наслаждался жизнью. Приятно, когда все наслаждаются...

Приветы и поцелуи всем Лотманам и Габовичам!

Ваш Б. Е.

Без конверта. Датируется по связи с предшествующими письмами и с сообщением в письме 23 (42) о будущем пребывании в Москве с 5 по 10—11 сентября. А в данном письме говорится об отъезде из Москвы в Питер.

¹ Д. Б. Габович очень тяжело болела (цирроз печени).

² Речь идет об известном ресторане «Эшеры» при автомагистрали Сухуми—Сочи. «Высекли» — неудачно сказано. Строители использовали несколько десятков метров реального ущелья с ручьем внизу, зацементировали полы и своды участков над ручьем и соорудили несколько пещер-комнат в вертикальных стенах ущелья.

³ Диодор Михайлович Сологуб (1925—2005) — харьковский, затем киевский инженер. В начале 1960-х годов он был погружен в технические проблемы автотранспорта и оставался довольно равнодушным к гуманитарным интересам Б. Ф. О нем см.: *Егоров Б. Ф.* Трагическая судьба ученого, отрицавшего принцип «не высовываться»: Диодор Михайлович Сологуб (1925—2005) // *Звезда*. 2006. № 5. С. 180—191.

⁴ Юрий Иванович Снешко (род. 1925) — московский инженер, студенческий товарищ Б. Ф. по Ташкентскому авиационному институту в 1943—1945 годах. Хорошо зная французский и английский языки, он задумал изучить (для души, а не для практических целей) историю французской и английской художественной литературы в подлинниках. Но он уже тогда стал отказываться от решительного неприятия советского строя, чем они с Б. Ф. были «начинены» в студенческие годы, а позднее при распаде СССР Ю. И. стал в чем-то идеализировать коммунистический режим.

⁵ Имеется в виду Первая Национальная выставка Франции в СССР, открывшаяся 15 августа 1961 года и проходившая в Сокольниках.

⁶ Н. С. Хрущев при его антиамериканских настроениях готов был более мягко говорить о французской выставке, хотя резко отзывался о демонстрировавшихся на ней картинах французских абстракционистов.

⁷ О неоправдавшихся надеждах на публикацию воспоминаний вдовы Б. Брехта см. прим. 3 к письму 24 (43).

26 (45)

Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману

⟨14. 09. 1961; Ленинград⟩

14. IX. 61

Приветы, ЮрМих!

Бесконечно рад, что вышел том,¹ буду с нетерпением ждать присылки экземпляра. Теперь относительно приезда. Т. к. весной мы на эту тему не говорили, то я был в полной уверенности, что до конца своего отпуска, т. е. до 10. X, я могу быть

свободным. Поэтому имел несчастье пригласить на сентябрь своих родителей в гости (пока еще не приехали), да еще — пусть провалится — сейчас косяком идет корректура Добролюбова, Золина² в истерике и прочие удовольствия.

Поэтому напишите по-честному: если очень нужно будет, то брошу и родителей, и корректуру. Если же у меня образуется щель хотя бы величиной с неделю внутри родителей и корректур — то я сам приеду. Самое главное, видимо, — желание Зары уехать именно сейчас, пока еще колхоз — так я понял? А м(ожет) б(ыть) на это время просто можно прикрыть спецкурсы?

В общем напишите, ради бога, все возможные варианты. И потом возможные предельные сроки моего приезда, чтобы я имел возможность маневра.

Судя по Вашему разговору с Гр(игорием) Евс(еевичем), Вы уже даете на почасовиков. Я, м(ежду) пр(очим), соблазнял и Анну Вл(адимиров)ну на почасовые. Пока не знаю. Много ли еще останется после Гр(игория) Евс(еевича)? Между прочим, Яша еще головокружится. Что же нам делать со спецкурсом? Ума не приложу.

А как Дина Бор(исовна)? Поклоны ей.
Приветы семейству, кафедре.

Б. Е.

Без конверта.

¹ Вышли в свет Труды IV.

² Надежда Александровна Золина была издательским редактором собрания сочинений Н. А. Добролюбова в 9 томах (см. прим. 1 к письму 6 (25)).

27 (46)

Ю. М. Лотман — Б. Ф. Егорову

(около 20. 09. 1961; Тарту)

Бор. Фед.!

Не посылал Вам письмо, т. к. еще не было тиража. Сейчас Труммал¹ собирается в Питер — посылаю с ним, он бросит в почтовый ящик.

Пока, так уж и быть, не приезжайте — лекции пока читает Зара. Но студенты начинают ворчать и не без основания: Пугачев в прошлом году курс скомкал, в этом году с 17 нояб(ря) по 7 дек(абря) — педпрактика, так что времени на чтение курса почти не остается.

Дел здесь очень много и не все из них приятные. Кое о чем поговорим, когда приедете. Из срочных дел — такие:

1) Григорий Евсеевич так и не сообщил твердо: какие курсы он хочет читать и будет ли он нагружаться на всю железку.

2) Курсы Анны Владимировны распределяем «промеж себю» и местными силами

3) Спецкурс буду читать я

4) Для V-го сб(орника) я еще не делал ничего и до Нового года ничего не дам («Режь меня, бей меня»!!!).²

Собираетесь ли Вы на «добролюбовскую» в Нижний? Когда она будет?³

Посылаю Вам 2 — томики (с Вас их цена + 2 с чем-то партвзноски). Там не без опечаток (в оглавл(ении) я числюсь в компании с Исаковым, В. (!) Лотманом).⁴ Лестно.

Приветы Соне и всем Вашим.

Ю. Л.

Без конверта. Датируется по связи со следующим письмом, которое является ответом на данное.

¹ Альберт Юханович Труммал (Albert Trummal, 1920—1983) — филолог-романист, преподаватель ТГУ (с 1950 года), доцент кафедры западноевропейских литератур (1971—1976); в 1976 году переехал в Ленинград.

² Ю. М. сдаст в Труды V статью «Истоки „толстовского направления“ в русской литературе 1830-х годов»; см. об этом прим. 8 к письму 24 (43).

³ Всесоюзная конференция, посвященная 100-летию со дня смерти Н. А. Добролюбова, состоялась в Горьком («Нижнем», как пишет Ю. М.) в ноябре 1961 года; Б. Ф. выступал там с докладом.

⁴ Имеются в виду тома Трудов IV, в которых, в частности, опубликована заметка: Исаков С. Г., Лотман Ю. М. П. А. Вяземский и Эстония // Учен. зап. ТГУ. 1961. Вып. 104. С. 293—295. В оглавлении тома опечатка: «С. Г. Исаков, В. М. Лотман».

28 (47)

Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману

(24. 09. 1961; Ленинград)

Привет, ЮрМих!

Спасибо большое за томики¹ и за письмо. И за партвзносы — тоже.² Я еще Вам должен за «конволют», чтоб ему пусто было — Ваша правда оказалась, и вместо водки я Вам отдам эти деньги — за томы и за взносы, и Вы (так как все равно на них уже не рассчитываете) с радостью купите на них бутылочку...³

Был вчера у Тмарченок. Гр(игорий) Евс(еевич) готов взять курсы на полную мощность, в объеме — примерно — (и в тематике) прошлого года. А т. к. Анна Вл(адимиров)на все равно потянется за мужем в Тарту (в январе она, кажется, будет свободна в институте),⁴ то пару курсов прочтет за милую душу. Очень недоволен (я) Вашим легкомысленным решением о распределении нагрузки промеж себя. Этого еще не хватало! Мало Вам той нагрузки! Если окажется много часов помимо двух-трех курсов, данных реально Анне Вл(адимиров)не, то я буду срочно искать человека. Немедленно сообщите, нужно ли это? И как вообще — подали ли Вы уже на почасовиков? Только, пожалуйста, *ответьте поскорее* — ради бога. Хоть два слова, хоть телеграмму. Это ведь очень важная штука...

Еще просьба: я так и не знаю, чем кончился окончательный расчет в бухгалтерии студенческих денег за фольк(лорную) практику. Например, разрешил ли Миккельсаар самолет, на котором мы летели из Пскова в Пуш(кинские) Горы?⁵ Узнайте, пожалуйста, у Долгашева!⁶

Насчет спецкурса, который возьмете Вы, я тоже очень-очень недоволен. Когда это будет? С 1-го? М(ожет) б(ыть), все же Яша согласится, он сейчас значительно бравее чувствует. Попробую с ним переговорить, съезжу ради этого в Комарово (он там в Доме творчества).

И еще — напишите хоть пару строк домой. Я недавно говорил с Викт(орией) Мих(айлов)ной, они понятия не имеют о Вашей судьбе. Волнуются.

От Пугачева (вроде Вас) — ни слова. Жду.

Готов начать собирать сборник.⁷ Не приготовите статью — проедете...*

Родители что-то не едут,⁸ и я боюсь, что скоро начну собираться в Тарту. Корректурa,⁹ правда, пока еще держит, но уже виден конец.

Наши шлют Вам и Заре длинные приветы. Я — тем более, плюс — Дине Бо-
р(исов)не.

Пока!

24. IX. 61.

Б. Е.

* М(ожет) б(ыть), хотя бы публикацию какую-нибудь дадите?.. У меня идея — дать дерптский дневник Жуковского. Это ведь — как роман!.. И всего около листа.¹⁰

Без конверта.

¹ Ю. М. прислал Б. Ф. несколько экземпляров Трудов IV.

² Во время отсутствия Б. Ф. в Тарту Ю. М. платил за него партвзносы.

³ Б. Ф. проиграл Ю. М. пари (спорили, как правильно по-русски писать «конволют»).

⁴ В 1961 году А. В. Тамарченко уже работала в Ленинградском театральном институте.

⁵ Б. Ф. руководил в 1950-х — начале 1960-х годов фольклорной практикой студентов-первокурсников (выделялись 2 недели в начале июля). Так как на значительном расстоянии вокруг Тарту в середине XX века было трудно найти русские фольклорные гнезда, то кафедра устраивала поездки студентов для ознакомления с народной жизнью (главным образом, в старообрядческие деревни на берегу Чудского озера). А в 1961 году Б. Ф. решил отвезти студентов в Пушкинский заповедник на Псковщину якобы для собирания у местных жителей воспоминаний о прошлом. Директор заповедника С. С. Гейченко предоставил группе сеновал в селе Михайловском. Никаких воспоминаний студенты не искали, зато познакомились с пушкинскими музеями. Когда группа приехала из Тарту в Псков, то оказалось, что в «туристское» время билеты на автобусы до Пушкинских Гор были распроданы уже на неделю вперед. Тогда Б. Ф. отвез студентов в аэропорт, где удалось основную группу отправить на рейсовом самолете «Псков — Пушкинские Горы». Для двух студентов и Б. Ф. мест не хватило, и Б. Ф. договорился с руководством аэропорта, что трое оставшихся полетят на недавно прибывшем из Чехословакии самолете-такси (пилот плюс три пассажира). При этом цена билета была не намного выше обычного. Такси быстро догнало рейсовый самолет, и оба почти одновременно приземлились на лугу, только не в Пушкинских Горах, а прямо перед пушкинской усадьбой в Михайловском (никакого специального аэропорта тогда не было). Когда декан узнал, что доцент Егоров катал студентов на самолетах, он пришел в ярость и отказался оплачивать дорогу. Однако после неоднократных уговоров он понял, что цена самолетного билета (3 рубля) всего на несколько десятков копеек превышала стоимость автобусного, смилоствивился и разрешил бухгалтерии оплатить расходы на транспорт.

⁶ Андрей Долгашев — студент ТГУ. См. о нем: *Лотман Ю. М. Не-мемуары [1992—1993] // Лотмановский сборник. М., 1995. [Вып.] 1. С. 42—45, переизд. в: Лотман Ю. М. Воспитание души: Воспоминания. Беседы. Интервью; В мире пушкинской поэзии (сценарий); Беседы о русской культуре: Телевизионные лекции. СПб., 2003. С. 45—47; см. также: [Кузовкина Т.] Вставная глава, или История одного знакомства // Вышгород. 1998. № 3. С. 127—132.*

⁷ Речь идет о подготовке Трудов V.

⁸ О причине неприезда родителей Б. Ф. см. следующее письмо.

⁹ Имеются в виду Труды V.

¹⁰ Дерптские записи В. А. Жуковского 1814—1815 годов опубликованы в: *Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 13: Дневники; Письма-дневники; Записные книжки; 1804—1833. С. 57—94.*

29 (48)

Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману

⟨10. 11. 1961; Ленинград⟩

10. XI. 61

Привет, ЮрМих!

Еду с Финляндского¹ в Озерки, а вообще — из Оскола домой. Т. к. не надеюсь дома застать от Вас известий, то повторяю свои старые прощобы.

Во-1, как Пугачев? Если пришли вызовы, то как ректор? Не забыли ли Вы в моем заявлении указать даты командировки? При чем даты нужно по крайней мере

с интервалом в 12—14 дней (чтобы и на Ленинград, и чтение спецкурса в Горьком).²

Сейчас говорил с Павлом по телефону, он сказал, что у Вас вроде 17-го доклад в ИРЛИ?³ Если так, то подождите мне брать билет, берите его (т. е. Тарту—Горький*) лишь в случае Вашего отъезда в 20-х числах. А м(ожет) б(ыть), впрочем ничего, если «я выеду» и к 17-му?

Во-2, как — вышел ли приказ о моей зарплате в связи с 10-летием?⁴

В Осколе родители уже отошли. А в октябре на них здорово навалилось: 14-го умерла одна тетушка, а 20-го — другая (совсем старушка, 90 лет, ее 3 года назад родители взяли от сволочуги-внука, того самого моего племянника-войки, который описывал достопримечательности Парижа и Лондона из-под ресторанных столиков⁵). На один раз да еще для пожилых людей слишком много переживаний и забот!⁶

Вчера вечер просидел у Семеновой. Текст ее — преинтереснейший, но в наст(оящий) момент абсолютно непечатабельный. Абсолютно. Может быть грандиозный скандал международного масштаба. Договорились «годить». Я все хотел текст забрать хоть для прочтения — ни в какую. Говорит, что — сырой (есть, действительно, недоработки), и пока не переделает — не даст.⁷ Колоритная очень-очень! Преинтересная женщина.

Приветы Заре, Гадам и катёдре.

За сим остаюсь

Б. Е.

Действительно, писем от Вас нету.

* через Ленинград—Ярославль.

Без конверта.

¹ Финляндский вокзал в Ленинграде.

² Речь идет о подготовке Ю. М. и Б. Ф. к поездке в Горький, которую организовывал В. В. Пугачев. Имеется в виду ректор ТГУ Ф. Д. Клемент, который должен был дать командировки сотрудникам. Согласно неопубликованным письмам Ю. М. к З. Г. Минц от 29 ноября и начала декабря 1961 года, Ю. М. и Б. Ф. читали спецкурсы в Горьковском университете в конце ноября — начале декабря.

³ Не удалось установить, о каком докладе идет речь.

⁴ По советским законам через 10 лет работы на одном месте зарплата повышалась.

⁵ Намек на известное четверостишие Н. И. Глазкова из стихотворения «Лез всю жизнь в богатыри да в гении...» (1944):

Я на мир взираю из-под столика,
Век двадцатый — век необычайный.
Чем столетье интересней для историка,
Тем для современника печальней!

В памяти Б. Ф. оно сохранилось в следующем варианте:

Я на мир взираю из-под столика:
Вижу ближнее и вижу дальнее.
Чем событие интересней для историка,
Тем оно для современника печальнее.

⁶ Совместно с родителями Б. Ф. в г. Старый Оскол проживали две его тети, сестры отца: Александра (1894—1961) и Клавдия (1873—1961) Ивановны; они обе почти одновременно заболели и умерли в октябре.

⁷ В публикации воспоминаний Е. В. Семеновой (см. прим. 3 к письму 23 (42)) были сделаны купюры.

30 (49)

Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману

〈22. 12. 1961; Ленинград〉

Привет, ЮрМих!

Я вчера в присутствии Н. Н. не договорил некоторых подробностей: собирая сборник, я так и не отстукал своей публикации, хотя это всего 2 стр. — но ни секундочки не оставалось! Поэтому я отстукал ее утром в Питере и немедленно посылаю ее Вам.¹ 1-я рец(ензия) — П. С. Рейфмана — уже лежит в папке на кафедре, напишите — для ровного счета — и Вы пару строк.²

Посылаю также обе рец(ензии) на Рейфмана с его визами.³

Очень прошу Вас (если Вам неудобно — то попросите Адамса) поговорить с Лаугасте, чтобы обсуждение тома поставили на дни моего присутствия в Тарту: 7—11. I; 28. I—7. II; 11. II—13. I.

Дай бог Вам удачи со скорейшей сдачей тома. Посылаю Вам открытку с заполненным моим адресом, где Вам остается только несколько букв вписать: «сдан такого-то» — пошлите открытку, как только сдадите.

Еще одну цифру впишите: *сколько страниц* получилось в результате.

Видел Гр(игория) Евс(еевича) — сегодня Анна Вл(адимиров)на послала Кильку письмо-телеграмму.

Видел Дрыжакову — она согласна спать на диване на кафедре: попросите ВладПета договориться с комендантом об ее житье (т. е. чтобы официально разрешили).

И еще — пусть Вл(адимир) П(етрович) напишет Др(ыжак)овой, когда ее первый день занятий (и час) — и когда конец по расписанию.

Павлу деньги отдал.

Павел еще утром по моей просьбе звонил Викт(ории) Мих(айловне), а я еще вечером буду. В конце месяца в Л(енинград) приезжает та врачиха из Калининна. У В. М. идея — привезти Дину Б(орисовну) в Питер и здесь накачивать и проч. Сегодня еще поговорю с ней.

Всех благ вам семейных, Заре — низкие поклоны, а Дине Б(орисовне) — скорейшей поправки.

Пока.

22. XII. 61.

Б. Е.

〈Далее приписка П. С. Рейфмана.〉

Дорогой Юр. Мих! Приехал Борис и рассказал о новостях. Очень огорчило известие о Дине. Я говорил с Лялей.⁴ Она сказала, что еще раз все обдумает, что к новому году придет эта тетка из Калининна, которая должна делать операцию, но, что глядя на анализы Дины, они еще летом вместе с этой теткой решили, что операция — вещь очень опасная и что ее нужно делать *лишь в самом крайнем случае*.

«Маленькую» статью мою все же выбросили, черти! Нельзя ли ее все же как-нибудь оставить? Ведь «большая» ей-ей не более 4,5 листов. А ранее я особенно сборник не загружал (не то, что некоторые).

Всего хорошего. Думаю быть в Тарту числа 6—7. Можно так?

Целую. Всякие новогодние пожелания всем передаю

Павел.

Без конверта.

¹ Речь идет о публикации Б. Ф. в Трудах V: Егоров Б. Ф. А. В. Старчевский о В. Н. Майкове и Н. А. Некрасове // Учен. зап. ТГУ. 1962. Вып. 119. С. 376—377.

² Каждую статью для университетских сборников полагалось сопровождать двумя рецензиями.

³ Визы — свидетельства авторов статей, что они учли замечания рецензентов. В Трудах V статей П. С. Рейфмана нет. Две его статьи опубликованы в Трудах VI: *Рейфман П. С.* 1) Борьба в 1860-х годах вокруг романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Учен. зап. ТГУ. 1963. Вып. 139. С. 82—94; 2) Забытая статья о Т. Г. Шевченко // Там же. С. 351—374.

⁴ Ляля — В. М. Лотман.

31 (50)

Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману

〈Конец декабря 1961 года; Ленинград〉

Семейство Егоровых-Николаевых торжественно поздравляет семейство Лотманов с юбилеем предшественника утопического социализма — Иисуса Христа — и желает всяческих благ в 1962 и последующих годах 20-го столетия!

Я приеду с Таней 6-го или 7-го (6-го, возможно прилетим на самолете¹). Ваши собираются, кажется, 9-го уезжать. Если они поедут с дневным поездом (дизелем),² то берите и на Таню билет, если ночью — не нужно, тогда я ее [раньше] сам отправлю с дневным — нужно, чтобы она была 9-го вечером в Питере.

Все шлют приветы!

Пока!

Б. Е.

Дине Бор(исов)не и Габам — пламенные приветы!

Новогодняя открытка. Без штемпелей и без конверта.

¹ В начале 1960-х годов летал самолет «Ленинград—Тарту».

² Дизель-поезд «Тарту—Таллин», с остановкой на станции Тапа, где была пересадка на поезд «Таллин—Ленинград».

32 (51)

Ю. М. Лотман — Б. Ф. Егорову

〈31. 12. 1961; Тарту〉

= ПОЗДРАВЛЯЕМ НОВЫМ ГОДОМ СВИНОМАТКА РЕКОРДСМЕНКА ПЯТАЯ ОПОРОСИЛАСЬ ВЧЕРА БОЛЬШИМИ ЗАТРУДНЕНИЯМИ ПРИПЛОД ВЕСОМ 630 СДАН ДРУГУ ЛАУГАСТЕ = ЗАВХОЗ ЮРМИХОВ¹ =

Письмо-телеграмма. Адрес: «Ленинград Озерковский (проспект) 14 Егорову». Адрес отправителя — Тарту. Штемпель Ленинграда: 31.12.60 (очевидная ошибка, так как в телеграмме идет речь о Трудах V).

¹ Шутливая новогодняя телеграмма о сдаче факультетскому редсовету Трудов V — весьма большого объема: 630 машинописных страниц.

НОВОЕ ИТАЛЬЯНСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРЕ*

Исследования зарубежных русистов особенно ценны тем, что помогают рассмотреть явления отечественной литературы в широком интернациональном контексте, а также с помощью методов, которые разработаны в русле возникших на ином культурном фоне научных традиций. Такой сторонний взгляд, несомненно, помогает более отчетливо представить особенности отечественного литературного процесса, его связи с мировым и их общие черты и тем самым способствует эффективному решению существующих вопросов. Однако еще важнее, что он заставляет увидеть нерешенные проблемы там, где отечественная наука привычно оперирует отработанными формулировками.

Такого рода стимулом, очевидно, призвана стать работа веронского исследователя Стефано Алоэ «Свобода, изобретение, новость: В. К. Кюхельбекер в контексте русского романтизма», осуществленная в стенах и при поддержке Веронского университета, где в настоящее время автор выполняет обязанности внештатного профессора русской литературы. С преподаванием Алоэ сочетает разностороннюю исследовательскую, переводческую и организаторскую деятельность. Сфера его научных интересов включает историю и методику преподавания русского языка и литературы XIX—XX веков, прежде всего творчество Ф. М. Достоевского,¹ и историю европейской, и особенно итальянской, славистики.

Монография, дающая всесторонний обзор основных жанров творчества Кюхельбекера в области лирики, драмы и художественной прозы, стала итогом многолетних изысканий автора, с результатами которых он регулярно знакомил научное сообщество как у себя на родине, так и в России — сначала в виде докладов, а затем в форме публикаций.² Изучение сопровождалось популяриза-

цией переводимых произведений.³ В 2004 году Алоэ защитил диссертацию «Стихотворные сочинения В. К. Кюхельбекера», получившую высокую оценку и рекомендованную к публикации. Таким образом, выход в свет настоящей монографии стал выполнением пожелания квалификационного совета, в объеме и глубине, по-видимому, значительно превышающем исходный материал. Подробное исследование лирики в четырех главах дополнено разделами, посвященными драматургии и крупной поэтической форме, а также прозе Кюхельбекера, особенно роману «Последний Колонна», и снабжено введением и заключением.

В истории изучения творческого наследия Кюхельбекера как деятельного участ-

гиста» в русской литературе 30-х годов XIX века // *Textus*. СПб.; Ставрополь, 1999. Вып. 5: Пушкинский текст. С. 99—102; *Aloe S. Ebrei eterni ed altri erranti (il pensiero errante)* // *Kjuchel'beker V. K. L'ultimo dei Colonna, romanzo / A cura di Stefano Aloe*. Bologna, 2000. P. 9—39; *Алоэ С. 1) Печать Каина и странствования Агасвера в творчестве В. К. Кюхельбекера // Библийские мотивы в русской культуре и литературе / Под ред. Ч. Андрушко. Рознай, 2000. С. 31—38; 2) Кюхельбекерно или тошно? О факторах оценки «второстепенного» писателя В. К. Кюхельбекера в истории русской литературы пушкинской поры // Четвертые Майминские чтения: Забытые и «второстепенные» писатели пушкинской эпохи. Псков, 2003. С. 40—45; 3) Фантастика как средство для философских размышлений: Вечный Жид в творчестве В. К. Кюхельбекера // *Contributi italiani al XIII Congresso internazionale degli Slavisti (Ljubljana 15—21 agosto 2003)*. Pisa, 2003. P. 261—282; 4) *Trias poetarum: Пушкин «покровитель» и Пушкин «под покровительством» в поэтическом Пантеоне В. К. Кюхельбекера // Болдинские чтения 2002. Нижний Новгород, 2003. С. 77—90; Aloe S. Traduzione e sperimentalismo nel romanticismo russo: i classici greco-latini nelle polemiche linguistico-letterarie di Vil'gel'm Kjuhel'beker // *Nuovi Quaderni del CRIER*. 2005. P. 139—154.**

³ См.: *Kjuchel'beker V. K. L'ultimo dei Colonna, romanzo / A cura di Stefano Aloe*. Bologna, 2000.

* *Aloe S. Libertà, inventiva, originalità: V. K. Kjuhel'beker nel contesto romantico russo*. Milano: Massimo Valdina the Coffee House art & adv., 2008. 346 p.

¹ С 2007 года Стефано Алоэ — исполнительный секретарь Международного общества по изучению Достоевского.

² См., например: *Алоэ С. «Последний Колонна» В. К. Кюхельбекера и фигура «ар-*

ника стремительного и разнообразного литературного процесса 1820—1840-х годов монография Алоэ выполняет, быть может, очевидную в современных условиях развития историографии русской литературы, но необходимую функцию. Автор ставит своей целью пересмотр устоявшихся, ставших клишированными и непродуктивными представлений о низком качестве стихотворных произведений Кюхельбекера, а следовательно, их второстепенном значении для литературного процесса. Сиюминутная оценка некоторых стихотворений, высмеянных юными друзьями поэта, особенно А. С. Пушкиным, закрепились в критике, а затем в исследовательской практике и, будучи распространена на художественное наследие Кюхельбекера в целом, препятствовала разностороннему и углубленному рассмотрению его творческого пути во всем разнообразии и эволюции.

Действительно, подтверждение чужих оценок, пусть проницательных и справедливых, пусть принадлежащих осведомленным современникам, не может быть задачей историко-литературного исследования, ставящего своей целью суждение на основе обоснованно расширенного контекста. Первая часть книги являет собой тщательный, полный ценных частных наблюдений анализ малых стихотворных форм у Кюхельбекера. В первой главе подробно рассмотрено лирическое творчество поэта до 1825 года, поставлены вопросы циклизации, различных редакций, соотношения малых форм и единства корпуса стихотворений, выявлены переклички с поэмами и драмами. Алоэ убедительно показывает преимущественное увлечение юного стихотворца немецкими образцами и гекзаметром, обусловленное его происхождением и особенностями воспитания и оказавшееся одной из центральных тенденций развития русской поэзии 1830—1840 годов, когда сам Кюхельбекер, в силу жизненных обстоятельств, уже был лишен возможности активно участвовать в литературном процессе. Особый интерес в этой главе представляют разделы, посвященные европейскому путешествию Кюхельбекера 1820—1821 годов и значению этого опыта для его творчества, а также жанру дружеского послания как стоящему на грани элегии и оды. Здесь же поставлен вопрос об историко-литературном значении термина «поэты-декабристы», о влиянии творчества Грибоедова на языковые и жанровые опыты Кюхельбекера, дан подробный анализ позиции автора «Пророчества» (1822) в инициированной им полемике об оде.

Вторая глава посвящена стихотворческим опытам Кюхельбекера в новой для него жизненной ситуации, после ареста 19 января 1826 года и в заключении до 1836 года, когда поэт оказался в вынужденной изоляции от привычных бытовых условий и необходимо для полноценного творчества культурного окружения. Алоэ демонстрирует движение пафоса стихотворений Кюхельбекера

от гражданской лирики к философскому рассуждению, а затем и к духовному раздумью. Рассмотрение тематики сопровождается тщательным лингвистическим анализом, во главе которого стоит исследование поэтической функции церковнославянизмов как основного материала для создания высокого библейского стиля. В особый раздел выделены стихотворения последнего десятилетия жизни Кюхельбекера в сибирской ссылке (1836—1846), для которых характерно значительное увеличение реалистических бытовых деталей безотрадного существования ссыльного, накладывающих отпечаток реализма и фольклорных жанров на стилистические пласты высокого одического слога и стоящего за ним образа поэта-пророка и обличителя. Общий вывод из двух первых глав состоит в представлении о неуклонном движении Кюхельбекера из центра эстетической и литературной полемики 1820-х годов на периферию литературного процесса, сопровождавшемся угасанием оппозиционного одического пафоса и тяготением к философской и интимной лирике в традициях Жуковского, Пушкина и Баратынского.

В третьей главе «Поэтический пантеон Кюхельбекера» рассмотрена проблема художественных ориентиров, значимых поэтических систем, связанных с упоминаемыми в его стихотворных текстах конкретными именами. Анализ материала под этим углом зрения приводит исследователя к следующему выводу: «поэтический пантеон» Кюхельбекера со временем претерпевает существенные изменения, признанные классиками иноземцы заменяются в нем русскими, прежде всего ровесниками поэта Грибоедовым и Пушкиным, которые сами еще недавно находились под покровительством «литературных богов».

Глава «„Песни отшельника“: попытки антологизировать лирику» содержит любопытные результаты наблюдений исследователя над рукописями и другими документами, связанными с работой Кюхельбекера над сборником лирических сочинений. Этот замысел не был завершен, однако он представляет несомненный историко-литературный интерес и заслуживает отдельной научной публикации.

В фокусе второй и третьей частей монографии (главы 5—8) находятся драматургия, поэмы и проза Кюхельбекера. На основе этого материала формируется представление о целостности художественного творчества писателя, об оригинальности его пути в литературе 1820—1840-х годов, проложенного через полемику и взаимодействие с корифеями изящной словесности. Этот широкий контекст, вкуче с богатством историко-литературным фоном, позволяет исследователю создать убедительный очерк человеческой и творческой личности Кюхельбекера. Его биография ценна не столько вызревшими и признанными плодами художнического труда,

сколько энергией полемики и поиском новых решений, ферментом брожения, который был так необходим российской мысли и российскому слову в период становления нового языка и новой системы жанров. Судьба поэта, резко повернутая в иное русло жестоким решением власти, наглядно продемонстрировала общественное значение преобразующего слова. Множество убедительных примеров, приводимых Алоэ, свидетельствуют о том, насколько действительное влияние оказывали спорные идеи и художественные решения Кюхельбекера на современников, особенно на Пушкина, сколь прозорливыми становились его поэтические находки в дальнейшей

историко-литературной перспективе, и наконец, как важно целостное, подробное и непредвзятое представление о творческом пути поэта для понимания существенных процессов развития русской словесности классической эпохи. Монография итальянского ученого являет собой образец вдумчивого, просветительского и новаторского отношения к материалу, позволяющего обнаружить исчерпанность устоявшихся схем и подходов и открыть новые перспективы восприятия и осмысления. Несомненно, она должна войти в круг чтения не только западных славистов, но и российских исследователей истории отечественной словесности.

© Р. Ю. Данилевский

ПЕРВЫЙ СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ Н. А. КЛЮЕВА В ПЕРЕВОДЕ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК*

Вечная проблема стихотворного перевода — воспроизвести на другом языке вместе с содержанием хотя бы тень, хотя бы часть той игры звуков, той эвфонии, без которой нет поэзии. Эта сама по себе крайне трудная задача (другой язык — иное звучание, иные смысловые и звуковые ареалы слов) еще усложняется при встрече переводчика с такими стихами, в которых звуковая и образно-орнаментальная стороны составляют значительную часть их смысла, даже *содержания*, являясь не только *формой*. Хартмут Лёффель — немецкий переводчик поэзии Н. Ключева отважно взялся за этот труд. И сразу скажем, что труд принес хорошие плоды. Под пером переводчика ключевская строка иногда все-таки «поется». Иначе, в несколько иных ритмах, с помощью других звуков, но до немецкого читателя донесен песенный характер подлинника, особый ключевский лиризм, основанный на восприятии *звука*, а также запаха, цвета, телесных ощущений, исполненных особой символичности. Поскольку в обсуждаемом издании подлинники и переводы располагаются параллельно друг другу, мы приводим параллельно примеры тех и других.

Талы избы, дорога,	Tröpfende Hütten, die
	StraÙe,
Буры пни и кусты,	braune Stümpfe, ge-
	büsch,
У лосяного лога	vor der Elchschlucht die
	nassen

* *Klujev Nikolaj. O Russland — das bist du!* Ausgewählte Gedichte. Russisch und deutsch / Übersetzt und hrsg. von Hartmut Löffel. Mit drei Gedichten von Valerij Domanskij. Schweinfurt: Wesenburg Verlag, 2009. 104 S.

Четки елей	Fichtenkreuze	wie
кресты...		frisch...

(«Талы избы, дорога...»,
1914 или 1915, с. 54—55)

Можно заметить разницу в деталях: в переводе ели становятся пихтами, а странный, но понятный знакомому с русской древней человеку образ «талых изб» — срубов, сырых от тающего снега, передается по-немецки «разъясняющей» метафорой: избы покрыты влагой, она спадает капелью (tröpft). Но главное в этом переводе то, что он так же, как и подлинник, *звучит*. Но только у Ключева это распев гласных, а у Лёффеля «шорох» глухих согласных звуков (их в переводе двадцать пять против одиннадцати в оригинале).

Этот пример показывает, насколько условно понятие точности перевода и вместе с тем — насколько умело поэт-переводчик может передать тон и настроение подлинника.

Как это обычно бывает, даже очень способному переводчику не вполне поддается русская фольклорная поэтика, притом же осложненная индивидуальной ключевской образностью. В переводе стихотворения «Осиношка» (1913), выдержанного в духе народной песни, «судьбинушка» становится «феей судьбы» (Schicksalsfee), а «детинушка» — всего лишь «парень, полный сил» (ein kraftvoller Kerl), так как русские уменьшительные суффиксы передать по-немецки почти невозможно, а в них-то все и дело. Красная листва осины — «лист-руда», «листья зарные» получают удачную кальку-неологизм «Blatt-Erz», но игра смыслов руда—заря остается лишь в подлиннике.

В тех случаях, когда в лирике Клюева проступает литературная традиция или влияние современных ему поэтов (Тютчев, А. К. Толстой, Брюсов и, возможно, Блок), немецкому переводчику легче работать, так как существует немецкая традиция переложений русской поэзии.

Костра степного	Loderndes	Steppen-
извыги,	feuer,	
Мерцание высоты,	flimmernde Höhe dazu,	
Бурьяны, даль и	Unkraut, Felder und	
нивы —	Weite —	
Россия — это ты!	O Russland — das bist	du!

(«Костра степного извыги...», 1910, с. 26—27)

Можно было бы упрекнуть переводчика в частных неточностях, в отклонении от системы рифм, но все это мелочи по сравнению с общей удачей — воспроизведением страстного, хотя и не ораторского строя клюевской поэзии.

Всего в сборнике переведено двадцать шесть стихотворений. Они сопровождаются проникновенным предисловием переводчика, знакомящего немецкого читателя с деталями трагической биографии поэта (с. 8—15). Впрочем, не вполне можно согласиться с утверждением Х. Лёффеля, что поэтический мир Клюева создает трудности для восприятия его поэзии современной российской публикой. Напевное «колдовство» этой лирики (слово самого переводчика — см. с. 15) доступно любому носителю русского языка, несмотря на встречающиеся диалектизмы (которые сами по себе обладают поэтической функцией). Клюев трогает своей негромкостью, интровертностью, по сравнению, например, с близким к нему по стилистике С. Есениным. В одном из своих стихотворений поэт употребляет слово «келейность» («Ты все келейнее и строже...», 1908—1911), которое очень подходит к нему самому, в его лирике есть нечто от молитвы. Почти уже тоническим стихом в традиции Г. Гейне передает Лёффель внутреннюю печаль певучего подлинника:

Я молился бы лику заката,
Темной роще, туману, ручьям.
Да тяжелая дверь каземата
Не пускает к родимым полям...

Inſ. Abendrot beten, wie wünsch ich es mir,
zu den Bächen, dem Nebel, den Wäldern,

aber die schwere Gewölbetür
lässt mich nicht heim zu den Feldern...

(«Я молился бы лику заката...», 1912, с. 40—41)

Тема темницы издавна хорошо знакома русской поэзии настолько, что на память сразу приходит пушкинский «Узник». Но Клюев углубляет ее трагизм, пряча протест глубоко под христианским смирением, принятием судьбы («Вечер... красит золотом треснувший свод»). Благодаря тщательному и поэтичному переводом Х. Лёффеля печальная красота клюевских образов стала теперь, надеемся, более доступной немецкому читателю.

Послесловие к книге «Россия — это ты!» написано томским (ныне — петербургским) исследователем творчества Н. Клюева, педагогом и поэтом проф. В. А. Доманским. Вообще своим появлением сборник переводов, обсуждаемый нами, в немалой степени обязан усилиям В. Доманского, будем ему за это признательны. Издавший поэму Клюева «Кремль», Валерий Доманский посвятил последним дням поэта, расстрелянного в Томске, собственную поэму «Нарым». Три фрагмента из этой поэмы («Письмо из бани», «Изба» и «Плаха») (с. 87—95) помещены в сборнике — в оригинале и в немецких переложениях Х. Лёффеля. «Надеюсь, — пишет В. Доманский о Н. Клюеве в послесловии, — что мои стихотворения расширят представление немецких читателей о жизни и судьбе этого своеобразного русского поэта XX столетия и вызовут у них ответные теплые чувства» (с. 98).

Стихи В. Доманского действительно проникнуты глубоким сочувствием к судьбе Н. Клюева, безвинно растерзанного сталинской репрессивной машиной. И все же позволим себе высказать мнение, — возможно, не бесспорное, — что под одной обложкой с лирикой Н. Клюева не стоило бы помещать произведения другого автора. Они вполне хорошо читались бы в отдельном издании.

В книге воспроизведены фотографии Н. Клюева, а также приводится библиография переводов его стихотворений на немецкий язык (таких переводов немного) (см. с. 90). Со вкусом оформлен переплет — с пронзительным сельским русским пейзажем. Несколько раз — в «Предисловии» и на задней крышке переплета — повторяется мысль, что Клюев был крестьянским поэтом. Но прежде всего он был, очевидно, просто Поэтом.

© Д. В. Токарев

КНИГА О Д. ХАРМСЕ И Р. ДОМАЛЕ*

Книга Татьяны Огарковой «Другой авангард: метафизика, возвращение к традиции и религиозные искания в произведениях Рене Домала и Даниила Хармса» посвящена двум знаковым персонажам французского и русского авангарда, продемонстрировавшим в своем творчестве не только возможности авангардного письма, но и его внутренние противоречия, преодолеть которые они пытались за счет обращения к метафизике, религии, оккультизму, традиции в широком смысле слова, включающем в себя и возрожденный интерес к литературе «отцов», «предшественников» (в случае Домала и Хармса к романтикам и символистам).

Действительно, в самой семантике слова «авангард» заложено значение преодоления, противопоставления себя чему-то отжившему, устаревшему. Быть авангардистом — значит отрицать что-то, причем отрицать радикально, безжалостно сокрушая как основы общественного устройства, так и основы искусства, это устройство отражающего. Малевич в статье «От Сезанна к супрематизму» утверждал, что Микеланджело, изваяв Давида, лишь испортил прекрасный кусок мрамора. Статуя Давида, по Малевичу, — лишь копия действительности, причем действительности неистинной, ложно понятой художником. Достижение же истинной, глубинной реальности немислимо без разрушения Давида, разрушения, символизирующего революционную трансформацию как тела общественного, так и тела индивидуального. В политике художественный авангард ассоциируется с левым радикализмом, поскольку именно левые радикалы выступают против власти отца, авторитета и стремятся, в конечном счете, к обществу, в котором свобода индивидуума будет максимальной. Разрушая структуры государства, они разрушают и национальные границы, мечтая об интернациональном единстве людей. Примером группы, исповедующей яростный антипатриотизм, антиклерикализм, стремящейся к максимальному расширению своего состава за счет художников других стран, являются французские сюрреалисты.

Но возможен и «уклон», условно говоря, правый, тот, который находит способ своего существования в возвращении к национальным корням, вырванным из тела матери-земли молохом индустриальной цивилизации. Речь идет, по сути, о повороте истории вспять, об обретении синкретического

единства человека и почвы. На первый взгляд, примером такого возвращения к корням является творчество Антона Арто, который противопоставлял культуру и цивилизацию, делая выбор в пользу культуры, культуры архаической, пропитанной соками земли. Отсюда его интерес к магии индейцев племени тараумара в Мексике, к древним жертвоприношениям в Сирии времен императора Гелиогабала, вообще, ко всему, связанному с инициацией, с тайным знанием, неподвластным течению времени. Однако Арто, как и всякий посвященный, осознавал глубинное единство эзотерических доктрин и представлений, их укорененность в некоем всеобщем высшем знании, существовавшем еще до разделения человечества на расы и народы. Отвергая реалистическое искусство и общество потребления, Арто уповал не на прогресс, как это делали многие авангардисты, а на регресс, который он интерпретировал как возрождение наднационального мистического откровения. Вообще, в традиционных культурах проблема прогресса просто не ставится, поскольку традиция — это передача знания об истине, а истина неподвластна течению времени и не имеет национальных границ.

Рене Домаль (1908—1944), творчество которого в России и поныне известно еще очень плохо, был близок Арто в своем восприятии времени и вечности, движения и покоя, цивилизации и культуры. Входя в 1924—1927 годах в близкую к сюрреализму группу «симплистов», а затем в группу «Большая игра» (*Grand Jeu*, 1928—1931), члены которой стремились к демаркации границ между собой и сюрреалистами, Домаль, с начала 1930-х годов и вплоть до своей смерти от туберкулеза в 1944 году, шел по пути духовной и физической аскезы, литературными плодами которой стали поэтический сборник «Противо-небо», романы «Большая попойка» и «Гора Аналог» (незавершен), философские эссе и даже санскритская грамматика.

О творческой эволюции Хармса, приведшей его от зауми к литературе абсурда, известно теперь достаточно, чтобы определить эту эволюцию как вполне органическую. Жан-Филипп Жаккар в своем классическом труде «Даниил Хармс и конец русского авангарда» (1991; рус. пер. 1995) обозначил те ее ключевые моменты, которые позволяют сопоставлять наследие Хармса с творчеством таких европейских писателей, как Анри Мишо, Сэмюэль Беккет, Эжен Ионеско, Альбер Камю. Домаль занимает в этом ряду одно из важнейших мест: именно тексты Домала помогают Жаккару сформулировать свои выводы в заключительной части его монографии, в каждой главе которой предпослан

* *Ogarkova T. Une autre avant-garde. La métaphysique, le retour à la tradition et la recherche religieuse dans l'œuvre de René Daumal et de Daniil Harms. Bern etc: Peter Lang, 2010. 548 p. (Slavica Helvetica. Bd 81.)*

эпиграф из французского поэта. С тех пор появление исследования, посвященного сравнительно-типологическому анализу текстов Хармса и Домалья, оставалось лишь вопросом времени. Книга Огарковой, написанная на основе диссертации, защищенной в университете Париж-ХІІ в 2007 году, стала, по сути, развернутым, пятисторонним комментарием к положениям, так убедительно сформулированным Жаккаром. В этом ее сила — поскольку работа опирается на крепкое «основание», — но и некоторая ее слабость, ведь исследование написано для того, чтобы подтвердить исходное и не подвергаемое сомнению положение, а именно то, что Хармс и Домаль очень похожи как в экзистенциальном, так и творческом смысле, и что оба они могут быть отнесены к некоему «другому», «антимодернистскому» авангарду. Без сомнения, Огарковой удастся убедительно продемонстрировать, каким образом происходит «мутация» авангардистской поэтики и идеологии, причем многие пассажи книги свидетельствуют о глубоком проникновении в материал, однако из-за того, что выводы, к которым приходит автор, известны в принципе с самого начала, книга, к сожалению, оказывается во многом лишней интеллектуальной «интриги».

Вызывает вопросы и то, каким образом происходит собственно сравнение Хармса и Домалья: поскольку книга поделена на пять частей (каждая из них состоит из двух глав), заглавия которых говорят о желании автора концептуализировать направления своего исследования («Авангардисты в поисках Абсолюта», «Авангардисты-антимодернисты», «На переломе 1930-х годов: проза как модель противомира», «Смех: от абсурда к искупительному смеху», «Трансцендентность. Поэтические молитвы. Проза как модель спасения»), логично ожидать, что внутри каждой части (и каждой главы) «линия» Хармса и «линия» Домалья будут постоянно пересекаться, взаимно «оттеняя» друг друга. В реальности все не так: сначала рассказывается о Домале, затем о Хармсе, затем опять о Домале, опять о Хармсе, и только в конце части на двух-трех страницах сравнивается то, что было сказано о каждом в отдельности. Если механически подсчитать, сколько страниц отведено собственно сравнительному анализу, то окажется, что несколько десятков страниц, не более.

Та часть книги, которая посвящена Домалю, могла бы стать открытием этого писателя для русской публики, но поскольку книга написана по-французски, это неизбежно сужает круг ее потенциальных читателей. В этот круг вряд ли войдут и те, кто профессионально интересуется Хармсом: во-первых, опять же из-за языковой проблемы, а во-вторых, потому что трактовки Огарковой

достаточно традиционны и не претендуют на то, чтобы сказать что-либо принципиально новое по поводу хармсовской поэтики. Интенция автора другая — обобщить то, что уже известно, таким образом, чтобы обозначить те ключевые моменты эволюции Хармса, которые позволяют сопоставить его с Домалем. И эта задача выполнена, но опять же возникает вопрос — если углубленное аналитическое исследование собственно поэтики Хармса и собственно поэтики Домалья является для Огарковой в сущности второстепенной задачей, хотя при этом, как уже говорилось, конкретному сопоставлению двух авторов отведено не так уж много страниц, кому же тогда адресована книга? На этот вопрос сам автор отвечает в «Предупреждении»: поскольку оппоненты диссертации были в основном не русскоговорящими (за исключением Жаккара, разумеется), то и сама работа, как указывает Огаркова, не является традиционным славистическим исследованием. И далее: «Формальная его сторона (французская транслитерация, перевод цитат, библиография и т. п.), а также наличие некоторых избыточных на взгляд специалиста по России прояснений связаны прежде всего со стремлением издателя заинтересовать не только русистов, но и франкоязычного читателя, в том числе специалистов по французскому авангарду и, в частности, специалистов по творчеству Рене Домалья и его поколения» (с. XVI). Как представляется, многие характерные (прежде всего для хармсовской части) особенности текста — экстенсивное разветвление изучаемых сюжетов, слабый интерес к собственно анализу текста, недостаточное количество ссылок на вторичные источники (скажем, глава о влиянии Николая Лосского на Хармса написана так, как будто об этом никто раньше не писал), отсутствие полемичности по отношению к высказанным другими хармсоведами мнениям — объясняются подобным выбором адресата: это не специалист по Хармсу и русскому авангарду, а специалист по Домалю и авангарду французскому. При этом внимание последнего — а в России, к слову, таких довольно мало — будет приковано не к страницам, посвященным Домалю, поскольку там он вряд ли найдет что-то для себя новое, а к хармсоведческой составляющей работы. Налицо довольно запутанная с точки зрения потенциального читателя ситуация: изданное в серии «Slavica Helvetica» исследование, добрая половина которого связана со славистической тематикой, определяется самим автором как не вполне славистическое и адресуется в основном не славистам. Но сможет ли оно заинтересовать их, ведь о том же Хармсе уже написана замечательная книга Жаккара, доступная как во французском, так и русском варианте?

© М. М. Павлова

ПАМЯТНИК ФАЛЬСИФИКАТУ*

Книга Л. В. Азадовской (1904—1984) и К. М. Азадовского «История одной фальсификации», живописующая биографию одного из наиболее изобретательных мошенников прошлого века, — последний, хочется верить, и решающий аргумент в почти полувековой «тягбе» по делу В. И. Анучина между присяжными горьковцами-имлийцами и «следственной комиссией» в лице авторов монографии.

Начало этой грустной и очень «советской» истории, получившей в книге исчерпывающее изложение, относится к 1965 году, когда на страницах «Нового мира» А. Т. Твардовского появилась, хотя и в урезанном виде (иначе бы не пропустили), статья Л. В. Азадовской «История одной фальсификации» (№ 3). Автор взял на себя смелость поставить под сомнение подлинность переписки сибирского этнографа, краеведа и литератора Василия Ивановича Анучина (1875—1941) с М. Горьким, представив неоспоримые доказательства того, что среди двадцати трех горьковских писем Анучину за 1903—1928 годы, опубликованных в подавляющем большинстве по неавторизованным машинописным копиям,¹ подлинными являются лишь девять. Такими же подделками, как установила Л. В. Азадовская, были анучинские воспоминания о встречах с Лениным,² а также будто бы существовавшие письма Ленина, изъятые у краеведа-авантюриста, согласно одной из его легенд, при обыске НКВД в 1935 году.³

Ко времени новомирской публикации фальсифицированная переписка, выдержавшая восемь изданий, и производные от нее мемуары уже вошли в историко-литературный обиход.⁴ Письма Горького к Анучину и

воспоминания последнего о встречах с Лениным, равно как проистекающая из них профанная история его отношений с двумя равноапостольными вождями соцреализма и социализма, прижились как в горьковиане, так и в лениниане. На эти не замутненные дознаниями в подлоге источники простодушно ссылались авторы, пополнявшие конвейер востребованной идеологией продукции, их широко цитировали. Письма Горького к Анучину вошли в 28 и 29 тома собрания сочинений писателя в 30 томах (М., 1953, 1954).

До открытия подделки проблемы с атрибуцией горьковских писем не существовало, но вот она обозначилась во всей своей обнаженной привлекательности для архивистов, текстологов и историков литературы. И что же? — Исследование Л. В. Азадовской было поддержано в печати и, как мы теперь узнаем из книги, в личных письмах В. М. Жирмунским, И. С. Зильберштейном, Ю. Г. Оксманом, Е. Д. Петряевым; со стороны же сотрудников Архива А. М. Горького и Института мировой литературы эта работа ни малейшей поддержки не встретила, не побудила вникнуть в суть дела (взять да и «разъяснить» Анучина!), напротив, вызвала охранительную реакцию. Позднейшая полемика лишь усугубила обоюдное несогласие сторон (см.: *Никитин Е. Н.* Был ли фальсификатором В. И. Анучин? // *Новый мир.* 1993. № 4; *Азадовский К. М.* Дети лейтенанта Шмидта появляются лишь там, где их ждут. Еще раз о письмах, которых не было // *Литературная газета.* 1994. 20 апр. № 16; *Никитин Е.* Семейная честь или истина? // *Новый мир.* 1994. № 11).

Дальнейшие события разворачивались как по писанному («Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман...»). В академическое собрание писем М. Горького в 24 томах (выходит с 1997 года, в настоящее время вышло 14 томов с корреспонденцией за 1888—1924 годы) редколлегия сочла целесообразным поместить письма к Анучину в их прежнем составе, т. е. механически — без проверки и дополнительной экспертизы, с оговоркой: «Подлинность 17 из них в 1965 г. оспаривалась Л. В. Азадовской» (Т. 4. С. 403).

Сам этот факт вызывает даже не изумление, а какие-то более сложные эмоции. Ведь тема фальшивки, действительно, была «отработана» уже в 1970-е годы (не в 1990-е — позволю себе небольшое уточнение) и фактически закрыта после выхода второй статьи Л. В. Азадовской «В. И. Анучин в Сибири. Легенда и факты» (Фольклор и литера-

* *Азадовская Л. В., Азадовский К. М.* История одной фальсификации. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 263 с.

¹ Письма М. Горького к В. И. Анучину // *Труды Самаркандского Госпединститута им. А. М. Горького.* Самарканд, 1941. Т. 2. Вып. 3.

² *Анучин В.* Встреча // *Литературный современник.* 1940. № 1. С. 5—10.

³ Вопрос о фальсификации писем Горького и воспоминаний Анучина о Ленине был затронут в книге Б. В. Яковлева «Ленин в Красноярске» (М., 1965), в которой тот использовал исследование Л. В. Азадовской, известное ему в рукописи. Тема плагиата Яковлева подробно освещена в рецензируемой книге — см. Приложение 3: «Лениниана» Б. В. Яковлева (с. 225—253).

⁴ Выражаю признательность Е. Б. Валульской, сотруднице Горьковского кабинета

библиотеки Пушкинского Дома, за содействие в ознакомлении с материалами.

тура Сибири. Омск, 1976. Вып. 3). В авторитетнейшем учебном пособии, возрастившем не одно поколение филологов и не утратившем своего значения по сей день — «Основах текстологии» С. А. Рейсера, в специальном разделе «Подделки», сказано: «Очень точным анализом содержания Л. В. Азадовская с полной очевидностью доказала, что целый ряд „писем“ М. Горького к В. И. Анучину бесстыдно подделан последним».⁵ Это мнение было поддержано Е. А. Тенишевой (кстати, сотрудницей ИМЛИ) в статье о В. И. Анучине в биографическом словаре «Русские писатели. 1800—1917» (М., 1992. Т. 1. С. 95—96).

Чем грандиозней обман, тем, как водится, легче в него поверить. В истории литературы примеров мистификаций и фальсификаций известно немало; как правило, подделки живут столько, сколько в них нуждаются (см., например, книгу Евгения Ланна «Литературная мистификация» (М.; Л., 1930)). Упорство, с которым сотрудники «горьковской группы» отстаивали (и все еще продолжают отстаивать) свою позицию в отношении подлинности апокрифических писем, найдется в противоречии со здравым смыслом и поневоле напоминает известный литературный сюжет. Герой сологубовского «Мелкого беса» Ардальон Борисович Передонов, горделиво похвалившийся перед коллегами письмами княгини Волчанской, в которых она сулила ему три инспекторских места на выбор, узнав о наглом подлоге, ничуть не поверил своим «завистникам», а попросту взял топор и пошел защитить честь мундира радикальным способом.⁶

Неистребимая живучесть фальшивки, в конечном результате, побудила К. М. Азадовского восстановить в деталях и в хронологической последовательности — от начала 1960-х до конца 2000-х — весь «анучинский сюжет», за которым стояла многолетняя борьба его матери за признание открытия.

Книга состоит из двух строго документальных разделов. В первом помещены ранее опубликованные статьи Л. В. Азадовской и К. М. Азадовского, написанные в ответ оппонентам; во втором — сосредоточены материалы из семейного архива, освещающие историю работы Л. В. Азадовской по ее переписке с разными лицами; новомирские перипетии, связанные с публикацией Б. В. Яковлева; отзывы Н. Н. Жегалова, Е. Д. Петряева и др.

«История одной фальсификации» — это не только история научного открытия, за-

малчивание и игнорирование которого также сродни фальсификации, но и, главным образом, документальная биография выдающегося авантюриста — достойное воплощение замысла Л. В. Азадовской, еще в 1960-е годы задумавшей написать книгу «Фальсификатор Анучин».

Перед нами — ювелирный, основанный на многолетних архивных разысканиях и кропотливым, безупречным анализе труд, и вместе с тем чрезвычайно увлекательное, захватывающее чтение, настоящий детектив; поистине не частый случай в литературоведческой науке — блестящий сплав fiction и nonfiction.

Исследователям нередко случается извлекать из архивов, в том числе и труднодоступных, материалы, позволяющие воскресить из небытия человека, реконструировать его судьбу, творческий путь, вернуть к жизни погребенные в пыли времен произведения и художественные замыслы. Однако задача, с которой столкнулись Л. В. и К. М. Азадовские, оказалась много сложнее. Одновременно со скрупулезной текстологической и архивной работой им приходилось снимать личину за личиной с лица человека, фактически канонизированного, репутация которого не могла быть пересмотрена в конкретных обстоятельствах места и времени, да *ее и не хотели пересматривать*. Иначе как объяснить нежелание (а может быть, неспособность?) горьковедов-имлийцев обозреть хотя бы материалы собственного ведомственного архива, дотошно изученные Л. В. Азадовской; как было не обратить внимания, к примеру, на письмо Горького Е. А. Ляцкому от 13 декабря 1912 года, в котором он прямо извещал своего адресата об Анучине: «Предупреждаю: лично я с ним не знаком...» (с. 30).

Исследованию было обречено лежать под спудом; по точному наблюдению Ю. М. Лотмана: «Подделка порождает определенную эпоху и входит в литературное развитие своего времени как активное выражение литературных вкусов эпохи».⁷ О состоянии тогдашнего научного дискурса красноречиво свидетельствует приведенное в книге сочувственное письмо Ю. Г. Оксмана (из семейного архива Азадовских): «Вашу работу о В. И. Анучине (именно работу, так как это мастерское исследование было бы несправедливо назвать «статьей»), я прочел не отрываясь. Она не только интересна, но блестяще построена, не уступая лучшим образцам серии «Жизнь замечательных людей». Но, конечно, о публикации ее и сейчас, и в ближайшие годы не может быть и речи. Самый факт существования таких деятелей советской науки не подлежит популяризации ни с какой стороны. (...) Я поговорил с некоторыми из

⁵ Рейсер С. А. Основы текстологии. 2-е изд. Л., 1978. С. 110.

⁶ Не так ли поступили ответственный редактор четвертого тома Л. Н. Смирнова и комментатор писем Горького к Анучину Е. Н. Никитин — одним ударом взяли и отсекали неудобную для их текстологического обоснования работу предшественницы (см.: Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 4. С. 218—219).

⁷ Лотман Ю. М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII—начала XIX вв. // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 405.

своих друзей, компетентных в издательских делах, и все они, выслушав мой отчет о Вашей рукописи, пришли к одинаковому заключению. Но Вы, оказывается, прирожденный биограф. Если бы Вы затратили хотя бы треть того времени, которое отняла у Вас работа об Анучине, на биографию любого писателя или деятеля революционного движения, Вы давно стали бы популярнейшим литератором, да к тому же и очень богатой» (с. 213).

Литературным вкусом советской эпохи был угоден мифический Анучин — сибирский этнограф, преданный своему краю; талантливый, хотя и не раскрывшийся в полную силу, прозаик и публицист; человек с революционным прошлым, связанный перепиской с Горьким (длившейся более трети века), встречавшийся с Лениным; ученик Г. Н. Потанина, доцент Томского и профессор Самаркандского университетов; в 1990-е годы его образ претерпел колоритные, но не оправданные, как убедительно показал К. М. Азадовский, изменения: жертва советского режима, несмотря на жизненные неурядицы, преследования НКВД и обыски, он якобы сберег ценнейший архив.

Реальный Анучин не имел никакого отношения к мифическому/догматическому. Фронтальное изучение переписки того времени в Архиве Горького, в Институте Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК КПСС, а также связанных с деятельностью героя документов в многочисленных библиотеках, музеях, архивах, в том числе в Центральном государственном архиве Узбекистана, в архиве востоковедов Института востоковедения РАН, в ГАРФе, ЦГАОРе и др.; просмотр сибирских газет 1910—1920-х годов и переписка с сибиряками, помнившими Анучина (успеху дела немало помогли прочные сибирские связи М. К. Азадовского), — вся эта работа позволила Л. В. и К. М. Азадовским воссоздать поистине монументальный портрет фальсификатора.

Сын Красноярского помещика Василий Иванович Онучин (букву в фамилии поменял в 1900 году) после окончания Красноярского духовного училища (1891) продолжил образование в Томской духовной семинарии, из которой был уволен после четырех классов по прошению в 1896 году, с весьма посредственными успехами. «До конца своих дней (уже будучи «писателем» и «профессором») он писал: авация, параход, деректива...» (с. 41). Никакого жандармского разгрома, будто бы имевшего место в Томской духовной семинарии в 1895—1896 годах, жертвой которого он стал как политически неблагонадежный (естественно, с его слов), — не было, как не было и «семинарского бунта», организатором которого он якобы был; не было встречи и прогулок с Лениным в Красноярске в марте 1897 года, и никогда Анучин не показывал тому Юдинскую библиотеку (пунт его воспоминаний о Ленине, потому что в это время находился в Томске.

Осенью 1897 года авантюрист перебрался в Петербург, закончил вольнослушателем Археологический институт, проник (точнее: втёрся) в академические круги, в течение нескольких лет участвовал в этнографических экспедициях в Сибирь (на Енисей и в Туруханский край), был даже назначен правителем дел Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, но вскоре отставлен за несоответствие должности.

Согласно собранным в книге многочисленным свидетельствам, вся профессиональная деятельность Анучина сопровождалась интригами и скандалами; его не раз уличали в растрате денег Академии наук, продаже коллекций за границу, лени и нравственной нечистоплотности; по мнению коллег, всем своим поведением он компрометировал Русское географическое общество. В 1911 году Академия наук, Музей Александра III и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии прекратили с ним все сношения.

Страницы анучинской биографии пестрят колоритными отзывами современников, приведем лишь два из них: «В. И. Анучин не этнограф, а железнодорожный деятель, этнографию по боку, т. к. из Академии выставили за очень некрасивые махинации с коллекциями, собранными на академические деньги» (научный сотрудник Красноярского музея А. П. Ермолаев — с. 51); «...этот человек совершил целый ряд обманных проделок с целым рядом различных учреждений (...), с каким бы учреждением этот человек ни вступал в деловые отношения, они непременно кончались каким-нибудь обманом или пакостью, в основе которых лежали корыстные цели» (А. В. Адрианов «Патент на честность» (Сибирская жизнь. 1917. 5 июня) — с. 96).

И далее все в том же духе, в прямом смысле слова — «клейма некуда ставить»: на читателя обрушивается лавина документов, из которых следует, что точно таким же, как этнограф, антрополог, востоковед, лингвист, Анучин был — писателем, журналистом, профессором (с четырьмя классами Томской семинарии!), краеведом, продававшим курганские костяки за границу и чуть было не разорившим Минусинский музей; революционером-подпольщиком! — в 1918 году этот верный ленинец был избран каганом нового государства «Ойрот» (русский Алтай, земли минусинских туземцев, Урянхай, Монгольский Алтай, Джунгария), а в 1921 году собственноручно доставил в ЧК письмо барона Р. Ф. фон Унгерн-Штернберга на свое имя (собственноручно написанное, не привлекать!) с предложением «принять на себя тягостное бремя управления Сибирью», стать Президентом республики Сибирь или Председателем Совета Министров.

В приведенных Л. В. и К. М. Азадовскими архивных материалах Анучин фигурирует исключительно как: «клеветник», «шантажист», «недобросовестный человек», «на-

глец», «жулик», «хулиган от революции», «аферист» и т. п. Таким, как выяснилось, он оставался до конца. В 1934 году в Самарканде его привлекли к уголовной ответственности и признали виновным в нанесении ущерба кооперативу «Научный работник», средства которого он растратил в личных целях (см. главу «Кооперативные тяжбы»). Счастливый случай (затянутый в Москве том горьковского «Литературного наследия») и изощренная изобретательность побудили героя вступить в деловые отношения с Литературным музеем и в переписку с В. Д. Бонч-Бруевичем (см. главу «Игры с Литературным музеем»). В результате этого точного расчета появились фальсифицированные горьковские письма (и не только горьковские, как убеждают авторы повествования), а герой, благодаря вмешательству Москвы в его многолетнюю самаркандскую эпопею с «Научным работником», получил «люфт» от суда и прокуратуры, а заодно и свободу для продолжения своей «творческой» деятельности — дальнейшей фальсификации архива.

Возможно, прочитав книгу, оппоненты захотят упрекнуть авторов, воскресивших подлинного, столь фантастического, невероятного и неведомого Анучина, в подтасовке: уж слишком черен личиком получился герой. — Что ж, уважаемые коллеги, попробуйте отмыть!

В сущности, Л. В. Азадовская начала, а К. М. Азадовский завершил работу, которую по долгу службы и научной добросовестности полагалось сделать сотрудникам Архива А. М. Горького и членам «горьковской группы». С точки зрения здравого смысла и результатов проведенной авторами монографии историко-литературной и текстологической экспертизы, любые дальнейшие попытки составителей академического собрания писем⁸

⁸ Речь идет исключительно о сотрудниках «горьковской группы» ИМЛИ, ответственных за репродукцию в академическом собрании писем М. Горького анучинского фальсификата.

отстаивать свою «горькую» правду и в очередной раз опротестовывать научно подтвержденные факты, можно будет квалифицировать исключительно в медицинских терминах. Куда естественнее было бы признать собственное поражение, спустить флаги и воздать должное справедливости.

Несколько лет назад в Иллинойском университете мне довелось беседовать с ныне покойной, известной американской исследовательницей творчества З. Гиппиус профессором Т. А. Пахмусс, знатоком и хранителем архива Мережковских, в то время другим исследователям не доступного. На мой вопрос о содержании и мотивации купюр в опубликованных ею текстах Гиппиус Темира Андреевна ответила, что не могла поступить против воли автора... будто бы «сама Зинаида Николаевна» являлась ей по ночам и указывала пальцем места, которые необходимо исключить из публикации.

Вполне возможно, что членов «горьковской группы» долгими зимними московскими ночами также навещали и, увы! продолжают навещать попеременно — то Горький, то Анучин и диктуют свою посмертную волю в отношении репрезентации их многолетней «переписки» (исключительно из политкорректности не цитирую ударные строки из «Песни о Соколе»).

В последнее время мы уже привыкли видеть на прилавках вместо молока, творога, рыбы — фальсификаты, лишь совсем недавно кое-где появились честные наименования товаров: «молочный продукт», «творожный продукт» и т. п. Теперь же под маркой академического собрания писем М. Горького нам предлагают анучинское творчество или «горьковский продукт», который можно «переварить» лишь с помощью монографии Л. В. и К. М. Азадовских, рекомендуемой нами будущим филологам в качестве настольной книги архивиста и текстолога.

© А. М. Грачева

«Я ПРОСТО ХОЧУ ВСПОМНИТЬ ЧЕЛОВЕКА...»*

Мировые и российские потрясения минувшего столетия вызвали к жизни такое явление, как культура Русского Зарубежья. В настоящее время ведется интенсивное научное исследование различных областей этого феномена, в частности, литературы «Рос-

сии в изгнании». Как известно, многие писатели и критики, определявшие литературный процесс начала XX века, вошли в состав культурной элиты первой волны русской эмиграции. Для нее была характерна развитая саморефлексия, выразившаяся, в том числе, в череде воспоминаний, значимых по содержанию и блестящих по художественной форме. Александр Бенуа, Мстислав Добужинский, Сергей Маковский, Роман Гуль,

* Синкевич Валентина. Мои встречи: русская литература Америки. Владивосток: Изд-во «Рубеж», 2010. 384 с.

Андрей Седых, Юрий Терапиано... Перечень мемуаристов можно продолжать далее и далее. В их воспоминаниях отразилась Россия, которую потеряли, унесли, сохранили в Берлине, Париже, Праге, Шанхае и т. д., и т. д. Во многом благодаря этим мемуарным свидетельствам культурная жизнь первой эмигрантской волны в настоящее время является наиболее изученной специалистами и наиболее известной современной читательской аудитории. Дальнейшие социальные и политические катаклизмы вызвали вторую и третью волны русской эмиграции. После Второй мировой войны ее культурный центр переместился из Европы в США. В силу смены поведенческих стереотипов и жизненных сценариев новых обитателей «России в изгнании» переменялся и способ выражения самосознания представителей эмиграции последующих волн, что, в частности, привело к сокращению числа мемуаров. На фоне подобной тенденции редкие произведения этого жанра обретают особую ценность. К их числу относится книга В. А. Синкевич «Мои встречи: русская литература Америки», написанная в лучших традициях отечественной мемуаристики. Ее автор — поэтесса, критик, издательница, представительница второй («военной») волны русской эмиграции. В 1942 году с территории Украины она была отправлена на принудительные работы в Германию. После войны оказалась в английской зоне оккупации и с 1950 года проживает в США. С 1973 года печатается в газете «Новое русское слово» и, помимо работы библиографом в библиотеке Пенсильванского университета, помимо собственного поэтического творчества, долгие годы отдает свои силы организации литературной жизни русской эмиграции. В 1992 году Синкевич выпустила антологию поэзии второй волны — издание, имеющее непреходящую ценность как для читателей, так и для исследователей. До 2007 года она была издателем, редактором и распространителем известного ежегодника «Встречи», ныне является членом редколлегии «Нового журнала» и дальневосточного альманаха «Рубеж». В 2011 г. литературная и научная общественность отметила 85-летие В. А. Синкевич.

Книга «Мои встречи...» идет вслед ранее изданным Синкевич литературным мемуарам «...с благодарностью: были...» (М., 2002), развивая затронутые прежде темы. Названия разделов в ней лапидарны: по номерам волн русской эмиграции. Каждая глава, за исключением очерка об Иване Савине, посвящена лицам, с которыми мемуаристка была лично знакома. Даже в разделе о писателях первой волны большинство геро-

ев — те литераторы, о деятельности которых, к сожалению, сохранилось мало мемуарных свидетельств (Б. Нарциссов, Ю. Иваск, Л. Алексеева). Вторая волна — ровесники автора — представлена в книге полноценно и глубоко: О. Анстей, С. Бонгарт, С. Голлербах, И. Елагин, Вяч. Завалишин, О. Ильинский, Н. Моршен, Л. Ржевский, Т. Фесенко, Б. Филиппов, В. Шаталов... Мемуаристка рисует ёмкие, выразительные портреты литераторов и художников — своих друзей, товарищей по делу развития русской культуры и просто знакомых. В ее очерках подчас уникальная информация о вехах биографии героев сочетается с тактичным изображением камерных событий их частной жизни и яркой характеристикой творчества. При этом главное качество автора воспоминаний — неизменная объективная доброжелательность по отношению к изображаемым лицам.

Если публикация и исследование произведений литераторов второй волны уже начались, то писатели третьей волны во многом являются пока лишь объектами изменчивого и мимолетного внимания рецензентов. Однако в свете каждодневного превращения сиюминутного в историческое, очерки Синкевич о представителях этой генерации имеют значение, которое будет в полной мере оценено только впоследствии.

Книгу дополняют два весьма любопытных раздела. «На земле американских поэтов и прозаиков» — это нетривиальные заметки о восприятии живущим в США автором поэтов и писателей этой страны. Последний раздел составляют избранные рецензии Синкевич из «Нового русского слова», «Нового журнала» и др. В него входят и заметки, по разным причинам оставшиеся не опубликованными. Среди последних хочется отметить рецензию «По страницам американской славистики». В ней автор с позиций академического литературоведения и с изыщной иронией разбирает «фантазийные» филологические труды, в которых, к примеру, на основании пересчета описи имущества Лариных утверждается ложность слов пушкинской Татьяны («наше бедное семейство»), или «с помощью врача и акушерско-гинекологического журнала» делается вывод о том, что у Гоголя «Иван Иванович скрытый гомосексуалист, а Иван Никифорович — гермафродит» (с. 380).

Как целое книга Синкевич является продолжением лучших традиций русской литературной критики и мемуаристики, в которой исторический факт сочетается не только с эстетической, но и с нравственной оценкой изображаемых лиц и событий.

ХРОНИКА

К 250-ЛЕТИЮ И. И. ДМИТРИЕВА

27 и 28 сентября 2010 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась Международная конференция с элементами научной школы «И. И. Дмитриев (1760—1837). Жизнь. Творчество. Круг общения»,¹ приуроченная к 250-летию юбилею писателя. Конференция, организованная Отделом русской литературы XVIII века ИРЛИ, собрала отечественных и зарубежных участников, в том числе молодых исследователей. Как отметил, открывая заседание, председатель организационного комитета А. А. Костин (Санкт-Петербург), это первая персональная дмитриевская конференция. Доклады, освещавшие различные аспекты литературной и общественной деятельности Дмитриева, были разбиты на несколько тематических блоков, внутри каждого из которых нашлось место разным жанрам исследования.

В докладе Н. Д. Кочетковой (Санкт-Петербург) «О литературной репутации И. И. Дмитриева» шла речь об эволюции оценки современниками Дмитриева-баснописца как «русского Лафонтена». Уже при вхождении писателя в литературные круги современники отмечали его способность подражать лучшим образцам и предрекали общее признание в качестве автора басен. В полемике 1805—1806 годов Дмитриев рассматривался как представитель нового литературного периода, уже сам образцовый автор, в этом отношении сменивший А. П. Сумарокова. Некоторые критики (в частности, А. Ф. Воейков) считали, что произведения Дмитриева, как и стихи М. В. Ломоносова, должны быть ориентиром для молодых авторов. Проявив интерес к басенному творчеству И. А. Крылова и поощрив его, Дмитриев почти повторил слова, сказанные ему в львовско-державинском кружке. Впоследствии, когда литературное сообщество и публика перестали нуждаться в образцах, репутация писателя потускнела, о чем свидетельствует известный спор А. С. Пушкина с П. А. Вяземским. Тем не менее Дмитриев внес важный вклад в развитие русской поэзии, творчески восприняв лучшие традиции европейской литературы.

¹ Конференция проведена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 10-04-14065г).

Доклад Д. Иванова (Тарту, Эстония) «Мнение И. И. Дмитриева о русской комедии: довольный „Недовольными“» был посвящен положительному отзыву Дмитриева о комедии М. Н. Загоскина «Недовольные» (1836). Такая оценка резко выделялась на фоне единодушного неприятия критикой (за исключением «Библиотеки для чтения») и близким кругом Дмитриева заказной, памфлетной пьесы на П. Я. Чаадаева и М. А. Орлова. По мнению докладчика, анализ комедии Загоскина дает возможность ответить на вопрос, изменились ли взгляды Дмитриева на комедию к 1830-м годам. Д. Иванов показал, что одобрение Дмитриевым пьесы было связано не только с его личной симпатией к Загоскину, но и с тем, что драматург воплотил давние идеи Дмитриева. Пафос исправления пороков «высшего общества» и сами типы порочных в «Недовольных» соответствовали той же форме жанра, которую описывал Дмитриев в статье «О русских комедиях» (1802). Автор доклада также выявил отчетливую ориентацию Загоскина на образцы («Горе от ума» А. С. Грибоедова и еще в большей степени «Пустодомов» А. А. Шаховского).

О. В. Алексеева (Архангельск) в докладе «Поэт, мемуарист и автор писем: конструирование авторского облика в творчестве И. И. Дмитриева» исследовала авторское поведение Дмитриева, определявшее восприятие его поэтического творчества. Он представлял в образе поэта, признающего неактуальной и незначительной свою фигуру в становлении русской литературы. То, что этот образ возник в финале литературной деятельности, свидетельствует о намеренном подведении ее итогов. Черты образа автора, представленного в стихотворениях Дмитриева, во многом соответствуют биографическому облику самого писателя. Вместе с тем свойства, которыми Дмитриев наделяет образ поэта: мечтательность, отзывчивость, взгляд живописца, дар воображения и преобразования действительности, — формировали новый для русской поэзии облик автора. Поэт стал жертвой созданного им образа (современники нередко противопоставляли ему Дмитриева-человека) и впоследствии стремился освободиться от него.

Доклады второй части первого дня конференции касались роли Дмитриева в рус-

ско-европейских литературных связях рубежа XVIII—XIX веков. В центре внимания А. Добрицына (Лозанна, Швейцария), выступившего с докладом «О французских источниках некоторых стихотворений И. И. Дмитриева», оказались атрибуции двух дмитриевских переводов, демонстрирующих совпадение литературных вкусов Дмитриева со вкусами французской просвещенной публики. Иногда это совпадение было даже опережающим, что проявилось в выборе стихотворений, многие из которых впоследствии вошли во французские антологии. «Стансы» («Я счастлив был во дни невинности беспечной...», 1805), перевод стихотворения Буше, написаны в строфической романсной форме, которая приобрела во Франции наибольшую популярность 10 лет спустя (ею пользовались впоследствии и русские поэты, причем у М. Ю. Лермонтова имеются текстуальные переключки с Дмитриевым). «Подражание Петрарку» Дмитриева (1797) построено не на итальянском оригинале, но на прозаическом переводе П.-Ш. Левека (1774): границы фрагмента и некоторые детали, попавшие в стихотворение Дмитриева, но отсутствовавшие у Петрарки, были заданы французским переводом-посредником.

М. Шиппан (Вольфенбюттель, Германия) в докладе «Карл Фридрих фон дер Борг (1794—1848) как переводчик и издатель произведений И. И. Дмитриева» проанализировал переводы К. Ф. фон дер Борга из Дмитриева, в частности стихотворения, вошедшие в антологию «Поэтические произведения россиян. Опыт» («Poetische Erzeugnisse der Russen. Ein Versuch»), вышедшую в Дерпте и Риге в 1820—1823 годах. Антология посвящалась великой княгине Александре Федоровне и вначале не предназначалась для печати, но была издана по настоянию друзей составителя. В панораме русской поэзии, созданной этим собранием, Дмитриев оказался наиболее востребованным автором. При этом источники переводов Дмитриева, также вошедших в это издание, не всегда указаны. В России антология осталась неизвестной, почти все подписчики были прибалтийскими немцами. Если для восприятия немцами народных песен и песен Дмитриева почва была подготовлена публикациями в Германии псевдонародных песен, то, например, о завоевании Сибири широкий немецкий читатель узнал из переведенного Боргом стихотворения Дмитриева «Ермак», также представленного в антологии.

Доклад У. Екуч (Грейфсвальд, Германия) «И. И. Дмитриев в Германии: к вопросу о переводческой и литературно-критической рецепции» содержал концептуальный обзор сведений о немецких переводах Дмитриева и о том восприятии творчества писателя, которому способствовали эти переводы. Произведения Дмитриева на немецком языке представлены только в некоторых антологиях русской поэзии, редко дававших адекватную

картину дмитриевского творчества. Для ведущего в XIX веке немецкого переводчика с русского языка Ф. Боденштедта Дмитриев был третъестепенным поэтом. В антологии В. Влита «Подражания русским оригиналам» («Nachbildungen russischer Originale», 1905) Дмитриев предстал как предшественник преромантизма, но сама антология не получила отклика. В XX веке он оказывался интересен как баснописец, предшественник Крылова, и только в последнее время как автор камерной поэзии. Роль Дмитриева в общей картине русской литературы показана в разных антологиях весьма различно, но в целом выглядит незначительной. При первом знакомстве (К. Ф. фон дер Борг) она была воспринята как часть неактуальной к тому времени для Германии сентиментальной культуры, а в дальнейшем, когда она уже могла быть оценена по достоинству, почти все стихотворения публиковались изредка и только по одному разу.

Тематикой первого заседания второго дня конференции стали отношения Дмитриева с его окружением в конце XVIII—начале XIX века. Е. К. Беспалова (Ульяновск) в докладе «И. И. Дмитриев и московские масоны второй половины XVIII века» постаралась на материале обширного круга печатных источников собрать воедино свидетельства о связи Дмитриева с кругом московских масонов XVIII века. Как убедительно удалось показать докладчице, Дмитриев был хорошо знаком с большинством видных представителей как московского масонского круга Н. И. Новикова, так и с членами ряда петербургских лож (К. В. Миллер, П. В. Лопухин) и с молодым поколением, своими сверстниками, воспитанниками Дружеского ученого общества, впоследствии также масонами. Е. К. Беспалова предполагает, что знакомство Дмитриева с основным костяком окружения Новикова состоялось в Петербурге в конце 1770-х годов в период авторского становления молодого поэта. Это позволяет ставить вопрос о возможном его знакомстве и с идеологией масонства. Между тем, как подчеркнул в обсуждении доклада А. А. Костин, эти фактические данные стоит соотносить в первую очередь с творчеством Дмитриева, чтобы ответить на вопрос о наличии в нем масонской проблематики.

Доклад А. Ю. Соловьева (Санкт-Петербург) «И. И. Дмитриев и В. В. Измайлов» был посвящен теме литературных взаимоотношений двух писателей, в основе которых лежал взаимный интерес, обусловленный общими вкусами и общим пониманием задач, стоящих перед русской литературой. Дмитриев покровительствовал Измайлову, принимая деятельное участие в поощрении его трудов при жизни и публикации их после смерти писателя в 1830 году. Одним из эпизодов дмитриевского заступничества стало назначение пенсии Измайлову в 1824 году. Интересно, что в этом деле Дмитриеву и Н. М. Ка-

рамзину пришлось преодолевать сопротивление их давнего литературного противника А. С. Шишкова. Внимание докладчика также было обращено на переписку Дмитриева с Измайловым и на сотрудничество их в альманахе «Литературный музей» (1827), ставшем как посмертной данью уважения Карамзину со стороны его окружения, так и прижизненным памятником самому Дмитриеву.

А. А. Костин в докладе «И. И. Дмитриев — председатель Комиссии под председательством И. И. Дмитриева (1816—1819)», комментируя один фрагмент из «Взгляда на мою жизнь» Дмитриева, затронул проблему государственной службы писателя. Комиссия для рассмотрения просьб на высочайшее имя от пострадавших при нашествии французов в 1812 году была вторым правительственным органом, созданным для этой цели. Она должна была устранить бесконтрольную раздачу денег, ставшую обычной практикой в предшествовавшей ей комиссии. По словам докладчика, Дмитриев исполнил свою должность как подлинно государственную задачу, введя строгие правила, касавшиеся требований к кандидатам на получение пособия. Доклад был построен на сквозном просмотре материалов комиссии (протоколы и алфавиты), хранящихся в Российском государственном историческом архиве, и до сих пор не привлекавших внимания исследователей, что позволило выяснить размеры пособий, интенсивность заседаний. Особое внимание в докладе было уделено конкретному делу, из-за которого возник конфликт Дмитриева с другими членами комиссии: частичное удовлетворение просьб некоторых заявителей в обход норм. Докладчик отметил также, что деятельность Дмитриева на этом поприще и его стремление к подлинному благодеянию соответствуют оценке жизни и творчества поэта, данной П. А. Вяземским.

Доклад А. С. Бодровой и М. Б. Велижева (Москва) «Из комментариев к поздним стихотворениям И. И. Дмитриева» был основан на материалах недавно обнаруженной в Отделе письменных источников ГИМ рукописной тетради «Мои стихотворения», в которой содержится запись стихотворений Дмитриева 1820-х годов, в том числе 20 неопубликованных. Декларировав сознательность своего ухода из литературы на пике славы, Дмитриев способствовал формированию мнения публики о своем позднем творчестве как о не заслуживающем внимания. Тем более значимой вехой в его литературной биографии должна считаться весна 1827 года, когда ряд текстов Дмитриева увидел свет в периодических изданиях — помимо известных выступлений поэта, докладчики выявили не замеченную до сих пор анонимную публикацию стихотворения «Наборщику стихов моих», состоявшуюся в «Московском телеграфе» (1827, ч. XV, № 9). По мнению исследователей, причины этой литературной ак-

тивности Дмитриева следует видеть, во-первых, в его реакции на прием «Апологов в стихах» (цикл эпиграмм на П. И. Шаликова, колко отозвавшегося о книге), а во-вторых, дополнительную мотивацию выступлениям Дмитриева (в особенности, публикации) в «Литературном музее» В. В. Измайлова) придавала смерть Карамзина, наложившая на Дмитриева двойную ответственность за свое литературное поколение в новых обстоятельствах.

В рамках заседания, посвященного проблемам поэтики литературы русского сентиментализма, Н. А. Гуськов (Санкт-Петербург) в докладе «Оппозиция „парадное — приватное“ у И. И. Дмитриева: от басни „Сверчки“ до „Взгляда на мою жизнь“» обратил внимание на тему двойственности литературного поведения, которая в русской литературе, в частности и прежде всего у Дмитриева, носит игровой характер и соотносится с рокальной традицией. Докладчик показал на примере отношения к двойственному поведению, что Дмитриев часто переносит проблему из плана этического в план эстетический и эмоциональный, устранившись от прямых оценок, допускает ситуативность поведенческих стратегий и возможность их совмещения одним человеком. Это обнаруживается как в его собственном повседневном поведении, так и в произведениях разных жанров, в которых ирония, направленная не столько на персонажей, сколько на неадекватность зрительского восприятия, используется для описания традиционно понимаемых двуличными персонажей. Докладчик подчеркнул, что негативная или доброжелательная оценка современниками бытового поведения Дмитриева зависела от того, был ли это взгляд изнутри или извне творческой системы такого рода.

С. Диккинсон (Генуя, Италия) в докладе «И. И. Дмитриев и создание „русского пространства“» продемонстрировала принципиальную для Дмитриева связь между географией и литературным творчеством. В воспоминаниях о создании им тех или иных поэтических произведений важную роль играет ситуация путешествия, способствующая переживанию поэтом возвышенного вдохновения. Большое значение при этом он придает дружеским связям. Исследовательница отметила, что опыт Дмитриева в освоении «русского пространства» окажется актуальным для В. А. Жуковского во время путешествия по России с наследником престола, будущим императором Александром II. Докладчица также проследила, как общие места сентиментальных путешествий трансформировались в художественном мире и биографии Дмитриева в продуктивные модели творческого поведения. Например, ритуальная сентиментальная грусть при расставании преобразуется в юмор («Путешествие N. N. в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия», 1804—1805) и т. д. Еще один тип вояжа — метафорическое продвижение по до-

роге жизни — представлен в творчестве Дмитриева стихотворением «Путешествие» (1803).

В докладе А. Ю. Тираспольской (Санкт-Петербург) «К проблеме незавершенности повести Н. М. Карамзина „Лиодор“ (вопросы повествования)» рассматривались повествовательные принципы этой второй карамзинской попытки сюжетного произведения. Отчасти это были новые приемы, отчасти модернизированные прежние, повесть в целом носила экспериментальный характер. По нарративной структуре она максимально приближается к «Бедной Лизе», однако осталась незавершенной. Объяснение этому, считает докладчица, нужно искать не во внешних обстоятельствах (прекращение издания «Московского журнала») или композиционной незавершенности (подобно «Илье Муромцу» или «Рыцарю нашего времени»), но в структурной погрешности, которая могла бы помешать продолжению. Такой ошибкой стала система обращений в первичном повествовании к абстрактному читателю, который в результате этих апелляций был представлен как обладающий заведомо большими сведениями, чем читатель реальной. Стремясь к более тонким и точным ходам, Карамзин оставил без завершения не вполне удавшийся опыт герметизации повествования.

Завершали конференцию доклады, объединенные искусствоведческой тематикой. Е. В. Карпова (Санкт-Петербург) в докладе «Произведения изобразительного искусства в стихах и письмах И. И. Дмитриева» обратила воедино сведения как о портретах Дмитриева (живописных и скульптурных), так и о произведениях искусства, ставших импульсами для его стихотворений. Особое внимание было уделено утраченной монументальной аллегорической статуе Ж.-Д. Рашетта, замысел которой родился в львовско-державинском кружке и нашел отражение в стихотворении Дмитриева «К бронзовой статуе фельдмаршала Румянцева-Задунайского, поставленной графом Завадовским в его деревне». Упоминаемые в стихотворном обращении «К графу Н. П. Румянцеву» бюсты (как самого канцлера, так и его отца, стоявшие в доме поэта) соответствуют, по заключению докладчицы, работам скульпторов П.-Г. Мунстера и Л.-М. Гишара, сохранившимся до на-

ших дней. В некоторых случаях невозможно с точностью сказать, с каким именно художественным произведением непосредственно связан стихотворный отклик Дмитриева. Так, двустипшие «К моему лицеподобию» могло относиться либо к одному из живописных портретов поэта, среди которых докладчиком была выделена сравнительно мало известная в наши дни работа В. Л. Боровиковского, либо, что более вероятно, к портретному бюсту, терракотовую модель которого исполнил И. П. Мартос. Исследовательница использовала не только литературные, но и архивные материалы, включая опубликованные и не опубликованные письма поэта П. П. Свиныну, касавшиеся, в частности, мраморного бюста Александра I, созданного в петербургской мастерской А. Трискорни для московского дома Дмитриева.

В докладе З. Р. Гафуровой (Москва) «Остафьево и И. И. Дмитриев» шла речь об усадьбе Вяземских, в которой частым гостем был Дмитриев, высоко ценивший общение не только со своим литературным соратником П. А. Вяземским, но и с его отцом А. И. Вяземским, заложившим основы Остафьевского быта. В докладе была освещена история усадьбы (при трех поколениях князей Вяземских и вплоть до наших дней), а также ее историко-литературная ценность, воплотившаяся в емкой формулировке «Остафьево — русский Парнас», восходящей к апокрифическому высказыванию А. С. Пушкина. Остафьево было образцом домоустройства для Дмитриева, придававшего большое значение организации домашней жизни литератора. В восстановленной в 80-е годы усадьбе (ныне музейный комплекс) сохранились реликвии, связанные с его посещениями, и отчасти существовавшие в дмитриевское время традиции. Сотрудники музея, собрав сведения о появлениях в Остафьеве Пушкина и Дмитриева, предполагают в перспективе создание летописи, отражающей визиты и остальных русских писателей.

Материалы конференции опубликованы в одноименном научном сборнике серии «Петербург в европейском пространстве науки и культуры».

© А. Ю. Соловьев

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ВАДИМА ЭРАЗМОВИЧА ВАЦУРО

(К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Международные научные чтения памяти Вадима Эразмовича Вацуро (К 75-летию со дня рождения) состоялись 29 ноября — 1 декабря 2010 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Открывая их, заведующая Отделом пушкиноведения М. Н. Виротайнен сказала, что все, кому довелось работать с Вадимом Эразмовичем, до сих пор продолжают вести внутренний диалог с ним. Чтения его памяти

можно рассматривать как актуализацию этого диалога.

Выступление С. А. Фомичева (Санкт-Петербург) «Похвала басне» было посвящено жанру басни, его происхождению и историческому развитию. В России басня получила особую популярность в XVIII—начале XIX века. Низкий в системе господствующего классицизма жанр оказался готовым для воспроизведения черт повседневного быта, а аллегорический смысл позволял касаться рискованных политических и социальных тем. Именно двойная природа басни («простой» рассказ и «высокая» мораль) определила сложную эволюцию жанра. В баснях И. А. Крылова реалистическая точность в передаче примет русского быта и драматическое мастерство в обрисовке характеров преобразовывали традиционную фавулу. Баснописец Крылов имел огромное влияние на развитие всей русской литературы. Уроки его художественного мастерства оказались полезны для А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. И. Куприна, А. А. Блока. В наше время перелицовка традиционных притчевых ситуаций — яркая примета басенных экспериментов. Начиная свой литературный путь, Крылов был убежден в действенности своих обличений, надеясь на благое социальные перемены. В баснях его этой убежденности уже нет. Очевидно, басня напоминает нам о том должном, которое по сию пору остается поправным, сказал в заключение С. А. Фомичев.

В докладе Н. Д. Кочетковой (Санкт-Петербург) «Посвящения „прекрасному полу“ в русских изданиях XVIII века» была рассмотрена особая разновидность жанра дедикации, имеющая большую традицию в европейской литературе. Если не считать официальные дедикации монархиям, посвящения женщинам стали появляться в России с 1760-х годов. Обследование русских книжных фондов позволило выявить значительное число посвящений, не учтенных в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800» (М., 1963—1975. Т. 1—6). Первые посвящения «прекрасному полу» сопровождали переводные книги (посвящения А. В. Храповицкого, Ф. И. Дмитриева-Мамонова), затем они стали появляться и в оригинальных сочинениях, в которых любовная тема главенствовала («приписания» М. И. Попова, А. П. Сумарокова и др.). Стремясь расширить круг тем для женского чтения, Н. И. Новиков посвятил «прекрасному полу» свой журнал «Модное ежемесячное издание» (1779), включавший самые разнообразные материалы. Как отметила Н. Д. Кочеткова, в некоторых, особенно стихотворных, посвящениях женщинам, как и в любовных стихах, создается идеальный образ адресата, отчасти уже напоминающий портрет Софьи Дмитриевны Пономаревой — героини замечательной книги В. Э. Вацура «Из истории литературного быта пушкинской поры» (М., 1989).

Л. Н. Киселева (Тарту, Эстония) в своем докладе «Окружение Жуковского: *l'amitié amoureuse* в бытовом измерении» следовала дорогой для В. Э. Вацура идее о филологическом труде как попытке восстановления духовного мира прошлого. Она основывалась на неопубликованном дневнике М. А. Протасовой-Мойер 1822 года, хранящемся у ее потомков — в московской семье Беэров. Предметом анализа послужил центральный сюжет дневника — горе автора по поводу расставания с другом, Карлом Зейдлицем, который был учеником ее мужа, профессора И. Ф. Мойера. Зейдлиц жил в доме в качестве пансионера и, как явствует из документа, уехал из Дерпта в январе 1822 года после окончания университета. Эти новые данные позволяют опровергнуть устоявшуюся в исследовательской литературе версию о том, что Зейдлиц в конце 1821 года был из ревности изгнан Мойером. В центре внимания исследовательницы был анализ способов репрезентации душевного мира верной ученицы и возлюбленной В. А. Жуковского. Дневник был помещен в контекст переписки М. А. Мойер конца 1821—начала 1822 года. Сопоставление документов позволило прийти к выводу о том, что интенсивность ее переживаний, нашедшая выражение в дневнике, связана не столько с отъездом Зейдлица, сколько с крахом иллюзий, с неосуществимостью утопии «жизни втроем» и надежды на то, что Жуковский переселится в Дерпт. Отъезд Зейдлица лишь спровоцировал выход наружу долго подавляемых эмоций, поскольку молодой человек оказался единственным на тот момент подходящим партнером в «сентиментальной дружбе», культивируемой по литературным образцам, в частности, по лирике Жуковского.

В докладе С. И. Панова (Москва) «Н. М. Карамзин и история кофемании в России» литературный материал служил реконструкции культурного быта.

Н. И. Михайлова (Москва) рассмотрела роль изображения Москвы в повести «Пиковая дама», подчеркнув, что московский «текст» был для Пушкина не менее важен, чем петербургский.

Н. Н. Мазур (Москва) в своем выступлении рассмотрела эволюцию понятий «педант» и «педантизм» на материале европейской литературы и философии конца XVI—начала XIX века. Первоначально под педантизмом понимали «пороки и нелепости» профессионального педанта — педагога, отличавшегося от остального света особой одеждой, способом мышления и манерой поведения. Однако, начиная с Монтеня, связь феномена с породившей его профессиональной средой стала ослабевать, и уже в XVII веке педантизм стал трактоваться как совокупность моральных и интеллектуальных изъянов, свойственных человеку вообще. В XVIII веке педантизм упоминали в числе пороков светского общества; критики-моралисты увидели

сходство с профессиональными педантами в светских типах *bel esprit* и фата, изначально позициониравших себя как антиподов педантов. Двусмысленности понятия способствовала такая черта педантов, как склонность к решительным и беспепелляционным суждениям: обвиняя другого в педантизме, человек проявлял тем самым наихудшие свойства обвиняемого.

На фоне этого идейного контекста исследовательницей были проанализированы две характеристики героя в I главе «Евгения Онегина» («Онегин был по мнению многих / (Судей решительных и строгих) / Ученый малый, но педант»; «...мой Евгений / В своей одежде был педант») и выявлена их связь с европейской критикой «светского педантизма». Н. Н. Мазур показала также, что характеристика «решительные и строгие судьи» воспроизводит одно из общих мест антипедантического дискурса — она подчеркивает, что критики Онегина не уступали ему в педантизме. Этот пример хорошо иллюстрирует принцип «двойной иронии», позволяющий Пушкину дистанцироваться от сатирической манеры, проявившейся в начале I главы «романа в стихах», сказала в заключение исследовательница.

В докладе П. Р. Заборова (Санкт-Петербург) «„Борис Годунов“ Пушкина и „Кромвель“ Гюго» оба эти произведения были рассмотрены в контексте европейского литературного движения первой трети XIX века. «Борис Годунов» (1825) и «Кромвель» (1827) являлись, по мнению докладчика, выдающимися образцами романтического жанра, представлявшего собой нечто среднее между хрониками Шекспира и романами Вальтера Скотта, — так называемого «книжного театра», который получил особенно широкое распространение во Франции 1820-х годов. Пушкин в «Борисе Годунове» и Гюго в «Кромвеле» решали, каждый по-своему, одну и ту же творческую задачу, причем Пушкину удалось это сделать раньше, чем Гюго. О художественной близости этих произведений, считает докладчик, свидетельствует также их театральная судьба: оба они до настоящего времени так и не стали репертуарными пьесами, несмотря на все усилия режиссеров, сценографов и актеров.

Е. О. Ларионова (Санкт-Петербург) рассмотрела связи поэмы Пушкина «Полтава» с повестью Е. В. Аладьиной «Кочубей» и планами неосуществленной трагедии К. Ф. Рыльева «Мазепа». Литературный сюжет всех трех произведений основан на определенном хронологическом «сдвиге» исторических фактов и художественной интерпретации документального материала. При этом Рылеев был первым, кто совместил любовную и «политическую» линии в развитии этого сюжета и вывел Матрену Кочубей на историческую сцену в момент казни отца и измены Мазепы. Как отметила исследовательница, и Аладьин в своей повести, и Пушкин в поэме не только

следуют общему развитию выстроенного Рылеевым сюжета, но и обнаруживают более частные точки соприкосновения с неопубликованными рылеевскими планами. У Пушкина, в частности, в текст поэмы введены явные отсылки к замыслу Рыльева. Трагедия Рыльева «Мазепа» ранее не рассматривалась среди литературных источников «Полтавы», поскольку считалось, что у Пушкина не было никакой возможности познакомиться с бумагами казненного декабриста. Однако, как было показано в докладе, планы трагедии «Мазепа» находились в 1827—1828 годах не в делах Следственной комиссии, а у бывшего секретаря Комиссии, петербургского чиновника и литератора А. А. Ивановского. Именно к 1827 году, времени знакомства Ивановского с Пушкиным, относятся свидетельства современников о том, что Ивановский знакомил с оказавшимися у него бумагами Рыльева свое литературное окружение.

Е. Э. Лямина (Москва) выступила с докладом «Кот Васья, Пегас и змеи (Из заметок о бестиарии «Домика в Коломне»)». По мнению исследовательницы, для «Домика в Коломне» (по ранней авторской характеристике — «повести в октавах») свойственна сложная соотношенность референтных пластов (среди них — стихотворная повесть; «петербургская повесть»; бурлеск и ироикомедия; метапозитическая тема; комедийно-театральная составляющая), их взаимное наложение и пародирование. Отсюда — масса интонационных, риторических и нарративных возможностей. Е. Э. Лямина проанализировала реализацию этих возможностей в тех точках поэмы, которые можно обозначить как «фрагменты бестиария» (в общей сложности в отвергнутых вариантах и итоговой редакции их насчитывается около 25).

В выступлении Т. А. Китановой (Санкт-Петербург) речь шла о замысле кавказского романа, над которым Пушкин работал осенью 1831 года. От этого замысла сохранился беловой набросок начальной главы с авторской датировкой 30 сентября, а также семь разных планов, последовательность которых и стала предметом рассмотрения. С момента первой публикации Н. В. Измайловым в 1928 году планы печатались, исходя из того, что работа над текстом романа началась после написания планов. Однако анализ трансформаций различных сюжетных линий от одного плана к другому дал докладчице основание утверждать, что последовательность работы была иная: отрывок начала романа появился на носителем раннем этапе, когда большей части планов еще не существовало. При последующей разработке сюжет претерпел серьезные изменения, частью несоместимые с этим отрывком. Результаты анализа позволили поставить вопрос о способе публикации «Романа на кавказских водах» в собрании сочинений Пушкина. Традиционно в корпусе текстов печатался только прозаический отрывок, а все планы выводились в раздел «Другие редакции

и варианты». Однако, считает Т. А. Китанина, в том случае, когда белой автограф — лишь проба, возникшая на самой ранней стадии и не дающая никакого представления о замысле в целом, есть, по-видимому, резон поместить в корпусе основных текстов все сохранившиеся материалы и дать читателю возможность по крупицам собрать и восстановить ход авторской мысли, так и не воплотившейся в произведении, для которого эти материалы могли бы служить «другими редакциями и вариантами».

Доклад М. Н. Виролайнен (Санкт-Петербург) «Стреляясь мы» был посвящен литературным отношениям Пушкина и Баратынского, метафорически выраженным в эпиграфе к повести «Выстрел», взятым из поэмы «Бал». На протяжении семи лет эти отношения складывались как напряженное поэтическое состязание. В «Эде» Баратынского была модифицирована взятая за образец модель «Кавказского пленника»; в «Бале» переинтерпретированы сюжет и поэтика шести глав «Евгения Онегина»; в восьмой главе «Онегина» Пушкин, повторяя и одновременно видоизменяя центральный сюжетный ход «Бала», воспользовался своим правом на ответный выстрел, отметив это событие в эпиграфе к одной из повестей Белкина.

В. А. Кошелев (Новгород Великий) посвятил свое выступление осмыслению даты как «дополнительного» способа прочтения текста. Пушкин начал осознавать те возможности дополнительной семантики поэтического текста, которые создаются его авторской датировкой. Дата, вступающая в диалогические отношения с текстом, представляла какие-то неожиданные пласты авторского сознания. «Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число» — отмечал Пушкин в («Заметке о „Графе Нулине“»). Но тут же несколько «сдвинул» дату конкретного создания художественного текста, соотнося ее с датой декабристского восстания. Предметом рассмотрения В. А. Кошелева были конкретные случаи таких «передатировок». Докладчик показал, что Пушкин дал целую серию вариантов семантической нагрузки датировок лирических текстов (дата как «представление» автора, дата как указание на знаменательное совпадение значимых событий, дата как уточнение смысла лирического текста, дата как способ полемики, дата как способ мистификации, дата как способ сокрытия интимной информации, дата как фиксация творческого рубежа и т. д.).

Доклад А. Л. Осповата (Москва—Лос-Анджелес) был посвящен незаконченному стихотворению Пушкина «Ты просвещением свой разум осветил...». Поскольку автограф пропал еще в начале XX века и мы располагаем лишь дилетантской транскрипцией текста, осуществленной в 1903 году И. А. Шляпкиным (и сделанными на ее основе позднейшими реконструкциями), почти

все исследовательские суждения об этом произведении не выходят за рамки гипотез. Вместе с тем даже наличный материал дает возможность обсудить личность адресата послания и его датировку. Полемизируя с часто высказывавшейся в последнее время точкой зрения, согласно которой стихотворение обращено к П. А. Вяземскому и набросано в 1831 году (в период острых дебатов в дружеском кругу после разгрома польского восстания), докладчик привел ряд дополнительных аргументов в пользу адресации князю П. Б. Козловскому (впервые его кандидатура была предложена Г. П. Струве и поддержана впоследствии Ю. Г. Оксманом). В таком случае рассматриваемый текст следует отнести к 1836 году, когда впечатления от знакомства с Козловским отразились в адресованном ему — и тоже незавершенном — послании Пушкина «Ценитель умственных творений исполнинских...».

В докладе А. Ю. Балакина (Санкт-Петербург) «Еще о датировке пушкинских помет на „Опытах в стихах и прозе“ К. Н. Батюшкова» были рассмотрены все высказывавшиеся ранее гипотезы о том, когда и при каких обстоятельствах возникли эти пометы, и была предложена еще одна. По мнению докладчика, пометы предназначались для редактора нового издания Батюшкова (СПб., 1834), которым, скорее всего, был близкий друг Пушкина П. А. Плетнев, и, следовательно, они должны датироваться 1833—1834 годами.

О. С. Муравьева (Санкт-Петербург) посвятила свое выступление проблеме адресации пушкинских лирических стихотворений. По ее мнению, при определении адресата, как правило, не учитывается художественное своеобразие стихотворения и давно разработанные в научной литературе вопросы поэтики. Выводы же, сделанные исключительно на основе биографического подхода, при ближайшем рассмотрении оказываются произвольными и необоснованными. Установление адресата всякий раз должно становиться проблемой, непосредственно связанной не только с биографией поэта, но и с природой поэтического текста.

В докладе Н. Л. Дмитриевой (Санкт-Петербург) эпиграмма была охарактеризована как «вечный жанр». Варьируясь, меняя составные части, перемещаясь из страны в страну, эпиграмма может продолжать свое существование на протяжении веков. Например, сюжет о том, как Аполлон меткой оценкой осадил бездарного художника (поэта), мечтающего попасть на Парнас, встречается в эпиграммах французских поэтов XVI, XVII и XVIII веков. Именно его обыгрывает в своей эпиграмме против бездарных стихотворцев В. Л. Пушкин. Н. И. Надеждин использует в своих целях эпиграмму Василия Львовича, критикуя его племянника — Александра Пушкина. В свою очередь, Пушкин пишет эпиграмму на Надежду, обыг-

рывающая этот же сюжет. Таким образом, подчеркнула Н. Л. Дмитриева, сюжетная линия устойчива, варьируются детали или персонажи, что обусловлено целью, в которую метит автор эпиграммы.

Т. И. Краснобородко (Санкт-Петербург) выступила с докладом «„Храни меня, мой талисман...“» (Невостребованный документ о судьбе перстня Пушкина). Доклад был посвящен послепушкинской истории перстня-талисмана, подаренного поэту графиней Е. К. Воронцовой. Этот перстень служил Пушкину печаткой с начала 1825 года до последних дней жизни и был зарисован им на черновой рукописи стихотворения «О бедность, затвердил я наконец урок твой горький...». По смерти Пушкина он перешел к В. А. Жуковскому, впоследствии достался его сыну Павлу, который передал кольцо И. С. Тургеневу. Наследница писателя П. Виардо подарила пушкинскую реликвию в Пушкинский музей Императорского Александровского лицея, откуда он был украден — как было принято считать, во время Февральской революции 1917 года. Обнаруженный в архиве И. А. Шляпкина документ позволил Т. И. Краснобородко «раскрыть» историю этой кражи, которая в действительности произошла на 20 лет раньше, но долгие годы сам факт этого чрезвычайного происшествия сохранялся в тайне.

В докладе «Из истории „русского“ Ф. Шиллера» Р. Ю. Данилевский (Санкт-Петербург) обратил внимание слушателей на процесс адаптации поэзии Шиллера поэтами и переводчиками эпохи русского романтизма (1830-е годы). В значительной мере эта стилистика определялась так называемой «шиллеровщиной», т. е. упрощенными и гипертрофированными элементами поэзии Шиллера (патетикой, эмфазой, гиперболизмом). В этом ключе перелагали лирику и баллады немецкого поэта А. Тимофеев, ранний В. Бенедиктов, М. Меркли — «питомцы вымышленных бед», как назвал стихотворцев подобного рода Е. Баратынский. Более умеренная романтизация Шиллера отмечается в переводах Э. Губера, А. Мейснера. Очень по-разному интерпретировали его М. Дмитриев, привнесший в свои переводы меланхолию и назидательность, и В. Печерин, увидевший в лирике Шиллера жизнеутверждающие черты. Все эти поэты, независимо от своих личных особенностей, испытали на себе сильное влияние В. Жуковского и созданного им образа Шиллера. Попытку пересмотреть традицию Жуковского представлял собой талантливый перевод шиллеровской «Песни о колоколе», предпринятый Авдотьей Глинкой в 1832 году, — он стал свидетельством прощания с романтизированным Шиллером.

В докладе А. А. Карпова (Санкт-Петербург) «Наследник Пушкина («Поэтическая картина» А. В. Тимофеева «Последний день»)» была рассмотрена одна из первых литературных реплик на «Пир во время чумы».

Исследователь показал, что экспозиция «Последнего дня» с разительной полнотой воспроизводит начало «маленькой трагедии». Переключки с пушкинским произведением заметны и в центральной части «Поэтической картины». Однако по мере развития сюжета более существенными становятся другие претексты: драма Вильсона «Город чумы», лежащая в основе пушкинской сцены и, очевидно, знакомая Тимофееву в полном объеме, а в финале «Последнего дня» — европейская эсхатологическая традиция (Байрон, Гюго) и непосредственно христианская апокалиптика. Вероятно, в пушкинском «Пире» Тимофеева привлекли соединение тем гибели и жизненного праздника, проблема поведения человека перед лицом смертельной опасности. Однако их разработка полемична по отношению к пушкинской: «пир во время чумы» у Тимофеева сменяется пиром накануне Страшного суда. Не стесняясь местами почти копировать текст «маленькой трагедии», автор «Последнего дня» пытался в новом ракурсе увидеть ее центральную ситуацию, реализовать, как ему, видимо, казалось, невыявленный эсхатологический потенциал пушкинского произведения. Тимофеев предложил свою разработку пушкинских тем в рамках произведения иного жанра (мистерия) и иного, как ему представлялось, философского масштаба.

М. Г. Альтшуллер (Питтсбург, США) рассказал о вышедшем в 1959 году в издательстве «Советский писатель» романе Бориса Иванова «Даль свободного романа». Его героями были персонажи «Евгения Онегина». Автор подробно описал в живом, не лишённом выразительности рассказе каждое событие, каждую деталь, упомянутые Пушкиным, рассмотрел подробности биографии героев, восстанавливая события, намеренно пропущенные Пушкиным или обозначенные пунктиром. Роман Иванова имел шумный читательский успех и вызвал жесткую критику профессионалов. Так, Г. П. Макогоненко в статье «Надругательство» упрекал автора в «бестактных домыслах», «методическом разрушении поэтической стихии романа». К отрицательной оценке присоединились Ю. М. Лотман и другие исследователи. Однако существовала и другая точка зрения. Роман был опубликован по рекомендации Д. Д. Благого, Ю. Г. Оксман считал его написанным с большим знанием пушкинской эпохи и языка. Он попросил своего ученика Ю. Н. Чумакова написать рецензию на спорный роман, но она не была напечатана. Докладчик остановился на биографии Б. Е. Иванова (1887—1975). «Даль свободного романа» — его единственная опубликованная книга. Сохранились ли рукописи еще двух романов — о Зинаиде Волконской и «Абеляр и Элоиза» — неизвестно. Несмотря на отрицательные отзывы, Б. Е. Иванов начал готовить второе издание своего романа. В Рукописном отделе Российской национальной

библиотеки хранится экземпляр книги «Даль свободного романа» с большим количеством исправлений, дополнений и помет, сделанных автором. По мнению М. Г. Альтшуллера, столь уникальный эпизод в истории мировой пушкинианы не должен быть предан забвению. Может быть, настало время переиздать с учетом дополнений эту необычную, но неплохо в целом написанную книгу и попытаться найти другие романы того же автора.

С докладом «Место в литературе и литературная репутация (Яков Толстой)» выступил М. В. Строганов (Тверь). Занимавшиеся Я. Н. Толстым литературоведы, в том числе Б. Л. Модзалевский и Б. В. Томашевский, очень невысоко оценивали его литературную деятельность. Сатиры его крайне архаичны. Это сатиры на нравы, в них нет никакой конкретики, характеристика исчерпывается именем персонажа. Так же архаично построены и эпиграммы Толстого, весь смысл которых состоит в каламбурном обыгрывании ключевого образа. Напрасно было бы разыскивать адресатов его эпиграмм, их попросту нет. Элегии Толстого построены из общих мест и повторяют общие места. Если ему удастся сочинить нечто новое, то это происходит на побочных для него путях и как бы невзначай. Сам он не умел придать этому должного значения, и настоящую цену его нечаянным открытиям придали уже другие поэты. Но, как утверждает М. В. Строганов, и литературоведы не видят этих нечаянных открытий. Сила Толстого не в сатирах и элегиях, а во внежанровом описании жизни современного человека, современного общества. Толстой как умелый фельетонист схватывает быстро изменяющиеся черты времени и фиксирует их, а потом Пушкин придает им формы законченного образца. Этот принцип фельетонного построения Толстой перенесет потом в свои парижские письма и откроет для русской литературы новые темы и сюжеты. Если сравнить фрагмент, посвященный итальянцу-импровизатору, у Толстого и Пушкина, то текст Толстого кажется конспектом, который развернут Пушкиным в напряженное повествование. Но литературоведы не заметили ни открытия Толстым темы современного молодого дворянина, ни открытия темы импровизатора (творца и толпы), ни открытия многих других тем. Очень значительна была театральная критика Толстого, в которой отразился новый этап борьбы «новаторов» с младоархаистами. Как показал докладчик, в критике Пушкина легко обнаруживаются многочисленные факты и оценки, восходящие к парижским корреспонденциям Толстого. Такой писатель как Яков Толстой был нужен, и место его среди современных ему литераторов очень значительное: он открывал им темы. Поэтому М. В. Строганов и сомневается в правомочности деления поэтов на первостепенных и второстепенных.

В выступлении В. М. Марковича (Санкт-Петербург) рассматривалось значение мотивных связей, действующих в книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Речь шла о связях, образуемых повторами, вариациями, а также переключками различных структурно-смысловых единиц. Формируемые этими связями мотивные смыслы выделены в гоголевском тексте своей особой природой. Это смыслы имплицитные и факкультативные. Возникают они в сознании читателя. Автор их не формулирует и за их возникновение как бы не отвечает. Поэтому они формируются более свободно, чем смыслы декларируемые. По той же причине мотивные смыслы часто оказываются парадоксальными.

Парадоксы чаще всего концентрируются там, где в центре авторского внимания оказываются дискуссионные проблемы. В числе таких проблем для Гоголя важен вопрос о взаимоотношениях церкви и государства в России. В рамках утопического проекта будущего русского общества складывается парадоксальное представление, предполагающее не огосударствление церкви и не оцерковление государства, а полное взаимоподобление двух общественных институтов, которое уничтожает всякое различие между ними.

Прослеживая далее переплетения мотивных связей в более широком масштабе, докладчик установил особую важность идеального проекта будущей русской литературы. Речь идет о своеобразном аналоге уваровской триады: у Уварова — «православие, самодержавие и народность», у Гоголя — православие, самодержавие и художественная словесность. В апокалиптическом контексте последних глав «Переписки» русской литературе предписывается «теургическая» миссия: мотивные связи ведут здесь к идее превращения художественной словесности в составную часть построения Небесного Града на земле. Речь здесь не только о концептуальных построениях Гоголя, но и об их реальном осуществлении. В докладе был охарактеризован начавшийся после «Выбранных мест» этап (или, вернее, целый ряд этапов) литературного процесса, отмеченный главенствующей ролью теургических задач. И был обнаружен еще один парадокс — прогенетическая связь между «Выбранными местами» и социалистическим реализмом. Инициированный автором «Переписки» тип литературы занял на время главенствующее положение в культурной жизни России, а потом рухнул вместе с обанкротившейся тоталитарной системой. И произошло это вполне закономерно, потому что торжество соцреалистического канона несло в себе подмену цели, во имя которой создавалось теургическое искусство. Вполне закономерно оказалось и другое — то, что неизбежность подмены была заложена в самой теургической инициативе Гоголя. Тенденция, ведущая к теурги-

зации литературы, увела ее прочь от христианских ценностей. Обожение человека было заменено человекобожием. В результате процесс, начало которому положила «Переписка», привел к девальвации ценностей высшего порядка и глубокому кризису духовной культуры, подчеркнул В. М. Маркович.

Е. Е. Дмитриева (Москва) в докладе «Рассупе-деликатес, или Размышления о галлофобии Гоголя» отметила, что в отличие от многих своих современников Гоголь ни в своей прозе, ни в письмах почти не употреблял французской речи. Однако отдельные случаи появления у него галлицизмов и марканизмов все же имеются, причем большая их часть приходится на поэму «Мертвые души» и комедию «Женитьба» (часть из них осталась в черновых редакциях, не дойдя до белого текста). Галлицизмы Гоголя легко поддаются тематической каталогизации: в основном это то, что связано с областью французской кухни, французских вин, модой, флиртом и, наконец, светской жизнью. Однако при более пристальном изучении гоголевских галлицизмов обнаруживается, что Гоголь использует не столько реальные французские слова и выражения, сколько некий «образ» французских слов, нередко придумываемые несуществующие слова или искажая реально существующие и придавая им иное значение. По мнению исследовательницы, в результате возникает мираж галломании: галлицизмы, казалось бы, и присутствуют в тексте, но смысл их не явен, призван запутать и мистифицировать не только читателя, но даже и комментатора.

Доклад Н. А. Хохловой (Санкт-Петербург) был посвящен анализу эпистолярного памятника, который представляют собой письма Д. В. Давыдова к П. Д. Киселеву (18 писем за 1815—1839 годы. ИРЛИ. Ф. 143 (П. Д. Киселева). Ед. хр. 27). Из них были опубликованы и прочно вошли в научный оборот лишь три письма, на основании которых выстраивались версии о причастности Д. В. Давыдова к первой преддекабристской организации — Ордену русских рыцарей. Впервые на материале писем исследователь-

ница проследила историю дружбы и характер взаимоотношений Д. В. Давыдова и П. Д. Киселева и выявила ранее не известные факты биографии поэта-партизана. Но основная ценность этих документов состоит, по ее мнению, в том, что они являются важнейшим источником для решения вопроса об общественно-политической позиции Д. В. Давыдова, — вопроса, который до сих пор составляет предмет дискуссии.

Е. Н. Дрыжакова (Питтсбург, США) выступила с докладом «Тургенев и Герцен в споре о судьбе России». Как известно, в годы русского либерального подъема (1856—1862) И. С. Тургенев почти ежегодно посещал А. И. Герцена в Лондоне. Уже при первой встрече в августе 1856 года начался многолетний спор Герцена и Тургенева о будущем России, отраженный как в статьях Герцена, так и в их переписке. Герцен к этому времени еще более укрепился в своих надеждах на возрождение России «мирным», экономическим путем в противоположность Европе, где «кровавые перевороты», по его мнению, отнюдь не предвещали обновления старого государственного строя. Тургенев же относился к «европейским идеям и не только идеям» иначе, не отвергая в принципе пользы «революционной бури». Как отметила исследовательница, Тургенев упрекал Герцена в славянофильстве, в утопическом уповании на русские народные начала, в идеализации крестьянской общины. Он никогда не сочувствовал «русскому социализму» Герцена и Огарева. В русские «народные начала» Тургенев тоже не верил. Поэтому он понимал революцию как «европейский идеал» развития цивилизации и законности. Активной силой в России Тургенев считал «образованный класс», т. е. интеллигенцию, в ней он видел «точку опоры для живой революционной пропаганды».

Чтения завершились поездкой на могилу Вадима Эразмовича Вадура на кладбище в Комарово.

© А. К. Михайлова

НАУЧНО-АРТИСТИЧЕСКИЙ ВЕЧЕР, ПОСВЯЩЕННЫЙ 145-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

16 февраля 2011 года в Музее-усадьбе Г. Р. Державина (филиале Всероссийского музея А. С. Пушкина) прошел научно-артистический вечер в день 145-летия со дня рождения Вячеслава Иванова. Эта традиционная встреча исследователей и всех интересующихся творчеством поэта состоялась благодаря усилиям организаторов — Исследователь-

ского центра Вячеслава Иванова в Риме, Института итальянской культуры в Петербурге и Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.

С докладами выступили директор Института итальянской культуры в Москве Адриано дель Аста, директор Центра Исследования Вяч. Иванова в Риме А. Б. Шишкин, ве-

душий научный сотрудник Института русской литературы К. Ю. Лапко-Данилевский, профессор Папского Восточного института в Риме о. Стефано Каприо, директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН И. В. Тункина, заведующий кафедрой русской литературы Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов Ю. В. Зобнин.

За круглым столом собрались также гости вечера: Н. Т. Ашимбаева (директор петербургского Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского), Б. Н. Тихомиров (председатель Российского общества Достоевского, зам. директора по науке Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского), С. С. Лесневский (главный редактор издательства «Прогресс-Плеяда», Москва), прот. Георгий Митрофанов (Санкт-Петербургская духовная академия), И. Д. Чечот (СПбГУ), А. В. Юдин (РГГУ), П. В. Дмитриев (Музыкальная библиотека Петербургской Академической филармонии), научные сотрудники Пушкинского Дома Г. М. Прохоров и С. А. Семячкова.

Научную часть вечера открыл доклад Адриано дель Аста «Россия и Италия: веки на путях и перепутьях диалога». Русские религиозные мыслители, подчеркнул докладчик, рассеявшись по Западной Европе и всему миру после революции, стали инициаторами великого христианского возрождения, в котором человеческое и божественное обретают полноту друг в друге. В разгар всемирного кризиса и разделений, потрясавших самое существо человека, два столь различных христианских мира — западный и восточный — смогли найти общую идентичность, способную предстать перед миром, как ориентир посреди бурь. Стало ясно, что единство не должно рассматриваться как проект, который можно осуществить посредством компромиссов или отказа от собственной идентичности, оно открывалось как своего рода обращение.

Таким образом, то, что открылось обеим сторонам в самой сердцевине глубочайшего кризиса цивилизации, по мысли дель Аста, было христианство в его чистоте и радикальности: христианство как встреча со Христом. Здесь центральное место занимает сама личность Христа и идея человека, преображенного божественными энергиями, так что отныне становилось невозможным противопоставлять человеческое и божественное, разум и веру.

Вечер продолжил доклад А. Б. Шишкина «Как истолковывать „Великого инквизитора“: Вяч. Иванов против Розанова и Бердяева». На протяжении XX века поэма Ивана Карамазова была своеобразным оселком философской и филологической мысли, уже не только русской, но и общеевропейской. Началом самодостаточной автономной жизни «Легенда» обязана известной книге Розанова (1891), а затем устным и печатным выступлениям Бердяева. Глава из его книги

«Миросозерцание Достоевского» (1923) была прочтена на одной из «сред» на Башне Вяч. Иванова. Бердяев утверждал, что «Легенда» — «вершина творчества Достоевского, увенчание его идейной диалектики». От Розанова и Бердяева мощно наметился апологетический подход к «Легенде». В то же время в веере истолкований наметился некий критический по отношению к ней полюс. Вяч. Иванов в докладе о «Легенде» 1938 года в Риме оспорил позицию Розанова и Бердяева. Отождествление евангельского Христа и Христа поэмы, по мысли Иванова, является кардинальной ошибкой. В Христе поэмы много литературности, живописности XIX века, «сентиментализма» и «романтизма». Но самое неприемлемое, по Иванову, — это поцелуй в уста, который Христос дает инквизитору: «Он никогда не целует. Его целуют». В подтверждение ивановского тезиса можно привести следующее соображение. В архитектонике «Братьев Карамазовых» этому целованию инквизитора Христом (и параллельному ему Ивана — Алешей) соответствует ернический рассказ Федора Карамазова о святом мученике, который нес собственную отрубленную голову, «любезно ее лобызаша». Федор Карамазов ссылается на Четыи Минеи; разумеется, ничего подобного в Минеи нет, а есть у Вольтера. Тем самым в «Братьях Карамазовых» задается тема осмеяния/пародирования/искажения сакрального текста: если согласиться с аргументом Вяч. Иванова, то наиболее сильным искажением во всем романе оказывается поцелуй Христа инквизитору. Однако легенда, по Вяч. Иванову, рассказана голосом Ивана; за ее неточный художественный и некорректный философский аспекты автор романа не ответственен.

В заключении докладчик поставил несколько вопросов для обсуждения. «Легенда» породила множество откликов, ее не интерпретировали с точки зрения семиотики, стилистики, функциональной поэтики или логического анализа языка. Но почему «последний» смысл поэмы до сих пор ускользает от нас? Что делает ее столь актуальной для XX и XIX веков? Многоголосие «Легенды» Достоевского, отраженное в сотне зеркал ее интерпретаций, продолжает быть источником вопросов и недоумений, на которые не всегда легко и удобно найти ответ.

Доклад А. Б. Шишкина вызвал плодотворную дискуссию. Прот. Георгий Митрофанов высказался о споре Н. А. Бердяева и Вяч. Иванова в истолковании «Легенды о Великом инквизиторе». По его мнению, интерпретация Бердяева стала настолько классической и тривиальной, что любое оппонирование вызывает интерес. Строго говоря, Бердяев, истолковывая «Легенду о Великом инквизиторе» и оставаясь христианином, проявляет поразительную нечувствительность к клерикальной составляющей этой легенды. Речь идет о поцелуе Христа. Нужно быть духовным лицом, долгое время прослу-

жившим в церкви, чтобы не ощутить ответственности этого эпизода. Часто в общении с пастырской духовной предводителем, пастыри, теряют веру не только в человека, но и в Бога. И труд пастыря оказывается чреват ощущением не только человекооставленности, но и богооставленности. Часто не хватает человеческих сил, чтобы нести бремя архипастыря. С точки зрения о. Митрофанова, в поцелуе Христа заложено понимание тяжелого бремени служения в церковной иерархии. Христос, лобызая своего служителя, дает возможность ощутить, что Бог все-таки есть. Это должно преобразить Великого инквизитора. К сожалению, эта тема ушла от понимания как Бердяева, так и Вяч. Иванова.

О. Стефано Каприо, согласившись с о. Митрофановым, подчеркнул, что такая интерпретация поддается самим текстом, ибо инквизитор объясняет свое состояние самопожертвованием, вариантом аскетизма. Своим жестом Иисус проявляет милосердие не только к иерархии, но и милосердие к излишнему аскетизму: жертвовать собой для людей до такой степени, чтобы не суметь принять жертв любви другого. Излишний аскетизм — это некое отсутствие любви, потому излишний аскетизм бессмыслен. Поцелуй Христа — это настоящая отдача себя другим.

Н. Т. Ашимбаева обратила внимание на неожиданность слияния точек зрения на легенду Вяч. Иванова и К. Н. Леонтьева. Для Великого инквизитора поцелуй Христа должен был вызвать некоторое продолжение в его собственной судьбе, возврат на какие-то давно забытые им пути послушания и аскетизма в вере. Несправедливо мнение о том, что «Легенда» — это вставной, легко изымаемый из структуры романа текст. На самом деле, легенда нашла продолжение в самом романе — это продолжение маркирует поцелуй Алеши, возвращенный Ивану Карамазову.

Б. Н. Тихомиров развил мысль об «идее продолжения»: Достоевский оставляет инквизитора в каком-то положении неустойчивого равновесия. Последние слова: «Поцелуй горит на его сердце, но старик остается в прежней идее», — это динамичный момент и на нем останавливается повествование. Но действительно продолжение как будто предполагается. Роман остался незавершенным. Достоевским был задуман второй роман, и, может быть, к этой проблематике он должен был там вернуться. Найденный текст Вяч. Иванова возвращает нас к этому проблемному тексту Достоевского. Он востребован и богословами, и философами, и политологами, и публицистами. Но тем не менее текст этот остается загадкой. Поэма уникальный текст: с одной стороны, это произведение Ивана Карамазова, с другой — мы рассматриваем ее не просто как текст самого Достоевского, но как вершинный текст писателя, сводящий в фокус всю проблематику его творчества. Парадокс в том, что разные интерпретаторы до

сих пор по-разному решают вопрос: а с кем Достоевский? В. В. Розанов ужаснулся, когда ему показалось, что из-за спины Великого инквизитора выглядывает сам автор и христорождество инквизитора — это упреки и обвинения самого Достоевского. А. М. Ремизов в «Огненной России», читанной на вечере памяти писателя 11 февраля 1921 года, патетически призывает инквизитора к Христу: «Суди нас, если можешь и смеешь», — вложил в уста самого Достоевского. Подлинный смысл поэмы не вскрыть без напряженного анализа поэтики.

Сам докладчик подчеркнул, что М. Л. Гаспаров обвинял Бахтина в неточности, Б. А. Успенский в недавней статье утверждает, что Бахтину было важно *инициировать* разговор, причем не так важно, есть ли в научном аппарате неточности. Главное — начать разговор. Такой же стратегии нередко придерживался и Вяч. Иванов.

К дискуссии присоединилась А. Г. Грек (МИОО, Москва). По мнению исследовательницы, многообразие точек зрения, позиций на тексты Достоевского совершенно закономерно и неизбежно вытекает из их диалогичности. Предпочтение той или иной точки зрения обусловлено мировоззренчески, связано с филологическим опытом, в конце концов, вытекает из того, какая позиция имеет более сильные, с точки зрения читателя или исследователя, аргументы. Филологи, изучающие тексты Достоевского в аспекте диалогичности, не могут и не должны описывать все множество порождаемых этими текстами смыслов. Их позиция в этом отношении должна быть более скромной. Что касается легенды в составе романа Достоевского, то она может рассматриваться и отдельно, как «текст в тексте». В этом случае, если говорить языком лингвистики, из пересечения, взаимодействия этих «текстов» возникает некоторый инвариантный, или общий, смысл. Помнить о многообразии точек зрения и их столкновений в романе Достоевского — обязанность культурного читателя. О том, что на точку зрения писателя, героя и героев накладывается точка зрения читателя и читателей, мы тоже не должны забывать. Эта сложная «игра» точек зрения, в том числе и в восприятии читателя, и в восприятии исследователя, динамизирует смыслы, поэтому ставить вопрос о единственности, или единственно правильном, или исчерпывающем прочтении текста легенды о Великом инквизиторе, более того — творчества Достоевского в целом было бы методологически некорректно.

В докладе К. Ю. Лапо-Данилевского «О неизвестных переводах Вяч. Иванова из древних поэтов и о том, как они возникли» была освещена история допуска поэта к преподаванию на Высших женских историко-литературных и юридических курсах Н. П. Раева. Подробно она изложена автором в статье «О преподавании Вячеслава Иванова на курсах Н. П. Раева», публикуемой в настоящем номере журнала.

В заключение К. Ю. Лаппо-Данилевский прочел ряд неопубликованных переводов из Вергилия, Горация, Катулла, Лукреция, Энния и др. поэтов. Это как отрывки из пространных произведений, так и целые стихотворения. Хотя многие из этих переводов не были окончательно отделаны и не предназначались для печати, а только для чтения на лекциях, будущие издатели переводческого наследия поэта вряд ли имеют право полностью проигнорировать их, подчеркнул докладчик.

Апеллируя к докладу К. Ю. Лаппо-Данилевского, А. Г. Грек подчеркнула важность подобного рода исследований для изучения творчества Вяч. Иванова, его поэтики и стилистики. Представленные в докладе материалы могут помочь исследователям ответить на вопрос о том, как складывалась и в каком направлении развивалась переводческая техника Вяч. Иванова: от переводов чисто учебных к переводам, которые стали классическими и многое предопределили в судьбах русского перевода XX века. Так, московский священник о. Георгий Чистяков — он же историк античности и филолог-переводчик (из круга А. И. Доватура и А. Ф. Лосева) — однажды заметил, что блестящие переводы М. Л. Гаспарова «вышли из Вяч. Иванова», при всей разности мировоззрений и стилистических стратегий этих двух переводчиков.

О. Стефано Каприо выступил с докладом «Папский Восточный институт вчера и сегодня: к находке и публикации книги Н. П. Кондакова „Иконография Богоматери в Италии“». В середине XIX века католическая церковь подняла вопрос о взаимоотношениях с Востоком, после того как «Послание к восточным патриархам» Пия IX 1848 года потерпело неудачу. Проблема усугубилась политическими перипетиями, ведущими, начиная с Крымской войны, к постепенному распаду Османской Империи; вопрос открыто обсуждался на Иерусалимском Евхаристическом Конгрессе 1893 года. Решение проблемы было найдено папой Бенедиктом XV, основавшим в 1917 году Конгрегацию по делам Восточных Церквей и Папский Восточный Институт (ПВИ). Исследования по Восточному Востоку развивались в ПВИ по двум основным направлениям: «миссионерскому» (подготовка людей, способных действовать на территории Восточных церквей) и «академическому» (углубленное изучение традиций Восточных Церквей). Подобная относительная двойственность сохранялась на протяжении всей истории ПВИ, но с 1922 года папа Пий XI поручил иезуитам служение, подчеркивающее главным образом актуальность миссионерской деятельности. Главным действующим лицом этого этапа стал французский иезуит Мишель д'Эрбиньи, который вплоть до 1933 года организовывал дерзкую «русскую миссию», когда советская Россия стала привилегированным объектом интереса Ватикана на Востоке.

После Второго Ватиканского Собора миссионерские задачи ПВИ и «русских дел» отошли на второй план, главным стало углубление исследований и экуменический диалог с Русской и другими Восточными Церквями. ПВИ достиг больших результатов, и прежде всего в исследовании духовности Христианского Востока благодаря о. Наусхерру и кард. Шпидлику, а также в истории восточной литургии, благодаря о. Матеосу, о. Арранцу, о. Тафту. Многие выдающиеся представители Восточных Церквей посещают ПВИ для консультаций и специализации, как, например, нынешний Патриарх Константинопольский Варфоломей I. В семидесятых годах был открыт уникальный в своем роде Факультет Восточного Канонического Права. Сегодня ПВИ принимает студентов из всех Восточных Церквей, католических и православных, и продолжает выполнять миссию моста между Востоком и Западом, которая была так дорога поэту и пророку христианского экуменизма Вячеславу Иванову, долгое время преподававшему в ПВИ.

И. В. Тункина рассказала о судьбе третьего тома «Иконографии Богоматери» академика Н. П. Кондакова (по документам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН). Академик Н. П. Кондаков в 1917 году покинул революционный Петроград и после многочисленных передвижений в конце 1921 года осел в Праге. Из России ученый вывез рукописи незавершенных фундаментальных трудов, в том числе третий том «Иконографии Богоматери». В Петрограде осталась пяти тысячная научная библиотека и огромный архив, включающий значительную фотографическую часть и оттки клише и таблиц ко второму неизданному тому «Лицевого иконописного подлинника. Иконография Богоматери». Ученый безуспешно пытался найти издателей для своих неизданных трудов, но переговоры ни к чему не привели из-за предложенных условий, ограничивавших количество иллюстраций.

В ноябре 1924 года международная научная общественность торжественно отметила 80-летие Н. П. Кондакова. Юбилей помог найти издателя. Министерство иностранных дел Чехословакии приобрело права на издание полного текста «Русской иконы» (вышла в Праге в 1928—1933 годах). Сокращенный текст этой книги в английском переводе Э. Миннза был издан в Оксфорде в 1927 году. В декабре 1924 года римский папа Пий XI (Ахилл Ратти) с помощью А. Муньоа приобрел права на издание третьего тома «Иконографии Богоматери» (Итальянская мадонна). 17 февраля 1925 года ученый скончался в Праге от сердечного приступа. Текст третьего тома был получен Ватиканом в марте 1925 года и в 1926 году передан в Папский Восточный Институт для перевода на французский язык. Русский оригинал текста все эти десятилетия считался утраченным. Французский перевод был найден в Папском Вос-

точном Институте швейцарским ученым И. Фолетти и издан в Италии в 2011 году в одном томе с его предисловием. Докладчица предположила, что поиски русского оригинала текста Н. П. Кондакова следует продолжить в архивах и Славянском отделе Библиотеки Ватикана, так как автор из-за своей смерти не мог контролировать качество перевода и подбор иллюстраций к тому.

Достоинством завершением этой части вечера стала презентация книг: *Kondakov Nikodim. Iconographie de la Mère de Dieu: IIIe tome. Roma, 2011; Simon C. Pro Russia: The Russicum and the Catholic work for Russia. Roma, 2009 (Orientalia Christiana Analecta. Vol. 283).*

В заключение научной части вечера Ю. В. Зобнин прочел главу о годах, проведенных Вяч. Ивановым в Германии, из своей новой книги — биографии поэта (готовится к публикации в серии «Жизнь замечательных людей»). Прочитывая известное замечание из «Автобиографического письма» С. А. Венгеру о возникшей у Иванова в начале «берлинского» ученичества «потребности сознать Россию в ее идее», исследователь далее обратил внимание аудитории на те, практически неостребованные биографами материалы, которые содержатся в российской периодике 1887—1889 годов — прежде всего в газетах «Московские ведомости» и «Гражданин», где сотрудничал в это время Иванов-студент. Если собственно авторство (или, точнее, степень авторства) Иванова, работавшего тогда референтом-секретарем в журналистском агентстве Г. С. Веселитского-Божидаровича установить сейчас достаточно сложно, поскольку берлинские корреспонденты в этих органах были либо анонимными, либо подписанными псевдонимами, скрывавшими несколько лиц, причастных к созданию текста, то анализ той информации, которая содержится в публикациях, представляется весьма актуальной работой для прояснения круга историософских идей, в которых шло становление ивановского мирозерцания.

«Болгарский кризис» 1885—1887 годов и связанный с ним крах балканской политики России, обострение ее отношений с Австро-Венгрией, поставившей после восшествия на болгарский престол Фердинанда Кобургского обе империи на грань войны, «умиротворяющая» политика О. Бисмарка и история заключения в 1887 году «договора перестраховки» между Россией и Германией, трагическая история краткого царствования императора Фридриха III, клерикальная борьба в Берлинском университете после восшествия на престол Вильгельма II — вот далеко не полный перечень ярких исторических событий, получивших отражение в статьях, к которым «приложил руку» юный Иванов. Некоторые из этих текстов (как, например, цикл материалов, посвященных смерти и похоронам несостоявшегося императора-либерала Фридриха III, — «Отстав-

ка Путткамера», «Первые дни по кончине Фридриха III», «Похороны императора Фридриха») обладают к тому же выдающимися художественными достоинствами, позволяющими с высокой степенью вероятности говорить об Иванове как об их «главном» создателе.

Концертная программа, состоящая преимущественно из музыки Михаила Кузмина, была предварена вступительным словом П. В. Дмитриева. Исследователь представил «легкий абрис» творческой биографии М. Кузмина-музыканта. И в музыке, и в литературе Кузмин — мастер миниатюры, причем именно вокальной миниатюры. За пятнадцать лет его «долитературного» периода им было написано около четырехсот произведений этого жанра. Среди них романсы на стихи русских поэтов, начиная от Батюшкова, Пушкина, Лермонтова, А. К. Толстого, Ап. Майкова, Фета, А. Кольцова, И. Сурикова и заканчивая уже современниками: Надсоном, К. Фофановым, Мережковским и Вальмонтом, а также многочисленные композиции на оригинальные тексты зарубежных поэтов — от Петрарки и Шекспира до Гете, Гюго, Мюссе и Верлена. Очевидно влияние на Кузмина таких композиторов, как Шуберт, Массне, Дебюсси, Мусоргский, Римский-Корсаков и Чайковский. Именно для вокальных миниатюр Кузмин стал сочинять и собственные тексты. На знаменитой Башне Вяч. Иванова Кузмин появился в 1906 году в первый раз именно как музыкант-исполнитель своих «Александрйских песен». 1906 год можно считать переломным в жизни музыканта и писателя, когда не только он сам ощутил новое качество своего поэтического творчества, но и был признан интеллектуальной элитой обеих столиц — прежде всего такими авторитетами, как Валерий Брюсов и Вячеслав Иванов.

В концертном отделении вечера были представлены произведения из вокальных циклов М. Кузмина «Духовные стихи» и «Александрйские песни». Нотный сборник «Духовные стихи» (тетрадь и отдельными выпусками) вышел в 1912 году в издательстве Ю. Г. Циммермана. Первая редакция вокального цикла «Александрйские песни» была закончена осенью 1905 года и включала в себя 28 пьес, причем не только вокальных, но и танцевальных. Однако, несмотря на попытки Кузмина издать «Александрйские песни» в 1910-е годы, единственное издание нотного сборника появилось только в 1921 году в московском Государственном музыкальном издательстве.

В исполнении Людмилы Шкиртиль (меццо-сопрано) и Юрия Серова (фортепиано) прозвучали также латинский гимн Вяч. Иванова «Breve aevum separatum» на музыку М. Кузмина и несколько «Римских сонетов» на музыку Александра Гречанинова.

СВОЙ ГОЛОС

ВСПОМИНАЯ АЛЕКСЕЯ ПАВЛОВСКОГО*

С Алексеем Ильичом Павловским я познакомился в журнале «Звезда» в одной из комнат тогдашнего Дома писателей на улице Воинова. Молодой человек с длинными светлыми волосами разговаривал по телефону, когда я, не без робости, вошел в помещение отдела критики журнала. Кивнув мне, он недолго продолжал разговор, называя собеседника «мышь». «Закруглив» беседу, сотрудник журнала скоро понял, что за плечами у меня, кроме университетского диплома, ничего нет... Первый раз я напечатался в «толстом» журнале в памятном марте 1953 года. Что же до А. Павловского, то его имя появлялось тогда в «Звезде» довольно часто. Оказалось, заведующий отделом еще не закончил аспирантуру пединститута Герцена и своим выдвижением был обязан редактору журнала критики В. П. Друзину, на кафедре которого в институте было много молодых людей. Но лишь с одним из них я подружился, как оказалось, «на всю оставшуюся жизнь», до начала нового века. Им и стал Алеша Павловский, оба мы были «Ильичами».

«Собеседник» (телефонный), которого критик из «Звезды» назвал «мышью», оказался Машей — будущей М. А. Павловской. После аспирантуры и защиты диссертаций супруги уехали в Кемерово. А. И. стал в Сибири заведующим кафедрой, а Мария Артемовна преподавателем. Там же молодая жена оказалась свидетелем необычного поступка спутника жизни. В Пединституте шло рутинное собрание: выдвигали кандидата в местные органы власти. М. А. (я всегда ее звал по имени, но всюду в тексте будет так), активная общественница, находилась в президиуме. Выдвигали ректора. Кто «за»? Вроде бы все. Кто против? М. А. увидела одну руку — доцента А. Павловского... Когда он, человек невысокого роста, выходил из зала, казалось, корабль идет сквозь льдины — толпа рассыпалась.

Узнал я об этом от М. А. и как-то спросил А. И.: «Что это было?» Он ответил, что

* Меньше года не дожил А. И. Павловский до 50-летия работы в Пушкинском Доме (2005). Не довелось ему отметить и восьмидесятилетие (2006). Нынешней осенью ему было бы 85...

«просто все надоело». Все-таки уже шла «оттепель», историю раздувать не стали. Впрочем, и не задерживали молодых преподавателей, когда они решили вернуться в Ленинград.

Я с Ленинградом расставался не надолго, служил в газете «Молодежь Литвы», был собкором в Шауляе. А. И. сразу же, с 1955-го до конца своих дней обосновался в Пушкинском Доме, М. А. вернулась в родной институт Герцена. Меня же, кроме заочной аспирантуры, да еще возможности стать профессиональным литератором, мало что связывало с городом. Родные и двое друзей. Я вспоминаю адреса Павловских. Маленькую комнатку на улице Решетникова, две комнаты на Московском. Потом первая отдельная квартира на Анниковом (Блюхера), более поместительная на Бассейной и, последняя, в дальнем Купчино, на Олеко Дундича.

А еще были встречи на дачах, снятых в Дибунах и Комарово, в шумных компаниях в Коктебеле и Пицунде, при моем обязательном появлении в доме друзей 5 октября, в день рождения А. И., и реже — 18 мая на празднике М. А. Кроме разговоров «за жизнь», случалось, я появлялся с требованием «прослушать» свое сочинение, еще даже не напечатанное на машинке. На даче в Дибунах я прочитал другу статью о Михаиле Кольцове, которую А. И. взял для публикации в сборник «Пути советского очерка» (1958). Когда А. Павловского почти назначили ответственным секретарем журнала «Русская литература» (назначения не случилось вроде бы из-за его беспартийности), он пытался «трудоустроить» меня в редакцию, хотя я в такую возможность не верил.

Мне А. И. своих сочинений не читал, но дарил все отписки статей и все книги. Порой случайно проговаривался об очень важном для понимания его природы. Вот вспомнили мы с ним об общем знакомом, многие годы отдавшем корректорской службе, Иннокентии Мемноновиче Басалаеве, литераторе, оставившем интересные воспоминания. Он знал и любил поэзию, был мужем поэтессы Иды Наппельбаум. И вот об этом тихом, застенчивом человеке А. И. рассказал: в 1953 году И. Наппельбаум еще была в заключении, поэтому В. Друзин опасался часто печатать рецензии своего корректора. Пришлось

некоторые из них подписывать А. И. Вот почему так много мой друг печатал «себя» в «Звезде». Иногда они выходили из редакции вместе, но шли не налево, к Литейному, а направо. Так обходили Большой Дом, чтобы не напоминать Басалаеву о его беде.

А. И. всегда ходил в очках. Мы принимали это как данность. Лишь случайно я понял, что это означало при «минус 16» диоптрий. Мы шли с ним по берегу Невы в самом красивом месте Ленинграда в августе, когда в город входили корабли. На одном из них выстроились матросы, и я спросил А. И., видит ли он людей. Оказалось, четко различает... очертания корабля. Лишь за несколько лет до своего ухода А. И. согласился на операцию и потом с удивлением сказал мне, что «оказывается, мир многокрасочный». Так вот почему этот сотрудник Пушкинского Дома старался раньше других выполнить свой план: это требовало напряжения, зато потом он мог поберечь свои глаза для размеренного чтения.

Я любил приходить в этот хлебосольный дом, его хозяйка как могла оберегала А. И. Но сама же признала мне во время последней, тяжелой болезни, что виновата перед мужем, боялась — «беспартийность» не позволит ему защитить докторскую диссертацию. Потому и убеждала «вступить в ряды». Ту же работу проводил с ним «из добрых побуждений» наш председатель писательского союза поэт Анатолий Чепуров. Но все решил случай. Павловские одолжили некую сумму денег писателю К. Косцинскому (Успенскому). Пришло время получить долг, и вот этот их знакомый позвал в гости, мол, там и вручит. Побывав на застолье, ни хозяин, ни гости не знали о последствиях этой встречи. Квартира была на «прослушке», хозяина арестовали, а некоторых гостей вызывали в Большой Дом. А. И. расспрашивали — что за разговоры велись. Тот ответил: «Ничего не помню, был пьян». Тема «партийности» отпала сама собой.

А. И. не был «диссидентом». Его подчеркнутая некарьерность, интерес к библейским сюжетам («Ночь в Гефсиманском саду» и еще не изданная книга о русских святых) обнаруживали в нем человека религиозного. Однажды на застолье М. А. услышала слова моего друга: «Я сын католического попа» (он не сказал «ксендза»).

Я видел друга в разные дни и часы его жизни. Умерла М. А. На другой день после похорон позвонил их сын — Алексей Алексеевич: «Отец просит, чтобы вы с ним побыли...» Это было высшее доверие. Мы почти ни о чем не говорили, не вспоминали. Вместе пережили этот день. После него два десятка лет Алеша записывал в своем дневнике: «десять дней без Маши...», «триста дней без Маши...», «три тысячи сто дней без Маши...» Лишь за несколько дней до своего конца, в декабре 2004 года, он уже не имел сил продолжать свои записи.

Иногда я приезжал по его зову в Пушкинский Дом, это было куда ближе, чем ехать в дальше Купчино. Мы садились обычно у входа в Институт, напротив вахтера, и разговаривали. Однажды во время такой встречи к нам подошел сотрудник из их сектора и, по существу, прервал наш разговор какой-то информацией. Когда коллега А. И. удалился, я спросил: «Он не знает меня и потому так бесцеремонен?» — «Знает, — ответил мой друг. — Потому и ведет себя так...» Было это лет двадцать назад. Много воды утекло с тех пор.

Мои отношения с А. И. подверглись испытанию лишь однажды, в начале шестидесятых. Я был редактором его книги «Поэты-современники», которая выходила в нашем издательстве «Советский писатель». Книга вылетела из плана из-за главы о Евг. Евтушенко, который стал негоден за стихотворение «Наследники Сталина», ранее напечатанное в «Правде». Довольно скоро А. И. понял, что я был непричастен к задержке издания, но жалел, что книжка вышла без этой главы. В книге напечатано блистательное эссе о Николае Заболоцком. И тут были «потери». Мы вместе с А. И. переживали: цензура выбросила из процитированного целиком стихотворения «Где-то в поле возле Магадана» целую строфу. Даже после разоблачения «культы личности» оказались крамольными строки: «Только звезды, символы свободы, / Не смотрели больше на людей».

Мне дорого все, что писал А. И. об Ахматовой, которая называла своего исследователя в записных книжках, не так давно изданных, «биографом» и «Алешенькой». Он успел это прочитать. Я перечитываю написанное им о лучших наших прозаиках — А. Платонове, М. Зощенко и поэтах и поэзии военных лет (это и его «докторская»). Замечательное эссе «Голос» было посвящено Ольге Берггольц, ее выступлениям по радио зимой 1942-го. Многие годы для А. И. образ поэтессы ассоциировался именно с «голосом». Через двадцать лет состоялась его реальная встреча с поэтессой, уже прочитавшей (в рукописи) книгу о себе — «Стих и сердце».

Главные удачи исследователя и критика приходились на то, что было органично в жизни блокадного подростка, человека культуры, языка. Он «учил» меня писать — не буквально, освобождая от всего наносного, красивых слов, ложного пафоса. Эта планка для многих оставалась недостижимой. Важнейшим для А. И. Павловского было — «Тождество между жизнью и речью, между поведением и интонацией». Это «тождество» проявлялось наиболее очевидно в эссе «Голос», «портрете» Н. Заболоцкого, глубоко личностной книге «Ночь в Гефсиманском саду». Оно проявлялось даже... в дарственных надписях на книгах. Не без робости призыву полную преувеличений, но искреннюю подпись автора на подаренной мне книге о

Марине Цветаевой «Куст рябины». В ней — щедрость, доброжелательность, искренность:

«Саше Рубашкину —
в день твоего первого серьезного юбилея.

Милая Рубашенция! Люблю тебя давно, очень и — навсегда: за верность собственному таланту, за верность писателям, о которых пишешь, и за верность людям, с которыми дружишь.

А сверх того, люблю тебя просто так, что, конечно, самое главное.

Твой Алеша Павловский
1990, янв.♦

Годом раньше та же интонация звучала по-другому на составленном сборнике стихов Анны Ахматовой, уже с «Реквиемом» и лирически окрашенной вступительной статьей:

«Ахматовская лирика, возникшая в русской поэзии почти восемьдесят лет назад, кажется нам сегодня как бы всегда существовавшей, жившей от века — как русский пейзаж, как блеск луны на невской волне, как белая ночь, похожая на прозрачный сон нашего города, как стихи Пушкина и, наконец, просто как сама любовь».

Через двадцать с лишним лет, через строки, написанные на этой книге, доносится до меня голос друга:

«Милая Рубашенция! Нам с тобой уже даже не вспомнить, когда мы не знали друг друга!..

89. Твой Алеша».

© Александр Рубашкин
(«Рубашенция»)

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
В 2011 ГОДУ**

СТАТЬИ

	№	Стр.
Еремива В. И. В поисках истины. А. Н. Веселовский о закономерностях литературного процесса, генезисе и эволюции народного сознания и поэтических форм	2	13
Еремива В. И. В поисках истины. А. Н. Веселовский о закономерностях литературного процесса, генезисе и эволюции народного сознания и поэтических форм (<i>Окончание</i>)	3	3
Лебедев Ю. В. К 80-летию со дня рождения Н. Н. Скатова	2	3
Александр Левицкий (<i>США</i>). Державин как исповедник Пушкина	1	3
Прозоров Ю. М. «Венец страдания на челе...». Из литературной истории образа Музы в поэзии Н. А. Некрасова	2	46
Сливицкая О. В. «Идеальная встреча»: Лермонтов и Толстой	3	37
Тиме Г. А. «Святой отец Яков Бемен» (рецепция наследия немецкого мистика в России)	4	3
Фомичев С. А. Похвала басне	4	28

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

«Литературное наследство»: страницы истории. Из архива С. А. Макашина (к 80-летию основания издания) (публикация и подготовка текста А. Ю. Галушкина; вступительные заметки А. Ю. Галушкина при участии М. А. Фролова; комментарии М. А. Фролова (раздел 1) и А. Ю. Галушкина (разделы 2—4))	2	63
--	---	----

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ П. Я. ДАШКОВА

Болотина Н. Ю., Иванова Е. В. Обзор семейных фондов Дашковых в Государственном архиве РФ	1	39
Ерохина И. П. Рисунки с сюжетами русско-турецких войн 1806—1812 и 1828—1829 годов (из собрания П. Я. Дашкова в Государственном Историческом музее).	1	55
Полунина Н. М. Коллекция П. Я. Дашкова в собрании Государственного Исторического музея.	1	50

К 145-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

Александрова Э. К. «Одинокая вершина» Яна Райниса в переводе Вячеслава Иванова	4	88
Роберт Бёрд (<i>США</i>). К творческой истории статьи Вячеслава Иванова «Древний ужас»	4	57
Богомолов Н. А. Об одном стихотворении на случай	4	107

Бусыгина Е. А. О переводе Вячеслава Иванова из <i>Анны Виванти</i>	4	81
Майкл Вахтель (<i>США</i>). «Дополнения к „Лире Новалиса”» Вячеслава Иванова.	4	61
Лаппо-Данилевский К. Ю. О преподавании Вячеслава Иванова на курсах Н. П. Раева	4	66
Переписка Вячеслава Иванова с Л. Пачини-Савой (публикация Бьянки Сульпас- со (<i>Италия</i>))	4	117
Переписка Вячеслава Иванова с С. М. Алянским (1917—1923) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. С. Александрова)	4	92
Пятая строфа второй канцоны «Пиршества» Данте в переводе Вячеслава Ивано- ва (публикация Андрея Шишкина (<i>Италия</i>))	4	80
Титаренко С. Д. Из ранней прозы Вячеслава Иванова 1887 года (к проблеме исто- ков «Интеллектуального дневника» 1888—1890-х годов).	4	38
Топорков А. Л. «Повесть о Светомире царевиче» Вячеслава Иванова и «Сказание о Мамаевом побоище»	4	111
Федотова С. В. Неизвестные переложения псалмов Вячеслава Иванова	4	51
Андрей Шишкин (<i>Италия</i>), Ричард Дэвис (<i>Великобритания</i>). Эпистолярный Вя- чеслава Иванова и И. А. Бунина 1936—1937 годов	4	133

К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Баршт К. А. Князь Хилков в «записной тетради» к роману «Бесы». Об одной каллиграфической записи Ф. М. Достоевского	3	116
Березкина С. В. «Униженные и оскорбленные» Достоевского: три текста, три из- дания	3	97
Ветловская В. Е. «Зачем я не птица, не хищная птица!»	3	80
Котельников В. А. Апокалиптика и эсхатология у Достоевского.	3	51
Тихомиров Б. Н. Достоевский, А. П. Философова, А. Л. Боровиковский и «Про- цесс 50-ти»	3	68
Трофимова Т. Б. Poleмический подтекст повести «Дядюшкин сон»	3	92
Якубович И. Д. Стилиевые приемы комического в повествовательном строе «Запи- сок из Мертвого дома»	3	109

К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА

Бухаркин П. Е. Литературная позиция М. В. Ломоносова	1	24
--	---	----

МАТЕРИАЛЫ ИЗ СОБРАНИЯ П. Я. ДАШКОВА В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

Беляев Н. С. «Лермонтовский альбом»	1	68
Романова А. В. Автографы И. А. Гончарова	1	65
Сазонова Т. В. Сборник приходо-расходных книг Кирилло-Новоезерского мона- стыря	1	60
Степина М. Ю. Материалы, связанные с Н. А. Некрасовым	1	70

ПОЛЕМИКА

Костин А. А. Дивный новый цифровой мир, или Об источниках «Прибавления к Московским ведомостям»	1	75
--	---	----

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Асоян А. А. Дантология Веселовского <i>sub specie temporis nostri</i>	1	143
Вдовин А. В. Почему «исписался» Белинский? Эстетическая позиция «Совре- менника» в конце 1840-х годов	1	125
Вихрова Н. Н. Ранний критический опыт И. С. Аксакова	2	173
Головин В. В. «Барышня-крестянка»: почему Баратынский «ржал и бился»	2	119
Егоров Б. Ф. Парные оппозиции и триады у Ф. М. Достоевского и Ю. М. Лотмана	1	133

Зощенко М. М. Выступление на заседании Президиума Союза советских писателей 6 декабря 1943 года (вступительная заметка, подготовка текста и комментарии В. П. Муромского)	2	224
Зубарев Л. Д. «Мы по-своему каждый свое ясновидели...» К истории «примирения» А. Блока и Вяч. Иванова	1	171
Зубков К. Ю. Эстетические установки «молодой редакции» журнала «Москвитинин» (к постановке проблемы).	3	150
К истории посмертных публикаций сочинений Н. В. Гоголя. Из переписки современников (вступительная заметка, подготовка текста и комментарии Ю. В. Балакшиной)	2	159
Калитин В. А. Новые биографические данные об А. Ф. Гильфердинге	1	137
Карташева Е. И., Пашкуров А. Н. Г. П. Каменев: новые архивные документы	2	99
Корконосенко К. С. Конкурс начинающих переводчиков 2010 года: подведение итогов и критерии отбора лучших работ	3	213
Коровашко А. В. Криптонимы «даждьбожьих внуков»	3	147
Костин А. А. Как Радищев стал автором «Беседы о том, что есть сын отечества» (об одной публикации В. П. Семенникова)	3	126
Кошелев В. А. «Авось, дороги нам исправят...»: о семантике «десятой главы» «Евгения Онегина»	2	107
Энтони Кросс (<i>Великобритания</i>). По следам великих предшественников: мои исследования в области англо-русских культурных связей.	2	233
Левин Д. Э. Дар террориста Императорской Публичной Библиотеке	4	150
Ли Су Ен, Чой Хэн Гю (<i>Республика Корея</i>). Рассказ Татьяны Толстой «Охота на мамонта»: метаморфозы персонажей и специфика конфликта	3	206
Никонова Н. Е. Письма В. А. Жуковского К. К. Зейдлицу: русско-немецкий диалог	1	95
Никонова Н. Е. Письма В. А. Жуковского К. К. Зейдлицу: русско-немецкий диалог (<i>Окончание</i>).	2	135
Переписка А. В. и М. В. Туфановых: 1920—1940-е годы. Часть 5. Новгород (август 1936 — октябрь 1939) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Т. М. Двинятиной и А. В. Крусанова) (<i>Продолжение</i>).	1	183
Переписка А. В. и М. В. Туфановых: 1920—1940-е годы. Часть 6. Новгород (ноябрь 1939—декабрь 1942) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Т. М. Двинятиной и А. В. Крусанова) (<i>Окончание</i>)	3	169
Перхин В. В. М. Горький и власть (по поводу четырех писем 1926—1935 годов).	2	203
Прозорова Н. А. Новонайденные тексты Б. П. Корнилова из архива Г. М. Козинцева	2	214
Ильдидко Мария Рац (<i>Венгрия</i>). Элементы иррационального в рассказе И. А. Бунина «Грамматика любви»	4	155
Рубинчик О. Е. «Сердце просит роз поблеклых...». Розы у Иннокентия Анненского	1	154
Семенова Н. В. Идея Империи в России XVIII — начала XX века: образ Петра I	4	138
Смирнова М. В. Текст-трансформер Андрея Битова, или «Кубик-рубик» одного сюжета	1	224
Соловьев А. Ю. Поиск счастья «русским путешественником» (сентиментальный сюжет «Путешествия в полуденную Россию» В. В. Измайлова).	3	139
Сысоева А. В. К вопросу об основном тексте романа Федора Сологуба «Творимая легенда»	2	184
Сысоева А. В. Федор Сологуб у истоков нового жанра: киносценарий «Навях чар»	3	165
Телятник М. А. Фельетоны Л. Н. Андреева о театре Корша в газете «Курьер» Эрхард Хексельшнайдер (<i>ФРГ</i>). Открытие в Германии первого памятника Екатерине II	3	124
Чавчанидзе Д. Л. Романтизм и классика в размышлениях Гете и Пушкина	1	119
Черемисинова Л. И. Неизвестная статья А. А. Фета	4	143
Приложение. Ф. [А. Фет]. Смоленский Скапен (из Мценска) (публикация Н. П. Генераловой)	4	148
Шатова И. Н. Криптографический карнавал в русской литературе 1900—1930-х годов	2	190

- Ю. М. Лотман, З. Г. Минц — Б. Ф. Егоров. Переписка 1960—1961 годов (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Б. Ф. Егорова, Т. Д. Кузовкиной и Н. В. Поселягина). 4 162

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Алексеев А. А.** Псковская агиография XIV—XVII веков и литература Древней Руси (Охотникова В. И. Псковская агиография XIV—XVII вв.: В 2 т. Т. 1. Жития князей Всеволода-Гавриила и Тимофея-Довмонта. Т. 2. Жития преподобных Ефросина Псковского, Саввы Крыпецкого, Никандра Псковского. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2007. 573 и 771 с.) 3 219
- Буланин Д. М.** Таинство или игра: русская историко-филологическая наука рубежа XIX—XX веков и ее ритуалы (Byford A. Literary Scholarship in Late Imperial Russia: Rituals of Academic Institutionalization. London, 2007. I—XII, 1—188 p.) 1 242
- Булышева Е. В.** Этапная книга (Кен Л., Рогов Л. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб.: ООО «Издательско-типографическая компания „КОСТА“», 2010. 432 с.) 1 254
- Бусыгина Е. А.** В жанре хроники (Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах: Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной; Intra-da, 2009. 286 с.) 2 243
- Грачева А. М.** «Я просто хочу вспомнить человека...» (Синкевич Валентина. Мои встречи: русская литература Америки. Владивосток: Изд-во «Рубеж», 2010. 384 с.) 4 208
- Грякалова Н. Ю., Владимир Франта (Чехия).** От модерна к авангарду (*Křicová Daniše. Od moderny k avantgardě. Rusko-české paralely.* Brno: Masarukova univerzita, 2007. 467 p.) 3 229
- Гурьянова Н. С., Одинокое В. Г.** Жизнь в веках (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Подг. текста, сост., вступ. статья и комм. Н. С. Демковой. СПб.: Азбука-классика, 2010. 382 с.) 3 222
- Данилевский Р. Ю.** Первый сборник стихотворений Н. А. Клюева в переводе на немецкий язык (Klujev Nikolaj. O Russland — das bist du!: Ausgewählte Gedichte. Russisch und deutsch / Übersetzt und hrsg. von Hartmut Löffel. Mit drei Gedichten von Valerij Domanskij. Schweinfurt: Wesenburg Verlag, 2009. 104 s.) 4 201
- Данилевский Р. Ю.** Русско-немецкие дискурсы (сборник работ томского филологического семинара) (Русское в немецких дискурсах, немецкое в русских дискурсах: Сборник материалов российско-германского семинара, 27 июня—3 июля 2009 г. / Отв. ред. О. Б. Кафанова, Н. Е. Разумова. Томск: Томский гос. ун-т, 2009. 237, 23 с. илл.) 2 246
- Данилевский Р. Ю.** «Спасский вестник» в 2008 и 2009 годах (Спасский вестник. Тула, 2008. Вып. 15; 2009. Вып. 16 (Материалы Всероссийской Тургеневской конференции к 190-летию со дня рождения И. С. Тургенева, 21—25 сентября 2008 г., Спасское-Лутовиново); 2009. Вып. 17) 3 224
- Дёмин А. О.** Новое итальянское исследование о В. К. Кюхельбекере (Aloe S. Libertà, inventiva, originalità: V. K. Kjuhel'beker nel contesto romantico russo. Milano: Massimo Valdina the Coffee House art & adv., 2008. 346 p.) 4 199
- Иванова Е. В.** Переписка А. А. Фета: биография в новом ракурсе (А. А. Фет и его литературное окружение / Отв. ред. Т. Г. Динесман. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 992 с. (Лит. наследство. Т. 103. Кн. 1)) 1 238
- Кукушкина Е. Д.** Очередной сборник статей о Г. Р. Державине (Г. Р. Державин и его время. Сборник научных статей. СПб.: ВИРД, 2010. Вып. 6. 201 с.) 2 240
- Павлова М. М.** Памятник фальсификатору (Азадовская Л. В., Азадовский К. М. История одной фальсификации. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 263 с.) 4 205

Таборисская Е. М. Первая ласточка серии «Филологическое наследие» (Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: исследования. Статьи. СПб.: СПбГУ, 2009. 952 с.)	3	227
Токарев Д. В. Книга о Д. Хармсе и Р. Домале (Ogarkova T. Une autre avant-garde. La métaphysique, le retour à la tradition et la recherche religieuse dans l'œuvre de René Daumal et de Daniil Harms. Bern etc: Peter Lang, 2010. 548 p. (Slavica Helvetica. Bd 81))	4	203

ХРОНИКА

Гродецкая А. Г., Климова С. М. Сто лет спустя: VII Международная научная конференция в Ясной Поляне	1	280
Гродецкая А. Г. Лев Толстой в петербургской филологии	2	254
Гумерова Э. К. Научно-художественный вечер, посвященный 145-летию со дня рождения Вячеслава Иванова	4	219
Конусова Е. Д. XXXIV Малышевские чтения	3	240
Лалетина О. С. Международная научная конференция «Отечественное стиховедение: 100-летние итоги и перспективы развития»	2	259
Меньшенин Н. Ю. П. Я. Дашков и его собрание: к 100-летию со дня смерти собирателя	1	268
Михайлова А. К. Международные научные чтения памяти Вадима Эразмовича Вацура (к 75-летию со дня рождения)	4	213
Нечаева М. Н. Семинар «„Убить Чарскую...“: этические и поэтические парадоксы советского творчества для детей (20—30-е годы)»	1	258
Светлова А. В. XIV Научные чтения Рукописного отдела	2	250
Соловьев А. Ю. К 250-летию И. И. Дмитриева	4	210
Софийская М. Ю. Некрасоведческий семинар. Москва (МГУ, РГГУ) — Санкт-Петербург (Пушкинский Дом)	3	237
Степина М. Ю. XXXV Некрасовская конференция	3	231
Трофимова Т. Б. Круглый стол «Вторые академические собрания сочинений русских писателей»	1	265
Федотова М. А. Чтения по литературе и культуре Древней Руси в Ростове Великом	1	272

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Ренэ Герра (Франция). Репатрианты. Странная судьба «возвращенки» Наталии Ильиной	2	265
Костин А. А., Кочеткова Н. Д. Памяти Ильи Захаровича Сермана	1	285
Памяти Лидии Михайловны Лотман	2	271
Александр Рубашкин. Свой голос. Воспоминания Алексея Павловского	4	224

Технический редактор *Е. Г. Коленова*
Корректоры *Л. Д. Колосова, Ф. Я. Петрова и М. Н. Сенина*
Компьютерная верстка *Т. Н. Поповой*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г. Подписано к печати 11.11.11.
Формат 70 × 100 $\frac{1}{16}$. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18.9.
Уч.-изд. л. 23.3. Тираж 354 экз. Тип. зак. № 1254. С 202

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.com

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12